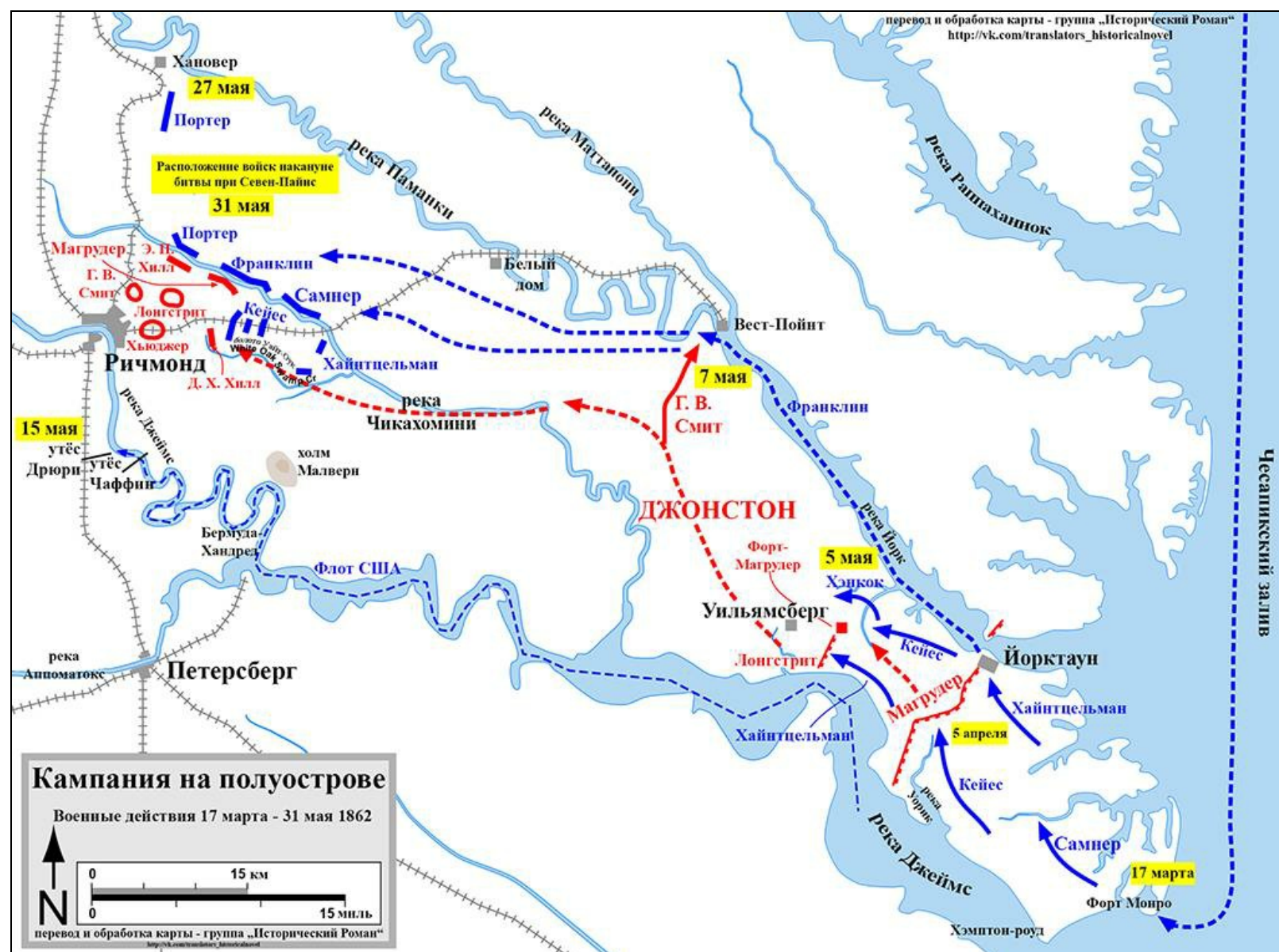

Annotation

Полюбившийся читателям капитан Нат Старбак возвращается на фронт американской Гражданской войны во второй книге популярной серии Бернарда Корнуэлла «Сага о Натаниэле Старбаке». Лето 1862 года. Нат победоносно, хоть и не без потерь, участвует в битвах при Бэллс-Блафф и Севен-Пайнс. Но его северное происхождение невозможно скрыть, и лишь вопрос времени, когда его назовут шпионом янки, начнут преследовать и жестоко допрашивать. Чтобы обелить свое имя, он должен найти настоящего предателя. Эти поиски потребуют недюжинного мужества и выносливости и вынудят отправиться в рискованное путешествие по территории врага.

Часть первая

Глава первая

Наступление началось в полночь.

Это было не столько наступление, сколько масштабный рейд на лагерь мятежников, обнаруженный дозором и расположенный среди лесов, окаймлявших высокие утесы виргинского берега Потомака. Но двум тысячам человек, ожидавших приказа пересечь мрачную серую поверхность Потомака, приготовления этой ночи казались слишком важными для обычного рейда.

Назревающая схватка на противоположном берегу реки предоставляла им возможность доказать, как ошибались их критики. Одна газетенка назвала их "игрушечными солдатами" — прекрасно подготовленными и вымуштрованными, но слишком драгоценными, чтобы пачкаться в грязи битвы.

И все же этой ночью презируемые всеми игрушечные солдатики будут сражаться. Сегодня Потомакская армия огнем и мечом ворвется в лагерь мятежников и, если все пройдет удачно, промарширует дальше в Лисберг, лежащий в двух милях от вражеского лагеря.

Томящиеся в ожидании солдаты представляли себе пристыженные лица граждан виргинского городка, которые, проснувшись, узрят звездно-полосатое знамя, снова развевающееся над их поселением. Они представляли себе марш на юг, глубоко на юг, пока мятеж не будет подавлен, а Америка — снова объединена в братство ради мира.

— Ублюдок! — раздался чей-то громкий вопль у берега реки — там, где рабочая группа спускала на воду лодку, доставленную от канала Чесапик-Огайо. Один из солдат поскользнулся на глине и выпустил кормовую часть лодки прямо на ногу сержанту.

— Криворукий, бесполезный, сучий, мать твою, ублюдок! — сержант кузнечиком ускакал от лодки.

— Извини, — нервно ответил виновник.

— Я тебя сейчас от души извиню, скотина!

— Тишина! А ну заткнитесь там! — великолепно одетый — новенькая серая шинель с великолепной красной подкладкой — офицер скатился с крутого обрыва и помог столкнуть лодку в воду, над поверхностью которой полз туман, скрывая противоположный берег.

Они работали под луной — ночь стояла безоблачная, и яркие и отчетливо видимые в небе звезды, рассыпанные то тут, то там, словно бы обещали успех.

Стоял октябрь — месяц запахов и ароматов, пахнущий яблоками и дымом. Месяц, когда изнурительные собачьи дни [\[1\]](#) уступили свои права ясной погоде, намекнувшей на наступающую зиму достаточно прозрачно, чтобы убедить войска надеть свои новенькие шинели, цветом совпадавшие с ползущим над рекой туманом.

Первые лодки неуклюже сползли с берега. Весла постукивали в уключинах, затем с плеском опускались в воду, отправляя лодки в туман.

Солдаты, которые только что суетились и переругивались, заваливаясь в неуклюжие лодки, внезапно превратились в силуэты воинов с торчащим во все стороны оружием, тихо и величественно скользящие по воде сквозь ночь — туда, где в тумане скрывались очертания вражеского берега.

Офицер, переругивавшийся с сержантом, теперь задумчиво смотрел вдаль.

— Полагаю, — тихо сказал он, — примерно так же себя чувствовал Вашингтон, пересекая ночью Делавэр.

— Мне кажется, тогда было гораздо прохладней, — ответил другой офицер — юный студент из Бостона.

— Скоро похолодает, — произнес его собеседник, майор.

— До рождества осталось всего два месяца.

Когда майор отправлялся на войну, газеты обещали, что восстание будет подавлено к осени, а теперь он гадал, окажется ли он дома вместе с женой и детьми на семейном праздновании Рождества.

В рождественскую ночь они обычно распевали рождественские гимны в бостонском парке, лица детей были освещены высокими фонарями, а потом их ожидали теплый пунш и куски поджаренной гусятины в церковной ризнице.

Потом, на Рождество, они ехали на ферму тестя в Стоутон, где запрягли лошадей, а дети радостно смеялись, когда кони мчались рысью по деревенским дорогам в облаках снега, звеня колокольчиками на санях.

— И мне кажется, генерал Вашингтон организовал свое предприятие лучше нас, — весело добавил студент, ставший лейтенантом. Его звали Холмс, и он был достаточно умен как для того, чтобы старшие офицеры его уважали, так и для того, чтобы этот ум не навлек на него их враждебность.

— Уверен, с организацией нашего предприятия все в порядке, — тон майора нес едва уловимую нотку защиты.

— Уверен, вы правы, — ответил лейтенант Холмс, хотя на самом деле совсем не был в этом уверен. Три полка северян ожидали переправы, тогда как в их распоряжении имелось всего лишь три маленькие лодки для перевозки войск с мэрилендского берега на остров, который находился возле другого берега реки, где высадившиеся войска должны были пересечь на две другие лодки для последней и короткой переправы на берег Виргинии.

Вне всяких сомнений, они пересекали реку в месте, наиболее близком к лагерю противника, но лейтенант Холмс не вполне понимал, почему нельзя было переправиться милей выше по течению реки, где никакие острова не преграждали реку.

Возможно, предполагал Холмс, это такое неожиданное место для переправы, что повстанцы даже и не подумают его охранять, вот лучшее объяснение, которое он смог найти.

Но если выбор места для переправы был непонятен, по крайней мере, цель этой ночи была ясна. Экспедиция взберется на утеса Виргинии, откуда атакует лагерь повстанцев и захватит как можно больше конфедератов.

Некоторые из повстанцев убегут, но эти беглецы обнаружат, что их путь блокировала вторая группа янки, которая переправлялась пятью милями ниже по течению.

Этот отряд перекроет главную дорогу, ведущую от Лисберга к штабу повстанцев в Кентервиле, и поймав в ловушку побежденные войска повстанцев, северяне обеспечат себе небольшую, но значительную победу, доказав, что Потомакская армия способна не только на муштру, тренировки и проведение впечатляющих парадов.

Захват Лисберга будет дополнительной наградой, но главная задача этой ночи — доказать, что свеженабранная Потомакская армия готова и способна разгромить ободренных повстанцев. Вот почему маленькие лодки изо всех сил сновали туда и обратно в тумане.

Каждая переправа, казалось, длилась вечно, и нетерпеливым солдатам казалось, что

выстроенные на мэрилендском берегу и ожидающие своей очереди шеренги вовсе не уменьшались. Пятнадцатый массачусетский полк пересекал реку первым, и некоторые солдаты из Двадцатого массачусетского опасались, что их товарищи разгромят лагерь мятежников задолго до того, как малочисленные лодки перевезут Двадцатый на тот берег.

Всё казалось таким медленным и неуклюжим. Винтовочные приклады стучали по фальшборту, штыки в ножнах застревали в прибрежных зарослях, пока их владельцы забирались в лодки.

В два часа ночи выше по течению была обнаружена и перенесена к переправе лодка побольше. Ее появление встретили ироничным приветствием.

Лейтенанту Холмсу казалось, что люди, ожидавшие переправы, слишком уж шумели — достаточно, чтобы оповестить ближайший дозор мятежников, наблюдающих за виргинским берегом. Но ни один отклик не разорвал тишину, ни один выстрел не отразился от поросших деревьями уступов, злоеще мерцавших за островом.

— У острова есть название? — поинтересовался у майора, задумчиво рассуждавшего о Рождестве, лейтенант Холмс.

— Остров Гаррисона, кажется. Да, Гаррисона.

Лейтенанту Холмсу название показались слишком уж обыденным, без должного драматизма. Он предпочел бы что-нибудь более звучное для боевого крещения Двадцатого Массачусетского. Что-нибудь вроде стали Вэлли-Фордж или благородной простоты Йорктауна. То, что сохранится для истории и будет смотреться подходяще в качестве вышивки на боевом знамени полка. Но остров Гаррисона — это как-то слишком прозаично.

— А холм за островом? — с надеждой спросил лейтенант. — На том берегу?

— Бэллс-Блафф, — ответил майор.

Здесь и вовсе героизмом не пахло. "Битва у Бэллс-Блафф" больше напоминала название партии в покер, чем событие, которое ознаменует возрождение оружия Севера.

Холмс ожидал начала вместе со своей ротой. Им первым из Двадцатого массачусетского предстоит пересечь реку, так что в бой пойдут именно они. Если Пятнадцатый полк уже не захватил лагерь.

Перспектива оказаться в пекле битвы нервировала людей. Ни один из них еще не бывал в бою, но каждый слышал рассказы о битве у Булл-Ран тремя месяцами ранее, о том, как одетые в серое ряды мятежников сумели продержаться достаточно долго, сумев обратить превосходящую числом федеральную армию в паническое бегство. Но Двадцатый массачусетский был уверен, что им уготована не такая судьба.

Они были прекрасно экипированы, отлично подготовлены и находились под командованием профессионального военного. Они верили, что разобьют любого мятежника, когда-либо жившего на земле. Конечно, существовала определенная опасность, и они ожидали и даже желали ее, но это ночное мероприятие, без сомнения, завершится победой.

На одной из лодок, прибывшей с острова Гаррисона, доставили капитана Пятнадцатого полка, который пересек реку еще с первыми подразделениями и теперь возвращался для доклада командирам полков.

Капитан поскользнулся, спрыгивая с носа лодки, и едва не упал — удержала его лишь твердая рука лейтенанта Холмса.

— На Потوماке всё спокойно? — шутливо поинтересовался Холмс.

— Все тихо, Уэнделл, — судя по голосу, капитан был чем-то расстроен.

— Слишком тихо. Да там даже вражеского лагеря нет.

— Нет палаток? — удивленно спросил лейтенант.

— Правда?

Он надеялся, что его тон должным образом отражает огорчение, подобающее воину, которому отказали в битве. И часть него действительно сожалела, ибо он с нетерпением ожидал столкновения, но он осознавал и свое чувство постыдного облегчения от того, что, видимо, не было никакого врага, затаившегося на кручах.

Капитан оправил шинель.

— Черт его знает, что там усмотрел патруль ночью, но мы ничего не нашли, — он ушел, лейтенант же сообщил новости свое роте.

Никто не поджидал их в лесах у переправы, а значит, корпус двинется дальше, чтобы занять Лисберг. Один из сержантов поинтересовался, замечены ли в самом городе мятежники, но Холмс признался, что не знает. Майор, услышав разговор, предположил, что максимум, что они рискуют встретить в Лисберге — это горстку виргинских милиционеров, вооруженных, скорее всего, ружьями, доставшимися им по наследству от дедов, воевавших с британцами.

Майор сообщил, что их новой задачей будет захват урожая, недавно загруженного в амбары Лисберга. Он предупредил, что урожай считается законной военной добычей, тогда как всю остальную частную собственность нужно уважать.

— Мы здесь не для того, чтобы воевать с женщинами и детьми в их домах, — сурово предупредил он.

— Мы должны показать южанам, что войска Севера — их друзья.

— Аминь, — произнес сержант. Он был доморощенным проповедником, усердно пытавшимся отучить солдат полка от азартных игр, выпивки и походов по бабам.

Последние массачусетцы 15-го полка пересекли реку, и одетые в серое солдаты Холмса спустились к лодкам, ожидая своей очереди. Чувствовалось, что их охватило разочарование.

Они надеялись на захватывающую охоту, но, похоже, на этот раз придется ограничиться изъятием ружей у каких-то стариков.

Где-то в темноте на виргинском берегу реки загрызла кролика лиса. Резкий и пронзительный крик животного затих, едва начавшись, в темном спящем лесу остались лишь запах крови и эхо смерти.

Капитан Натаниэль Старбак нашел полковой лагерь в три утра. Ночь стояла ясная, подсвечиваемая луной и яркими звездами, и лишь в лощинах присутствовал слабый намек на туманную дымку.

Он шел от самого Лисберга и вымотался до предела, пока достиг поля, на котором расположились четыре ровных ряда палаток Легиона. Часовой третьей роты дружелюбно кивнул молодому черноволосому офицеру:

— Слышали кролика, капитан?

— Уиллис? Ты Уиллис, кажется? — спросил Старбак.

— Боб Уиллис.

— И почему же ты, Боб Уиллис, меня не окликнул? Не поднял винтовку, не потребовал пароль и не пристрелил меня к черту, если я ошибусь?

— Я ведь знаю вас, капитан, — усмехнулся в лунном свете Уиллис.

— Как по мне, Уиллис, ты оказал бы мне огромную услугу, пристрелив меня. Что там с кроликом?

— Судя по всему, помер, капитан. Видать, лис сцапал.

Старбака передернуло от удовольствия в голосе часового.

— Спокойной ночи, Уиллис, спи, убаюканный пеньем херувимов [2], - Старбак, лавируя между кострами, зашагал к палаткам, у которых расположились на ночлег несколько легионеров Фалконера.

Большая часть палаток полка была утеряна в хаосе Манассаса, так что большинство обходилось сном на свежем воздухе или же аккуратными сооружениями из веток и земли.

Среди пристанищ одиннадцатой роты легкой пехоты Старбака мерцал костер, и один человек поднял на подошедшего капитана глаза.

— Трезвый?

— Сержант Траслоу не спит, — резюмировал Старбак. — Вы когда-нибудь вообще спите, Траслоу? Я абсолютно трезв. Трезв, как священник, в общем-то.

— Знавал я парочку пьяных священников, — кисло ответил Траслоу. — Например, одного недоделанного баптиста в Роскилле, который без брюха, полного виски, и молитвы-то прочесть не мог.

Он однажды чуть не утонул во время крещения толпы вопящих баб у реки за церковью. Они там все молятся, а он нализался так, что прямо стоять не мог. Так чем вы там занимались? Кошачий концерт устраивали?

Неодобрительный оборот "кошачий концерт" в устах сержанта обозначал гулянки с женщинами. Старбак, усаживаясь у костра, сделал вид, что раздумывает над вопросом, затем соизволил кивнуть:

— Устраивал кошачий концерт, сержант.

— С кем?

— Джентльмен о таких вещах не говорит.

Траслоу фыркнул. Это был низкорослый и коренастый человек с суровым выражением лица, которого беспрекословно слушалась одиннадцатая рота, и это дисциплина проистекала не от чистого страха, вызванного жестокостью Траслоу, но, скорее, от боязни вызвать его презрение.

Он являлся тем человеком, одобрения которого ищут другие, может, потому что, похоже, являлся хозяином своего собственного сурового мира. В свое время он побывал фермером, конокрадом, солдатом, убийцей, отцом и мужем.

Теперь он был вдовцом и во второй раз в жизни солдатом, привнеся в это занятие чистую и незамысловатую ненависть к янки. Что делало его дружбу с капитаном Натаниэлем Старбаком еще более загадочной, потому что Старбак был янки.

Старбак родился в Бостоне, будучи вторым сыном преподобного Элияла Старбака, известного изобличителя Юга, вызывающего страх противника рабства и пылкого священника, чьи проповеди в печатном виде заставляли грешников по всему христианскому миру содрогаться от осознания своей вины.

Натаниэль Старбак уже находился на пути к собственному посвящению в сан, когда некая женщина отвлекла его от учебы в Йельской семинарии. В Ричмонде она его бросила, и там, слишком напуганный, чтобы отправиться домой и встретиться лицом к лицу с отцовской яростью, Старбак присоединился к армии Конфедеративных штатов Америки.

— Та светловолосая сука? — спросил Траслоу. — Которую вы подцепили после религиозной службы?

— Она не сука, сержант, — ответил полный оскорбленного достоинства Старбак. Сержант в ответ лишь сплюнул в костер, и Нат печально покачал головой: — Вот вы разве

никогда не искали утешения в женском обществе, сержант?

— Иначе говоря, не вел ли я себя, как мартовский кот? Вел, конечно, но успел выбить из себя эту дурь до того, как бороду отпустил, — Траслоу замолчал, возможно, вспоминая жену, покоящуюся ныне в одинокой могиле на высоком холме. — Ну и где муженек светловолосой суки?

Старбак зевнул:

— С войсками Магрудера в Йорктауне. Майор артиллерии.

Траслоу покачал головой:

— Когда-нибудь вас поймают и вспорют брюхо.

— Это кофе?

— Так его называют, — Траслоу налил капитану кружку густой и приторной жидкости. — Вы хоть поспали?

— Я и не собирался этим вечером спать.

— Вы все такие, сыновья священников? Дорветесь до одного греха, а потом катаетесь в них, как свинья в грязи.

В тоне Траслоу звучало неподдельное неодобрение, но не потому, что он не любил дамских угодников, а потому что знал, что его собственная дочь внесла вклад в просвещение Старбака в этом вопросе.

Салли Траслоу, сбежав от своего отца, стала шлюхой в Ричмонде. Траслоу этот факт причинял горький стыд, и несмотря на то, что ему было неловко от мысли, что Старбак и Салли были любовниками, он также считал, что их дружба является единственным шансом его дочери на спасение. Жизнь иногда оказывается такой сложной даже для столь незамысловатого человека, как Траслоу.

— И что стало с вашими библейскими чтениями? — спросил он своего офицера, намекая на те нерешительные попытки проявить благочестие, которые время от времени предпринимал Старбак.

— Я вероотступник, сержант, — беспечно заметил Старбак, хотя, по правде говоря, его совесть была не так спокойна, как предполагал этот легкомысленный тон.

Иногда его охватывал страх перед пламенем ада, он ощущал, что загнал себя в ловушку греха, и подозревал, что никогда не найдет прощение у Господа, и в такие моменты погружался в мучительные угрызения совести, но приходил вечер, и он вновь бросался к своим искушениям.

Сейчас он отдыхал, прислонившись к стволу дерева и потягивая кофе — высокий, худощавый и немного огрубевший после нескольких сражений юноша с длинными черными волосами, обрамлявшими угловатое и гладковыбритое лицо.

Стоило Легиону занять очередной городок или деревню, и Траслоу замечал, как девушки разглядывают Старбака, и только Старбака.

Его собственная дочь тоже была пленена высоким улыбчивым северянином с серыми глазами. Траслоу считал, что держать Старбака подальше от греха было не проще, чем пса — от лавки мясника.

— А когда побудка? — спросил капитан.

— С минуты на минуту.

— О Господи ты Боже, — простонал Старбак.

— Надо было возвращаться раньше, — ответил Траслоу, закидывая полено в костер. — Вы светловолосой суке хоть сказали, что мы уходим?

— Ну, я решил не говорить. Прощание — это настоящий ад.

— Трус, — констатировал Траслоу.

Старбак задумался над брошенным обвинением и ухмыльнулся:

— Вы правы, я трус. Ненавижу их рыдания.

— Тогда не давайте им повода для рыданий, — Траслоу всё же понимал, что с тем же успехом можно просить воду перестать быть мокрой. Да и потом, подружки военных всегда рыдают. Такова природа самих военных.

Они приходят, завоевывают и уходят. И этой ночью Легион Фалконера уйдет из Лисберга.

В предыдущие три месяца полк являлся частью бригады, расположившейся лагерем около Лисберга, обороняя двадцатимильный участок Потомака, но враг не выказывал никаких признаков желания пересечь реку, а теперь, когда осень перетекала в зиму, множились слухи о последней атаке янки на Ричмонд, до того как лед и снег ограничат подвижность армии, так что бригаду решено было ослабить.

Легион должен был отправиться в Кентервиль, где основная часть армии конфедератов защищала главную дорогу, ведущую из Вашингтона к столице мятежников.

Именно на этой дороге, около Манассаса тремя месяцами ранее, Легион Фалконера дал по носу первым вторгшимся северянам.

Теперь, если слухи были правдивыми, от Легиона снова могли потребовать проделать ту же работу.

— Но это будет совсем другое, — ответил Траслоу на незаданный вопрос. — Я слышал, нынче в Кентервиле все только и делают, что землю роют.

Так что если придут янки, мы перебежим ублюдков из-за добрых крепких стен, — он замолчал, заметив, что Старбак заснул с открытым ртом, пролив кофе.

— Вот же сукин сын, — прорычал Траслоу с теплотой, потому что Старбак, несмотря на все свои кошачьи концерты, доказал, что является достойным офицером.

Он сделал одиннадцатую роту легкой пехоты лучшей в Легионе, добившись этого смесью безустанной муштры и оригинальных тренировок. Именно Старбак, когда его людям не доставало пороха и пуль для оттачивания меткости стрельбы, повел отряд через реку, чтобы захватить на дороге у Пулсвилла фургон с амуницией северян.

Той ночью он вернулся с тремя тысячами патронов, а неделей спустя снова отправился назад и привез десять мешков отличного кофе.

Траслоу, знавший военное дело, понял, что Старбак обладает врожденными инстинктивными способностями. Он был мудрым воином, способным читать мысли врага, и солдаты одиннадцатой роты, по большей части мальчишки, похоже, с этим соглашались. Старбак, уверял Траслоу, был хорош.

Хлопанье крыльев заставило Траслоу поднять голову, и он увидел силуэт совы, мелькнувший на фоне луны. Траслоу решил, что птица охотилась на полях рядом с городом, а теперь возвращается к месту своего ночлега в густой чаще, находящейся над рекой на утесе Бэллс-Блафф.

Горнист взял фальшивую ноту, перевел дыхание и огласил ночь сигналом побудки. Дернувшись, Старбак проснулся, выругался, потому что пролил кофе на панталоны, и застонал от усталости.

Всё ещё стояла глубокая ночь, но Легиону следовало подняться, подготовиться покинуть их тихий дозор у реки и выступить на войну.

— Это был горнист? — спросил своего набожного сержанта лейтенант Уэнделл Холмс.

— Не могу знать, сэр, — сержант тяжело дышал, карабкаясь на Бэллс-Блафф, его серая шинель была распахнута, обнажая элегантную алую подкладку.

Эти шинели были подарком от губернатора Массачусетса, который был решительно настроен на то, чтобы полки из этого прибрежного штата находились в числе лучше всего экипированных подразделений армии федералистов.

— Вероятно, один из наших горнистов, — предположил сержант. — Может, высылают застрельщиков?

Холмс полагал, что сержант прав. Они пробирались вверх по крутой тропе, извивающейся к вершине утеса, где ждал Пятнадцатый массачусетский полк.

Склон был не настолько крутым, чтобы по нему приходилось подниматься, прибегая к помощи рук, но в темноте многие оступались, соскальзывая вниз, больно ударяясь о стволы деревьев.

Река внизу по-прежнему была поглощена туманом, из которого темным пятном проглядывал силуэт острова Гаррисона. На острове толпились люди, ожидая, пока две небольшие лодки переправят войска через последнюю полосу воды.

Лейтенант Холмс удивился, что течение оказалось сильным и норовило утащить лодку вниз по реке, в сторону далекого Вашингтона.

Гребцы ворчали, пытаясь бороться с течением, а потом лодчонка уткнулась в глинистый берег.

Полковник Ли, командующий Двадцатым массачусетским полком, столкнулся с Холмсом на вершине.

— Скоро рассвет, — бодро произнес он. — Всё в порядке, Уэнделл?

— Всё в порядке, сэр. Разве что я так голоден, что лошадь бы съел.

— Позавтракаем в Лисберге, — с энтузиазмом заявил полковник. — Ветчина, яйца, кукурузный хлеб и кофе. И свежее масло с Юга! Вот это будет дельце. И не сомневаюсь, что народец в городишке будет нас уверять, что они совсем не заодно с мятежниками, а добрые граждане, хранящие верность Дяде Сэму.

Полковник повернулся, встревоженный резким лающим звуком, ритмично повторявшимся эхом среди деревьев на вершине утеса. Этот звук, от которого кровь стыла в жилах, заставил стоящих рядом солдат быстро и настороженно оглядеться, подняв винтовки.

— Нет нужды волноваться! — призвал полковник.

— Это просто сова, — он узнал это уханье неясности и предположил, что птица возвращается с ночной охоты с набитым мышами и лягушками животом.

— Продолжайте движение, Уэнделл! — Ли повернулся обратно к Холмсу, — вниз по этой тропе, пока не доберетесь до роты на левом фланге Пятнадцатого полка. Там остановитесь и подождёте меня.

Лейтенант Холмс повел свою роту за спинами сидевших на корточках солдат Пятнадцатого полка и остановился и освещенного луной края леса.

Перед ним теперь лежал маленький луг, усеянный темнеющими силуэтами кустов и робиний, за которым поднимался еще один черный лес.

Примерно там прошлой ночью патруль наткнулся на лагерь врага, но Холмс предположил, что напуганные солдаты легко могли перепутать в лунном свете черные тени далекого леса с силуэтами палаток.

— Вперед! — выкрикнул приказ полковник Девенс из Пятнадцатого Массачусетского, и

солдаты вышли на белый от лунного света луг.

Никто в них не выстрелил, никто не бросил им вызов. Южане спали, и северяне продвигались беспрепятственно.

Взошло солнце, покрыв золотом реку и бросая алые лучи сквозь скрытые туманом деревья. Во дворах Лисберга закукарекали петухи, из колодцев вытащили полные бадьи с водой, а коровы выстроились на первую дойку.

Мастерские, закрытые в воскресный день, снова открылись, а инструменты разобрали со своих мест. За городом, в лагере бригады конфедератов, которая обороняла реку, дым от полевых кухонь просочился в свежесть осеннего утра. Костры Легиона Фалконера уже потухли, и полк неспешно покидал своё расположение.

День обещал прекрасную погоду, а поход к Кентервиллю был довольно недолгим, так что восемьсот солдат неторопливо собирались, а майор Таддеус Бёрд, командующий полком, не пытался их торопить.

Вместо этого он компанейски расхаживал среди солдат, как добрый сосед, наслаждающийся утренней прогулкой.

— Боже мой, Старбак, — при виде капитана одиннадцатой роты Бёрд в изумлении остановился.

— Что с тобой случилось?

— Просто плохо выспался, сэр.

— Выглядишь, как живой мертвец! — Бёрд развеселился при мысли о испытываемом Старбаком дискомфорте. — Я когда-нибудь рассказывал о Мордехе Муре? Он был шуткатуром в Фалконере.

Однажды во вторник он помер. Вдова выплакала все глаза, детишки выли, как обваренные кипятком коты, похороны назначили на субботу, полгорода оделось в траур, выкопали могилу, преподобный Мосс уже приготовился утомить нас своим обычным пустословием, но тут все услышали, как по крышке гроба кто-то скребет.

Гроб открыли, и вот он, тут как тут! Один очень озадаченный шуткатур! Живехонек, как мы с тобой. Ну или как я. Но выглядел он прям как ты. Очень похоже, Нат. Как будто наполовину разложился.

— Премного благодарен, — заявил Старбак.

— Все разошлись по домам, — продолжил Бёрд свой рассказ.

— Док Билли осмотрел Мордехая. Объявил, что он проживет еще десяток лет, и, черт меня дери, он протянул ноги прямо на следующий же день. Только на сей раз действительно умер, и могилу пришлось копать заново. Доброе утро, сержант.

— Майор, — брякнул Траслоу. Траслоу был известен привычкой не называть офицеров "сэр", даже Бёрда, командира полка, которого сержант любил.

— Вы, конечно же, помните Мордехая Мура, Траслоу?

— Да уж конечно, черт возьми. Этот сукин сын не смог бы как следует положить шуткатурку даже ради спасения собственной шкуры. Мы с отцом переделывали за него половину дома Коттона. И нам так за это и не заплатили.

— Что ж, в таком случае гильдия строителей только выиграла с его смертью, — с горечью произнес Бёрд.

Дятел Бёрд был высоким, нескладным и тощим, как скелет, человеком, служившим раньше школьным учителем в Фалконере, где полковник Вашингтон Фалконер, самый крупный землевладелец округа Фалконер и муж сестры Бёрда, и основал Легион.

Фалконер был ранен при Манассасе и теперь находился в Ричмонде, оставив Бёрда командовать полком. Учитель, вероятно, был последним человеком, которого можно было считать пригодным для военной службы по всему округу Фалконер, если не по всей Виргинии, и получил назначение майором благодаря мольбам своей сестры, занявшись в полку бумажной работой, но неожиданно косматый учитель стал эффективным и уважаемым офицером.

Солдаты его любили, может, потому что чувствовали его величайшее сострадание к человеческим ошибкам. Бёрд тронул Старбака за локоть.

— На пару слов, — попросил он, оттащив юношу в сторону от одиннадцатой роты.

Старбак отошел с Бёрдом на луг, покрытый бледными круглыми пятнами, показывающими, где располагались немногочисленные палатки полка.

Между выбеленными кругами темнели мелкие опаленные клочки земли, указывающие на местонахождение костров, а за этими шрамами виднелись круги большего размера — там, где офицерские лошади выщипали траву в тех пределах, которые позволяли им веревки.

Старбак подумал, что хоть Легион и покинет это место, эти отметины останутся здесь еще многие дни, как свидетельство их существования.

— Так ты принял решение, Нат? — спросил Бёрд. Он любил Старбака, и голос был наполнен теплотой. Он предложил юноше дешевую темную сигару, взял одну себе, а потом чиркнул спичкой, чтобы закурить.

— Я остаюсь с полком, сэр, — ответил Старбак, затянувшись.

— Я надеялся на этот ответ, — заявил Бёрд. — Несмотря ни на что. Он затянулся, вглядываясь в сторону Лисберга, над которым вился тонкий утренний дымок.

— Хороший будет денек, — отметил майор. Послышался далекий треск винтовки, но ни Бёрд, ни Старбак не обратили на него никакого внимания. Редко когда поутру никто не охотился.

— И мы не знаем, действительно ли полковник собирается возглавить Легион? — поинтересовался Старбак.

— Мы ничего не знаем, — заметил Бёрд. — Солдаты, как дети, — живут в естественном состоянии сознательного невежества. Но риск есть.

— Вы тоже рискуете, — подчеркнул Старбак.

— Твоя сестра не замужем за полковником, — так же подчеркнуто отозвался Бёрд, — что делает тебя, Нат, гораздо более уязвимым, чем я. Позволь напомнить, Нат, что ты оказал этому миру услугу, прикончив будущего зятя полковника, и, несмотря на то, что небеса со всеми своими ангелами возрадовались этому событию, сомневаюсь, что Фалконер тебя уже простил.

— Но, сэр, — невыразительно пробормотал Старбак.

Он не любил, когда ему напоминали о смерти Итана Ридли. Старбак убил Ридли в неразберихе сражения, убеждая самого себя, что то был акт самозащиты, хотя, нажимая на курок, он знал, что вынашивал в своем сердце это убийство, и знал, что никакие рациональные объяснения не сотрут этого грех из той огромной книги, в которой на небесах ведется список всех его прегрешений.

Полковник Фалконер наверняка никогда не простит Старбака.

— Но всё равно я бы предпочел остаться в полку, — сказал Старбак Бёрду.

Он был чужаком в чужой стране, северянином, сражающимся против Севера, и Легион Фалконера стал его новым домом. Легион кормил его, одевал и дал ему близких друзей.

Это также было место, где он узнал, какое дело получается у него лучше всего, и с томлением юности, стремящейся к высоким жизненным целям, Старбак решил, что его судьба — стать одним из офицеров Легиона. Старбак принадлежал ему.

— В таком случае, удачи нам обоим, — заявил Бёрд, подумав, что удача им обоим понадобится, если его подозрения окажутся верными, и приказ выступить к Кентервилю являлся частью попытки Вашингтона Фалконера вернуть Легиона под свое командование.

Вашингтон Фалконер, несмотря ни на что, был человеком, создавшим Легион Фалконера, назвав его своим именем, снабдив лучшей амуницией, которую мог купить за свои деньги, а потом отправившийся с ним сражаться на берегах реки Булл-Ран.

Фалконер с сыном были ранены в том сражении и отправились назад в Ричмонд, где их чествовали как героев, хотя, по правде говоря, Вашингтона Фалконера и близко не было рядом с Легионом, когда тот отражал атаку превосходящих сил янки.

Было слишком поздно поставить всё на свои места — Виргиния, да и вообще весь Юг, считали Фалконера героем и требовали назначить его командующим бригадой, а если это случится, Бёрд знал, что герой наверняка будет ожидать, что его собственный Легион станет сердцем этой бригады.

— Но ведь еще нет точных сведений, что сукин сын получит свою бригаду? — спросил Старбак, безнадежно пытаясь подавить огромный зевок.

— Ходят слухи, что вместо этого ему предложат дипломатический пост, — согласился Бёрд, — и это бы подошло ему гораздо больше, потому что мой зять обладает природным даром с удовольствием лизать зады всяким принцам и прочим владыкам, но в газетах твердят, что он должен стать генералом, а чего хотят газеты, то обычно делают политики. Это проще, чем иметь собственные мысли в голове, видишь ли.

— Я рискну, — сказал Старбак. Он мог бы присоединиться к штабу генерала Натана Эванса и расположиться в лагере близ Лисберга, где Эванс командовал сборной бригадой конфедератов, обороняющей берег реки. Старбаку нравился Эванс, но он предпочел остаться в Легионе.

Легион был его домом, и он даже представить себе не мог, как высшее командование Конфедерации может произвести Вашингтона Фалконера в генералы.

В лесу, лежащем в трех милях к северу-западу, послышался еще один выстрел из винтовки. Этот звук заставил Бёрда обернуться, нахмурившись.

— Кто-то весьма энергичен, — неодобрительно заметил он.

— Перестрелка дозорных? — предположил Старбак. За последние три месяца часовые нередко сталкивались друг с другом у реки, и хотя большую часть времени вели себя дружелюбно, периодически какой-нибудь новый и энергичный офицер пытался спровоцировать войну.

— Вероятно, просто дозорные, — согласился Бёрд, а потом снова обернулся, потому что подошел старшина Проктор, чтобы доложить о том, что сломавшуюся у фургона ось, из-за которой поход Легиона откладывался, починили. — Это означает, что мы готовы, старшина? — спросил Бёрд.

— Готовы, как как это обычно бывает, полагаю, — Проктор был мрачным и подозрительным человеком, вечно опасаящимся какого-нибудь несчастья.

— Тогда давайте отправляться! Давайте отправляться! — обрадовался Бёрд, зашагав в сторону Легиона, когда раздался еще один залп, только на сей раз выстрелы были не из дальнего леса, а с дороги к востоку.

Бёрд запустил тонкие пальцы в длинную всклокоченную бороду.

— И что вы думаете? — спросил он, не обращая ни к кому конкретно, и даже не побеспокоившись внятно произнести вопрос.

— Может? — продолжал Бёрд с нарастающим возбуждением, а потом эхо нового залпа отразилось от утесов на северо-западе, и Бёрд задергал головой взад-вперед, что было его привычным жестом, когда он чему-то радовался.

— Думаю, нам придется немного подзадержаться, мистер Проктор. Мы подождем! — щелкнул пальцами Бёрд. — Кажется, — сказал он, — Господь и мистер Линкольн послали нам сегодня другое занятие. Мы подождем.

Продвигающиеся массачусетские войска вышли на мятежников случайно, наткнувшись на пикет из четырех человек, жавшихся в лощине в лесу вниз по склону.

Напуганные мятежники выстрелили первыми, заставив солдат из Массачусетса отпрянуть обратно за деревья. Пикет мятежников побежал в противоположном направлении, чтобы найти командира роты, капитана Даффа, который сначала послал сообщение генералу Эвансу, а потом повел сорок солдат своей роты в сторону леса на вершине утеса, где у деревьев теперь показались рассеявшиеся застрельщики янки. Прибывали всё новые северяне, их было столько, что Дафф сбился со счета.

— Там просто куча этих сучьих детей, — брякнул один из солдат, пока капитан Дафф выстраивал людей за зигзагообразной изгородью, приказывая стрелять.

Изгородь покрылась дымками, а пули засвистели верх по склону. В двух милях позади Даффа, в Лисберге, слышали стрельбу, и кто-то догадался побежать к церкви и позвонить в колокол, чтобы вызвать милицию.

Но только вряд ли милиция могла бы вовремя собраться и прийти на помощь капитану Даффу, который только сейчас начинал понимать, насколько противник превосходит его в численности.

Он был вынужден отступить вниз по склону, когда рота северян стала угрожать его левому флангу, и это отступление янки приветствовали криками и залпом из ружей.

Сорок солдат Даффа упрямо продолжали стрелять и по мере отступления. Они выглядели потрепанными и были одеты частично в желто-коричневую [\[3\]](#), а частично в грязно-серую форму, но значительно превосходили в меткости стрельбы северян, вооруженных, главным образом, гладкоствольными ружьями.

Обмундирование солдат было огромной головной болью для массачусетской армии, но винтовок на всех не хватило, так что Пятнадцатый массачусетский полк полковника Девенса сражался ружьями восемнадцатого столетия. Никого из людей Даффа не задело, а их собственные пули медленно, но верно прореживали ряды застрельщиков-северян.

Двадцатый массачусетский пришел на помощь своим соседям по прибрежному штату. У всех солдат этого полка имелись винтовки, и их более меткая стрельба вынудила Даффа отступить еще дальше по длинному склону.

Его сорок солдат отошли за изгородь на поле, где стояли копны овса. В полумиле отсюда не было других укрытий, а Дафф не хотел отдавать янки слишком много пространства, так что остановил солдат посередине поля и велел им сдерживать ублюдков.

Противник во много раз превосходил силы Даффа, но они были выходцами из округов Пайк и Чикасо, что, по мнению Даффа, делало их лучше других американских солдат.

— Думаю, нам придется преподать этой кучке черножопого мусора урок, ребята, — заявил Дафф.

— Нет, капитан! Это наши! — выкрикнул предупреждение один из солдат, указав на край леса, откуда только что появилась рота в серых мундирах.

Дафф в ужасе уставился туда. Он стрелял в своих? Двигающиеся вперед солдаты были одеты в длинные серые шинели. Ведущий их офицер расстегнул шинель и держал в руке саблю, которой по мере продвижения срезал траву, будто просто прогуливается по сельской местности.

Дафф ощутил, что его вся его уверенность и воинственность улетучились. Во рту пересохло, в животе бурлило, а мышцы прямой кишки пришли в движение.

Стрельба вдоль склона прекратилась, как только одетая в серое рота выступила вниз по полю овса. Дафф поднял руку и прокричал незнакомцам:

— Стоять!

— Свои! — отозвался один из серомундирников.

Их рота состояла из шестидесяти или семидесяти человек, а на винтовках были закреплены длинные сверкающие штыки.

— Стоять! — повторил Дафф.

— Свои! — отозвался офицер. Дафф заметил в их лицах нервозность. У одного солдата подергивалась щека, а другой смотрел куда-то вбок, на усатого сержанта, твердым шагом маршировавшего во фланге продвигавшейся роты.

— Стоять! — заорал Дафф. Один из его солдат сплюнул на жнивье.

— Свои! — снова закричали северяне. Распахнутая шинель их офицера обнажала алую подкладку, но Дафф не мог разглядеть цвет униформы, потому что солнце находилась за спинами чужаков.

— Они никакие не свои, кэп! — сказал один из солдат. Хотел бы Дафф чувствовать такую же уверенность. Господь небесный, но, предположим, что это и правда друзья? Не готовится ли он совершить убийство?

— Я приказываю вам остановиться! — выкрикнул он, но идущие вперед солдаты не подчинились, и тогда Дафф скомандовал своей роте прицелиться. Сорок винтовок взметнулись к сорока плечам.

— Свои! — повторил северянин. Теперь оба подразделения находились в пятидесяти ярдах, и Дафф слышал, как ботинки северян хрустят и шаркают по овсяной соломе.

— Никакие они не свои, кэп! — настаивал солдат из Миссисипи, и как раз в этот момент офицер атакующих споткнулся, и Дафф четко различил цвет формы под синей шинелью с алой подкладкой. Она была синей.

— Пли! — заорал Дафф, и выстрелы южан затрещали, словно горящий сахарный тростник, а северяне заголосили, когда пули нашли свою цель.

— Пли! — приказал северянин, и пули янки засвистели в обратном направлении через дымную завесу.

— Продолжать стрельбу! — Дафф опустошил свой револьвер в пелену порохового дыма, которая уже заслонила поле. Его солдаты укрылись за копнами овса и перезаряжали оружие.

Северяне делали то же самое, кроме одного солдата, корчащегося в крови. Справа от Даффа появились новые янки, и другие, выше по склону, но он не беспокоился о них.

Он решил устроить позицию именно здесь, прямо посередине поля, и теперь ему предстояло драться с мерзавцами не на жизнь, а на смерть.

В шести милях отсюда, у парома Эдвардса, всё больше северян пересекали Потомак, отрезав основную дорогу, ведущую в Кентервиль. Натан Эванс, зажатый между двумя

вторгшимися группировками, решил не поднимать чрезмерную тревогу.

— Может, кто-то пытается меня надуть, пока другие хотят поймать, разве не так это делается, Бостон?

"Бостоном" он называл Старбака. Они познакомились в битве при Манассасе, где Эванс спас Конфедерацию, сдерживая атаку северян, пока мятежники передислоцировались.

— Вруны, воры, распевающие гимны черножопые говнюки, — продолжал Эванс, очевидно, имея в виду всю армию северян. Он прискакал с приказом Легиону Фалконера остаться на месте, но обнаружил, что Таддеус Бёрд уже его опередил, отменив отъезд полка.

Теперь Эванс напряг слух, пытаясь по интенсивности ружейной стрельбы определить, какая из группировок представляет наибольшую опасность. Церковный колокол в Лисберге по-прежнему звонил, вызывая милицию.

— Так ты останешься с нами, Бостон? — отметил Эванс.

— Мне нравится быть ротным офицером, сэр.

Эванс что-то прорычал, хотя Старбак не был уверен, что этот сквернослов-коротышка из Южной Каролины расслышал его ответ. Эванс переключил внимание на конкурирующие друг с другом залпы двух атак северян.

Отто, его ординарец-немец, чья главная обязанность заключалась в том, чтобы таскать бочонок с виски, к которому генерал постоянно прикладывался, также прислушивался к стрельбе, так что головы обоих в унисон раскачивались туда-сюда.

Эванс остановился первым и щелкнул пальцами, потребовав глоток виски. Он осушил оловянную кружку и снова перевел взгляд на Бёрда.

— Вы останетесь здесь, Дятел. Будете моим резервом. Не думаю, что говнюков так уж много, для этого они производят маловато шума, так что, может, нам нужно просто не двигаться с места, если не сможем дать ублюдкам по носу. Прихлопнуть несколько янки — неплохое начало недели, а? — засмеялся он.

— Конечно, если я ошибаюсь, к ночи мы все будем в могилах. Поехали, Отто! — Эванс пришпорил лошадь и галопом помчался обратно, в сторону защищенного земляной насыпью укрепления, где располагался его штаб.

Старбак взобрался в фургон, нагруженный сложенными палатками, и завалился спать, пока солнце не прогнало с реки туман, высушив росу на полях. Всё больше войск северян пересекало реку, карабкаясь на утес и скапливаясь в лесу.

Генерал Стоун, командующий силами федералистов, прикрывающими Потомак, решил направить к переправе еще больше сил, разослав приказы, чтобы нападавшие не просто заняли Лисберг, а прочесали весь округ Лауден.

Если мятежники ушли, приказал Стоун, то янки должны занять всю зону, но если разведчики наткнутся на серьезные силы конфедератов, то войска северян могут отойти за реку, захватив с собой как можно больше конфискованного провианта.

Стоун направил артиллерию, чтобы поддержать наступающие войска огнем, но также совершенно определенно заявил, что решение о том, задержаться ли в Виргинии, остается за человеком, которого он поставил во главе всей операции северян.

Этим человеком был полковник Нед Бейкер — высокий, гладковыбритый седой политик с хорошо подвешенным языком.

Калифорнийский адвокат, сенатор Соединенных Штатов от Орегона, Бейкер являлся одним из ближайших друзей президента Линкольна, настолько близким, что Линкольн назвал в честь сенатора своего второго сына.

Бейкер был импульсивным, эмоциональным и добросердечным человеком, и от его прибытия к переправе по рядам солдат 15-го массачусетского полка, еще ожидающих вместе с полком Таммани из Нью-Йорка на мэрилендской стороне реки, прошла дрожь возбуждения.

Собственный полк Бейкера, Первый калифорнийский, теперь тоже присоединился к вторжению. Полк набрали в Нью-Йорке, но состоял он из людей, имеющих тесные связи с Калифорнией. Их сопровождала также четырнадцатифунтовая пушка с Род-Айленда и пара гаубиц с расчетами из солдат регулярной армии США.

— Переводите всех через реку! — энергично прокричал Бейкер. — Всех до последнего человека, включая пушки!

— Мне нужно больше лодок, — предупредил сенатора полковник из полка Таммани.

— Тогда найдите их! Постройте! Украдите! Притащите дерево гофер ^[4] и построите ковчег, полковник. Найдите прекрасную женщину, и пусть ее лицо отправит в путь тысячи кораблей ^[5], но давайте поторопимся на пути к славе, ребята! — полковник вышагивал по берегу, прислушиваясь к стаккато стрельбы, звучащей с противоположного берега реки.

— Мятежники умирают, ребята! — Так давайте же отправим на тот свет еще нескольких!

Полковник полка Таммани попытался спросить сенатора, что должен делать полк, прибыв на виргинский берег, но Бейкер отмахнулся от вопроса.

Ему было плевать, было ли это просто налетом или историческим вторжением, которое послужит началом оккупации Виргинии, он знал лишь, что у него есть три артиллерийских батареи и четыре полка превосходных, хотя и не нюхавших крови солдат, что давало ему всё необходимое для того, чтобы предоставить президенту Линкольну и стране ту победу, в которой они так нуждались.

— На Ричмонд, ребята! — выкрикивал Бейкер, протискиваясь между солдатами на берегу.

— На Ричмонд, и пусть дьявол не пожалеет их души! За Союз, ребята, вперед, за Союз Выкрикнем же наш боевой клич!

Они закричали достаточно громко, чтобы заглушить звуки беспорядочной ружейной стрельбы с противоположного берега реки, где позади лесистого утеса между копнами овса стелился пороховой дым и началась долгая жатва смерти этого дня.

Глава вторая

Майор Адам Фалконер прибыл в распоряжение Легиона Фалконера, едва перевалило за полдень.

— Янки на главной дороге. Они преследовали меня! — он выглядел довольным, словно бешеная езда последних минут была увеселительной прогулкой по пересеченной местности, а не отчаянным бегством от непреклонного врага.

Его лошадь, прекрасный жеребец с конюшни Фалконера, была вся взмылена, раздраженно прыдала ушами и продолжала делать нервные шажки в сторону, которые Адам инстинктивно одергивал.

— Дядя! — сердечно приветствовал он майора Бёрда, после чего немедленно повернулся к Старбаку. Они дружили уже три года, но уже несколько недель не видели, и Адам бросился к нему с неподдельной радостью. — Ты выглядишь заспанным, Нат.

— Он был на молитве прошлой ночью, — прервал его сержант Траслоу таким кислым тоном, что никто кроме него и Старбака не догадался бы, что он шутит, — молился до трех утра.

— Молодец, Нат, — тепло сказал Адам, повернув жеребца к Таддеусу Бёрду. — Ты слышал, что я сказал, дядя? Там янки на дороге!

— Мы слышали, что они там, — как бы мимоходом ответил Бёрд, словно непутевые янки были такой же предсказуемой деталью осеннего пейзажа, что и перелетные птицы.

— Эти негодяи стреляли в меня, — Адам, казалось, был удивлен, что такая наглость может иметь место в военное время.

— Но мы убежали от них, не так ли, мальчик? — он похлопал своего взмыленного жеребца по шее, а затем, соскочив с седла, передал поводья Роберту Декеру, солдату из роты Старбака

— Выгуляешь его немного, Роберт?

— С удовольствием, мистер Адам.

— Да, и не позволяй ему пока напиться. До тех пор, пока не остынет, — напутствовал Адам Декера, а затем объяснил дяде, что на рассвете он выехал из Кентервиля, рассчитывая встретить Легион на дороге.

— Я не мог вас найти, поэтому продолжал ехать, — весело рассказывал Адам. При ходьбе он слегка прихрамывал — следствие пули, полученной им в битве при Манассасе, но рана хорошо зажила, и хромота почти не была заметна.

Адам, в отличие от отца, Вашингтона Фалконера, находился в самой гуще схватки при Манассасе, хотя за несколько недель до этого его терзала неоднозначность моральной стороны войны, и он даже сомневался, сможет ли вообще принять участие в военных действиях.

После битвы, пока он поправлялся в Ричмонде, Адама повысили до звания майора, и он получил назначение в штаб генерала Джозефа Джонстона.

Генерал был одним из многих конфедератов, которые ошибочно считали, что Вашингтон Фалконер помог остановить неожиданную атаку северян на Манассас, и повышение сына, как и его назначение в штаб, являлось данью уважения отцу.

— Ты привез приказы? — в свою очередь спросил Адама Бёрд.

— Только себя собственной персоной, дядя. Слишком уж хорош этот день, чтобы торчать за бумагами у Джонстона, вот потому я и приехал. Хотя и совсем не ожидал вот этого, — Адам повернулся и прислушивался к ружейной стрельбе, доносившейся из дальнего леса.

Ружейный огонь теперь почти не затихал, хотя это и не было похоже на треск битвы. Напротив, это был методичный, механический звук, исходя из которого можно было предположить, что стороны обменивались выстрелами только потому, что от них этого ждали, а не пытаясь причинить друг другу урон.

— Что происходит? — спросил Адам.

Майор Таддеус Бёрд объяснил, что две группы янки перешли реку. Адам уже встретился с одной из вторгнувшихся групп, тогда как другая заняла высоту у острова Гаррисона.

Никто точно не был уверен, чего добивались янки своим двойным вторжением. Ранее казалось, что они пытаются захватить Лисберг, но всего лишь одна рота миссисипцев повернула вспять продвижение федералистов.

— Парень по фамилии Дафф, — рассказывал Адам Бёрду, — остановил мерзавцев. Выстроил своих ребят посреди пустого поля и обменивался с ними выстрелами, и черт меня подери, если они не удирали вверх по склону, как стадо испуганных овец! Рассказ о схватке Даффа обошел всю бригаду Эванса, наполнив их гордостью за несокрушимость южан.

Остатки батальона Даффа и сейчас оставались на том же месте, держа янки прижатыми к лесу на вершине утеса.

— Ты должен рассказать Джонстону о Даффе, — предложил Адаму Бёрд.

Но Адама, похоже, не интересовал героизм миссисипцев.

— А ты, дядя, что ты собираешься делать? — спросил он вместо этого.

— Ждать приказы, конечно же. Полагаю, Эванс не знает, куда нас послать, и ждет, чтобы понять, какая из группировок янки наиболее опасна. Как только это прояснится, мы пойдем и разобьем чьи-то головы.

Адам вздрогнул от тона своего дяди. Прежде чем присоединиться к Легиону и неожиданно стать старшим офицером, Таддеус Бёрд был школьным учителем, сардонически высмеивавшим как военное дело, так и саму войну, но одно сражение и несколько месяцев на должности командующего превратили дядю Адама в гораздо более мрачного человека.

При нем осталось его остроумие, но теперь оно приобрело грубоватый оттенок, признак того, по мнению Адама, как война изменила всё к худшему. Тем не менее, временами Адам гадал, неужели лишь он один осознает, как ожесточает и разрушает война всё, к чему прикасается.

Его товарищи, адъютанты в ставке армии, получали удовольствие от войны, рассматривая ее как спортивное соревнование, награду в котором получают самые рьяные игроки.

Адам миролюбиво выслушивал подобные напыщенные речи, зная, что любое проявление его настоящих взглядов будет встречено в лучшем случае с презрением, а в худшем — обвинением в малодушии и трусости.

Тем не менее, Адам не был трусом. Он просто верил, что война — это несчастье, порожденное глупостью и гордостью, поэтому он лишь исполнял свои обязанности, скрывая истинные чувства, и жаждал мира, хотя как долго он сможет выносить свое притворство и двуличие, он не знал.

— Будем надеяться, что ничью голову сегодня не разобьют, — сказал он дяде. — Слишком прекрасен этот день для убийств, — Адам обернулся, когда повар одиннадцатой роты снял котелок с огня.

— Это обед?

В полдень на обед был куш^[6]: тушенная говядина, свиной жир и кукурузный хлеб в сопровождении пюре из отварного картофеля и яблок.

В округе Лауден, где фермы были богаты урожаем, а солдат Конфедерации не так уж много, еда была в изобилии. В Кентервиле и Манассасе, по словам Адама, с припасами дела обстояли намного хуже.

— У них даже кофе закончился в прошлом месяце! Я думал, будет мятеж.

Потом он с напускным весельем выслушал рассказ Роберта Декера и Амоса Танни с замечательном набеге Старбака за кофе.

Они перешли реку ночью и отшагали пять миль через леса и поля, чтобы ограбить маркитантские склады на краю лагеря северян.

Восемь человек пошли вместе со Старбаком, и все восемь вернулись назад, единственным заметившим их северянином оказался сам маркитант, торговец, зарабатывающий себе на жизнь, продавая солдатские предметы роскоши. Маркитант, спавший среди своих товаров, поднял тревогу и выхватил револьвер.

— Бедняга, — сказал Адам.

— Бедняга? — Старбак был против проявления его другом жалости. — Да он пытался пристрелить нас!

— И что же ты сделал?

— Перерезал ему глотку, — ответил Старбак. — Видишь ли, не хотелось всполошить весь лагерь выстрелом.

Адама передернуло.

— Ты убил человека из-за каких-то кофейных зерен?

— Плюс немного виски и сушеных персиков, — с воодушевлением добавил Роберт Декер. — Тамошние газеты посчитали, что это были сочувствующие отступникам. Партизаны, вот как они нас назвали. Партизаны! Нас!

— А на следующий день мы продали десять фунтов кофе дозорным янки на другой стороне реки! — гордо добавил Амос Танни. Адам слегка улыбнулся, а затем отказался от предложенной ему кружки кофе, заявив, что предпочитает обычную воду.

Он сидел на земле и слегка морщился, когда переносил вес на свою раненную ногу. У него было такое же, как и у отца широкое лицо, небольшая квадратно подстриженная борода и голубые глаза.

Это было лицо, как всегда думал Старбак, неподдельной честности, хотя казалось, что в эти дни Адам потерял свое прежнее чувство юмора, сменив его постоянной тревогой обо всех мировых проблемах. После трапезы двое друзей прошли по краю луга на восток.

Сделанные из дерева и травы землянки Легиона все еще стояли на своих местах, выглядя, как покрытые дерном свинарники. Старбак, притворявшийся, что слушает рассказы своего друга о штабной жизни, на самом деле думал о том, как же ему нравилось жить в этих землянках.

Когда он ложился спать, то чувствовал себя как зверь в логове — надежно. Его старая спальня в Бостоне со стеновыми панелями из дуба и широкими сосновыми досками пола, газовыми покрывалами и внушительными книжными полками казалась теперь мечтой, чем-

то из другой жизни.

— Удивительно, но мне нравится находиться в стесненных обстоятельствах, — вслух произнес он.

— Ты слушал, что я тебе говорил? — спросил Адам.

— Извини, замечтался.

— Я говорил о Макклелане, — сказал Адам.

— Все сходятся во мнении, что он гений. Даже Джонстон говорит, что он действительно был самым умным парнем во всей прежней армии штатов. — Адам говорил с воодушевлением, словно Макклелан был командующим армией южан, а не лидером Поттомаской армии северян.

Адам глянул направо, потревоженный неожиданным крещендо в звуке ружейной пальбы, доносившейся из леса над рекой.

Последний час стрельба была беспорядочной, но теперь усилилась до непрерывного треска, похожего на звук горящей сухой древесины. Бешеная стрельба продолжалась приблизительно полминуты, а затем снова притихла до спокойного и монотонного рокота.

— Скоро они должны будут переправиться обратно в Мэриленд! — гневно сказал Адам, словно его задевало за живое упорство янки в стремлении закрепиться на этом берегу реки.

— Так расскажи мне поподробней про Макклелана, — попросил Старбак.

— Его ждет блестящее будущее, — оживленно ответил Адам.

— Видишь ли, такое случается на войне. Старики начинают сражения, а затем их сменяет молодежь с новыми идеями. Говорят, Макклелан — новый Наполеон, Нат, помешанный на порядке и дисциплине.

Адам остановился, очевидно забеспокоившись, что, может быть, слишком уж увлеченно рассказывал о новом генерале противника.

— Ты действительно перерезал человеку глотку из-за кофе? — неуклюже спросил он.

— Это было не совсем хладнокровным убийством, как его описал Декер, — ответил Старбак.

— Я пытался заставить его умолкнуть, не причинив вреда. Я не хотел его убивать.

На самом деле в тот момент он был до смерти перепуган, дрожал и запаниковал, но он знал, что безопасность его людей зависела от молчания маркитанта. Адам скорчил гримасу.

— Не могу себе представить, как можно убить человека ножом.

— Ну, я и сам не мог себе представить, что мне придется это делать, — признался Старбак, — но Траслоу заставил меня попрактиковаться на свиньях, и это не так уж сложно, как ты себе представляешь.

— Боже мой, — прошептал Адам. — На свиньях?

— Только на молодых, — объяснил Старбак. — Их невероятно трудно убить. Кажется, что Траслоу делает это так легко, но он всё делает легко с виду.

Адам размышлял над идеей попрактиковаться в умении убивать, будто это было издержками военного дела. Это выглядело так драматично.

— Разве ты не мог просто оглушить несчастного? — спросил он. В ответ Старбак засмеялся:

— Я должен был убедиться, понимаешь? Конечно, мне пришлось поступить именно так! Жизнь моих людей зависела от его молчания, а нужно всегда заботиться о своих людях. Это главное правило воинского дела.

— И этому тебя научил Траслоу? — спросил Адам.

— Нет, — Старбак был удивлен вопросом. — Разве это правило не очевидно?

Адам промолчал. Он размышлял, и уже не в первый раз, о том, насколько они были непохожи. Они познакомились в Гарварде, где, казалось, нашли в друг друге те качества, которых не доставало каждому.

Старбак был импульсивен и непостоянен, Адам же вдумчив и старателен; Старбак был рабом своих желаний, тогда как Адам отчаянно пытался следовать жестким правилам своей суровой совести.

И всё же, несмотря на эти различия, их дружба крепла, перенесла даже напряженность в отношениях, последовавшую за битвой при Манассасе.

Отец Адама в Манассасе ополчился против Старбака, и тот теперь поднял эту деликатную тему, спросив, считает ли Адам, что его отцу поручат командование бригадой.

— Джо хотел бы, чтобы он получил бригаду, — неуверенно произнес Адам. "Джо" был Джозефом Джонстоном, командующим армией конфедератов в Виргинии.

— Но президент не особо прислушивается к Джо, — продолжал Адам, — он больше ценит мнение Бабули Ли.

Генерал Роберт Ли начал войну с раздутой репутацией, но заслужил прозвище "Бабуля" после неудачной мелкой стычки на западе Виргинии.

— А Ли не хочет продвижения твоего отца? — взбодрился Старбак.

— Так мне сказали, — подтвердил Адам. — Ли, очевидно, полагает, что отца следует послать на переговоры в Англию, — улыбнулся Адам, — а мама считает, что это великолепная идея. Думаю, даже ее недомогание испарится, когда она сможет выпить чаю с королевой.

— Но твой отец хочет получить бригаду?

Адам кивнул.

— И забрать обратно Легион, — прибавил он, совершенно точно зная, почему его друг поднял эту тему. — А если он его получит, Нат, то потребует твоей отставки. Полагаю, он всё ещё убежден, что ты убил Итана, — Адам говорил о смерти человека, который должен был жениться на его сестре.

— Итана убил снаряд, — настаивал Старбак.

— Отец этому не верит, — печально заявил Адам, — и никогда не позволит себя в этом убедить.

— Тогда буду надеяться, что твой отец отправится в Англию пить чай с королевой, — беспечно заявил Старбак.

— Потому что ты и правда намерен остаться в Легионе? — спросил Адам с ноткой удивления.

— Мне здесь нравится. И я им нравлюсь, — Старбак говорил с легкостью, пытаясь скрыть свою пылкую привязанность к Легиону.

Адам сделал несколько шагов молча, а вдалеке всё громыхала стрельба, будто на какой-то другой войне.

— Твой брат, — неожиданно заявил Адам, а потом замолчал, словно подозревая, что переходит к скользкой теме.

— Твой брат, — снова начал он, — до сих пор надеется, что ты вернешься на Север.

— Мой брат? — Старбак не мог скрыть удивления. Его старший брат Джеймс был взят в плен в битве при Манассасе и теперь содержался в Ричмонде.

Старбак послал Джеймсу в подарок книги, но не попросил увольнительную, чтобы его

навестить. Он находил любые встречи с членами семьи слишком болезненными.

— Ты его видел?

— Лишь выполняя свой долг, — подтвердил Адам и объяснил, что в его обязанности входило составление списков пленных офицеров для взаимного обмена между Севером и Югом.

— Иногда я посещаю тюрьму в Ричмонде, — продолжал Адам, — и видел Джеймса на прошлой неделе.

— Как он?

— Похудел, очень бледен, но надеется, что его освободят в обмен на северян.

— Бедняга Джеймс, — Старбак не мог представить своего тревожного и педантичного брата военным. Джеймс был очень хорошим адвокатом, но всегда ненавидел неопределенность и авантюры, а именно это компенсировало опасности и дискомфорт войны.

— Он беспокоится за тебя.

— А я беспокоюсь за него, — небрежно повторил Старбак, надеясь избежать неизбежной, как он предполагал, проповеди со стороны своего друга.

— Он наверняка обрадуется, что ты посещаешь молитвенные чтения, — пылко заявил Адам. — Он беспокоится за твою веру. Ты ходишь в церковь каждую неделю?

— Когда могу, — ответил Старбак, а потом решил, что лучше сменить тему. — А ты? Ты-то сам как?

Адам улыбнулся, но ответил не сразу. Он покраснел, а потом рассмеялся. У него явно было полно новостей, которые он стеснялся выложить вот так сразу, но хотел, чтобы из него их вытянули.

— У меня всё действительно прекрасно, — заявил он, приглашая к продолжению. Старбак совершенно точно понял эту интонацию.

— Ты влюбился.

Адам кивнул.

— Думаю, что, наверное, так оно и есть, — он говорил так, будто сам себе не верил. — Да. Правда.

Застенчивость Адама наполнила Старбака нежностью и радостью.

— Ты собираешься жениться?

— Думаю, что да. Мы так думаем, но не сейчас. Мы полагаем, что должны подождать до конца войны, — лицо Адама по-прежнему пылало, но неожиданно он рассмеялся, чрезвычайно довольный собой, и расстегнул карман кителя, как будто чтобы вытащить фотокарточку возлюбленной.

— Ты даже не спросил, как ее зовут.

— И как ее зовут? — послушно поинтересовался Старбак, а потом отвернулся, потому что стрельба снова захрохотала с безумным неистовством.

Над лесом теперь показалась тонкая пелена порохового дыма, этот прозрачный флаг сражения, который сгустится, превратившись в плотный туман, если ружья продолжат стрелять с той же интенсивностью.

— Ее зовут..., — начал Адам, но потом запнулся, потому что за его спиной по дерну громко стукнули копыта.

— Сэр! Мистер Старбак, сэр! — позвал чей-то голос, Старбак оглянулся и увидел Роберта Декера, скачущего по полю на жеребце Адама. — Сэр! — он возбужденно махал

рукой Старбаку. — Мы получили приказ, сэр! Получили приказ! Мы выступим и будем с ними драться, сэр!

— Слава Богу, — отозвался Старбак и побежал назад, к своей роте.

— Ее зовут Джулия, — сказал в пустоту Адам, нахмурившись в сторону спины своего друга. — Ее зовут Джулия.

— Сэр? — озадаченно спросил Декер. Он спрыгнул из седла и подал поводья Адаму.

— Ничего, Роберт, — Адам взял поводья. — Ерунда. Иди к своей роте, — он смотрел, как Нат кричал на солдат одиннадцатой роты, видя, как они возбужденно зашевелились от перспективы отправиться убивать других.

Он застегнул карман, чтобы не выпала фотография его девушки в кожаной рамке, а потом взобрался в седло, чтобы присоединиться к Легиону своего отца, который направлялся на свое второе сражение. На тихих берегах Потомака.

Две переправы янки были разделены пятью милями, и генерал Натан Эванс пытался решить, какая из групп таила в себе наибольшую угрозу для его бригады.

Восточная переправа отрезала его от главной дороги, и тактически выглядела серьезней, так как угрожала его линиям коммуникации со ставкой генерала Джонстона в Кентервиле, но янки не посылали подкреплений горстке людей и пушек, которую перебросили туда из-за реки, тогда как все больше донесений сообщали о том, что пехота пересекает реку у острова Гаррисона, отправляясь далее по крутому склону к покрытой лесом вершине Бэллс-Блафф.

И именно там, решил Эванс, противник и готовит удар, и именно туда теперь он направил оставшуюся часть своих миссисипцев и два виргинских полка. 8-ой Виргинский он отправил к ближней стороне Бэллс-Блафф, а Бёрду приказал занять дальнюю западную сторону.

— Идите через город, — велел Эванс Бёрду, — встаньте слева от миссисипских ребят. И разберитесь с этими подонками янки.

— С удовольствием, сэр, — Бёрд отвернулся и громко выкрикнул приказы.

Ранцы и скатки солдат остались в обозе под охраной небольшой группы, тогда как все остальные легионеры выступили на запад с винтовкой, шестьюдесятью фунтами боеприпасов и тем дополнительным оружием, которое каждый выбрал сам. Летом, когда они впервые отправились на войну, солдаты были увешаны ранцами и заплечными мешками, флягами и патронташами, одеялами и непромокаемыми ковриками, длинными охотничьими ножами и револьверами, штыками и винтовками, вдобавок всевозможными личными вещами, которые семья могла прислать, чтобы обеспечить им безопасность, тепло и сухость.

Некоторые из солдат несли с собой шубы из бизоньих шкур, а кое-кто даже нацепил железные нагрудники, разработанные для защиты от пуль янки, но теперь немногие из них взяли с собой что-либо кроме винтовок и штыков, фляг, ранцев и ковриков с одеялами, скатанными в валик, который носили наискосок на груди.

Все остальное было лишь помехой. Многие бросили свои кепи с жесткими картонными козырьками, отдав предпочтение широкополым шляпам, которые защищали затылки от солнца.

Верх у высоких жестких ботинок был обрезан, а двойной ряд латунных пуговиц на кителях срезан и пошел в уплату за яблочный сок или вкусное молоко с ферм округа Лауден, а у большинства были срезаны и полы длинных кителей, чтобы получить материю на заплатки для штанов и рукавов.

В июне, когда Легион проходил обучение в Фалконере, полк выглядел столь же нарядным и прекрасно снаряженным, как и любое другое подразделение в мире, но теперь, после всего лишь одной битвы и трех месяцев охраны границы, они были похожи на оборванцев, но стали гораздо лучшими солдатами. Все они похудели, загорели и стали очень опасными.

— Видишь ли, они еще не расстались со своими иллюзиями, — втолковывал Таддеус Бёрд своему племяннику.

Адам ехал верхом на своей прекрасной чалой лошади, а майор Бёрд как всегда шел пешком.

— С иллюзиями?

— Мы считаем себя непобедимыми, потому что молоды. Речь не обо мне, как ты понимаешь, а об этих мальчишках. Раньше я обучал наиболее тупых и непонятливых юношей, а теперь пытаюсь сделать так, чтобы они не натворили глупостей, — Бёрд повысил голос, так что ближайшая рота могла его слышать.

— Вы будете жить вечно, мерзавцы, если только запомните одну вещь! Какую?

Он замолчал, и несколько человек нестройным хором ответили:

— Целиться низко.

— Громче!

— Целиться низко! — в этот раз ответ прокатился до задних рядов роты, а потом солдаты начали смеяться, а Бёрд засиял, как учитель, гордящийся достижениями своих учеников.

Легион маршировал по пыльной главной дороге Лисберга. Маленькая кучка людей сгрудилась у здания администрации округа Лауден, а другая, чуть большего размера, стояла у двери таверны Мейкписа на другой стороне улицы.

— Дайте нам оружие! — выкрикнул один из них. Мужчины оказались милицией округа, но у них не было ни оружия, ни патронов, хотя несколько человек, вооружившись за личные деньги, всё равно отправились на поле битвы.

Некоторые присоединились к Легиону, надеясь найти оружие на месте.

— Что случилось, полковник? — спрашивали они Адама, перепутав алую отделку и золотые звезды на его прекрасном мундире с формой командующего полка.

— Не о чем беспокоиться, — настаивал Адам. — Просто несколько заблудившихся северян.

— Но шума производят изрядно, — обратилась к ним женщина. Теперь янки и правда стало гораздо лучше слышно, сенатор Бейкер сумел доставить три орудия через реку и вверх по узкой скользкой дороге на вершину крутого берега, где канониры прочистили жерла пушек тремя залпами картечи, которая пронеслась по лесу, разнося в клочья листву.

Бейкер, приняв командование сражением на себя, обнаружил, что войска слишком распылены. Двадцатый массачусетский укрепился в лесу на вершине, тогда как Пятнадцатый пересек посеченный пулями луг и дальний лес и встал на открытом склоне с видом на Лисберг. Бейкер отозвал Пятнадцатый полк назад, настаивая на том, чтобы он встал на левом фланге Двадцатого.

— Мы встанем здесь, — объявил он, — а потом подойдут Нью-Йорк и Калифорния! — он обнажил саблю и махнул гравированным лезвием, срезав верхушки крапивы.

Над головами пролетали пули мятежников, время от времени срезая листья, которые кружились в теплом приятном ветерке. Пули будто насвистывали в лесу, и каким-то образом

этот странный звук уменьшал их опасность.

Сенатор, сражавшийся добровольцем на Мексиканской войне, не чувствовал страха; более того, его охватило радостное возбуждение человека, которому выпал шанс прославиться. Сегодня будет его день!

Он повернулся к полковнику Милтону Когсвелу, командиру полка Таммани, который глубоко дышал, поднимаясь на вершину утеса.

— Заменит тысячу солдат его призывный рог! ^[7] Бейкер поприветствовал вспотевшего полковника шутливым изречением.

— Я поведу этих чертовых солдат, прошу прощения сэр, — поморщился Когсвел, дернувшись, когда пара пуль просвистела в листве над его головой. — Каковы наши намерения, сэр?

— Наши намерения, Милтон? Наши намерения — победа, слава, триумф, мир, прощение наших врагов, восстановление дружеских отношений, великодушие, процветание, счастье и обещанная перспектива райского воздаяния.

— Тогда могу я предложить, сэр, — сказал Когсвел, пытаясь отрезвить не в меру разошедшегося сенатора, — чтобы мы продвинулись и заняли вон тот лес?

Он указывал на деревья перед неровным лугом. Отозвав Двадцатый Массачусетский из того леса, Бейкер практически отдал эту позицию мятежникам, и пехота в серых мундирах уже расположилась в подлеске.

— Эти мерзавцы нас не потревожат, — пренебрежительно заявил Бейкер. — Наши артиллеристы скоро рассеют их, а затем мы выступим. Вперед, к славе!

Пуля прожужжала почти над самыми головами мужчин, заставив Когсвела гневно чертыхнуться. Он разозлился не из-за того, что в него чуть не попали, а потому-что выстрел был сделан с возвышения на восточном краю утеса.

Этот холм был самой высокой точкой гряды и доминировал над лесом, где концентрировались войска северян.

— Разве мы не собираемся занять ту высоту? — с ужасом спросил Когсвел Бейкера.

— Нет нужды! Нет нужды! Вы скоро выступим! Вперед, к победе!

Бейкер медленно прошелся, довольный своей уверенностью. Засунув руку под шляпу, куда когда-то клал юридические документы, прежде чем идти в суд, он вытащил приказ, полученный от генерала Стоуна.

"Полковник, — гласил приказ, нацарапанный в спешке неразборчивыми каракулями, — в случае сильного огня у острова Гаррисона выдвиньте вперед калифорнийский полк вашей бригады или заберите с виргинского берега подразделения полковников Ли и Девенса. На ваше усмотрение, по прибытии вы принимаете командование на себя".

Всё это, по-мнению Бейкера, почти ничего не значило, кроме того, что он являлся командующим, день был солнечным, враг находился перед ним, а военная слава была у него в руках.

— Его призывный рог, — сенатор напевал строчки из произведения сэра Вальтера Скота, пробираясь между солдатами, собиравшимися под деревьями, — заменит тысячу солдат! Отстреливайтесь, ребята! Дайте знать этим негодям, что мы здесь! Стреляйте, ребята! Дайте им прикурить! Пусть знают, что северяне здесь, чтобы сражаться!

Лейтенант Уэнделл Холмс снял свою серую шинель, аккуратно сложил ее и оставил под деревом. Он вытащил свой револьвер, убедился, что все капсули правильно сидят в гнездах, и затем выстрелил в далекие и темные силуэты мятежников.

Зычный голос полковника эхом отдавался в лесу вперемешку с треском и покашливанием револьвера Холмса.

— Слава вождю, — Холмс тихо произнес слова из той же поэмы, которую декламировал Бейкер, — что ведет нас к победам.

Сенатор Бейкер вытащил свои дорогие часы, подарок коллег и друзей из калифорнийской адвокатуры по случаю его назначения в Сенат.

День быстро убывал, и если он хотел захватить Лисберг до наступления темноты, ему следовало поторопиться.

— Вперед! — Бейкер спрятал часы в карман.

— Все вместе! Все вместе! Вперед, мои славные ребята, вперед! На Ричмонд! К славе За Союз, ребята, вперед, за Союз!

Были подняты знамена — славный звездно-полосатый флаг, а рядом с ним белоснежное знамя Массачусетса с гербом штата развевались на одном фланге, а девиз "Вера и непоколебимость" ярко выделялся на другом.

Шелковые знамена развевались на солнце, а солдаты с криками покинули свои укрытия и устремились в атаку. Чтобы умереть.

— Пли!

Теперь в лесу находились два полка миссисипцев, их винтовки изрыгнули пламя через поляну, на которой неожиданно появились северяне.

Пули как саранча вгрызались в древесину и разносили в клочья желтые кленовые листья. После залпа около дюжины северян упали. Один из них, никогда в жизни не сквернословивший, начал сыпать проклятиями.

Мебельщик из Бостона с изумлением смотрел, как его мундир пропитывается кровью, и, призывая мать, пытался отползти назад в укрытие.

— Пли! — полковник Эпс из Восьмого виргинского стоял на высоте, доминировавшей над восточным флангом янки, и его стрелки поливали северян жестоким огнем.

От бронзовых стволов гаубиц янки отскакивало столько пуль и еще столько проносилось мимо, что канониры были вынуждены отойти к краю утеса, где им не угрожал злобный свист и шипение пуль мятежников.

— Пли!

Всё больше миссисипцев открывало огонь.

Они залегли между деревьями или встали на колени, укрывшись за стволами и вглядывались в пороховой дым, чтобы убедиться, что их залпы заставили атаку северян откатиться назад.

Рядом с миссисипцами расположились жители Лисберга и окрестных деревень, которые палили в дрогнувших янки из охотничьих ружей и дробовиков.

Сержант ньюйоркцев осыпал своих солдат проклятиями на гаэльском языке, но брань не принесла ничего хорошего — пуля раздробила ему челюсть. Северяне отступали в лес, под защиту деревьев, где перезаряжали ружья и винтовки.

Две массачусетские роты были набраны из немецких иммигрантов, и их офицеры кричали на своем языке, призывая солдат показать миру, как умеют сражаться немцы. Другие офицеры-северяне не обращали внимания на град пуль, щелкающих и свистящих по всей вершине утеса.

Они прохаживались между деревьями, зная, что проявление беспечной храбрости было необходимым для их должности качеством. Они платили за эту показуху кровью. Многие

солдаты Двадцатого массачусетского развесили свои новые шинели с алой подкладкой на ветках, и одежда подергивалась от пуль, которые прошивали и раздирали темно-серую ткань.

Звуки битвы теперь превратились в постоянный шум, похожий на треск горящего тростника или рвущейся ткани, но на фоне этого оглушительного грохота теперь слышались причитания раненых, вопли тех, в кого только что попала пуля, и предсмертные хрипы умирающих.

Сенатор Бейкер орал на своих штабных офицеров, требуя заняться одной из брошенных гаубиц, но никто из них не знал, как вставить запал, и град виргинских пуль отогнал офицеров назад в укрытие.

Они оставили мертвого майора и захлебывавшегося кровью лейтенанта, который, пошатываясь, отходил от орудия. Одна пуля отщепила кусок от деревянной спицы колеса гаубицы, другая расплющилась о дуло орудия, а третья пробила ведро с водой.

Вне себя от ярости из-за ранения своего полковника, группа миссисипцев попыталась пойти в атаку через участок кочковатого луга, но стоило им показаться из-за деревьев, как отчаявшиеся северяне обрушили на них огонь.

Теперь отошли назад мятежники, оставив трех убитых и двух раненых. На правом фланге шеренги массачусетского полка еще стреляла четырнадцатифунтовая пушка, но род-айлендские канониры уже использовали свой небольшой запас картечи, и теперь могли стрелять только ядрами.

Картечь, разрываясь при выходе из дула пушки и рассеивающая убийственный град ружейных пуль по противнику, отлично подходила для ведения смертоносного огня с близкого расстояния, а ядра были предназначены для ведения дальнего прицельного огня и были бесполезны, чтобы выбить пехоту из леса.

Эти продолговатой формы железные снаряды со свистом пронеслись через поляну, исчезая вдали или сбивая ветки с верхушек деревьев.

Пушечный дым зловонным облаком покрыл почти двадцать ярдов перед дулами орудий, образовав дымовую завесу, скрывшую правый фланг 20-го Массачусетского.

— Вперед, Гарвард! — прокричал офицер.

Почти две трети офицерского состава полка были из Гарварда, так же как шесть сержантов и с дюжину солдат.

— Вперед Гарвард! — снова прокричал офицер и выступил вперед, чтобы повести солдат своим примером, но пуля попала ему под подбородок, резко откинув голову назад.

Кровь расплывалась по его лицу, пока он медленно оседал на землю.

Уэнделл Холмс с пересохшим ртом смотрел, как раненый офицер осел на колени и завалился вперед. Холмс подбежал, чтобы ему помочь, но двое солдат находились ближе и оттащили тело к лесу.

Офицер был без сознания, его окровавленная голова задергалась, а потом он издал резкий щелкающий звук, и в его глотке забулькала кровь.

— Он мертв, — сказал один из солдат, оттащивший его обратно к укрытию. Холмс уставился на мертвеца и почувствовал подступающую к горлу рвоту.

Каким-то образом ему удалось ее сдержать, он отвернулся, заставил себя принять беспечный вид и пройти по рядам роты. Он хотел просто лечь, но знал, что должен показать своим людям отсутствие страха, и потому расхаживал среди них с саблей наголо,

потому что лишь так мог им помочь.

— Цельтесь низко. И тщательно! Не тратьте патроны понапрасну. Выбирайте мишени!

Его солдаты разрывали зубами патроны, ощущая во рту соленый вкус пороха.

Их лица почернели от пороха, а глаза покраснели. Холмс, остановившийся на залитом солнцем клочке земли, внезапно услышал, как мятежники выкрикивают те же слова.

— Целься низко! — призывал офицер конфедератов.

— Целься в офицеров! — подгонял солдат Холмс, сопротивляясь искушению спрятаться за стволами деревьев, выщербленными пулями.

— Уэнделл! — позвал полковник Ли.

Лейтенант Холмс повернулся к своему командиру.

— Сэр?

— Посмотрите направо, Уэнделл! Может, мы сможем обойти этих мерзавцев с фланга?

Ли показывал на лес за пушкой.

— Разузнайте, где заканчивается шеренга врага. И побыстрее!

Холмс, получивший тем самым разрешение перестать вымученно притворяться беспечным, побежал по лесу в сторону открытого правого фланга северян.

Справа от него, внизу и за деревьями он мог различить яркий блеск прохладной реки, и это зрелище странным образом подействовало на него успокаивающе.

Аккуратно сложив, он оставил свою серую шинель у подножия клена и побежал к флангу за спинами родайлендцев, толкающих свою пушку, и там, выскочив из дымовой завесы, увидел, что дальний лес и правда пуст, открывая полковнику Ли путь, чтобы обойти левый фланг конфедератов. И в этот момент в его грудь вонзилась пуля.

Он вздрогнул, всё его тело затряслось от разрывающей его, как пила, пули. Он резко и выдохнул и вдруг почувствовал, что больше не может дышать, но всё равно его охватило какое-то странное спокойствие и невозмутимость, так что он мог лишь отмечать свои ощущения.

Пуля, а он был уверен, что это именно пуля, ударила его с такой же силой, как могла бы лягнуть лошадь, почти парализовав, но когда он всё-таки попытался сделать вдох, то обнаружил, что его легкие еще работают, и понял, что это ненастоящий паралич, а, скорее, временная потеря разумом возможности управлять телом.

Он также понял, что его отец, профессор медицины в Гарварде, захочет получить отчет об этих ощущениях, так что он протянул руку к карману, где держал блокнот и карандаш, но потом вдруг стал беспомощно заваливаться ничком.

Он попытался позвать на помощь, но ни один звук не вылетел из его рта, а потом сделал попытку поднять руки, чтобы предотвратить падение, но они его не слушались.

Его сабля, которую он так и не засунул в ножны, упала на землю, и он заметил на начищенном до зеркального блеска клинке каплю крови, а потом всем телом рухнул на эту сталь, почувствовав чудовищную резь в груди и завопив от боли и жалости к себе.

— Лейтенанта Холмса подстрелили! — прокричал какой-то солдат.

— Принесите его! Принесите его обратно! — приказал полковник Ли, отправившись посмотреть, насколько тяжело ранен Холмс.

Он был на несколько секунд задержан артиллеристами Род-Айленда, кричавшими пехоте, чтобы освободили им место для стрельбы. Пушка откатилась назад по своей колее, выплевывая дым и пламя на залитую солнцем поляну.

Каждый раз, когда орудие стреляло, оно откатывалось еще на несколько футов назад,

оставляя глубокую отметину в покрытой листьями глине. Расчет был слишком занят, чтобы передвигать пушку на место, и каждый выстрел производился с расстояния на несколько футов большего, чем предыдущий.

Полковник Ли добрался до Холмса, как раз когда того подняли на носилки.

— Простите, сэр, — только и смог сказать Холмс.

— Тише, Уэнделл.

— Простите, — повторил Холмс. Ли остановился, чтобы подобрать саблю лейтенанта, гадая, сколько человек полагает, что ранение Холмса было виной полковника.

— Отличная работа, Уэнделл, — горячо заявил Ли, а потом крики мятежников заставили его развернуться, чтобы увидеть, что к лесу с противоположной стороны поля прибыли новые войска южан, и он знал, что теперь уже не осталось ни единого шанса обойти вражеский фланг.

Скорее было похоже, что враг обойдет собственный фланг полковника. Он тихо выругался и положил саблю Холмса около раненого лейтенанта.

— Отнесите его вниз, и аккуратно, — велел Ли, а потом зажмурился от воплей капрала, которому пуля прошла живот.

Еще один солдат пошатнулся и отпрянул с залитым кровью глазом, а Ли недоумевал, какого чёрта Бейкер не дает приказ к отступлению. Пора было переправляться обратно через реку, пока всех не уложили.

На противоположной стороне поляны мятежники издали тот дьявольский звук, который северяне, ветераны битвы при Булл-Ран, знали как предзнаменование кошмара.

Это было какое-то дикое нечеловеческое улюлюканье, от которого у полковника Ли зашевелились волосы на затылке. Это был долгий вой, как у кричащего над жертвой зверя, и это было звуком, как опасался Ли, поражения северян. Он поежился, крепче сжал саблю и отправился на поиски сенатора.

Легион Фалконера поднимался по длинному склону, туда, где грохотало сражение. Проход через весь город и поиски нужной дороги в сторону реки заняли больше времени, чем кто-либо ожидал, а теперь день уже клонился к вечеру, и кое-кто наиболее самоуверенный жаловался, что пока Легион Фалконера доберется до места событий, янки уже будет мертвы и обчищены, а более робкие отмечали, что треск стрельбы всё не ослабеваает.

Легион уже находился достаточно близко, чтобы почуять в воздухе горькую вонь пороха, принесенную северным ветерком, который сдувал пороховой дым сквозь зелень листвы, как зимний туман.

Дома, подумал Старбак, листья уже окрасились, превратив холмы вокруг Бостона в изумительную смесь золота, алого цвета, пламенеющего желтого и густокоричневого, но здесь, на северной границе Конфедерации Юга, лишь клены покрылись золотом, а другие деревья еще были зелеными, хотя эту зелень рвал и дырявил ураган пуль, налетевший откуда-то из глубины леса.

Легион прошел по подпаленному и словно проказой изъеденному пулями жнивью, где рота Даффа из солдат округов Пайк и Чикасо остановила продвижение наступающих янки.

Горящие пыжи, выплунутые из винтовок вместе с пулями, подожгли солому, и теперь она догорала, оставляя на поле шрамы из пепла. Там было и несколько пятен крови, но Легион был слишком отвлечен сражением на вершине холма, чтобы беспокоиться об этих знаках, оставленных прежней битвой.

На краю леса обнаружили и другие остатки сражения. Там была привязана дюжина офицерских лошадей, а доктора перебинтовывали несколько раненых.

Мула, нагруженного боеприпасами, повели в лес, а другого, с пустыми сумками по бокам, в обратном направлении. Раб, пришедший на поле битвы в качестве слуги, бежал вверх по холму с фляжками, которые он наполнил в колодце на ближайшей ферме.

Пара десятков ребятишек прибежали из Лисберга, чтобы понаблюдать за сражением, и сержант из Миссисипи пытался отогнать их подальше от пуль северян.

Один мальчик притащил огромный дробовик отца и умолял позволить ему убить хоть одного янки до того, как придется идти спать.

Мальчишка даже не моргнул, когда четырнадцатифунтовый снаряд вылетел из-за деревьев и промелькнул прямо у него над головой. Снаряд упал на полпути к горе Катоктин, с мощным всплеском погрузившись в речушку сразу за дорогой на Ликсвилл.

Теперь Легион находился примерно в шестидесяти ярдах от леса, и те офицеры, которые еще были верхом, спешили и вбили в дерн железные скобы, чтобы привязать лошадей, а капитан Хинтон, заместитель командира полка, побежал вперед, чтобы точно установить, где находится левый фланг полка из Миссисипи.

Большая часть солдат Старбака была возбуждена. Облегчение от того, что они выжили в Манассасе, превратилось в скуку длинных недель на охране Потوماка.

Эти недели едва ли напоминали войну, скорее они походили на летнюю идиллию на берегу прохладной реки. Время от времени то с одной, то с другой стороны реки раздавались выстрелы, и пару дней после этого дозорные прятались в тени, но большую часть времени противники не мешали жить друг другу.

Солдаты ходили купаться, находясь под прицелом врагов, стирали одежду и поили лошадей, с неизбежностью нередко сталкиваясь в часовыми противника, и обнаружили мели, где могли встретиться на середине реки, чтобы обменяться газетами или выторговать за южный табак северный кофе.

Но теперь, в готовности показать себя лучшими в мире, легионеры забыли о летнем дружелюбии и поклялись проучить лживых и вороватых говнюков-янки, чтоб не повадно было переходить через реку, не спросив сперва разрешения.

Капитан Хинтон вновь появился на краю леса и сложил руки домиком у рта.

— Первая рота, ко мне!

— Становитесь слева от первой роты! — крикнул Бёрд остальным легионерам. — Знаменосцы, ко мне!

Один из снарядов скользнул по деревьям, осыпая идущих вперед солдат дождем из листьев и щепок. Старбак увидел место, где другой снаряд оторвал ветку от ствола, оставив зияющий свежей и чистой древесиной шрам.

Из-за этого зрелища внезапно у его горлу подкатил комок и участился пульс одновременно и от страха, и от возбуждения.

— Знаменосцы, ко мне! — повторил Бёрд, и знаменосцы подняли к солнцу флаги и побежали к майору.

Знамя Легиона базировалось на семейном гербе Фалконеров, на нем были изображены три красных полумесяца на белом поле, а сверху красовался девиз "Вечно пылающий".

Второе знамя было государственным флагом Конфедерации — две горизонтальных красных полосы с белой между ними, а в верхнем, ближайшем к древку поле на голубом фоне был вышит круг из семи белых звезд.

После Манассаса посыпались жалобы, что этот флаг слишком похож на знамя северян, и войска стреляли в своих, приняв их за янки, и ходили слухи, что в Ричмонде скоро разработают новый флаг, но в этот день Легиону предстояло драться под разорванным пулями шелком старого знамени Конфедерации.

— О Господи всеблагой, спаси меня, спаси меня, Иисусе, — Джозеф Мей, один из солдат Старбака, истово молился всю дорогу, пока они спешили за сержантом Траслоу.

— Сохрани меня, о Боже, сохрани меня.

— Лучше сохрани свое дыхание, Мей! — рявкнул Траслоу.

Легион продвигался колоннами поротно, и теперь разворачивался с левого фланга, перестраиваясь из колонн в шеренгу для сражения.

Сначала подошла к лесу первая рота, а одиннадцатая рота Старбака должна была стать последней. Адам Фалконер скакал рядом со Старбаком.

— Слезай с коня, Адам! — крикнул Старбак своему другу.

— Тебя убьют! — ему пришлось кричать из-за громкого треска ружейной стрельбы, но этот звук наполнил Старбака каким-то странным экстазом.

Как и Адам, он прекрасно знал, что война — это неправильно. Она была грехом, она была ужасна, но как и грех, чертовски привлекательна. Если пережить это, чувствовал Старбак, то можно вынести любые превратности судьбы.

Это была игра с невообразимо высокими ставками, но также и игра, где привилегированный класс не получал никаких преимуществ кроме шанса и вовсе избежать вступления в игру, но те, кто так поступали, вовсе не были мужчинами, просто жалкими трусами и лизоблюдами.

Здесь, когда воздух наполнился дымом, а смерть свистела сквозь зеленую листву, существование упростилось до полного абсурда. Старбак внезапно загинал, преисполнившись радостью момента.

За его спиной одиннадцатая рота с заряженными винтовками рассыпалась по лесу. Они слышали радостное улюлюканье своего капитана и крики других войск мятежников, звучащие с правого фланга, и присоединились к этому дьявольскому вою, выражая им гордость южан и права южан и сообщая, что южане пришли, чтобы убивать.

— Задайте им жару, ребята! — крикнул Бёрд. — Задайте жару!

И Легион подчинился.

Бейкер погиб.

Сенатор пытался успокоить своих людей, у которых сдали нервы от воя этих мстительных южных демонов.

Бейкер сделал три попытки прорваться из леса, но каждая атака северян была отбита с морем крови, оставляя на небольшом лугу после себя очередную линию прилива в виде мертвецов, лежащих на покрытом дымом поле, разделяющем противников.

Некоторые из людей Бейкера смылись с поля боя, спрятавшись на крутом откосе, спускавшемся к реке, или просто укрываясь за деревьями и торчащими на вершине утеса камнями.

Бейкер и его адъютанты вытаскивали этих трусливых солдат из укрытий и посылали обратно, где храбрые еще пытались сдержать мятежников, но трусы снова прокрадывались обратно к укромным местам, лишь стоило офицерам отвернуться.

Сенатору ничего не приходило в голову. Весь его ум, ораторские способности и пылкость превратились в маленький узелок панической беспомощности.

Он не выказывал страха, а рассказывал с саблей наголо впереди солдат, призывая их целиться пониже, а дух держать повыше.

— Подкрепление уже близко! — говорил он покрытым порохом солдатам 15-го Массачусетского полка.

— Еще совсем немного, ребята! — подбадривал он людей из Первого Калифорнийского.

— Немного тяжелой работы, ребята, но они устанут первыми! — обещал он ньюйоркцам из полка Таммани.

— Если бы у меня был еще один полк вроде вашего, — говорил он гарвардцам, — мы бы уже сегодня вечером пировали в Ричмонде!

Полковник Ли попытался убедить сенатора переправиться обратно через реку, но тот, казалось, не услышал его просьбу, а когда Ли прокричал настойчивей, чтобы быть наверняка услышанным, Бейкер просто ответил ему печальной улыбкой

— Не уверен, что у нас хватит лодок для переправы, Уильям. Думаю, нам придется остаться здесь и победить, а ты так не считаешь?

Пуля просвистела в нескольких дюймах над головой сенатора, но он даже не моргнул.

— Это всего лишь кучка мятежников. Нас не сможет победить этот сброд. Весь мир за нами наблюдает, так что придется показать свое превосходство!

Именно эти слова, вероятно, произнес предок Бейкера в битве при Йорктауне, подумал Ли, но мудро решил не произносить этого вслух. Сенатор родился в Англии, но теперь сложно было найти большего патриота Америки.

— Вы отсылаете назад хотя бы раненых? — вместо этого поинтересовался Ли у сенатора.

— Уверен, что да! — твердо ответил Бейкер, хотя не был в этом уверен, но теперь не время было беспокоиться о раненых. Ему нужно было наполнить солдат праведным пылом во имя любимого Союза.

Адъютант принес ему новости, что на противоположный берег реки прибыл Пятнадцатый массачусетский, и он подумал, что если переведет через Потомак свежий полк, у него будет достаточно людей для атаки возвышенности, с которой мятежники выкашивали его левый фланг, мешая гаубицам делать свое кровавое дело.

Эта идея наполнила сенатора внезапной надеждой и энтузиазмом.

— Так мы и сделаем! — крикнул он одному из своих адъютантов.

— Что сделаем, сэр?

— Вперед! Нам есть чем заняться! — сенатору нужно было добраться до левого фланга, и самый быстрый маршрут лежал через открытое пространство под прикрытием пелены порохового дыма.

— Пошли, — снова крикнул он, а потом поспешил вниз, прямо перед шеренгой солдат, призывая их не стрелять, пока он не пройдет.

— Подкрепление на подходе, ребята, — крикнул он.

— Уже недолго осталось! Победа приближается. Держитесь, держитесь!

Группа мятежников увидела, как сенатор со своими адъютантами спешит к дымовой завесе, и хотя они не знали, что Бейкер командует северянами, но понимали, что только старший офицер мог обладать украшенной кистями саблей и носить форму, так густо расшитую галуном и прочими украшениями.

Золотая цепочка от часов, увешанная побрякушками, обхватывала мундир сенатора, поблескивая в косых солнечных лучах.

— Это же главарь их банды! Главарь банды! — громко заорал высокий и жилистый рыжебородый миссисипец, указывая на фигуру, уверенно шагающую по полю боя.

— Он мой! — прокричал верзила и выбежал вперед.

Дюжина его товарищей ринулась за ним в надежде обшарить тела богатых офицеров-северян.

— Сэр! — предупредил один из адъютантов.

Сенатор обернулся, подняв саблю. Ему следовало бы отступить к лесу, но он пересекал реку не для того, чтобы сбежать от какого-то мятежного сброда.

— Давайте же, чертовы мятежники! — крикнул он, взмахнув саблей, словно собирался драться на дуэли.

Но рыжебородый воспользовался револьвером, и четыре пули вошли сенатору в грудь, как топор в мягкую древесину. Сенатора отбросило назад, он стал кашлять и схватился за грудь.

Его сабля и шляпа отлетели, когда он попытался подняться на ноги. Еще одна пуля вонзилась ему в горло, и кровь алым потоком хлынула на двубортный китель с медными пуговицами, задержавшись на золотой цепочке от часов.

Бейкер попытался вздохнуть и качал головой, будто не мог поверить в то, что с ним случилось.

Он удивленно посмотрел на своего долговязого убийцу, а потом рухнул на траву. Рыжебородый мятежник побежал, чтобы заявить права на его тело.

Выстрел из винтовки заставил рыжебородого крутануться вокруг своей оси, а следующая пуля его уложила. Залп отогнал других солдат из Миссисипи, пока два адъютанта сенатора оттаскивали своего мертвого командира обратно к лесу.

Один из них подобрал шляпу сенатора и вытащил из нее пропитавшуюся потом сложенную бумагу с сообщением, которое послужило началом этого безумия на другой стороне реки.

Солнце стояло низко на западе. Листья еще не окрасились в осенние цвета, но ночи уже стали длиннее, и солнце полностью скрывалось за горизонтом в половине шестого. Однако темнота теперь уже не могла спасти янки.

Им нужны были лодки, но в наличии имелось только два маленьких суденышка, и некоторые раненые уже утонули, пытаясь переплыть обратно на остров Гаррисона.

Всё больше раненых неуклюже спускалось с утеса, где подстреленные северяне уже заполнили небольшой клочок плоской местности, лежащей между основанием крутого холма и берегом реки.

Два адъютанта отнесли тело сенатора сквозь толпу стонущих людей к одной из лодок и приказали расчистить место для мертвеца. Дорогие часы сенатора выпали из его кармана, когда тело тащили к берегу.

Часы раскачивались на окровавленной цепочке, сначала извалявшись в грязи, а потом с силой ударяясь о деревянные борта лодки. От удара стекло разбилось, и мелкие осколки разлетелись по днищу. Окровавленное тело сенатора бросили на них.

— Отвезите его обратно! — приказал адъютант.

— Мы все умрем! — заверещал кто-то с вершины утеса, а сержант из Массачусетса велел ему заткнуться и умереть как мужчина.

Группа мятежников попыталась пересечь поляну, но ее отогнала усилившаяся со всех сторон ружейная пальба, вырывающая щепки из деревьев за их спинами.

Массачусетского знаменосца подстрелили, и его огромный, пробитый пулями шелковый флаг полетел в грязь, но другой солдат ухватился за отделанный кистями край и поднял звезды обратно к солнцу до того, как они коснулись земли.

— Вот как мы поступим, — сказал полковник Когсвел, в конце концов осознавший, что теперь он оказался единственным оставшимся в живых старшим офицером и, тем самым, командующим четырьмя полками янки, оказавшимися в ловушке на берегу Виргинии, — мы пробьем себе путь к парому, вниз по течению.

Он хотел вывести своих людей из убийственной тени в открытое поле, где враги не смогут больше прятаться за деревьями.

— Мы пойдем быстро. Это значит, что придется оставить орудия и раненых.

Никому не понравилось такое решение, но лучшей идеи ни у кого не нашлось, так что приказ отправили в 20-ый Массачусетский, который стоял на правом фланге янки.

Четырнадцатифунтовую пушку Джеймса в любом случае пришлось бы оставить, потому что она откатилась так далеко, что в итоге свалилась с утеса.

Она произвела последний выстрел, и канонир громко поднял тревогу, когда тяжелая пушка накренилась над откосом и с мерзким скрежетом покатила на крутому склону, пока не наткнулась на дерево.

Теперь канониры прекратили попытки затащить ее обратно на вершину и слушали, как полковник Ли объясняет офицерам, что будет делать полк.

Они оставят раненых на милость мятежников и соберутся на левом фланге северян. Там они предпримут атаку, чтобы пробиться через силы мятежников вниз к заливному лугу, ведущему в то место, где вторая группировка янки пересекла реку, чтобы отрезать главную дорогу.

Вторую группировку прикрывала артиллерия с мэрилендского берега реки.

— Здесь мы не сможем вернуться в Мэриленд, — сказал Ли офицерам, — потому что у нас мало лодок, так что придется пройти пять миль вниз по течению, всю дорогу сражаясь с мятежниками, — он посмотрел на часы.

— Выдвигаемся через пять минут.

Ли знал, что столько времени потребуется, чтобы приказы дошли до всех рот, а раненые собрались под белым флагом. Ему была ненавистна идея оставить раненых, но он знал, что ни один солдат его полка не доберется этой ночью до Мэриленда, если они не бросят раненых.

— А теперь поспешите, — сказал он офицерам, пытаясь придать голосу уверенность, но не мог скрыть напряжения, а его природный оптимизм истрепался под постоянным свистом пуль мятежников.

— Поспешите! — повторил он, а потом услышал жуткие вопли со стороны открытого правого фланга, встревоженно повернулся и внезапно понял, что никакая спешка ему уже не поможет.

Похоже, что гарвардцам придется драться уже на том месте, где они стояли. Ли вытащил саблю, облизал сухие губы и вверил душу Господу, предоставив своему любимому полку двигаться к неизбежному концу.

Глава третья

— Мы слишком отклонились влево, — прорычал Траслоу Старбаку, как только одиннадцатая рота добралась до поля боя.

— Ублюдки вон там, — Траслоу указал через поляну, туда, где у кромки леса висела дымовая завеса.

Эта пелена дыма находилась на приличном расстоянии правее роты, а прямо напротив людей Старбака никакого дыма не было, просто пустой лес и длинные удлиняющиеся тени, в которых клены выглядели ненатурально яркими.

Некоторые солдаты одиннадцатой роты начали стрелять по пустому лесу, но Траслоу рывкнул, чтобы прекратили тратить понапрасну боеприпасы.

Рота с нетерпением ожидала приказов Старбака, а потом повернулась, когда из-за кустов подбежал другой офицер. Это был лейтенант Мокси, считавший себя героем с тех пор как получил незначительное ранение в левую руку при Манассасе.

— Майор говорит, что вы слишком близко к центру, — тон Мокси был наполнен возбуждением момента.

Он помахал револьвером в сторону стрельбы.

— Велел вам выступить в качестве подкрепления роте Мерфи.

— Рота! — закричал Траслоу в предвкушении приказа Старбака выдвигаться.

— Нет! Стойте! — Старбак по-прежнему смотрел на спокойный лес на противоположной стороне поляны. Он повернулся направо, отметив, что янки внезапно прекратили огонь.

Несколько секунд он гадал, означало ли это затишье в стрельбе, что северяне отступают, но потом внезапная атака вопящих мятежников вызвала яростную пальбу винтовок северян.

На несколько мгновений стрельба превратилась в безумный треск, но в тот же момент, как мятежники отступили, она закончилась. Старбак понял, что северяне не стреляют, пока не увидят цель, а южане продолжают беспрерывно палить.

И это значило, по мнению Старбака, что янки беспокоятся, хватит ли им патронов.

— Майор велел вам выступить немедленно, — настаивал Мокси.

Это был худой молодой человек с бледной кожей, очень недовольный тем, что Старбак получил капитанское звание, в то время как он сам остался лейтенантом.

Он также был одним из немногих легионеров, раздосадованных присутствием в полку Старбака, полагая, что виргинскому подразделению не пристало иметь в своих рядах ренегата-бостонца, но держал свою точку зрения при себе, потому что Мокси знал характер Старбака и что тот весьма охотно пускает в ход кулаки.

— Ты слышишь меня, Старбак?

— Слышу, — ответил Старбак, не сдвинувшись с места.

Он размышлял о том, что янки дерутся в этом лесу почти целый день и, вероятно, почти израсходовали свой запас патронов, а значит, полагаются на то малое количество боеприпасов, которое можно перевезти через реку.

Он также думал, что войска, беспокоящиеся о том, хватит ли им патронов, это войска,

которые легко могут удариться в панику. Он видел панику у Манассаса и считал, что она и здесь может принести столь же быструю и безоговорочную победу.

— Старбак! — Мокси желал быть услышанным. — Майор приказал тебе выступить на помощь Мерфи.

— Я тебя слышал, Мокс, — повторил Старбак, опять ничего не предприняв. Мокси изобразил, будто считает, что Старбак туповат.

Он похлопал Старбака по плечу и указал через лес направо.

— Это там, Старбак.

— Убирайся, Мокс, — ответил Старбак и снова перевел взгляд на поляну.

— И по пути скажи майору, что мы перейдем здесь поле и погоним ублюдков наверх с левого фланга. С нашего левого фланга, усёк?

— Что ты собрался сделать? — Мокси взглянул на Старбака, а потом на Адама, который сидел верхом в нескольких шагах позади Старбака.

— Скажи ему ты, Адам, — призвал к авторитету Мокси.

— Вели ему подчиняться приказам!

— Мы пересечем поле, Мокси, — медленно и любезным тоном объявил Старбак, будто адресовал эти слова туповатому ребенку, — и атакуем мерзких янки из-за леса вон оттуда. А теперь иди и доложи это Дятлу!

Этот маневр казался очевидным. Противники в настоящее время огрызались выстрелами по обе стороны поля, и хотя у мятежников было явное преимущество, ни одна сторона, похоже, не могла двинуться вперед под мощным огнем врага.

Пересекая поляну у незащищенного фланга врага, Старбак мог безопасно провести своих людей в занятый северянами лес, а потом атаковать их фланг.

— Убедитесь, что оружие заряжено! — крикнул Старбак солдатам.

— Ты не можешь так поступить, Старбак, — сказал Мокси. Старбак не обратил на него никакого внимания. — Ты хочешь, чтобы я сообщил майору, что ты не выполнил его приказ? — язвительно спросил Мокси.

— Да, — ответил Старбак, — именно этого я и хочу. А еще скажи, что мы атакуем их с фланга. А теперь убирайся и сделай это!

Адам, по-прежнему верхом, нахмурился в сторону своего друга.

— Ты точно знаешь, что делаешь, Нат?

— Знаю, Адам, точно знаю, — отозвался тот. По правде говоря, возможность обойти янки с фланга была так очевидна, что даже полный идиот мог ее увидеть, хотя мудрый человек сначала бы получил разрешение на этот маневр.

Но Старбак был так уверен в своей правоте, не сомневаясь в том, что фланговая атака разделается с обороной янки, что считал получение разрешения лишь тратой времени.

— Сержант! — позвал он Траслоу.

Траслоу вновь предвидел приказы Старбака.

— Примкнуть штыки! — крикнул он роте.

— Убедитесь, что они как следует закреплены! Не забудьте провернуть штык, когда всадите его! — голос Траслоу был спокоен, словно это был просто еще один день тренировок.

— Не спеши, парень! Не действуй на ощупь! — он обращался к солдату, который в возбуждении уронил штык, а потом проверил у другого солдата, хорошо ли закреплен штык на дуле винтовки.

Хаттон и Мэллори, еще два сержанта роты, похожим образом проверяли свои взводы.

— Капитан! — крикнул один из солдат Хаттона.

Это был капрал Питер Ваггонер, чей брат-близнец тоже был капралом роты.

— Вы остаетесь или уходите, капитан? — Питер Ваггонер был крупным и медлительным человеком и истовым верующим.

— Я направляюсь туда, — ответил Старбак, указывая на ту сторону поляны, намеренно сделав вид, что не понял вопроса.

— Вы знаете, о чем я, — сказал Ваггонер, и большинство солдат роты тоже это знали, пристально уставившись на своего капитана.

Они знали, что Натан Эванс предложил ему место, и многие боялись, что назначение в штаб может привлечь яркого молодого янки вроде Старбака.

— Ты по-прежнему веришь, что те, кто пьет виски, отправятся в ад, Питер? — спросил Старбак капрала.

— Так это ведь правда, — сурово отозвался Ваггонер. — Божья правда, мистер Старбак. Будьте уверены, что ваши грехи вас настигнут.

— Я решил остаться здесь, пока ты с братом со мной не выпьешь, Питер, — заявил Старбак.

Возникла секундная пауза, пока солдаты соображали, что это значит, а потом по рядам прошел вздох облегчения.

— Тихо! — огрызнулся Траслоу.

Старбак снова посмотрел на вражескую сторону поляны. Он не знал, за что солдаты его любили, но был действительно тронут их привязанностью, настолько, что отвернулся, чтобы скрыть эмоции.

Когда его произвели в капитаны, он понял, что солдаты примут его, потому что он пришел к ним вместе с одобренным это назначение Траслоу, но с тех пор они обнаружили, что их офицер-янки был умным, пылким и воинственным человеком.

Он не всегда вел себя дружелюбно, как некоторые другие офицеры, подражавшие своим поведением тем, кем они командовали, но одиннадцатая рота приписала некоторую замкнутость и холодность Старбака его северному происхождению. Все знали, что янки были холодны как рыбы, а самыми странными и холодными являлись бостонцы, но солдаты также поняли, что Старбак пылко защищает своих людей и готов бросить вызов любым властям Конфедерации, чтобы выволить роту из беды.

Они также чувствовали, что у него норовистый характер, а это делало его удачливым в их глазах, а все солдаты предпочли бы иметь удачливого предводителя.

— Вы и правда остаетесь, сэр? — спросил Роберт Декер.

— И правда остаюсь, Роберт. А теперь приготовься.

— Я готов, — ответил Декер, растянув губы в довольной улыбке.

Он был самым юным из пятидесяти семи солдат роты, почти все они являлись выходцами из округа Фалконер, где учились в школе у Таддеуса Бёрда, лечились у майора Дэнсона, слушали проповеди преподобного Мосса и по большей части работали на Вашингтона Фалконера.

Нескольким было за сорок, нескольким за двадцать и тридцать, но большинству — семнадцать, восемнадцать или девятнадцать лет.

Они были братьями, кузенами, шуринами, друзьями и врагами, но в большинстве своем не чужими друг другу, все знакомы с семьями друг друга, с сестрами и матерями, с собакам,

с надеждами и слабостями.

Для незнакомца они выглядели как нечесанные и злобные псы, вспотевшие после целого дня зимней пробежки, но Старбак знал их лучше. Некоторые, как близнецы Ваггонеры, были глубоко религиозны и молились каждую ночь вместе с другими солдатами за душу их капитана, а другие, такие как Эдвард Хант или Абрам Стэтхем, являлись мерзавцами, которым ни на йоту нельзя было доверять.

Роберт Декер, пришедший из той же долины Голубых гор, что и сержант Траслоу, был добрым, трудолюбивым и доверчивым, а другие, например, близнецы Коббы, были ленивее кошки.

— Ты должен отправиться на подкрепление роте Мерфи! — лейтенант Мокси всё ещё болтался рядом со Старбаком.

Старбак повернулся к нему.

— Иди и передай Дятлу мое сообщение! Бога ради, Мокс, если хочешь быть мальчиком на побегушках, то будь уж хорошим. А теперь беги!

Мокси отправился назад, а Старбак поднял глаза на Адама.

— Не окажешь ли любезность, отправившись к Дятлу, чтобы сообщить о наших действиях? Я не доверяю Мокси.

Адам прищипнул лошадь, и Старбак опять повернулся к солдатам. Он говорил громко, чтобы перекричать шум стрельбы, объяснив роте, чего от них ожидает.

Они должны быстро пересечь поляну и, оказавшись на противоположной стороне, повернуться направо и встать в шеренгу, а потом пройти по лесу, сметая открытый фланг янки.

— Не стреляйте, пока не возникнет необходимости, — приказал Старбак, — просто громко крикните во все горло, и пусть увидят ваши штыки. Они побегут, обещаю! — он инстинктивно понимал, что неожиданного появления группы орущих мятежников будет достаточно, чтобы янки запаниковали.

Солдаты нервно ухмылялись. Один из них, Джозеф Мей, молившийся, пока они взбирались на холм, всматривался в крепление своего штыка, чтобы убедиться, что он вставлен должным образом. Старбак заметил, что он щурится.

— Где твои очки, Джо?

— Потерял, капитан, — грустно засопел Мей. — Сломал, — в конце концов признался он.

— Если кто-нибудь из вас увидит мертвого янки в очках, принесите их Джозефу! — велел Старбак, а потом прикрепил собственный штык к дулу винтовки.

В битве при Манассасе по настоянию Вашингтона Фалконера офицеры Легиона шли на сражение с саблями, но выжившие поняли, что снайперы врага больше всего любят целиться в мужчин с клинками, и потому обменяли свои элегантные сабли на винтовки как у простых работяг, а свои вышитые рукава и воротники заменили обычной тканью.

У Старбака также имелся револьвер с рукояткой из слоновой кости, который он получил в качестве трофея в битве при Манассасе, но сейчас он собирался оставить дорогое английское оружие в кобуре, положившись на крепкую винтовку Миссисипи с длинным, похожим на пику штыком.

— Готовы? — спросил Старбак.

— Готовы! — ответила рота в жажде сделать свое дело и покончить со сражением.

— Никаких выкриков, пока будем пересекать поле! — предупредил их Старбак.

— Мы не хотим, чтобы янки узнали о нашем приближении. Двигайтесь быстро и очень тихо!

Он оглядел их лица и увидел смесь возбуждения и нервного предвкушения. Потом взглянул на Траслоу, который коротко кивнул, словно прибавляя свое одобрение к решению Старбака.

— Так вперед! — призвал Старбак и повел роту на покрытое желто-зелеными пятнами света поле, а косые лучи солнца сверкали сквозь жемчужную пелену дыма, как клочки туманного покрывала опускающуюся между деревьями.

День сменялся чудесным осенним вечером, и Старбак ощутил внезапный приступ страха, что умрет в этом прекрасном свете, и ускорил бег, опасаясь снаряда с картечью из пушки или чудовищного удара пули, способного сбить с ног коня, но ни один северянин не выстрелил в легионеров, пока они бежали к дальнему лесу.

Они пробились к подлеску на той стороне поляны, где находились янки.

Как только они оказались в безопасности среди деревьев, Старбак заметил блеск воды там, где река поворачивала, разбиваясь об утес, а за этой яркой излучиной он различил длинные, зеленые и накрытые вечерней тенью поля Мэриленда.

Это зрелище причинило ему внезапную душевную муку, но потом он приказал солдатам повернуть направо и встать в шеренгу, взмахнув рукой, чтобы показать, как им нужно выстроиться, но люди не стали ждать приказов, а уже шагали по лесу в сторону врага.

Старбак хотел, чтобы они атаковали фланг янки ровной шеренгой, но они предпочли броситься вперед небольшими яростными группами, и их энтузиазм с лихвой искупил неровность строя. Старбак побежал вместе с ними, не осознавая, что начал завывать, словно привидение.

Томас Траслоу находился слева от него с ножом в руках, лезвие достигало девятнадцати дюймов в длину. Большая часть Легиона когда-то владела подобными зловещими ножами, но вес этого мощного оружия убедил почти всех солдат от них избавиться.

Траслоу, напротив, свой сохранил и теперь выбрал именно его. Единственный в роте он не производил никаких звуков, будто предстоящая работа была слишком серьезной, чтобы кричать.

Старбак увидел первых янки. Два солдата использовали поваленное дерево в качестве укрытия для стрельбы. Один перезаряжал, засовывая в ствол винтовки длинный шомпол, а его товарищ целился из-за ствола.

Северянин выстрелил, и Старбак заметил, как дернулось от отдачи его плечо и показался дымок со снопом искр от взорвавшегося капсюля.

За спиной двух янки лес внезапно наполнился синемундирниками, и ещё более удивительно, с деревьев свисали серые шинели, раскачиваясь, когда в них попадали пули мятежников.

— Убейте их! — заорал Старбак, и двое за упавшим деревом повернулись и в ужасе уставились на атакующих мятежников.

Тот, что заряжал винтовку, повернул ее в сторону Старбака, прицелился и нажал на спуск, но в панике забыл взвести курок.

Винтовка щелкнула с металлическим звуком. Северянин вскочил на ноги и побежал мимо офицера, стоящего с саблей в руке с выражением потрясения и замешательства на обрамленном бакенбардами лице. Старбак, заметив выражение лица офицера, понял, что поступил правильно.

— Убейте их, — закричал он, совершенно не сознавая, что произносит такие кровожадные слова.

Он просто почувствовал экстаз человека, который только что перехитрил врага и навязал ему свою волю.

Это чувство было всепроникающим, наполнив его просто маниакальным восторгом.

— Убейте их! — завопил он снова, на сей раз эти слова, похоже заставили весь фланг янки прийти в движение.

Северяне побежали. Некоторые спрыгивали с утеса, скользя вниз по склону, но большинство бежало обратно вдоль шеренги к вершине утеса, и пока они бежали, всё больше людей присоединялись к ним, и отступление становилось всё более беспорядочным и многолюдным.

Старбак споткнулся о раненого, который жутко завыл, а потом выбежал на поляну, где пушка родайлендцев пропахала рваную борозду с вершины утеса. Он вскочил на ящик со снарядами, по-прежнему вопя свой призыв наступающим солдатам.

Не все северяне побежали. Многие офицеры считали долг важнее собственной безопасности и с храбростью, граничащей с попыткой самоубийства, продолжали драться с наступающими с фланга мятежниками.

Один лейтенант хладнокровно прицеливался из револьвера и упал, заколотый двумя штыками. Он попытался выстрелить, даже умирая, и третий южанин всадил ему пулю в голову, вызвав фонтан крови.

Лейтенант умер, а солдаты всё тыкали его тело штыками с жестокостью охотничьих собак, разрывающих тело убитого оленя. Старбак крикнул им, чтоб оставили мертвеца в покое, и поспешили вперед. Он не хотел дать янки время опомниться.

Адам Фалконер скакал по залитой солнцем поляне, призывая остаток Легиона пересечь ее и присоединиться к роте Старбака.

Майор Бёрд повел знаменосцев в сторону темнеющего дальнего леса, наполненного пронзительными криками атакующих мятежников и стрельбой. Офицеры-северяне, приказывающие солдатам остановиться, не имели ни единого шанса, что в этой панике им кто-либо подчинится.

Траслоу велел северянину бросить винтовку, а тот то ли не расслышал, то ли решил бросить ему вызов, и охотничий нож сделал лишь один взмах с дьявольской экономией усилий.

Группа янки, которой заблокировали путь к отступлению, развернулась и вслепую побежала обратно в сторону атакующих. Большинство остановилось, осознав свою ошибку и подняв руки в знак поражения, но один офицер яростно взмахнул саблей в лицо Старбаку.

Старбак остановился, позволил клинку просвистеть рядом, а потом воткнул в него штык. Он ощутил, как сталь ударилась о ребра янки, и выругался, что колол сверху вниз, а не наоборот.

— Нат! — выдохнул офицер-янки. — Нет! Пожалуйста!

— Хрень Господня! — вырвалось проклятие из уст Старбака.

Человек, которого он атаковал, был прихожанином его отца, старым знакомым, Старбак делил с ним вечность уроков в воскресной школе.

Последние новости, которые Старбак слышал об Уильяме Льюисе, были о том, что он поступил в Гарвард, но теперь Льюис тяжело дышал, пока штык Старбака скользил по его ребрам.

— Нат? — спросил Льюис. — Это ты?

— Брось саблю, Уилл!

Уильям Льюис покачал головой, но не в отказе подчиниться, а от потрясения, неожиданно увидев старого друга в облике мятежника. Потом, заметив яростное выражение лица Старбака, он бросил саблю.

— Я сдаюсь, Нат!

Старбак оставил его стоящим над брошенной саблей и побежал догонять своих людей. Встреча со старым другом выбила его из колеи. Неужели он сражался с бостонским батальоном?

Если так, то сколько еще поверженных врагов его опознают? Кого еще из близких знакомых он погрузит в траур своими сегодняшними действиями на вершине виргинского холма?

Но он отбросил все сомнения, когда увидел бородатого верзилу, кричавшего на мятежников. Мужчина в подтяжках и рубашке с закатанными рукавами одной рукой размахивал банником как дубиной, а в другой держал некое подобие римского острого меча, обычно выдаваемого канонирам.

Путь к отступлению был отрезан, но он отказывался сдаться, предпочитая скорее умереть героем, чем прослыть трусом. Он уже свалил одного из людей Старбака и теперь вызывал других на драку.

Сержант Мэллори, шурин Траслоу, выстрелил в верзилу, но пуля прошла мимо цели, и бородатый канонир как фурия обрушился на жилистого Мэллори.

— Он мой! — прокричал Старбак и, оттолкнув в сторону Мэллори, бросился вперед, а затем отскочил назад, когда верзила замахнулся банником. Это, считал Старбак, было его обязанностью как офицера.

Рота должна увидеть, что он самый бесстрашный и готов к схватке. Кроме того, сегодня он чувствовал себя непобедимым. Боевой клич словно огненная вспышка прошел по его венам. Он со смехом делал выпады штыком, но короткий клинок противника с силой отбивал штык в сторону.

— Ублюдок! — канонир плюнул в Старбака, затем сделал несколько быстрых зловещих движений, пытаясь сковать все внимание Старбака на клинке, а сам замахнулся банником.

Он думал, что обманул офицера мятежников, и с восторгом заревел, предвкушая, как похожий на дубину деревянный наконечник размозжит череп врагу, но Старбак пригнулся, так что банник просвистел над широкополой шляпой, сила этого ужасного замаха была такова, что верзила покачнулся.

Теперь настал черед Старбака победоносно закричать, кольнув штыком, с силой проталкивая его вверх, несмотря на невероятное сопротивление кожи и плоти, он еще орал, когда верзила дернулся и упал, корчась на длинном острие штыка, как умирающая загарпуненная рыба.

Старбак запыхался, пытаясь высвободить штык, но плоть верзилы плотно обхватила сталь, и штык даже не двигался. Северянин бросил свое оружие и ослабевшими руками хватался за винтовку, торчащую у него в животе.

Старбак тоже пытался вытащить штык, но судороги умирающего держали его в каменных тисках. Старбак спустил курок, надеясь высвободить штык, но он не сдвинулся.

От удара пули канонир жутко захрипел, а Старбак бросил оружие, оставив северянина умирать на траве.

Он вытащил из кобуры прекрасный револьвер с рукояткой из слоновой кости и побежал догонять своих, обнаружив, что одиннадцатая рота теперь была в лесу не одна, растворившись в волне серых и ореховых мундиров, которая захлестнула оборонявшихся северян, заставив выживших в паническом страхе бежать с вершины утеса к узкому и глинистому ложу реки.

Сержант ньюйоркцев закричал, когда, оступившись, покатился вниз по склону и сломал ногу.

— Нат! — Адам несся на своем жеребце по лесу. — Отзови их!

Старбак непонимающе уставился на своего друга.

— Всё кончено! Вы победили! — произнес эти слова, Адам показал на группу мятежников, начавших стрелять вниз с крутого склона утеса в попавших там в ловушку янки.

— Останови их! — просил Адам, будто винил Старбака за это проявление ликующей, но мстительной победы, а потом резко развернул лошадь, чтобы найти кого-нибудь, облеченного властными полномочиями, и остановить убийства.

Но только никто не хотел их прекратить. Северяне попали в ловушку у подножия утеса, а южане поливали эту истерзанную, корчащуюся и истекающую кровью массу беспощадным огнем.

Группа янки попыталась ускользнуть от резни, пробираясь по спинам раненых к безопасности только что прибывшей лодки, но та перевернулась под весом беглецов.

Какой-то солдат звал на помощь, когда течение уносило его прочь. Другие пытались переплыть реку, но вода бурлила и разлеталась брызгами от пуль. Наполнившая поток кровь потекла в сторону моря.

Люди тонули и умирали, а безжалостная резня продолжалась, мятежники заряжали и стреляли, стреляли и заряжали, глумясь над своими побитыми, испуганными и сломленными врагами.

Старбак проложил себе путь к краю утеса и уставился вниз, на эту адскую сцену. Подножие утеса наполнилось кольшущейся живой массой, словно огромное животное умирало в сгущающихся сумерках, хотя у этого зверя еще оставались клыки, потому что снизу по-прежнему доносились выстрелы.

Старбак засунул револьвер за пояс, сложил руки у рта и прокричал вниз, чтобы янки прекратили стрельбу.

— Вы пленники! — крикнул он, но единственным ответом было мелькнувшее в темноте пламя и свист пуль рядом с его головой.

Старбак вытащил револьвер и опустошил его в сторону подножия холма. Траслоу стоял рядом, выхватывая заряженные винтовки из рук солдат сзади и стреляя в головы тех, кто пытался переплыть на другой берег.

Река пенилась и выглядела так, будто косяк рыбы яростно пытается выбраться с мели через прибой. Тела медленно уносило вниз по течению, другие застряли в ветвях или их прибило к глинистым отмелям.

Потомак стал рекой смерти, наполненной кровью и иссеченной пулями. Майор Бёрд скривился, увидев это зрелище, но не предпринял ничего, чтобы прекратить стрельбу.

— Дядя! — запротестовал Адам. — Останови их!

Но вместо того, чтобы прекратить резню, Бёрд смотрел вниз, как исследователь, который только что наткнулся на некое природное явление.

С точки зрения Бёрда, война включала в себя подобную мясорубку, и совершенно

бессмысленно участвовать в войне, но протестовать против резни. И кроме того, янки не сдавались, а отвечали на огонь, и Бёрд откликнулся на требование Адама, подняв револьвер и выстрелив в эту кучу малу.

— Дядя! — протестуяще воскликнул Адам.

— Наша задача — убивать янки, — ответил Бёрд, наблюдая, как племянник галопом ускакал прочь.

— А их задача — убивать нас, — продолжал Бёрд, хотя Адам уже не мог его слышать, — и если мы оставим их в живых сегодня, то завтра настанет их черед убивать, — он снова повернулся в сторону творящегося кошмара и опустошил револьвер в реку, однако не причинив никому вреда.

Вокруг него солдаты стреляли с искаженными от ожесточения лицами, и Бёрд смотрел на них, видя, как вскипает жажда крови, но по мере того, как удлинялись тени, а ответная стрельба затихала, страх и пыл кульминации этого долгого дня отхлынули, солдаты прекратили стрельбу и отвернулись от подернутой кровью реки.

Бёрд нашел Старбака, снимающего очки с мертвеца. Линцы были густо покрыты кровью, которую Старбак вытер о мундир.

— Потерял зрение, Нат? — поинтересовался Бёрд.

— Джо Мей потерял очки. Пытаемся найти ему подходящие.

— Лучше бы ты нашел ему новые мозги. Он один из самых тупых созданий и всегда был настоящим несчастьем во время учебы, — заявил Бёрд, убирая револьвер в кобуру. — Должен поблагодарить тебя за то, что не подчинился приказу. Отличная работа.

В ответ на этот комплимент Старбак ухмыльнулся, и Бёрд заметил на лице северянина выражение какого-то дикарского ликования, гадая, как сражение способно принести человеку такую радость.

Бёрд полагал, что некоторые рождены, чтобы стать военными, а другие — учителями или фермерами, а Старбак, по мнению Бёрда, был рожден солдатом, пригодным для самым темных делишек.

— Мокси на тебя жаловался, — сказал Бёрд Старбаку, — так что будем делать с Мокси?

— Отдайте сукиного сына янки, — ответил Старбак, вышагивая рядом с Бёрдом вниз, обратно к лесу, где рота из Миссисипи собирала вместе пленных.

Старбак попытался избежать угрюмых северян, не желая быть узанным кем-нибудь из земляков-бостонцев. Солдат из Миссисипи подобрал упавший белый флаг и демонстрировал его в сумеречном свете. Старбак разглядел вышитый на забрызганном кровью шелке герб штата Массачусетс.

Он гадал, находится ли Уилл Льюис еще на вершине утеса или в суматохе поражения лейтенант прошмыгнул вниз к реке, сделав попытку перебраться на другой берег.

И что будут говорить в Бостоне, размышлял Старбак, когда услышат, что сын преподобного Элияла вопил победный клич мятежников, носит изорванный серый мундир и стреляет в прихожан преподобного?

Да к чёрту всё то, что они скажут. Он мятежник, жребий брошен, и он поставил на восставший Юг, а не на этих гладких, хорошо экипированных солдат-северян, которые казались ухмыляющимся длинноволосым южанам словно сделанными из другого теста.

Он оставил Бёрда под знаменами Легиона, и продолжил свои поиски в лесу, ища очки или любую другую полезную добычу, которую можно было снять с мертвых. Некоторые мертвецы выглядели безмятежно, а на лицах других застыло выражение удивления.

Они лежали, запрокинув головы и открыв рты, а их протянутые руки скрючились как клешни. Мухи густо облепили их ноздри и открытые глаза.

Над мертвецами раскачивались с веток оставленные там изрешеченные пулями серые шинели, в убывающем свете походившие на висельников.

Старбак нашел одну из шинелей с алой подкладкой, аккуратно сложенную у ствола дерева, и решив, что она пригодится ему грядущей зимой, подобрал и вывернул, чтобы убедиться, что она не повреждена пулями или штыком.

На воротнике шинели были аккуратно вышиты инициалы, и Старбак попытался разобрать так тщательно нанесенные на маленькую белую полоску ткани буквы.

"Оливер Уэнделл Холмс младший, — гласила бирка, — 20-ый масс."

Эта фамилия неожиданно воскресила в его памяти воспоминания об образованной бостонской семье и кабинете профессора Оливера Уэделла Холмса с его банками с образцами на высоких полках.

В одной из таких банок хранился сморщенный бледный человеческий мозг, припомнил Старбак, а другие содержали странных большеголовых карликов в мутной жидкости.

Эта семья не посещала церковь Старбака, но преподобный Элиял одобрял деятельность профессора Холмса, и Старбаку было дозволено проводить время в доме доктора, где он подружился с Оливером Уэнделлом младшим — крепким, худошавым и добродушным молодым человеком, находчивым в споре и великодушным.

Старбак надеялся, что его друг пережил это сражение. Затем, накинув на плечи шинель Холмса, Старбак отправился разыскивать свою винтовку и узнать об успехах своих людей в этом сражении.

В темноте Адам выплескивал наружу содержимое своего желудка.

Он стоял на коленях в мягкой листве у клена, и блевал до тех пор, пока у него не пересохло в животе и не заболело горло, потом закрыл глаза и молился, словно все будущее человечества зависело от его усердия в мольбе.

Адам знал, что ему врал, но хуже всего было то, что он сам охотно верил в эту ложь. Он верил, что одно тяжелое сражение окажется достаточным кровопусканием, чтобы остановить болезнь, охватившую Америку, но первая битва лишь усилила эту лихорадку, и сегодня он был свидетелем, как люди убивали друг друга, подобно диким зверям.

Он видел, как уподобившись животным, убивали его лучший друг, его соседи, его дядя. Он видел, как люди проваливались в ад, видел, как жертвы погибали, словно насекомые.

Уже стемнело, но от подножия утеса, где лежали истекающие кровью и умирающие северяне, доносились громкие стенания.

Адам пытался спуститься туда и помочь, но кто-то заорал на него, предложив убраться куда подальше и выстрелив вслепую в его сторону, и одного этого дерзкого выстрела было достаточно, чтобы вызвать целый шквал огня со стороны мятежников на вершине холма. И еще больше людей застонало и завопило в темноте.

Вокруг Адама загорелось несколько костров, и около этих костров с дьявольскими ухмылками рассаживались южане. Они обобрали мертвецов и вывернули карманы пленных.

Полковник Ли из Двадцатого массачусетского был вынужден отдать свой богато вышитый галуном мундир погонщику мулов из Миссисипи, который надел его и уселся перед костром, обтирая свои грязные руки об полу кителя.

В ночном воздухе витал грубый запах виски, резкий запах крови и тошнотворно-сладкое зловоние разлагающихся трупов.

Немногочисленные убитые южане были погребены на лугу, спускающемся в сторону горы Катоктин, но тела северян еще не были похоронены.

Большинство из них собрали и сложили, как штабеля дров, но несколько трупов еще были скрыты в подлеске. Утром группа рабов, собранная из окрестных деревень, выроет яму, достаточно глубокую, чтобы вместить всех убитых северян.

Рядом с штабелем мертвецов солдат играл на скрипке у огня, и несколько солдат тихо пели под грустную мелодию. Господь, решил Адам, оставил этих людей, так же как и они оставили его.

Сегодня у берега реки они присвоили себе право Бога убивать или миловать. Они продались дьяволу, решил он в своем взвинченном состоянии. Не имело значения, что некоторые из победивших мятежников в сумерках молились и пытались помочь поверженному врагу, их всех, по мнению Адама, опалило дыхание дьявола.

Потому что дьявол крепко сжал в своей хватке Америку и тащил самую праведную страну в мире в свое мерзкое логово, и Адам, позволивший убедить себя, что Югу необходим свой момент воинской славы, знал, что он дошел до предела.

Он знал, что ему придется принять решение, и это решение таило в себе опасность быть разлученным с семьей, соседями, друзьями и даже девушкой, которую он любил, но лучше потерять Джулию, нежели душу, убеждал он себя, стоя на коленях в насыщенном смертью и блевотиной воздухе на вершине утеса.

Войне должен быть положен конец. Таково решение Адама. Он пытался предотвратить конфликт до того, как начались военные действия. Он работал в Христианская Комиссия по установлению мира и видел, как эти благочестивые и уважаемые людей были задавлены большинством пламенных сторонников войны, и теперь он использует саму войну, чтобы остановить ее.

Он предаст Юг, потому что этим предательством спасет свою страну. Север нуждается в любой помощи, которую он сможет ему предоставить, а как адъютант главнокомандующего южан Адам мог принести Северу пользы больше, чем кто-либо другой.

Он молился в ночи, и похоже, его молитва была услышана, потому что на него снизошло умиротворение. Оно говорило Адаму, что он принял правильное решение. Он станет предателем и сдаст свою страну врагам во имя Бога и Америки.

Трупы плыли вниз по течению, уносясь к Чесапикскому заливу, а потом и в открытый океан. Несколько тел застряло у порогов Грейт-Фоллс, где река сворачивала на юг к Вашингтону, но большинство проплыло мимо быстрин, и ночью тела прибило к опорам Длинного моста, по которому дорога шла на юг, из Вашингтона в Виргинию.

Река добела отмыла тела мертвецов, и когда на рассвете жители Вашингтона проходили мимо реки, бросив взгляд на илистые отмели у её берегов, то увидели своих чистых сыновей, с блестящей белизной мертвой кожи, но теперь их тела распухли, пуговицы оторвало, а швы их прекрасных новых мундиров треснули.

А в Белом Доме президент оплакивал смерть сенатора Бейкера, своего близкого друга, тогда как мятежный юг, увидев в этой победе божественное провидение, возносил Господу благодарности.

Листья пожелтели и опали, кружась в желто-алом хороводе над свежими могилами у Бэллс-Блафф. В ноябре войска мятежников отошли от реки, остановившись в зимних квартирах вблизи Ричмонда, в котором газеты предупреждали об увеличении численности войск северян.

Генерал-майор Макклелан, новый Наполеон, по слухам, обучал свою увеличивавшуюся армию, доводя ее до совершенства.

Небольшое сражение у Бэллс-Блафф, возможно, и наводнило северные церкви плакальщиками, но всё же Север утешал себя мыслью, что превосходно экипированной армии Макклелана предстоит отомстить на убиенных, обрушившись весной на Юг подобно каре Божьей.

Флот северян не ждал весны. В Южной Каролине, около Хилтон-Хед, он прорвался в бухту Порт-Роял, и десант приступом взял форты, охранявшие вход в гавань Бофорта.

Флот северян блокировал и контролировал все южное побережье, и хотя газеты южан пытались преуменьшить значение поражения при Порт-Рояле, эти новости вызвали восторг и радостные песни среди рабов Конфедерации.

Еще больше радости было, когда Чарльстон едва не сгорел дотла — кара ангела мщения, как уверяли священники-северяне. Те же проповедники ликовали, узнав, что военный корабль янки, пренебрегая морскими законами, остановил британское почтовое судно и снял с него двух представителей Конфедерации, направляющихся из Ричмонда на переговоры с европейскими державами.

Некоторые из южан тоже радовались этим новостям, заявив, что оскорбление, нанесенное Британии, без сомнения приведет королевский флот к берегам Америки, и к декабрю торжествующие газеты сообщали, что в Канаде высаживаются батальоны красномундирников для усиления постоянных гарнизонов на тот случай, если Соединенные Штаты предпочтут сражаться с Британией, а не вернуть двух похищенных представителей.

На Голубом хребте выпал снег, заметя могилу жены Траслоу и отрезав сообщение с восточной частью Виргинии, которая, не подчинившись Ричмонду, вышла из состава штата, присоединившись к Союзу.

Вашингтон отпраздновал этот переход, объявив это началом распада Конфедерации. Все больше войск маршировали по Пенсильвания Авеню к тренировочным лагерям на оккупированном севере Виргинии, где новый Наполеон оттачивал их навыки.

Каждый день с северных сталелитейных заводов на поездах прибывали новые орудия, выстраиваясь в огромный ряд в полях возле Капитолия, который сверкал белизной на зимнем солнце под паутинообразными лесами своего незавершенного купола. Один хороший решительный бросок, утверждали газеты, и Конфедерация рухнет, как старое гнилое дерево.

В столице Юга такого оптимизма не наблюдалось. Зима приносила только плохие новости и еще худшую погоду. Снег выпал рано, стояли ужасные холода, и казалось, что петля янки затягивается.

Перспектива грядущей победы северян в конце концов ободрила Адама Фалконера, который за две недели до Рождества выехал из города к каменной пристани в Роккетс-Лэндинг.

Ветер гнал по реке небольшие, но яростные свинцовые волны и свистел в просмоленных снастях судна под флагом перемирия, раз в неделю отплывавшего из столицы Конфедерации.

Судно должно было отправиться вниз по реке Джеймс, под дулами пушек форта повстанцев на утесе Друри, и дальше через солончаковые болота к месту слияния реки с Аппоматоксом, оттуда на восток по широкому фарватеру, пока, в семидесяти милях от Ричмонда, оно не достигнет Хэмптон-Роудс, где повернет на север к причалам форта Монро.

Форт, хотя и находился на территории Виргинии, удерживался войсками Союза с самого начала войны, и там под белым флагом судно высаживало пленных янки, которых Север обменивал на пленных мятежников.

Холодный зимний ветер хлестал Рокетс-Лэндинг порывами морозящего дождя и наполнял пристань запахами литейных цехов, которые выбрасывали клубы едкого дыма вдоль всего берега реки.

От дождя и дыма все стало скользким: каменные причалы, металлические швартовочные колонны, даже плохо подогнанные мундиры тридцати человек, ожидавших у трапа.

Это были офицеры-северяне, захваченные у Манассаса. После почти пяти месяцев плена их теперь собирались обменять на офицеров-мятежников, захваченных Макклеланом во время кампании по землям, называющих себя штатом Западная Виргиния.

Лица пленников были бледны в результате долгого времяпрепровождения в Касл-Лайтнинге, заводской постройке на Кэри-стрит, соседствующей с двумя большими цистернами, где хранился газ для освещения городских улиц.

После месяцев тюремного заключения и из-за потерянного веса одежда на пленных висела мешком.

Ожидая погрузки на пароход под нейтральным флагом, люди дрожали от холода. У большинства имелись небольшие сумки с скромными пожитками, сохранившимися во время их заключения — расческа, несколько монет, Библия, письма из дома.

Они мерзли, но мысль об освобождении согревала. Они дразнили друг друга, шутя о приеме, которым им окажут в форте Монро, и о роскошных обедах, ожидающих их в офицерских апартаментах.

Они мечтали об омаре, бифштексах, черепаховом и устричном супе, о мороженом и яблочном джеме. Об оленине, подаваемой с клюквой, об утке под апельсиновым соусом, о бокале мадеры и доброй бутылке вина. Но больше всего они мечтали о кофе. Настоящем, крепком, хорошем кофе.

Лишь один пленный не мечтал о подобном. Он прогуливался с Адамом Фалконером по причалу. Высокий, с когда-то упитанным лицом, теперь Джеймс Старбак отощал.

Всё еще молодой, из-за своей манеры держаться, хмурого вида и жидковатых волос он, тем не менее, выглядел гораздо старше своих лет. Когда-то он гордился великолепной бородой, ныне растерявшей свой лоск в сырости Касл-Лайтнинга.

До войны адвокат, а во время нее — пользующийся доверием адъютант Ирвина Макдауэлла, генерала, проигравшего битву при Манассасе, теперь Джеймс, отправляясь обратно на Север, даже не знал, кем станет.

Обязанностью Адама было удостовериться, что освобождены лишь те военнопленные, чьи имена обговорены обеими армиями. Для этого хватило обычной перекички, поэтому, как только процедура была завершена, Адам попросил Джеймса составить ему компанию для личного разговора.

По понятным причинам, Джеймс полагал, что Адам хочет обсудить его брата.

— Вы полагаете, Нат ни за что не сменит сторону? — задумчиво поинтересовался Джеймс.

Адаму не хотелось давать прямой ответ. На самом деле он был глубоко разочарован одержимостью, как он полагал, Старбака войной, в которую он погружался, словно страстный любовник.

Адам считал, что Нат покинул Господа, и оставалось лишь надеяться, что Господь не покинул Ната Старбака. Но Адаму не хотелось давать такой резкий и жесткий ответ Джеймсу, и он раздумывал над какими-нибудь благочестивыми словами, которые поддержат веру Джеймса в младшего брата.

— Он сказал, что постоянно посещает молитвенные собрания, — неубедительно пробормотал он.

— Это хорошо. Это очень хорошо! — Джеймс выглядел необычайно оживленным, но затем нахмурился, почесав живот.

Как и любой другой узник Касл-Лайтнинга он весь кишел вшами. Вначале он находил эту заразу ужасно постыдной, но со временем привык к ней.

— И что же Нат собирается делать в будущем? — спросил Адам, и сам же ответил на этот вопрос покачиванием головы.

— Не знаю. Если мой отец снова примет командование Легионом, то думаю, ему придется подыскать себе другое занятие. Видите ли, мой отец не в восторге от Ната.

Джеймс встревоженно вскочил от неожиданного громкого свистка пара, выпущенного локомотивом с находившейся неподалеку йорк-риверской железной дороги. Паровоз выпустил очередную большую струю пара, и затем его огромные ведущие колеса пронзительно завизжали, пытаясь найти точку сцепления на мокрых блестящих рельсах.

Надсмотрщик отдавал распоряжения двум рабам, которые, забежав вперед, разбрасывали пригоршни песка под вертящиеся колеса. В конце концов паровоз нашел-таки точку сцепления и рванулся вперед, длинная вереница вагонов тряслась и раскачивалась.

Адама с Джеймсом окутало густое облако едкого удушливого дыма. В качестве топлива для паровоза использовалась смолистая древесина сосны, которая оставляла сгустки смолы на ободе дымовой трубы, сильно смахивающей на горшок.

— У меня была особая причина повидать сегодня с вами, — неловко начал Адам, когда стих звук паровоза.

— Помахать рукой на прощание? — с удивительной недогадливостью предположил Джеймс. Одна из подошв его ботинок надорвалась и хлопала при ходьбе, из-за чего он время от времени спотыкался.

— Буду с вами откровенен, — нервно проговорил Адам и умолк, пока они обходили ржавую грудю мокрой якорной цепи. — Войне, — наконец выговорил он, — должен быть положен конец.

— О, и в самом деле, — с жаром вымолвил Джеймс. — Конечно же, должен. Это моя сокровенная мечта.

— Я даже не в силах вам объяснить, — с тем же жаром отвечал ему Адам, — какое несчастье эта война приносит Югу. Я содрогаюсь только при одной мысли, что такое же зло постигнет Север.

— Аминь, — ответил Джеймс, хотя и совершенно не имел понятия о том, что имел в виду Адам. В тюрьме временами казалось, что Конфедерация берет в войне верх, и это впечатление только усилилось, когда прибыли несчастные пленные с Бэллс-Блафф.

— Если война продолжится, — то она низведет всех нас на низшую ступень развития. Мы станем посмешищем для всей Европы, потеряем весь моральный авторитет, которым обладаем в мире, — он покачал головой, словно досадуя, что нечетко выразился.

За пристанью набирал ход паровоз, колеса вагонов стучали на стыках рельс, а белый пар локомотива выделялся на фоне серых облаков.

Проводник запрыгнул на площадку служебного вагона и укрылся от холодного ветра внутри.

— Война — это зло! — прорвало наконец Адама.

— Она противоречит всем помыслам Бога. Я много думал об этом и умоляю вас меня понять.

— Я понимаю вас, — ответил Джеймс, но не мог ничего добавить, потому что ему не хотелось оскорблять своего нового друга словами о том, что поражение Конфедерации было единственным средством осуществить все Божьи помыслы.

Всё это сильно сбивало с толку, подумал Джеймс.

Некоторые из пленных северян в Касл-Лайтнинге открыто хвастались своими любовными похождениями, были богохульниками и насмешниками, любителями выпить и азартными игроками, возмутителями спокойствия и вольнодумцами, и всё же они были солдатами, сражавшимися за Север, тогда как этот исполненный боли и набожности человек, Адам — мятежником.

И тут к удивлению Джеймса Адам опроверг эту мысль.

— Что действительно необходимо для Севера, — начал Адам, — и я надеюсь на ваше доверие в этом деле, так это добиться быстрой и сокрушительной победы. Только таким способом можно остановить эту войну. Вы мне доверяете?

— Да, да. Конечно же доверяю, — Джеймс был поражен доводами Адама.

Он умолк и взглянул в лицо молодому человеку, не обращая внимания на звон колокола, призывавшего пленных подняться на борт судна под флагом перемирия.

— Я присоединю свои молитвы к вашим, — самодовольно заявил Джеймс.

— Это потребует чего-то большего, чем молитвы, — ответил Адам, и, вытащив из кармана библию из тонкой бумаги, вручил ее Джеймсу.

— Я прошу вас отвезти ее с на Север. Под обложкой спрятан список всех наших подразделений, с их сильными и слабыми сторонами и текущим местом дислокации в Виргинии.

Импровизированный тайник в кожаном переплете библии он заполнил всевозможными деталями, касавшимися обороны конфедератов на севере Виргинии.

Он перечислял нормы питания каждой бригады в повстанческой армии и говорил о возможности принятия ричмондским правительством всеобщей воинской повинности этой весной.

Должность в штабе позволила Адаму сообщить число артиллерийских орудий, еженедельно поступающее в армию с ричмондских сталелитейных заводов, и выдать, сколько пушек, нацеленных на пикеты северян в редутах у Кентервиля и Манассаса, на самом деле были фальшивкой.

Он набросал план обороны Ричмонда, предупреждая, что строительство кольца земляных укреплений и рвов еще не завершено и что с каждым месяцем препятствия будут расти.

Он сообщал северянам о новом броненосце, который в тайне строился на верфях Норфолка, и о форте, охранявшем подступы к Ричмонду с реки.

Адам, описав все слабые и сильные стороны южан, убеждал северян, что одно решительное наступление развалит мятежный Юг, как карточный домик.

Адам отчаянно надеялся, что всего лишь одной этой измены будет достаточно для завершения войны, но всё же был достаточно благоразумен, чтобы осознавать, что, кто бы ни

получил это письмо, он мог потребовать еще больше сведений.

Вышагивая по скользкому причалу под холодным дождем, Адам обстоятельно объяснял Джеймсу, каким путем доставить ему послание с Севера. Адам долго разрабатывал эту схему, пытаясь предусмотреть все препятствия, которые могли разоблачить его перед ричмондскими властями, и знал, что наибольшей опасности будут подвергаться сообщения, отправленные с севера на юг.

— Вот почему будет лучше, чтобы вы никогда мне не писали, — предупредил он Джеймса, — но если придется, то умоляю, не упоминайте моего имени в письме.

— Конечно, — Джеймс обхватил ледяными руками кожаный переплет библии, виновато чувствуя прилив неожиданного счастья.

Не было ничего неправильного и предосудительного в том, что он радовался поддержке Адамом дела северян, но всё же он находил постыдным то, что видел в этой поддержке выгоду и для себя, виновато понимая, что спрятанное в библии письмо также могло поспособствовать его военной карьере.

Вместо того, чтобы возвращаться на Север скромным адъютантом неудачливого генерала, он неожиданно превратился в предвестника победы северян. На его молитвы воздалось сторицей.

— Если будет необходимо, я могу послать дополнительные сведения, — продолжил Адам, — но только вам. Никому другому. Я больше никому не могу доверять.

По обеим сторонам было полно доносчиков, которые предадут любого по цене бутылки виски, но Адам был уверен, что может доверять этому бостонскому адвокату, вне всякого сомнения, самому благочестивому и набожному человеку в обеих армиях.

— Вы готовы поклясться на библии, что будете держать в тайне мою личность?

— Конечно, — ответил Джеймс, все еще находясь в состоянии оцепенения от привалившего ему счастья.

— Я имею ввиду в тайне от всех, — настоял на своем Адам.

— Если вы раскроете мое имя генералу Макклелану, то у меня нет уверенности, что он не расскажет об этом кому-нибудь еще, и что этот кто-то не разрушит мою жизнь. Обещайте мне это. Никто кроме нас не должен об этом знать.

Джеймс снова кивнул.

— Я обещаю, — он отвернулся, потому что снова зазвонил судовой колокол.

Его пленные товарищи поднимались по трапу, но Джеймс так и не сдвинулся с места, чтобы к ним присоединиться. Вместо этого он порылся во внутреннем кармане своего вылинявшего грязного кителя и вытащил обернутый в промасленную тряпку пакет.

Джеймс сбросил небрежно свисавшую ткань, обнажив маленькую зачитанную карманную библию в потертом переплете.

— Вы отдадите это Нату? Попросите его почитать ее, хорошо?

— С удовольствием, — Адам взял толстую библию, наблюдая за тем, как Джеймс заворачивал в ткань свое новое Писание.

— И передайте ему, — добавил Джеймс упавшим голосом, — что если он вернется на север, я сделаю всё от меня зависящее, чтобы примирить его с родителями.

— Конечно, — ответил Адам, хотя и не мог себе представить, что Старбак откликнется на великодушие своего брата.

— Мистер, хотите остаться здесь? — окликнул Джеймса матрос с корабля.

— Помните о своем обещании, — попросил Адам. — Не говорите никому, кто дал вам

это письмо.

— Вы можете мне доверять, — заверил Джеймс Адама. — Я никому не скажу.

— Благослови вас Господь, — Адам почувствовал неожиданную теплоту к этому славному неуклюжему человеку, который явно был его братом во Христе.

— И благослови Бог Соединенные Штаты.

— Аминь, — ответил Джеймс и протянул ему руку.

— Я буду молиться за вас.

— Спасибо, — поблагодарил его Адам, пожав Джеймсу руку, прежде чем проводить северянина до ожидающего корабля.

Трап подняли и отдали концы. Джеймс стоял у поручней, крепко сжимая новую библию.

Как только отдали последний конец и судно двинулось к реке, освобожденные пленные приободрились. Колеса начали вращаться, своими лопастями вспенив мутную воду.

Вращение лопастей вызвало еще одно бурное проявление радости освобожденных пленных, только Джеймс безмолвно стоял в отдалении. Клубы серого дыма, вырвавшись из высокой трубы чудна, поплыли вдоль реки.

Адам наблюдал, как пароход прошел мимо верфи, его продвижению способствовало холодное, подгоняемое ветром течение. Он в последний раз помахал Джеймсу рукой и, взглянув на карманную библию, обнаружил, что ее поля испещрены мелкими записями.

Это была библия человека, спорящего с Богом, библия хорошего человека. Адам закрыл книгу и крепко сжал ее в руке, словно мог почерпнуть силу слова Божья, и затем развернулся и прихрамывая пошел к своей привязанной лошади.

Ветер приносил холод и прохладу, но Адам чувствовал безмерное облегчение, потому что поступил правильно. Он выбрал мир и, поступая так, принесет счастье своей стране; страна снова станет единой — Север и Юг, объединенные во имя Господа.

Адам поехал в город. Позади него пароход под флагом перемирия поднимал брызги и дымил по всей излучине реки, отправившись на юг со своим грузом предательства и мира.

Часть вторая

Глава четвертая

Официальная инаугурация Джефферсона Дэвиса на пост президента Конфедеративных Штатов Америки была назначена в день рождения Джорджа Вашингтона.

Однажды он уже прошел через эту церемонию в Монтгомери, штат Алабама, но там стал лишь президентом временного правительства.

Сейчас, после выборов и должным образом обустроившись в новой столице Конфедерации, он пройдет через эту церемонию во второй раз.

День рождения Вашингтона был выбран в качестве даты второй инаугурации с целью придать событию символическое величие, но этот знаменательный день не принес ничего, кроме мелкого нескончаемого дождя, который заставил огромную толпу, собравшуюся на ричмондской площади Капитолия, укрыться под зонтами, и со стороны казалось, что ораторы обращались к кучке блестящих черных холмиков.

Дождь так громко барабанил по крышам экипажей и туго натянутым зонтам, что никто кроме стоящих на трибуне не мог расслышать ни выступлений, ни молитв, ни даже торжественной присяги президента при вступлении в должность.

После принятия присяги президент Дэвис воззвал к помощи Бога в праведном деле южан, его молитва сопровождалась чиханьем и кашлем стоявших вокруг почетных гостей.

Над городом низко нависли серые февральские тучи, так что всё, кроме новых военных знамен восточной армии Конфедерации, выглядело темным.

Знамя, развевавшееся на флагштоке позади трибуны и различимое с крыши каждого дома с видом на площадь Капитолия, представляло собой красный флаг, пересеченный Андреевским крестом, на котором были вышиты тринадцать звезд, олицетворявшие одиннадцать мятежных штатов и Кентукки с Миссури, присягнувшие на верность обеим сторонам.

Южане, любящие во всё искать предзнаменования, были довольны, что новую страну основали тринадцать штатов, как и шестьдесят восемь лет назад тринадцать штатов основали другую страну, хотя некоторые в толпе считали это число несчастливым, сочтя и проливной дождь дурной приметой для только что избранного президента.

После церемонии процессия перепачканных грязью видных лиц Конфедерации поспешила по Двенадцатой улице, чтобы посетить прием в Брокенбро-Хаусе, снятом правительством в качестве президентского особняка.

Дом вскоре переполнился промокшими до нитки гостями, которые развешивали свои сырые плащи на две парные статуи — Комедию и Трагедию, украшавшие вестибюль, а потом переходили из комнаты в комнату, чтобы оценить и раскритиковать вкус новоизбранного президента в выборе мебели и картин.

Президентские рабы закрыли дорогие ковры в приемных защитными чехлами, но гостям хотелось рассмотреть узоры, хлопковые покрывала были откинута в сторону, и вскоре красивые узорчатые ковры были затоптаны грязными сапогами, а двойной ряд павлиньих перьев на каминной полке в дамском салоне был выщипан теми, кто желал оставить себе сувенир в память об этом дне.

Сам президент нахмурившись стоял в роскошной столовой рядом с камином из белого

мрамора и заверял всех подходивших его поздравить, что воспринимает сегодняшнюю церемонию как самое торжественное в жизни событие, а свое президентство — как чрезвычайно серьезную ответственность.

Предполагалось, что гостей будет развлекать армейский оркестр, но толпа была такой плотной, что скрипач даже не мог взмахнуть смычком, поэтому военные удалились на кухню, где повара угостили их прекрасной мадерой и холодным цыпленком в желе.

Полковник Вашингтон Фалконер, великолепный в своем изящном мундире Конфедерации, который эффектно оттеняла темная повязка, поддерживающая его правую руку, поздравил президента. Не будучи в состоянии пожать ему руку раненой правой рукой, он выпутался из этого неловкого положения, протянув левую.

Президент Дэвис наконец ухитрился неуклюже пожать руку, а затем невнятно пробормотал, что польщен присутствием полковника Фалконера на этом знаменательном событии, проводящемся в дни тяжелых испытаний.

— Тяжелые испытания выпадают на долю великих людей, господин президент, — ответил Вашингтон Фалконер, — и это значит, что нам повезло с вами.

Тонкие губы Дэвиса слегка растянулись в улыбке, принимая комплимент. У президента ужасно болела голова, и он выглядел даже более отстраненным и холодным, чем обычно.

— Я действительно сожалею, — холодно сказал он, — что вы отказались принять должность эмиссара.

— Однако таким образом я избавил себя от некоторых неудобств, господин президент, — беспечно ответил Фалконер, прежде чем осознал, что на войне все должны воспринимать неудобства как должное, даже если эти неудобства подразумевали похищение флотом Соединенных Штатов из комфортных кают британского почтового судна.

Двух эмиссаров уже отпустили, таким образом оградив Север от вступления в войну не только с Конфедерацией, но и с Британией, однако их прибытие в Европу не принесло добрых вестей.

Франция не поддержит Юг, пока первый шаг не сделают британцы, а британцы не вмешаются, пока Юг не покажет четких признаков того, что в состоянии выиграть эту войну без посторонней помощи, что, конечно же, было полной бессмыслицей.

Президент, размышляя о дипломатическом провале, пришел к выводу, что эмиссарами были избраны не те люди.

Слайделл и Мейсон были неотесанными грубыми людьми, знакомыми с деревенским своеобразием американской политики, но едва ли достаточно изворотливыми на фоне хитрых бюрократов подозрительной Европы. Более ловкий эмиссар, как верил президент, мог бы достигнуть больших успехов.

А Вашингтон Фалконер действительно был представительный мужчиной со светло-соломенными волосами и открытым честным лицом, не лишенным привлекательности.

Широкий в плечах, подтянутый, обладатель одного из самых больших состояний в Виргинии, такого огромного, что он набрал на свои деньги полк и вооружил его по стандартам лучших армий мира. По слухам, он мог бы проявить подобную щедрость еще десятков раз и по-прежнему не испытывать недостатка в средствах.

Он был, по мнению любого, удачливым и неординарным человеком, и президент Дэвис еще раз почувствовал раздражение из-за того, что Фалконер отклонил предложение поступить на дипломатическую службу, только чтобы осуществить свою мечту — повести в бой бригаду.

— Сожалею, что вы еще не оправились, Фалконер. Президент указал на его черную повязку.

— Небольшая потеря сноровки, господин президент, но не достаточная, чтобы помешать мне обнажить шпагу в защиту своей страны, — скромно ответил Фалконер, хотя на самом деле его рука полностью зажила, и он носил перевязь, только чтобы выглядеть героем.

Черная перевязь была особенно привлекательна для женщин, этот эффект усиливался отсутствием жены Фалконера, страдающей от нервных недугов и живущей в загородном семейном поместье.

— И я верю, что эта шпага будет скоро востребована, — добавил Фалконер с явным намеком на то, что желает получить поддержку президента при назначении на должность командующего бригадой.

— Подозреваю, что скоро все мы будем задействованы, исполняя свой долг, — туманно ответил мертвенно бледный президент. Ему хотелось, чтобы рядом оказалась жена, которая помогла бы ему справиться со всеми этими возбужденными людьми, требующими от него большего воодушевления, чем он был в состоянии дать.

Варина прекрасно вела светские разговоры, тогда как сам президент во время этих общественных мероприятий чувствовал, что слова замирают у него на языке. Дэвис гадал, неужели и Линкольну соискатели должностей досаждали подобным же образом? Или его брат чувствовал себя более непринужденно, общаясь со всеми этими докучливыми незнакомцами?

За спиной Фалконера неожиданно появилось знакомое лицо, человек улыбался и кивал президенту, требуя внимания. Дэвис пытался вспомнить его имя, которое, к счастью, всплыло в самый нужный момент.

— Мистер Дилейни, — без особого восторга поприветствовал новоприбывшего президент.

Бельведер Дилейни был адвокатом и сплетником, которого, насколько помнил Дэвис, не пригласили на этот прием, но он как ни в чём не бывало явился.

— Господин президент, — Дилейни поклонился в качестве признания высокой позиции Джефферсона Дэвиса.

За вкрадчивой наружностью маленького, пухлого, улыбчивого ричмондского адвоката скрывался острый, как змеиное жало, ум.

— Позвольте искренне вас поздравить по случаю инаугурации.

— Торжественное событие, Дилейни, налагающее серьезные обязанности.

— Погодка, кажется, не из самых приятных, господин президент, — сказал Дилейни, словно злорадствуя по поводу дождливого дня.

— А теперь сэр, если вы позволите, я пришел, чтобы потребовать внимания полковника Фалконера. Вы не можете монополизировать право на общение с героями Конфедерации, сэр.

Дэвис кивнул, благосклонно согласившись, чтобы Дилейни увел Фалконера, хотя это лишь дало возможность некоему тучному конгрессмену сердечно поздравить своего миссисипского соотечественника со вступлением в должность первого президента Конфедерации.

— Это тяжелый долг и почетная обязанность, — пробормотал президент.

Конгрессмен из Миссисипи с силой хлопнул Джефферсона Дэвиса по плечу.

— Тяжелый долг, будь он проклят, Джефф, — проревел в ухо президенту конгрессмен.

— Просто отправь ребят на север, чтобы снесли башку старому Эйбу Линкольну.

— Я предоставлю стратегию ведения войны своим генералам, — президент пытался отойти от конгрессмена, чтобы принять явно более приятные пожелания священника епископальной церкви.

— Проклятье, Джефф, ты столько же знаешь о войне, сколько и любой из наших прекрасных солдат, — конгрессмен сплюнул струю табака в плевательницу.

Струя темной слюны пролетела мимо плевательницы, забрызгав мокрый подол платья жены священника.

— Время разобраться с этим северным куриным пометом раз и навсегда, — весело заявил конгрессмен, а затем предложил президенту сделать глоток из его фляги.

— Самый крепкий виски по эту сторону реки Теннесси, Джефф. Один глоток излечит все твои печали!

— Вам необходимо было меня видеть, Дилейни? — Фалконер был сердит, что низенький хитрый адвокат увел его от президента.

— Это не я хотел вас видеть, Фалконер, а Дэниелс, а когда зовет Дэниелс, человек делает всё от него зависящее, чтобы откликнуться.

— Дэниелс! — удивленно воскликнул Фалконер, так как Дэниелс был одним из самых влиятельных людей Ричмонда, который вёл затворнический образ жизни.

Он также был известен своим уродством и сквернословием, но являлся важной персоной, потому что именно Дэниелс решал, какие проекты и людей поддержит влиятельная газета «Ричмондский наблюдатель».

Он жил в одиночестве в обществе двух злых собак, ему доставляло особое удовольствие стравливать их с друг с другом, в то время как он хохотал со своего наблюдательного пункта в высоком парикмахерском кресле

Сам он тоже был бойцом не робкого десятка, дважды дравшимся на дуэли на ричмондской дуэльной арене у Кровавого Ручья и выжив в обеих схватках, укрепив свою репутацию злодея.

Многие южане полагали, что он прекрасно разбирается в теоретических основах полимтики, и его памфлет "Вопрос о ниггерах" широко почитался всеми теми, кто не видел никакой необходимости в изменении института рабства.

А теперь наводящий ужас Джон Дэниелс ждал Фалконера на высоком заднем крыльце новой резиденции президента, с хлыстом в руке угрюмо наблюдая за дождем.

Он мельком взглянул в сторону Фалконера, затем щелкнул хлыстом по стекавшим с голых деревьев каплям дождя.

— Неужели погода злится на нашего нового президента, а, Фалконер? — спросил Дэниелс своим скрипучим резким голосом, воздержавшись от других формальных слов приветствия.

— Хотелось бы верить, что нет, Дэниелс. Надеюсь, вы в полном здравии?

— А что вы думаете о нашем новом президенте, Фалконер? — Дэниелс проигнорировал вежливое приветствие Фалконера.

— Я думаю, что нам повезло с этим человеком.

— Вы говорите как редактор "Стража". Повезло! Боже мой, Фалконер, старый Конгресс Соединенных Штатов был полон таких слизняков, как Дэвис. Я видел, как люди и получше него вываливались из поросычьей задницы. Он впечатляет своей уравновешенностью, так

ведь? Да, он уравновешен, скажу я вам, потому что в нем нет ничего живого, ничего кроме гордости, чести и государственного ума. А это не те качества, которые нам нужны, Фалконер. Нам нужны люди, которые просто пойдут и прикончат янки. Мы должны утопить Север в крови янки, а не произносить прекрасные речи с трибуны. Если бы речами выигрывали сражения, мы бы уже маршировали по штату Мэн, по пути захватив Канаду. Вы знаете, что два дня тому назад в Ричмонде был Джо Джонстон?

— Нет, не знаю.

— И знаете, как Джонстон вас называет, Фалконер? — спросил Дэниелс своим малопривычным голосом.

Для Дэниелса не имело значения, что Фалконер был одним из богатейших людей Юга, настолько богатым, что мог позволить себе купить дюжину газет вроде "Наблюдателя", Дэниелс знал свою силу, с помощью которой был способен влиять на общественное мнение Юга.

Эта же власть давала ему право развалиться в плетеном президентском кресле-качалке, положив свои поношенные сапоги на ограду крыльца, в то время как Фалконер в ярком полковничьем мундире стоял возле него как проситель.

— Он зовет вас героем Манассаса, — звительно произнес Дэниелс.

— Что вы на это скажете?

— Премного благодарен, — ответил Фалконер.

В действительности это прозвище было ошибкой, потому что генерал Джонстон так и не узнал, что это не Фалконер повел Легион против неожиданной фланговой атаки северян в Манассасе, а никем не воспетый Таддеус Бёрд, как и не узнал, что Бёрд принял это решение, намеренно нарушив приказы Фалконера.

Вместо этого, как и многие другие в Конфедерации, Джонстон был убежден, что в лице Вашингтона Фалконера Юг приобрел блестящего и подобающего героя.

Это мнение умело поддерживалось и самим Вашингтоном Фалконером. После Манассаса полковник провел долгие месяцы, читая лекции по тактике ведения боя в залах и театрах от Фредриксберга до Чарльстона.

Он рассказывал своим слушателям о предотвращенном несчастье и о поражении, обернувшимся победой, его истории придавал красок и драматизма небольшой оркестр раненых музыкантов, которые играли патриотические песни, а в самые трагические моменты повествования имитировали призыв военного горна, и аудитория получала полное впечатление, будто невидимые армии маневрировали прямо за темными окнами зала.

Затем, когда повествование достигало своего апогея, и вся судьба Конфедерации висела на весах истории, Фалконер делал паузу, и дробь небольшого барабана изображала ружейную стрельбу, а грохот большого — артиллерийский огонь, а потом Фалконер рассказывал о героизме, приведшем в тот день к победе.

Потом звучали аплодисменты, заглушая барабаны, изображавшие ружейный огонь. Героизм южан побеждал тупую силу янки, и Фалконер скромно улыбался в гуще оваций.

Не то чтобы Фалконер когда-либо действительно объявлял себя героем Манассаса, но его рассказ о сражении и не опровергал эти похвальные отзывы.

Если бы вы спросили об этом самого Фалконера, то он отказался бы отвечать, заявляя, что скромность украшает воина, но затем коснулся бы своей правой руки на перевязи, увидев, что мужчины уважительно расправили плечи, а женщины просто тают под его взглядом.

Он привык к лесте, по правде говоря, он так долго произносил свои речи, что и сам поверил в собственный героизм, и это убеждение сделало невыносимым воспоминание о той ночи в Манассасе, когда Легион от него отвернулся.

— Так были ли вы героем? — прямо спросил Дэниелс Фалконера.

— Каждый был в Манассасе героем, — высокопарно ответил Фалконер. Дэниелс рассмеялся над этими словами.

— Он должен был стать адвокатом как и вы, а, Дилейни? Умеет пустословить!

Бельведер Дилейни чистил ногти и одарил редактора легкой безрадостной улыбкой. Дилейни был придирчивым, умным, сообразительным человеком, которому Фалконер не совсем доверял.

В данный момент на адвокате был мундир Конфедерации, хотя в чём состояли его военные обязанности, Фалконер не мог разгадать. Ходили слухи о том, что Дилейни являлся владельцем знаменитого борделя миссис Ричардсон на Маршалл-стрит и еще более престижного публичного дома на Франклин-стрит.

Если это было правдой, то сплетни из обоих борделей, без сомнения, снабжали Дилейни компрометирующими сведениями обо всех лидерах Конфедерации, и хитрый адвокат, вероятно, передавал содержание интимных бесед этому хмурому, больному и скрюченному Дэниелсу.

— Нам нужны герои, — сказал Дэниелс. Он угрюмо смотрел на затопленные дорожки и грязные овощные грядки мокрого сада. Струйка дыма вилась из президентской коптильни, где заготавливалась добрая дюжина виргинских окороков. — Ты слышал о Генри и Донельсоне?

— Конечно, — ответил Фалконер. В Теннесси были захвачены форты Донельсон и Генри, и похоже, что должен был пасть и Нэшвилл, в то время как на западе очередной удар нанес флот янки, на этот раз захватив остров Роанок в Северной Каролине.

— А что ты скажешь, Фалконер, — Дэниелс бросил недоброжелательный взгляд на привлекательного виргинца, — если я сообщу тебе, что Джонстон собирается оставить Кентервиль и Манассас?

— Он не может! — Фалконер был действительно ошеломлен этой новостью. Слишком много акров севера Виргинии были уже оккупированы врагом, и очередная сдача священной земли штата без битвы ошеломила Фалконера.

— Но он собирается, — Дэниелс сделал паузу, чтобы прикурить длинную черную чируту. Он сплюнул кончик чируты через ограду крыльца и затем выпустил дым в дождь.

— Он решил отступить за Раппаханнок. Утверждает, что там мы сможем лучше держать оборону, чем в Кентервиле. Никто еще не объявил об этом решении, оно держится в тайне, а это значит, что об этом знает Джонстон, Дэвис, мы с вами, и, возможно, добрая половина чертовых янки. И угадайте, что собирается сделать Дэвис, Фалконер?

— Уверен, даст бой сторонникам этого решения, — ответил Фалконер

— Бой? — передразнил Фалконера Дэниелс.

— Джефф Дэвис не знает значения этого слова. Он только слушает Бабулю Ли. Осторожность! Осторожность! Осторожность! Вместо того, чтобы сражаться, Фалконер, Дэвис предлагает с завтрашнего дня в течении недели молиться и соблюдать пост. Вы можете этому поверить? Мы уморим себя голодом, и Господь Всемогущий обратит внимание на наше бедственное положение. Что ж, Джефф Дэвис может затянуть свой пояс потуже, но черт меня дери, если и я сделаю то же самое. В этот день я закачу пирушку.

Присоединитесь, Дилейни?

— С преогромным удовольствием Джон, — протянул Дилейни и затем оглянулся, когда открылась дверь в конце веранды.

На крыльце появился маленький мальчик с обручем в руке, должно быть, лет четырех или пяти. Мальчик улыбнулся незнакомцам.

— Няня сказала, что я могу здесь поиграть, — пояснил мальчик, который, как решил Фалконер, был старшим сыном президента.

Дэниелс бросил злобный взгляд на ребенка.

— Захотелось порки, парень? Если нет, то убирайся отсюда к чертовой матери, немедленно!

Когда мальчик в слезах убежал, редактор повернулся к Фалконеру.

— Мы не только отступаем от Кентервиля, Фалконер, но поскольку у нас недостаточно времени для вывоза обоза с узла в Манассасе, мы сжигаем его! Ты можешь в это поверить? Мы потратили многие месяцы, обеспечивая армию продовольствием и амуницией, и с первым же дуновением весны решаем сжечь все до последней тряпки и удрать за ближайшую реку, как перепуганные девицы. Что нам нужно, Фалконер, так это генералы с яйцами. Способные генералы. Генералы, не избегающие сражений. Прочтите это, — он вытащил из кармана жилета сложенный лист бумаги и кинул его Фалконеру.

Полковнику пришлось наклониться к тростниковой циновке крыльца, чтобы поднять сложенный листок, оказавшийся наброском редакторской колонки для "Ричмондского наблюдателя".

Статья была чистым бальзамом на душу Фалконера. Она гласила, что наступило время решительных действий. Весна, несомненно, принесет вражескую атаку беспрецедентной жестокости, и для Конфедерации единственным способом выживания было противопоставить этому бешеному натиску храбрость и находчивость.

Юг никогда не одержит победу нерешительностью, и точно не рытьем траншей, которыми генерал Роберт Ли намеревался окружить Ричмонд.

Конфедерация, заявляла статья, будет упрочена людьми бесстрашными и дальновидными, а не усилиями военных инженеров.

Автор неохотно допускал, что нынешние лидеры Конфедерации действовали из лучших побуждений, но они были ограничены в своих идеях, и без сомнения, пришло время назначить на высшие должности новых офицеров.

Одним из таких людей был Вашингтон Фалконер, оставшийся не у дел после Манассаса. Бросьте этого человека против Севера, резюмировала статья, и война будет окончена к лету.

Фалконер прочитал статью второй раз и обдумывал, стоит ли ему заглянуть после обеда к Шафферсу, чтобы заказать дополнительную тесьму на рукава и вышивку золотом, которая будет обрамлять звёзды на кончиках его воротника.

Бригадный генерал Фалконер! Он решил, что это звание ему идет.

Дэниелс забрал статью обратно.

— Вопрос в том, Фалконер, стоит ли нам это публиковать?

— Вам решать, Дэниелс, не мне, — скромно заявил Фалконер, спрятав свой восторг, закрывая сигару от ветра и прикуривая.

Ему было интересно, скольких старших офицеров оскорбит эта публикацию, а затем он понял, что он не сможет высказать эти боязливые опасения Дэниелсу, иначе статья может измениться, порекомендовав отдать бригаду под начало кого-нибудь другого.

— Вы тот самый нужный нам человек? — рывкнул Дэниелс.

— Вы спрашиваете, буду ли я атаковать, атаковать и снова атаковать? Да. Вы спрашиваете, покину ли я Манассас? Нет. Вы спрашиваете, буду ли я использовать хороших солдат, чтобы копать канавы вокруг Ричмонда? Никогда!

После этого заявления Фалконера Дэниелс хранил молчание. Вообще-то, он молчал столько времени, что Вашингтон Фалконер начал себя уже чувствовать себя глупо, но потом чернородый редактор заговорил снова.

— Вам известна численность армии Макклелана? — задал он вопрос, не глядя на Фалконера.

— Нет, точно я не знаю.

— Нам она известна, но мы не публикуем эти цифры в газете, потому что если мы это сделаем, то можем просто довести людей до отчаяния, — Дэниелс помахивал своим длинным хлыстом, а его голос громыхал, заглушая бурлящие потоки непрекращающегося дождя.

— Это новый Наполеон, Фалконер, под его командованием более ста пятидесяти тысяч человек. У него пятнадцать тысяч лошадей и более двухсот пятидесяти пушек. Больших пушек, Фалконер, смертоносных пушек, лучших пушек, которые могли поставить литейщики Севера, и они выстроились колесом к колесу, чтобы стереть наших бедных солдат в кровавые ошметки. А сколько у нас бедолаг-южан? Семьдесят тысяч? Восемьдесят? И когда закончится их срок службы? В июне? В июле?

Большую часть армии Юга составляли добровольцы, которые приходили служить на один год, и по окончании этого года выжившие ожидали возвращения домой.

— Нам придётся начать призыв, Фалконер, — продолжал Дэниелс, — если весной мы собираемся разбить этого так называемого гения Макклелана.

— Народ никогда не поддержит на призыв, — сурово заявил Фалконер.

— Народ, полковник, прекрасно поддержит всё, чёрт побери, что приведёт нас к победе, — жестко произнес Дэниелс, — но поведёте ли этих призывников вы, Фалконер? Таков сейчас правильный вопрос. Вы тот человек, что мне нужен? Стоит ли "Наблюдателю" вас поддерживать? В конце концов, вы не самый опытный офицер, так ведь?

— Я смогу привнести новые идеи, — скромно предположил Фалконер. — Новую кровь.

— Но новому и неопытному бригадному генералу потребуется хороший и опытный заместитель. Разве не так, полковник? — произнося эти слова, Дэниелс злобно посматривал на Фалконера.

Фалконер радостно улыбнулся.

— Я надеюсь, что вместе со мной будет служить мой сын Адам. Сейчас он в штабе Джонстона, так что у него хватает опыта, и нет более способного и честного человека в Виргинии, — тон Фалконера наполнился почти осязаемой теплотой и искренностью.

Он безумно любил своего сына, не только отцовской любовью, но и с радующим его чувством гордости за несомненные добродетели Адама. В самом деле, Фалконеру иногда казалось, что Адам был его несомненным успехом, достижением, придающим смысл остатку его жизни. Теперь он, улыбаясь, повернулся к адвокату.

— Вы ведь можете подтвердить добродетели Адама, правда, Дилейни?

Но Бельведер Дилейни не ответил. Он просто разглядывал мокрый сад.

Дэниелс со свистом вдохнул и предостерегающе мотнул уродливой головой.

— Мне это не нравится, Фалконер. На мой взгляд тут пахнет покровительством.

Непотизмом! Верно я сказал, Дилейни?

— Непотизм и есть, Дэниелс, — подтвердил Дилейни, не глядя на Фалконера, чье лицо стало похоже на лицо маленького мальчика, которого только что выпороли.

— "Наблюдатель" никогда не поддерживал непотизм, Фалконер, — протрещал Дэниелс своим скрипучим голосом, а потом отрывисто махнул Дилейни, и тот послушно открыл переднюю дверь веранды, впустив на крыльцо изможденное и оборванное создание, одетое в мокрый изношенный мундир, в котором в этот ненастный день незнакомец дрожал от холода.

Казалось, что жизнь изрядно потрепала этого мужчину среднего возраста, с клочковатой черной бородкой, глубоко запавшими серыми глазами и тиком покрытой шрамами щеки.

По всей видимости, его донимала простуда — он без конца утирал шмыгающий нос, проводя затем рукавом о неряшливую бороду с засохшими каплями табачной слюны.

— Джонни! — без тени смущения поприветствовало это невзрачное существо Дэниелса.

— Фалконер? — Дэниелс обернулся к полковнику.

— Познакомьтесь с майором Гриффином Свинердом.

Отрывисто кивнув Фалконеру, Свинерд протянул левую руку. На ней, заметил полковник, не хватало трех пальцев, остался лишь большой и мизинец. Мужчины обменялись неуклюжим рукопожатием. Нервный тик правой щеки придавал Свинерду несколько возмущенное выражение.

— Свинерд, — пояснил Фалконеру Дэниелс, — служил еще в старой Армии США Выпускник Вест-Пойнта... какого года?

— Выпуск двадцать девятого года, Джонни, — Свинерд щелкнул каблуками.

— Служил в Мексике, затем во время Семинольских войн [\[8\]](#), верно?

— Поснимал скальпов поболее любого из ныне живущих белых, полковник, — поделился Свинерд, ухмыляясь полковнику и обнажая ряд гнилых желтых зубов.

— Одним прекрасным днем снял аж тридцать восемь скальпов! — похвастался Свинерд.

— И все — своими руками, полковник. Скво, детишек, воинов! Кровищи было по локоть, забрызгивало до подмышек. Когда-нибудь имели удовольствие снимать скальп, полковник? — со свирепой энергией поинтересовался Свинерд.

— Нет, — выдавил Фалконер.

— Не довелось, — он все еще переживал из-за отказа Дэниелса поддержать кандидатуру Адама, понимая, что за повышение придется платить.

— Все дело в сноровке, — продолжил Свинерд.

— Как и в любом деле, главное — набить руку. Молодые солдаты вечно пытаются скальп вырезать и, ясное дело, ничего не получается. В результате у них в руках оказывается нечто вроде дохлой мыши, — Свинерду шутка показалась смешной, и он, обнажив щербатый рот, с присвистом засмеялся.

— Резать скальп смысла нет, полковник. Не-ет, скальп надо снимать, ну, как кожуру апельсина! — объяснял Свинерд с очевидным обожанием сей процедуры, которую проиллюстрировал с помощью раненой руки, больше похожей на коготь.

— Если посетите Тайдуотер, обязательно покажу свою коллекцию. У меня три ящичка, доверху заполненные первоклассными скальпами — все обработаны и выдублены, как полагается, — Свинерд, очевидно, решил, что таки произвел неизгладимое впечатление на

Фалконера — он льстиво улыбнулся, а щека задергалась еще сильнее.

— Не хотите взглянуть на скальп, полковник? — вдруг спросил Свинерд, ныряя рукой в нагрудный карман. — У меня какой-нибудь всегда при себе.

Талисман на удачу, понимаете? Этот вот — семинольской скво. Ну и шумной сукой она была, скажу я вам. Что-что, а уж визжать эти дикари умеют!

— Нет, спасибо, — Фалконеру все же удалось удержать любителя скальпов от презентации своего трофея.

— Так вы виргинец, майор? — спросил он, переводя разговор в другое русло и стремясь скрыть отвращение, вызванное гнусным на вид Свинердом.

— Из Тайдуотера, как вы сказали?

— Из Свинердов города Чарльз! — гордо ответил его собеседник.

— Когда-то это была знаменитая фамилия! Разве нет, Джонни?

— Свинерд и сыновья, — сказал редактор, наблюдая за дождем. — Работоторговцы, поставляющие товар виргинской знати.

— Но папаша проиграл весь бизнес, полковник, — признался Свинерд. — Были времена, когда сама фамилия "Свинерд" означало не что иное, как торговлю ниггерами.

Но мой папаша, поддавшись греху азарта, все спустил. И с тех пор мы бедняки, — произнес он с очевидной гордостью, но Фалконеру было понятно, какое предложение стоит за этим хвастовством.

Редактор затянулся сигарой.

— Свинерд — мой кузен, Фалконер. Родня.

— И он обратился к вам в поисках работы? — проницательно предположил Фалконер.

— Не как к газетчику! — вмешался майор Свинерд.

— Со словесностью я не в ладах, полковник. Пусть этим занимаются умные ребята вроде Джонни. Нет, я солдат до мозга костей. Можно сказать, вскормлен из оружейного ствола. Я — боец, полковник, и у меня при себе три ящика скальпов в качестве доказательства.

— Но в настоящий момент — без работы? — подсказал Дэниелс.

— Вообще-то, я подыскиваю наилучшее применение своим бойцовским талантам, — подтвердил Свинерд.

Повисла пауза. Дэниелс извлек рукопись статьи из кармана и якобы углубился в изучение текста. Фалконер понял намек.

— Если мне удастся подыскать местечко для себя, майор, — торопливо заверил он Свинерда, — я почту за великую честь предложить вам должность моей правой руки.

— Первого заместителя, то есть? — вставил Дэниелс.

— Да-да, первого заместителя, — поспешно поправился Фалконер.

Свинерд щелкнул каблуками.

— Я не разочарую вас, полковник. Может быть, мне и не хватает грации аристократа, но, видит Бог, свирепости мне не занимать! Я не рохля, черт возьми, не рохля. Я верю в то, что с солдатами следует управляться, как с ниггерами — быстро и сурово! С кровью и жестокостью, никак иначе, разве не так, Джонни?

— Истинно так, Гриффин, — Дэниелс сложил рукопись, но не торопился убирать ее в карман.

— К сожалению, Фалконер, — продолжил Дэниелс, — мой кузен обнищал на службе родине.

Старой родине, то есть. наших новых врагов. А это значит, что на новую родину он прибыл с ворохом долгов. Так ведь, Гриффин?

— Фортуна меня подвела, полковник, — признался Свинерд.

Глаз его заслезился, а тик снова усилился.

— Всё отдал армии. Всё, и пальцы тоже! Но остался я ни с чем, полковник, ни с чем. Не много я не прошу — лишь возможность служить и сражаться, да клочок земли Конфедерации, когда мой честный труд завершится.

— А еще ты просишь уплатить свои долги, — настойчиво подсказал Джон Дэниелс, — особенно ту часть, которую должен мне.

— Мне доставит огромное удовольствие восстановить ваши финансовые возможности, — заверил Фалконер, размышляя, сколько же головной боли принесет это удовольствие.

— Вы — настоящий джентльмен, полковник, — сказал Свинерд. — Христианин и джентльмен! Это ясно видно, полковник, ясно! Я тронут, сэр, тронут до глубины души, — и Свинерд, смахнув слезинку, выпрямил спину, расправив плечи в знак уважения к своему спасителю.

— Я не разочарую вас. Это не по мне, полковник. Свинердам не свойственно разочаровывать!

Фалконер весьма сомневался в правдивости этого утверждения, но решил, что раз Дэниелс — его наилучшая возможность получить генеральское звание, а ценой Дэниелса является Свинерд, то так тому и быть.

— Значит, договорились, майор, — Фалконер протянул левую руку.

— Договорились, сэр, договорились! — Свинерд ответил на рукопожатие.

— Получаете повышение вы, сэр, получаю повышение я, — он снова обнажил в улыбке гнилые зубы.

— Отлично! — громко подытожил Дэниелс, аккуратно и показательно опуская сложенную рукопись в карман жилета. — А теперь, джентльмены, если вы желаете познакомиться друг с другом поближе — нам с мистером Дилейни нужно кое-что обсудить.

Таким образом, предоставленные сами себе, Фалконер и Свинерд присоединились к людям, которые еще толпились в президентском доме, покинув шелкающего по каплям дождя хлыстом Дэниелса.

— Вы уверены, что Фалконер действительно тот, кто нам нужен?

— Вы слышали Джонстона, — радостно откликнулся Дилейни. — Фалконер — герой Манассаса.

Дэниелс нахмурился:

— А я слышал, что Фалконера застали со спущенными штанами. Что он даже не был с Легионом, когда тот сражался.

— Обычные происки завистников, мой дорогой Дэниелс, всего лишь выдумки завистников.

Дилейни, довольно развязно ведущий себя с могущественным редактором, достал сигару. Его запас драгоценных французских сигарет закончился, и эта нехватка была, пожалуй, самой серьезной причиной, по которой он желал скорейшего окончания войны.

Для достижения этого конца он, как и Адам Фалконер, тайно поддерживал Север, способствуя его победе подрывной деятельностью в столице Юга, и сегодняшнее событие, подумал он, было и в самом деле прекрасным образцом саботажа.

Он только что убедил самого влиятельного издателя Юга вложить всё огромное влияние газеты в одного из самых тщеславных и бесталанных военных Конфедерации.

Фалконер, по едкому мнению Дилейни, так и остался ребенком, и без своего богатства был бы лишь пустоголовым болваном.

— Он тот, кто нам нужен, Джон, я уверен в этом.

— Так почему же он не при деле после Манассаса?

— Его раненой руке потребовалось длительное лечение, — туманно ответил Дилейни. На самом деле он полагал, что непомерная гордость Фалконера не позволяла ему служить под командованием низкородного сквернословия Натана Эванса, но Дэниелсу не нужно было знать эти подробности.

— Но разве он не освободил своих ниггеров? — грозно спросил Дэниелс.

— Да, Джон, но имелись смягчающие обстоятельства.

— Единственная причина, оправдывающая освобождение ниггера, это смерть ублюдка — отрезал Дэниелс.

— Уверен, что Фалконер освободил ниггеров, исполняя последнюю волю своего отца, — соврал Дилейни. На самом деле Фалконер освободил своих рабов из-за северянки, яркой аболиционистки, чья привлекательная внешность наповал сразила виргинского землевладельца.

— Что ж, по крайней мере, он избавил меня от Свиерда, — скупно признался Дэниелс, умолкнув, когда в доме раздались шумные овации. Очевидно, кто-то произносил речь, и толпа сопровождала выступление смехом и аплодисментами. Дэниелс пристально смотрел на дождь, который по-прежнему лил как из ведра.

— Нам не нужны слова, Дилейни, нам нужно чертово чудо.

Конфедерация нуждалась в чуде, потому что новый Наполеон был наконец-то готов, и его армия вдвое превосходила в числе войска южан в Виргинии. Наступала весна, а это означало, что дороги будут пригодны для перевозки артиллерии, и Север обещал своим гражданам захват Ричмонда и подавление восстания.

Виргинские поля будут удобрены плотью мертвых виргинцев, и лишь чудо могло спасти Юг от постыдного и сокрушительного поражения. И вместо этого чуда, отметил Дилейни, он предоставил это дело Фалконеру. Курам на смех, подумал он.

Потому что Юг обречен.

Сразу после заката по полю промчалась кавалерия, разбрасывая копытами сверкающие серебряные брызги с затопленного поля.

— Янки в Кентервиле! Поторапливайтесь! — всадник промчался вдоль восточной стены, усеянной амбразурами, только вместо настоящих за амбразурами стояли бутафорские орудия.

Эти макеты были простыми стволами деревьев, покрашенными черной краской и установленными на ступенях для орудий, чтобы выглядеть, как жерла настоящих пушек.

Легион Фалконера станет последним пехотным соединением, оставившим позиции у Манассаса, и вероятно, последним на марше к новым фортификационным сооружениям, воздвигаемым за рекой Раппаханнок.

Отступление означало сдачу еще большей части виргинской территории северянам, и в эти дни дороги южнее Манассаса были запружены беженцами, направляющимися в Ричмонд.

Единственной защитой Манассаса и Кентервиля останутся бутафорские орудия, те

самые, что были расставлены по всей местности в течение зимы, отпугивая передовые патрули янки от армии Джонстона.

Эта армия превосходно снабжалась продовольствием, которое по крупицам доставляли поездами на склад в Манассасе всю зиму, но теперь не было времени на вывоз запасов, так что драгоценное продовольствие сжигались.

Мартовское небо уже потемнело от дыма и было насыщено запахом горячей солонины, когда рота Старбака поджигала на железнодорожной станции последние вагоны.

Вагоны уже начинили поленьями, смолой и порохом, и как только в эту кучу засунули горящие факелы, огонь вспыхнул и быстро пополз вверх.

Мундиры, сбруя, патроны, хомуты, палатки — всё окутал дым, потом загорелись и сами вагоны, пламя трепетало на ветру, выбрасывая в небо черные клубы дыма.

Сожгли амбар с сеном, затем кирпичный склад забитый мукой, солониной и сухарями. Из горящего склада разбежались крысы, и их тут же ловили возбужденные псы Легиона.

Каждая рота приютила с полдюжины дворняг, за которыми заботливо ухаживали солдаты. Теперь эти собаки хватали за горло крыс и душили их, так что брызги крови летели во все стороны.

Хозяева их поощряли. Вагоны должны были сгореть дотла, пока от них не останется пара почерневших колес в куче пепла и золы.

Сержант Траслоу вместе с рабочей партией разбирает рельсы и складывал их на горящую грудку пропитанных смолой поленьев. От горящих дров исходил такой жар, что рельсы скрючивались в бесполезные железки.

Пространство вокруг Легиона было заполнено этими погребальными кострами, так как арьергард уничтожил двухмесячные запасы продовольствия и трехмесячный запас боеприпасов.

— Выступаем, Нат! — майор Бёрд расхаживал по сожженному складу, неожиданно подпрыгнув от испуга, когда загорелся ящик с патронами в одном из вагонов.

Патроны рвались, как хлопущи, ярко вспыхивая в углу горящего вагона.

— На Юг! — драматично воскликнул Бёрд, указывая в том направлении.

— Ты слышал новости, Нат?

— Новости, сэр?

— Наш бегемот встретился с их левиафаном. Наука скрестила шпаги с наукой, и я прихожу к заключению, что они сражались друг с другом до последнего. Жаль, — Бёрд неожиданно остановился, нахмурившись.

— Очень жаль.

— У янки тоже есть броненосец, сэр?

— Он прибыл через день после победы "Виргинии", Нат. Наше неожиданное морское превосходство сведено к нулю. Сержант! Оставьте эти рельсы, самое время убираться отсюда, если, конечно, вы не хотите сегодня вечером стать гостем янки.

— Мы потеряли наш корабль? — недоверчиво уточнил Старбак.

— Газеты сообщают, что он всё еще на плаву, как впрочем и их ужасный броненосец. Что ж, ферзь против ферзя, похоже, у нас патовая ситуация. Поторапливайтесь, лейтенант! — это указание было обращено к Мокси, который тупым ножом пытался перерезать веревку колодезного ведра.

Старбак пал духом. Было очень скверно, что армия сдавала узел в Манассасе янки, но все были воодушевлены неожиданной новостью о том, что секретное оружие южан,

неуязвимый для артиллерийского огня бронированный корабль, вошел на рейд в Хамптон-Роудс и разнес в щепки блокирующую гавань деревянную эскадру северян.

Корабли военно-морского флота северян развернулись и сбежали — некоторые выбросило на берег, а некоторые потонули, тогда как остальные развили отчаянную скорость, спасаясь от лязгающей, дымящей и медлительной, но мстительной "Виргинии", броненосца, переделанного из корпуса брошенного военного корабля северян "Мерримак".

Это сражение выглядело компенсацией за сдачу Манассаса и обещало уничтожить удушающую петлю морской блокады, но теперь оказалось, что и у северян имеется подобное чудовище, которое сумело выстоять в сражении с "Виргинией".

— Не бери в голову, Нат. Мы просто должны преуспеть в войне на суше, — сказал Бёрд и хлопнул в ладоши, призывая последних солдат покинуть станцию и собраться на дороге, ведущей на юг.

— Но как, во имя Господа, они узнали, что у нас есть броненосец? — недоумевал Старбак.

— Потому что у них, конечно же, есть шпионы. Возможно, даже сотни шпионов. Неужели ты думаешь, что все к югу от Вашингтона за одну ночь стали верны другой стране? — спросил Бёрд.

— Конечно же нет. И некоторые верят, что лучше приспособиться к янки, чем терпеть невзгоды, — он указал на очередную группу вызывавших сострадание беженцев, и неожиданно в его голове возник образ собственной любимой жены, вынужденной покинуть свой дом, спасаясь от вторжения янки.

Это едва ли было возможным, так как округ Фалконер находился в самом сердце Виргинии, но все же Бёрд дотронулся до кармана, где лежала фотокарточка его Присциллы, бережно завернутая от дождя и сырости.

Он пытался представить себе свой домик с беспорядочно раскиданными нотами и брошенными в огонь глумящимися солдатами северян скрипками и флейтами.

— Вы в порядке? — Старбак увидел судорогу, неожиданно исказившую лицо Бёрда.

— Вражеский всадник. Смотреть в оба! — Траслоу орал на свою роту, но своим неожиданным ревом надеялся вывести майора Бёрда из оцепенения.

— Янки, сэр, — Траслоу указывал на север, где на фоне бледных стволов далеких деревьев виднелась группа всадников.

— Не останавливаемся! — прокричал головной колонне Легиона Бёрд, и затем повернулся к Старбаку.

— Я думал о Присцилле.

— Как она? — спросил Старбак.

— Говорит, с ней все в порядке, но она и не скажет ничего другого. Моя дорогая девочка не из тех, кто будет изводить меня жалобами.

Бёрд женился на девушке вдвое младше его, как убежденный холостяк, капитулировавший наконец-то перед противником, и относился к своей жене с восхищением, граничащим с обожанием.

— Она говорит, что посадила лук. Разве не рано сажать лук? Или, может, она имела в виду, что посадила его в прошлом году? Не знаю, но я очень впечатлён, что моя дорогая разбирается в посадке лука. Я — нет. Одному Богу известно, когда я увижу ее вновь, — он шмыгнул носом, а потом посмотрел на далеких всадников, которые выглядели обеспокоенными внушительным видом деревянных орудий, преграждавших им дорогу.

— Вперед, Нат, или скорее назад. Давай оставим эти горы пепла врагу.

Легион прошел мимо горящих складов, а затем и через весь городок. Некоторые дома были пусты, но большинство жителей осталось.

— Спрячьте свой флаг, дружище! — окликнул Бёрд столяра, который дерзко махал новеньким военным знаменем Конфедерации над своим магазином.

— Сверните его! Припрячьте его! Мы вернемся!

— Кто-нибудь еще остался позади вас, полковник? — столяр невольно повысил в звании Бёрда.

— Всего лишь горстка кавалеристов. А за ними одни лишь янки!

— Хорошенько отделайте ублюдков, полковник! — сказал столяр, коснувшись рукой своего флага.

— Сделаем все, что в наших силах. Удачи вам!

Легион оставил городок позади и невозмутимо шагал по мокрой и грязной дороге, изрезанной проехавшими здесь повозками беженцев.

Дорога вела на Фредериксберг, где Легион, перейдя реку, должен был взорвать мост, прежде чем присоединиться к основной группе армии Юга.

Большая часть армии отходила по дороге дальше на запад, ведущей прямо к Калпеперу, где располагалась новая ставка генерала Джонстона.

Джонстон полагал, что янки широко развернутся в попытке обойти линию укреплений у реки, и исходя из этого предстояло большое сражение в округе Калпепер; их ждет битва, поделился со Старбаком своими наблюдениями Бёрд, по сравнению с которой битва при Манассасе покажется всего лишь небольшой стычкой.

Отступление Легиона привело их к месту старого сражения. Справа возвышался длинный холм, который они в беспорядке оставили, пытаясь остановить внезапную атаку янки, а слева — тот крутой холм, где "Каменная стена" Джексон сумел удержаться и не только остановить, но и отбросить армию северян назад.

Битва состоялась восемь месяцев назад, но крутой холм все еще был усеян воронками от снарядов. Рядом с дорогой стоял каменный дом, где Старбак видел, как хирурги резали и пилили плоть раненых, а во дворе виднелась неглубокая похоронная яма, которую размыли зимние дожди, так что из под красной земли белели бугристые осколки костей.

Во дворе был колодец, где Старбак, как он припомнил, утолял жажду в страшную, усиленную пороховой гарью жару того дня. Группа отставших солдат, хмурых и отказавшихся повиноваться, сидела на корточках возле колодца.

Отставшие, почти все из полков, идущих впереди Легиона, разозлили Траслоу.

— Они должны быть мужчинами, разве не так? А не девками.

Легион обходил всё больше таких копуш.

Некоторые из них были больны и не могли ничего поделать, но большинство просто устали или стерли себе ноги. Траслоу издевался над ними, но даже его грубые насмешки не могли заставить отставших забыть о кровоточащих ногах и идти дальше. Вскоре всё больше солдат начали отставать из тех рот Легиона, что шли впереди.

— Так не годится, — пожаловался Старбаку Траслоу.

— Если так будет продолжаться, то мы потеряем половину армии, — он увидел трех солдат из первой роты Легиона и вихрем налетел на них, требуя малодушных ублюдков продолжить движение.

Но эти трое проигнорировали его, так что Траслоу пришлось пнуть самого рослого,

свалив его на землю.

— Вставай, сукин ты сын! — заорал Траслоу.

Солдат отрицательно покачал головой и скорчился в грязи, получив от Траслоу удар в живот.

— Вставай, мерзкий слизняк! Вставай!

— Я не могу!

— Отставить! — приказал Старбак Траслоу, который удивленно обернулся, получив выговор от своего офицера.

— Я не позволю этим сучьим детям проиграть войну только из-за того что, они безвольные слабаки, — возразил Траслоу.

— Я тоже не позволю этому случиться, — парировал Старбак. Он подошел к солдату из первой роты под пристальными взглядами группы отставших, которым хотелось увидеть, как высокий темноволосый офицер преуспеет там, где потерпел неудачу коренастый свирепый сержант. При приближении Старбака Траслоу сплюнул в грязь.

— Вы собираетесь уговаривать этого сукина сына?

— Да, — ответил Старбак, — собираюсь. Он встал над упавшим солдатом, провожаемый взглядами всей одиннадцатой роты, которая остановилась, чтобы насладиться зрелищем.

— Как тебя зовут? — спросил Старбак отставшего.

— Ив, — настороженно ответил солдат.

— И ты не можешь поспевать за нами, Ив?

— Думаю, нет.

— Он всегда был бесполезным ублюдком, — вмешался Траслоу. — Как и его папаша. Если бы семейство Ива состояло из ослов, помяните мое слово, следовало бы их всех пристрелить при рождении.

— Прекратите, сержант! — упрекнул его Старбак, затем улыбнулся мокрому и несчастному Иву. — Ты знаешь, кто идет за нами? — спросил он.

— Часть нашей кавалерии, — ответил Ив.

— А за кавалерией? — спокойно продолжал Старбак.

— Янки.

— Просто вклейте этому бесполезному ублюдку как следует.

— Оставь меня в покое! — закричал Ив на сержанта.

Ив был ободрен мягким и деликатным обращением Старбака и поддержкой других отставших, которые приглушенно выражали негодование жестокостью Траслоу и были преисполнены благодарности к Старбаку за справедливое обращение.

— А ты знаешь, что сделают с тобой янки? — спросил Старбак.

— Думаю, что хуже этого уже ничего быть не может, капитан — ответил Ив. Старбак понимающе кивнул головой:

— Значит, не можешь больше идти?

— Думаю, что нет.

Другие отставшие вполголоса выражали свое согласие. Они все очень устали, очень страдали, сильно промокли, слишком отчаялись и были слишком несчастны, чтобы даже подумать о том, чтобы продолжить идти.

Они все хотели завалиться у обочины дороги, и кроме мыслей о немедленном отдыхе у них не было других забот и страхов.

— Что ж, можешь остаться здесь, — сказал Старбак Иву. Траслоу протестующе заворчал. Другие удовлетворенно ухмылялись, а Ив, выиграв свое сражение, с трудом поднялся на ноги.

— Но только есть небольшое "но", — мягко добавил Старбак.

— Капитан? — Ив был полон подобострастия.

— Ты, конечно же, можешь остаться, Ив, но я не могу позволить тебе оставить себе амуницию, принадлежащую правительству. Это не будет справедливо, правда? Мы ведь не хотим, чтобы янки достались наши ценное оружие и мундир? — улыбнулся Старбак.

Ив неожиданно напрягся. Он насторожено мотал головой, но не совсем понимал, о чем толкует Старбак. Тот повернулся к своей роте.

— Амос, Уорд, Декер, ко мне!

Трое солдат подбежали к Старбаку, который кивнул в сторону Ива.

— Разденьте трусливого ублюдка догола.

— Вы не можете, — начал было Ив, но Старбак шагнул вперед и с силой ударил его в живот, другой рукой стукнув по голове, так что она запрокинулась. Ив опять свалился в грязь.

— Разденьте его! — велел Старбак. — Сорвите с ублюдка всю одежду.

— Господи Иисусе, — не веря своим глазам, охнул один из отставших, когда люди Старбака сорвали с Ива одежду.

Траслоу, теперь довольно ухмылявшийся, взял винтовку и амуницию. Ив уже кричал, что хочет остаться с Легионом, но Старбак знал, что ему необходимо было создать показательный пример, и Иву не повезло, что именно он им оказался.

Ив отбивался и боролся, но ему было не под силу справиться с людьми Старбака, которые сняли с него ботинки, ранец, скатку, стащили штаны и сорвали куртку и рубашку.

На Иве не осталось ничего, кроме пары перепачканных потрепанных подштанников. Он еле стоял на ногах, от удара Старбака кровь текла из его носа.

— Я продолжу идти, капитан! — умолял Ив.

— Честное слово!

— Снимай подштанники, — грубо приказал Старбак.

— Вы не можете! — Ив попятился, но Роберт Декер сбил его с ног, и нагнувшись стащил потрепанное исподнее Ива, оставив его совершенно голым под дождем и в грязи.

Старбак посмотрел на других отставших.

— Если кто-то из вас хочет здесь остаться и познакомиться с янки, то немедленно раздевайтесь! Если нет, то продолжайте шагать.

Все принялись шагать. Некоторые преувеличивали свою хромоту, чтобы показать, что имели вескую причину отстать, но Старбак прикрикнул на них, что может раздеть калеку намного быстрее, чем здорового, и этот довод заставил копуш топтать быстрее.

Некоторые даже почти бежали, лишь бы убраться подальше с глаз Траслоу и Старбака, по дороге распространяя слух, что в задних рядах колонны Легиона пощады не найти. Ив умолял вернуть ему одежду. Старбак вытащил пистолет.

— Убирайся к черту!

— Вы не можете так поступить!

Старбак выстрелил. Пуля забрызгала грязью белые ноги Ива.

— Беги! — прокричал Старбак. — Вали к янки, сукин сын!

— Я убью тебя! — заорал Ив. Теперь он бежал совершенно голый, шлепая в грязи по

дороге к Манассасу. — Я убью тебя, сволочь северная!

Старбак вложил пистолет в кобуру и ухмыльнулся Траслоу.

— Видите, сержант? Хорошее обращение всегда срабатывает, без исключений.

— А вы смысленный вояка, да?

— Да, сержант, так и есть. А теперь вперед! — приказал Старбак роте, и они, ухмыляясь, продолжили идти, в то время как Траслоу раздавал обмундирование Ива.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Количество отставших сократилось до небольшой группы, и эта группа состояла из совершенно охромевших людей. Старбак приказал своим людям отобрать у них оружие и патроны, но все остальное оставил.

Теперь больше не было симулянтов. Этим ранним утром Легион тащился мимо того, что когда-то было одной из больших скотобоев Конфедерации, а теперь превратилось в ад, наполненный желто-синим пламенем. Жир шипел и потрескивал, растекаясь жидкими ручейками среди лачуг, где жили заводские рабы.

Негры смотрели на проходивших солдат, не выказывая ни малейших чувств. Они знали, что скоро придут северяне, но предпочли не выражать радости по этому поводу.

Дети держались за передники своих матерей, мужчины наблюдали из своих укрытий, а позади них с шипением поджаривались туши, распространяя соблазнительный аромат мяса и бекона по широкой полосе заболоченной местности.

Запах бекона не оставлял Легион почти до середины утра, когда кавалерийский арьергард догнал отступающую пехоту.

Всадники спешили и вели в поводу своих взмыленных лошадей. У некоторых не было седел, вместо них использовали куски тяжелого сукна, а у других были веревочные уздечки.

Продвигаясь на юг, солдаты рыскали по обочинам дороги в поисках подходящей амуниции, выброшенной шедшими впереди пехотными батальонами.

Тут были шинели, палатки, одеяла, оружие — всё это взяли из оставленных складов в Манассасе, но по дороге тяжелый груз просто выбросили.

Собаки Легиона щедро нагрузились едой, захваченной с горящих складов, но теперь выбрасывали ее, по мере того, как росла усталость.

— Больше похоже на поражение, чем на отступление, — проворчал Старбак Таддеусу Бёрду.

— Уверен, что в учебниках об этом напишут как о тактическом отступлении, — с наслаждением проговорил Бёрд. Он получал удовольствие от сегодняшнего дня.

Вид огромного количества сжигаемого добра служил доказательством несомненной глупости человечества, в особенности той ее части, которая находилась при власти, а Бёрд всегда получал удовольствие от таких доказательств повальной глупости. И в самом деле, радость его была так велика, что временами он чувствовал себя виноватым.

— Хотя, не думаю, что ты когда-либо чувствовал себя виноватым, а Старбак?

— Я? — Старбак был удивлен вопросом, — Я постоянно так себя чувствую.

— Из-за того, что тебе нравится война?

— Потому что я грешник.

— Ха! — Бёрду понравилось это признание.

— Ты имеешь ввиду жену кузнеца в Манассасе? Какой же ты все-таки глупец! Чувствовать себя виноватым из-за того, что вполне естественно? Разве дерево чувствует себя виноватым из-за того что растет? Или птица из-за того что летает? Твоя вина, Старбак, не в

совершении грехов, а в страхе одиночества.

Это замечание настолько задело его за живое, что Старбак оставил его без внимания.

— Вас никогда не беспокоит совесть? — вместо этого спросил он Бёрда.

— Я никогда не позволял бестолковому блеянию священников смутить мою совесть, — ответил Бёрд.

— Видишь ли, я никогда их долго не слушал. Боже мой, Старбак, если бы не эта война, ты тоже мог быть посвящен в сан. Ты бы венчал людей, вместо того чтобы убивать их! — Бёрд рассмеялся, раскачивая головой взад-вперед, но неожиданно обернулся, услышав выстрел из винтовки далеко позади Легиона.

Среди деревьев просвистела пуля, и спешившаяся кавалерия повстанцев тут же повернулась, чтобы ответить на эту угрозу. В отдалении появилась группа всадников-янки.

Дождь не позволял разглядеть противника, хотя каждый раз облачко дыма выдавало место выстрела из карабина.

Отзвук выстрела глухо и монотонно доносился несколькими секундами спустя после того, как пуля шмякалась в мокрую дорогу или не причинив вреда пролетала в верхушках сосен. Кавалерия северян стреляла с большого расстояния, полагаясь больше на удачу, чем на меткость.

— Это потребует вмешательства твоих ребят, Нат, — с злорадным удовлетворением сказал Бёрд.

У Бёрда имелись свои твердые убеждения по поводу ружейной стрельбы. Он предпочитал придерживать залпы полка до последнего момента, и верил, что роты застрельщиков должны быть самым меткими стрелками; настойчивость Старбака в постоянных упражнениях в стрельбе превратила одиннадцатую роту в самых смертоносных снайперов Легиона.

Несколько человек, как, например, Иса Уошбрук и Уильям Толби, были прирожденными снайперами, но даже неумелое большинство значительно улучшило навыки после нескольких месяцев тренировок.

Джозеф Мей был одним из этих наименее способных, хотя в его случае улучшению меткости он был обязан очкам в золотой оправе, снятым с мертвого капитана-янки в сражении при Бэллс-Блафф.

Майор Бёрд уставился на длинную дорогу, бегущую прямо между вечнозелеными деревьями.

— Один залп с хорошим прицелом, Нат. Мерзавцы не рискнут приблизиться, и как только поймут, что мы можем и пристрелить, и еще быстрее побегут обратно, так что всемогущий и всевидящий Бог дает нам лишь один шанс послать их жалкие душонки в ад, — он потер тощие ладони.

— Не обижу ли я тебя, если отдам приказ, Нат?

Старбак, развеселившись, глядя на кровожадный энтузиазм Бёрда, заверил своего командира, что не собирается обижаться, и велел роте найти подходящую позицию для стрельбы и зарядить винтовки.

В поле зрения находились около дюжины кавалеристов-янки, но большая их часть, очевидно, скрывалась за деревянной таверной, стоящей у поворота дороги, на которой только что появились враги.

Северяне стреляли из карабинов прямо из седла, явно уверенные, что они находятся слишком далеко от арьергарда врага, чтобы южане представляли реальную опасность.

Стрельба была скорее не угрозой, а издевательством, прощальным и насмешливым жестом в сторону отступающих мятежников. Кавалерия конфедератов отвечала ответным огнем, но их импровизированная коллекция револьверов, охотничьих ружей и трофейных карабинов стреляла еще хуже, чем карабины северян.

— Четверть мили! — крикнул Траслоу.

Такова была дальность стрельбы винтовок Легиона. Как правило, Старбак считал, что выстрелы с расстояния больше двух сотен ярдов были напрасной тратой патронов, если не стреляли лучшие снайперы роты, но дистанция в четверть мили была вполне подходящей.

Он зарядил винтовку, сначала надорвав бумажную обертку патрона, зажав зубами пулю, а потом высыпав в дуло порох. Он затолкал бумагу в ствол в качестве пыжа, а потом выплюнул пулю прямо в дуло.

Во рту остался горький и соленый вкус пороха, а он уже вытаскивал из винтовки стальной шомпол, пропихнув пулю конической формы поглубже, к пыжу и пороху, а потом снова вставил шомпол на место.

Под конец он выудил маленький медный капсюль и на ощупь уложил его на затравочный стержень в казенной части винтовки. Капсюль был заполнен щепоткой фульмината ртути, химически нестабильным веществом, которое взрывалось от сильного удара.

Курок винтовки ударял по капсюлю, и гремучая смесь взрывалась, так что огонь побежал вниз, к пороху, который находился в казенной части оружия.

Вражеская пуля попала в лужу в тридцати ярдах от роты, разбрызгав грязную воду. Нед Хант, вечный ротный клоун, произнес какую-то шуточку в сторону далекой кавалерии, но Траслоу велел ему держать свой чертов язык за зубами.

Старбак встал на колени за деревом, чтобы как следует прицелиться. Он поднял целик [\[9\]](#), чтобы попасть на четыреста ярдов, а потом, учитывая, что холодная винтовка стреляет на более короткое расстояние, добавил еще сотню для верности.

— Отодвиньтесь-ка, ребята! — прокричал майор Бёрд кавалеристам-южанам, и длинноволосые всадники в серых мундирах отвели лошадей за спины роты Старбака.

— Вы никуда не попадете, ребята! — добродушно ответил один из всадников. — С таким же успехом можете и камнями в сволочей кидаться.

Теперь на повороте дороге появились и другие янки, может, человек двадцать в целом. Некоторые спешили и встали на колени у таверны, а другие по-прежнему целились и стреляли прямо из седла.

— Стреляем в группу справа! — приказал Бёрд.

— Помните про ветер, когда целитесь, и ждите моей команды!

Старбак отклонил дуло немного влево, учитывая, что ветер дул с востока. Дождь хлестал по стволу винтовки, когда он нацелил ее на всадника в центре группы янки.

— Считаю до трех, а потом даю команду, — провозгласил майор Бёрд.

Он встал прямо посреди дороги, уставившись на врага в половинку бинокля, которую снял с трупа в Манассасе.

— Раз, — протяжно выкрикнул он, и Старбак попытался сдержать раскачивающуюся винтовку.

— Два! — крикнул майор Бёрд, и дождь залил Старбаку глаза, заставив моргнуть, когда он поднял дуло, чтобы совместить мушку с прицелом.

— Три, — закончил Бёрд, и вся рота затаила дыхание, попытавшись превратить мышцы

В камень.

Старбак навел мушку точно на расплывчатый силуэт всадника, находящегося в четверти мили, и держал ее на этом месте, пока Бёрд не скомандовал:

— Пли!

Пятьдесят винтовок затрещали почти в унисон, выплеснув на дорогу белое облако порохового дыма. Приклад винтовки ударил Старбака по плечу, а его ноздри защекотала горькая вонь взорвавшейся гремучей смеси.

Майор Бёрд выбежал на свободное от дыма пространство и направил свой сломанный бинокль на далекий поворот дороги. Там галопом неслась лошадь без седока, который валялся на дороге, второй человек хромал к лесу, а третий полз по грязи.

Еще одна лошадь была ранена и лежала, брыкаясь и молотя копытами, а позади умирающего животного несколько янки разлетелись, как пыль от соломы.

— Молодцы! — воскликнул Бёрд.

— А теперь вставайте и вперед!

— Как у нас получилось? — поинтересовался Старбак.

— Три человека и лошадь, — ответил Бёрд. — Один из трех, возможно, мертв.

— Это от пятидесяти то выстрелов? — спросил Старбак.

— Я где-то читал, — весело заметил Бёрд, — что во время наполеоновских войн на двести ружейных выстрелов приходилось одно ранение, так что три человека и лошадь от пятидесяти выстрелов — это совсем неплохо, — он разразился резким смехом, подергивая головой взад и вперед, в той самой манере, из-за которой и заслужил свое прозвище.

Отложив сломанный бинокль, он объяснил свою радость.

— Лишь полгода назад, Нат, я был полон угрызений совести относительно убийств. А теперь, черт возьми, похоже, рассматриваю их как мерило успеха. Адам прав, война нас изменила.

— Он и с вами на эту тему разговаривал?

— Он излил на меня свои угрызения совести, если ты об этом. Едва ли это можно назвать беседой, поскольку мой вклад в нее он счел неуместным. Он что-то простонал, а потом попросил меня помолиться вместе с ним, — Бёрд покачал головой. — Бедняга Адам, ему и правда не следовало надевать военную форму.

— Как и его отцу, — мрачно заметил Старбак.

— Это точно, — несколько шагов Бёрд сделал молча.

У обочины через листву просвечивала небольшая ферма, и ее хозяин, мужчина с седой бородой и в изодранном цилиндре поверх падающих на плечи волос, стоял в дверях, наблюдая за проходящими мимо солдатами.

— Боюсь, что Фалконер снова появится в наших рядах, — сказал Бёрд, — причем преисполненный гордостью и хвастовством. Но каждый проходящий день, во время которого он не получил нового назначения или, да поможет нам Бог, своей бригады, доказывает, к моему вящему изумлению, что, может, у нашего высшего командования остался кой-какой здравый смысл.

— И в газетах ничего нет? — поинтересовался Старбак.

— О, лучше не напоминай мне, — Бёрд поежился, вспомнив статью в "Ричмондском наблюдателе", призывающую повесить Фалконера.

Бёрд гадал, каким образом газеты восприняли всё так превратно, а потом поразмыслил о том, сколько его собственных предрассудков и идей были выпестованы подобными же

ошибочными суждениями журналистов. Но, по крайней мере, никто в Ричмонде, похоже, не обратил внимания на эту статью.

— Я тут подумал, — через некоторое время произнес Бёрд, а потом снова погрузился в молчание.

— И? — поторопил майора Старбак.

— Мне было интересно, почему мы зовемся Легионом Фалконера, — отозвался Бёрд. — Мы ведь больше не находимся на жаловании у его величества.

Теперь мы наняты штатом Виргиния, и думаю, нам следует найти себе новое имя.

— Сорок пятый? Шестидесятый? Двадцать первый? — язвительно предложил Старбак. Полкам штата присваивались номера в соответствии со старшинством, и быть Пятидесятым виргинским полком или Десятым было совсем не то же самое, что называться Легионом.

— Меткие виргинские стрелки, — гордо заявил Бёрд.

Старбак поразмыслил над этим названием, и чем больше думал, тем больше оно ему нравилось.

— Как насчет знамен? — спросил он. — Хотите, чтобы Меткие виргинские стрелки шли в бой под знаменем Фалконера?

— Думаю, понадобится новый флаг, — сказал Бёрд.

— Что-нибудь смелое, кровожадное и решительное. Может, с девизом штата? *Sic semper tyrannis* [\[10\]](#)! — эффектно продекламировал Бёрд и захохотал. Старбак тоже рассмеялся.

Девиз означал, что всякий, кто попытается напасть на Виргинию, потерпит такое же унижительное поражение, как король Георг III, но угроза могла в той же степени относиться и к полковнику, покинувшему Легион, когда тот выступил против врага у Манассаса.

— Мне нравится эта мысль, — сказал Старбак, — и весьма.

Рота преодолела небольшой подъем и увидела дым бивуаков, поднимающийся с гряды холмов примерно в миле от этого места. Дождь и облака скрывали заходящее солнце и принесли преждевременные сумерки, в которых огни на холмах казались более яркими.

На тех холмах решил провести ночь авангард дивизии, под защитой реки и двух батарей артиллерии, чьи силуэты темнели на фоне неба.

Большая часть Легиона уже достигла лагеря, находившегося далеко впереди роты Старбака, которая задержалась, занимаясь отставшими солдатами и стычкой с кавалерией янки.

— Уже виден уютный дом, — радостно заявил Бёрд.

— Слава Богу, — отозвался Старбак.

Ремень от винтовки натирал ему сквозь промокший мундир, в ботинках хлюпало, и перспектива отдыха у костра казалась просто манной небесной.

— Это Мерфи? — Бёрд прищурился, разглядывая сквозь дождь всадника, скачущего галопом по дороге с холма.

— Осмелюсь предположить, он ищет меня, — сказал Бёрд, помахав рукой, чтобы привлечь внимание ирландца.

Мерфи, прекрасный наездник, пришпорил коня, перебираясь через мелкий брод, а потом помчался в сторону одиннадцатой роты и развернул лошадь, из под копыт которой взметнулся поток грязи, остановившись рядом с Бёрдом.

— В лагере вас ждет один человек, Дятел. Он вроде требует, чтобы вы поторопились с ним встретиться.

— Его звание придает этому требованию значимости?

— Полагаю, что да, Дятел, — Мерфи одернул возбужденную лошадь.

Из-под ее копыт брызнули комья грязи, запачкав панталоны Бёрда.

— Его зовут Свинерд. Полковник Гриффин Свинерд.

— Никогда о нем не слышал, — бодро отозвался Бёрд. — Если только это не Свинерд из старинной семьи работорговцев? Это была та еще семейка. Мой отец всегда говорил, что с семейством Свинердов нужно держать нос по ветру. От этого парня воняет, Мерфи?

— Не больше, чем от нас с вами, Дятел, — ответил тот.

— Но он хочет обтяпать с вами дельце, так он выразился.

— Может, передать ему, чтоб сам себе кое-что оттяпал? — развеселился Бёрд.

— Не стоит, Дятел, — печально вымолвил Мерфи. — Лучше не надо. У него для вас новый приказ, видите ли. Мы переходим в другую бригаду.

— О Боже, только не это, — охнул Бёрд, догадываясь о страшной правде.

— Фалконер?

Мерфи кивнул.

— Боюсь, что так, Дятел. Самого Фалконера здесь нет, но Свинерд — его новый заместитель, — Мерфи помялся и перевел взгляд на Старбака.

— Он хочет и с тобой поговорить, Нат.

Старбак выругался. Но это всё равно не помогло бы. Вашингтон Фалконер получил свою бригаду, а с ней вернул и Легион.

Внезапно день и правда стал выглядеть днем поражения. Группа людей, некоторые в гражданском платье, а некоторые в мундирах, медленно брели вдоль линии покинутых укреплений к северу от железнодорожной станции в Манассасе.

День быстро клонился к вечеру, и последние бледные лучи освещали страдающую землю. Дождь притушил пожары, оставленные отступающими конфедератами, превратив костры в кучки сырого, дымящегося и зловонного пепла, в котором в поисках уцелевших сувениров копались только что прибывшие северяне.

Горожане хмуро разглядывали вторгшихся янки, первых с начала войны северян, передвигающихся по Манассасу без конвоя.

Получившие свободу чернокожие радушно приветствовали войска федералистов, вынося им блюда с кукурузными лепешками и сэндвичами, хотя даже эти щедрые дары предлагались с осторожностью, потому что симпатизирующие северянам горожане не были уверены, что ветер побед не переменится, снова задув с юга и принеся с собой армию конфедератов.

Но пока армия северян взяла под контроль железнодорожный узел, и ее командующий инспектировал покинутые конфедератами земляные укрепления.

Генерал-майор Джордж Бринтон Макклелан был человеком небольшого роста и крепкого телосложения с полным, румяным и мальчишеским лицом. Ему исполнилось всего тридцать пять, но к молодости прибавилось непоколебимое чувство собственного достоинства и постоянный хмурый взгляд, который компенсировал малый рост.

Он также отращивал небольшие усы, которые, как ошибочно полагал, прибавляли его внешности внушительности, но на самом деле лишь делали его возраст еще более очевидным. Теперь он остановился в дымном воздухе у железнодорожного узла, чтобы осмотреть одно из окрашенных в темный цвет бревен, торчащее подобно дулу пушки из мокрой амбразуры.

Дюжина штабных офицеров остановилась за спиной генерал-майора, уставившись

одновременно с ним на черное бревно с капающей с него водой. Никто не произнес ни слова, пока некая важная персона в гражданской одежде не нарушила зловещее молчание.

— Это бревно, генерал, — саркастически произнес он. — В Иллинойсе мы зовем такое стволом дерева.

Генерал-майор Джордж Бринтон Макклелан не удостоил это замечание ответом. Вместо этого он брезгливо озаботился тем, чтобы не наступить своим начищенным до блеска ботинком в глубокую лужу, пока шел к следующей амбразуре, где с той же тщательностью рассмотрел идентичное бревно.

Какой-то мятежник написал мелом на фальшивом дуле: "Хи-хи".

— Хи-хи, — прочитал человек из Иллинойса, краснолицый конгрессмен средних лет, известный своей близостью к президенту Линкольну. Подобные отношения не позволяли большинству офицеров каким-либо образом наносить политику оскорбления, но Макклелан его презирал, как одну из тех тыловых крыс-республиканцев, что всю зиму высмеивали Потомакскую армию за бездействие.

— На Потомаке всё спокойно, — распевали насмешники, требуя ответа, почему самая дорогая в американской истории армия сонно прождала всю зиму, прежде чем выступить на врага.

Именно люди вроде конгрессмена подстегивали президента найти более воинственного командующего армией северян, и Макклелан устал от этой критики. Он показал свое презрение, демонстративно повернувшись к конгрессмену спиной и посмотрев вместо него на одного из офицеров.

— Думаете, эту бутафорию разместили здесь сегодня утром?

Штабной офицер, инженер в должности полковника, осмотрел бутафорские орудия и по подгнившему основанию бревен сделал вывод, что они находились здесь по меньшей мере с прошлого лета, а это значило, что федеральная армия Соединенных Штатов, крупнейшее войско, когда-либо существовавшее в Америке, последние несколько месяцев отсиживалась из-за боязни кучки бревен, вымазанных дегтем. Полковник, тем не менее, знал, что не стоит заверять в этом генерала Макклелана.

— Может, вчера, сэр, — тактично сообщил он.

— Но на прошлой неделе здесь были настоящие пушки? — яростно потребовал ответа Макклелан.

— О, вне всякого сомнения, — солгал полковник.

— Наверняка, — поддакнул другой офицер, глубокомысленно кивнув.

— Мы же их видели! — воскликнул третий, хотя, по правде говоря, он гадал, действительно его кавалерийский патруль мог быть обманут этими покрашенными бревнами, которые с расстояния на самом деле выглядели поразительно похожими на пушки.

— Как по мне, так эти стволы деревьев выглядят так, будто давно здесь установлены, — саркастическим тоном подчеркнул конгрессмен из Иллинойса. Он вскарабкался к грязной амбразуре, запачкав одежду, а потом резко соскользнул вниз, встав рядом с бутафорской пушкой.

Когда-то у амбразур, должно быть, и правда стояли настоящие орудия, потому что фальшивые покоились на пологих земляных насыпях, обрамленных деревянными досками, на которые откатывались пушки при отдаче, так, чтобы потом их можно было вернуть на прежнюю позицию.

Конгрессмен чуть не потерял равновесие на старых досках, скользких от грязного темного грибка. Ему удалось выпрямиться, ухватившись за ствол бутафорский пушки, а потом он топнул правой ногой.

Каблук сломал гнилую доску площадки, потревожив колонию мокриц, которые поспешили скрыться от солнечного света. Конгрессмен выплюнул изо рта влажный огрызок сигары.

— Не понимаю, каким образом настоящая пушка могла простоять здесь несколько месяцев, генерал. Полагаю, вы просто наложили в штаны из-за этой кучки спиленных стволов.

— Вы сами были свидетелем нашей победы, конгрессмен! — Макклелан яростно развернулся к политику. — Подобной победы, возможно еще не было в анналах нашей страны! Великолепная победа! Триумф оружия, полученного с помощью науки! — генерал эффектно вытянул руку в сторону дыма от погребальных костров, чернеющих остатков вагонных колес и высокой кирпичной каминной трубы, торчащей среди тлеющих угольков.

— Смотрите же, сэр, — произнес Макклелан, махнув рукой в сторону этого унылого пейзажа, — вот побежденная армия. Армия, отступившая перед нашей победоносной атакой, как сено разлетается от косы.

Конгрессмен послушно посмотрел на эту сцену.

— И на удивление мало тел, генерал.

— Война, выигранная маневром, сэр, это милосердная война. Вам следует пасть на колени и возблагодарить за это всемогущего Господа, — сделав таким образом финальный выстрел, Макклелан быстро зашагал прочь, в город.

Конгрессмен покачал головой, но промолчал. Он просто наблюдал, как какой-то худощавый человек в поношенном и выцветшем мундире французской кавалерии вскарабкался на амбразуру, чтобы взглянуть на бутафорскую пушку.

На боку у француза болтался огромный палаш, отсутствующий глаз скрывала повязка, а вёл он себя очень энергично.

Его звали полковник Лассан, и он являлся военным наблюдателем из Франции, прикрепленным к армии северян с летней битвы при Булл-Ран.

Сейчас он постучал носком ботинка по доскам оружейной площадки. Его шпоры звякнули, когда прогнившая древесина развалилась от слабого пинка.

— Ну, Лассан? — спросил конгрессмен. — Что скажете?

— Я всего лишь гость в вашей стране, — тактично произнес Лассан, — иностранец и наблюдатель, так что мое мнение, конгрессмен, не имеет ни малейшего значения.

— Но глаза то у вас есть, правда? Ну, по крайней мере один, — поспешно добавил конгрессмен. — Не нужно быть американцем, чтобы понять, положили ли эту деревяшку сюда только вчера.

Лассан улыбнулся. Его лицо было покрыто шрамами, но в его выражении было какое-то озорство и необузданность. Он был светским человеком, разговаривающим на превосходном английском с британским акцентом.

— Я научился в вашей прекрасной стране одной вещи, — заявил он конгрессмену, — что мы, простые европейцы, должны держать критику при себе.

— Вот же чертов опекун-лягушатник, — пробормотал конгрессмен. Француз ему нравился, даже несмотря на то, что одноглазый ублюдок вытянул из него двухмесячное жалование за вчерашней партией в покер.

— Так скажите же мне, Лассан, эти бревна сюда притащили вчера?

— Думаю, они находятся здесь несколько дольше, чем предполагает генерал Макклелан, — тактично сообщил Лассан.

Конгрессмен бросил рассерженный взгляд на группу во главе с генералом, которая теперь находилась примерно в сотне шагов.

— Полагаю, он просто не желает испачкать свою милую чистенькую армию, бросив ее в стычку с этими несносными и плохо воспитанными мальчишками-южанами. Вы тоже так считаете, Лассан?

Лассан считал, что войну можно закончить за месяц, если армия северян просто будет двигаться по прямой, понесет некоторые потери, но продолжит идти, однако был слишком дипломатичным, чтобы принимать чью-либо сторону в этом недопонимании, которое так жаростно обсуждалось в вашингтонских конторах и за богатыми обеденными столами столицы.

Так что в ответ на этот вопрос Лассан просто пожал плечами, а потом был избавлен от дальнейших расспросов появлением художника из газеты, который начал зарисовывать сгнившие доски и подпорченное бревно.

— Ты смотришь на победу, сынок, — саркастически объявил ему конгрессмен, отщипнув намокшую часть сигары, прежде чем снова засунуть ее в рот.

— Это уж точно не поражение, конгрессмен, — верноподданно заметил художник.

— Это можно назвать победой? Сынок, мы не вышвырнули отсюда мятежников, они просто сами ушли, когда пожелали! И теперь готовят свои деревянные пушки где-то в другом месте. У нас не будет настоящей победы, пока мы не подвесим Джеффа Дэвиса за тощие ноги. Помяни мое слово, сынок, эти пушки гниют здесь с прошлого года. Я считаю, что нашего нового Наполеона опять обвели вокруг пальца. Деревянные пушки для головы с опилками, — конгрессмен сплюнул в грязь.

— Нарисуй эти деревянные пушки, сынок, и не забудь про колею от колес, по которой увезли настоящие.

Художник нахмурился, взглянув на грязь вокруг гниющих оружейных площадок.

— Здесь нет никакой колеи.

— Соображаешь, сынок. А это значит, что ты на голову выше нашего нового Наполеона, — конгрессмен поковылял прочь в сопровождении французского наблюдателя.

В сотне шагов от них, еще один человек в гражданском платье нахмурившись разглядывал другую бутафорскую пушку. Это был крепкий и коренастый мужчина с густой бородой, из которой воинственно торчала темная трубка. Одет он был в поношенный сюртук для верховой езды, высокие сапоги и круглую шляпу с узкими полями.

В руке он держал хлыст, который внезапно со злостью обрушил на фальшивое дуло одной из деревянных пушек, а потом повернулся и крикнул помощнику, чтобы привел лошадь.

Позже той же ночью бородатый мужчина принял посетителя в гостиной дома, где он расположился. В Манассасе трудно было найти дом, причем настолько, что большая часть военных ниже генерал-лейтенанта по чину вынуждена была жить в палатках, поэтому тот факт, что гражданский имел в своем распоряжении целый дом, был доказательством его значимости.

Надпись мелом на двери гласила: "Майор И.Дж. Аллен", хотя этот человек не был военным и не носил фамилию Аллен, он был гражданским, любившим скрывать свою

личность под псевдонимами.

Его настоящее имя было Аллен Пинкертон, и он служил детективом в полиции Чикаго до того как генерал Макклелан назначил его главой секретной службы Потомакской армии.

Сейчас, в свете угасающего пламени свечи, Пинкертон смотрел на высокого нервного офицера, которого привели к нему из арьергарда армии.

— Вы майор Джеймс Старбак?

— Да, сэр, — осторожно ответил Джеймс Старбак тоном человека, ожидающего от любого подобного вызова какой-нибудь беды.

В те дни Джеймс был совершенно безутешен. С высокой должности штабного офицера, посвященного в секреты командующего армией, его перевели в отдел снабжения Первого корпуса.

Его новые обязанности заключались в снабжении сушеными овощами, мукой, вяленым мясом, солониной, галетами и кофе, и он добросовестно их исполнял, но сколько бы провианта ему не удавалось добыть, всегда было мало, так что офицеры из любого полка или батареи считали себя вправе проклинать его как бесполезного черножопого сына праведной суки.

Джеймс знал, что ему следует игнорировать подобные оскорбления, но всё равно чувствовал себя униженным и на грани срыва. Редко когда он ощущал себя таким несчастным.

Теперь, к удивлению Джеймса, он заметил, как человек по фамилии Аллен изучает длинное письмо Адама, которое Джеймс послал в штаб генерал-майора Макклелана в прошлом году.

Насколько был осведомлен Джеймс, высшее командование армии полностью проигнорировало письмо, а поскольку Джеймс не обладал ни властными полномочиями, ни соответствующим характером, чтобы убедить кого бы то ни было в важности письма, то сделал вывод, что оно давно забыто, но теперь этот малопривлекательный майор Аллен наконец-то его оценил.

— Кто дал вам это письмо, майор? — спросил Пинкертон.

— Я дал слово не называть его имя, сэр, — Джеймс не мог понять, почему называет этого жалкого коротышку "сэр".

Хотя Аллен и не превосходил Джеймса по рангу, но что-то в воинственном поведении этого человека вызвало в Джеймсе инстинктивное стремление раболепствовать перед ним, хотя в то же время он ощутил нотку упрямства и решил, что больше не будет обращаться к этому человеку с таким почтением.

Пинкертон затолкал в трубку табак своим загрубевшим пальцем, а потом поднес ее к свече и прикурил.

— Ваш брат находится в рядах мятежников?

Джеймс вспыхнул, и неудивительно, потому что предательство Ната было причиной страшного стыда в семье Старбаков.

— Да, сэ... майор. Увы.

— Это он написал письмо?

— Нет, сэ... майор. Нет, не он. Хотел бы я, чтобы это был он.

Трубка Пинкертона пыхнула, когда он сделал короткую затяжку. Ветер стучал в окна и завывал в короткой каминной трубе, нагнав в комнату облако густого дыма.

— Будьте уверены, майор, мне можно доверять, — сказал Пинкертон с некоторой

шотландской картавостью в голосе, — и не сойти мне с этого места, клянусь душой моей дорогой покойной матери, и душой ее матери, и на всех библиях Северной Америки, что никогда, никогда не раскрою имя вашего осведомителя. Так вы мне скажете?

Джеймс почувствовал искушение. Может, если он откроет имя Адама, его освободят от ужасной работы в снабжении, но он дал слово и не нарушит его, и потому лишь покачал головой.

— Нет, майор, не скажу. Я вам доверяю, но не могу нарушить обещание.

— Хорошо, коли так, Старбак, хорошо, — Пинкертон скрыл свое разочарование и снова нахмурился, читая письмо Адама.

— Ваш человек был прав, — продолжал он, — а все остальные ошибались. Ваш человек сказал нам правду, или что-то очень похожее на правду. У него неверная численность армии Джонстона, мы знаем наверняка, что она как минимум в два раза больше, чем он утверждает, но всё остальное здесь прямо в точку, точно в цель, настоящее золото! — что действительно поразило Пинкертона, так это описание Адамом бутафорских деревянных пушек.

Он дал их точное количество и расположение, и Пинкертон, осматривая пушки в те дождливые сумерки, вспомнил позабытое письмо и приказал отыскать его среди бумаг.

Таких выброшенных сообщений были сотни, большинство принадлежало перу патриотов с хорошим воображением, часть выводов была сделана после прочтения газет, а другие, вне всякого сомнения, были посланы южанами, пытающимися сбить с толку Север.

На север стекалось столько информации, что Пинкертону приходилось выбрасывать очень много сообщений, но сейчас он понял, что наткнулся на золотой самородок среди шлака.

— Ваш человек посылал еще какие-нибудь письма?

— Нет, майор.

Пинкертон откинулся в кресле, ножки которого злобно плевались за скрипели.

— Думаете, он готов снабжать нас информацией?

— Уверен, что да.

С шинели Джеймса на пол гостиной капала вода.

Он дрожал от холода, несмотря на небольшой камин, злобно плевавшийся искрами, но дававший обветшалой комнате немного драгоценного тепла.

Пятно на штукатурке над камином выдавало место, где когда-то висела картина, которую в спешке убрали перед прибытием армии северян, может, портрет Джеффа Дэвиса или даже Борегара, одержавшего победу при Манассасе и любимого генерала южан.

Пинкертон снова пристально взгляделся в письмо, недоумевая, почему он раньше не принял его всерьез. Он отметил, что бумага была высокого качества, явно из довоенных запасов, гораздо лучше, чем та бесцветная, волокнистая и отвратительная бумага, которую теперь производили мануфактуры Юга.

Автор использовал печатные буквы, чтобы скрыть свой почерк, но грамматика и словарный запас выдавали хорошее образование, а написанные факты — человека, находящегося в самом сердце армии мятежников.

Пинкертон знал, что совершил ошибку, проигнорировав письмо, но утешал себя тем, что немудрено потерять ценные зерна в таком хаосе.

— Напомните, каким образом ваш человек передал вам это письмо? — потребовал Пинкертон.

Джеймс уже объяснял эти обстоятельства в письме, приложенном к сообщению Адама, но эти объяснения были явно давно позабыты.

— Он дал мне его в Ричмонде, майор, когда меня обменяли на пленных северян.

— И как вы с ним связываетесь теперь?

— Он сказал, что письма можно оставлять в вестибюле церкви Святого Павла в Ричмонде. Там есть доска объявлений, крест-накрест перетянутая лентой, и если оставлять под лентой письма, адресованные почетному секретарю Общества снабжения армии Конфедерации библиями, он будет их забирать. Не думаю, что существует подобное общество, — сказал Джеймс и сделал паузу.

— И должен признаться, что не знаю, как доставить письмо в Ричмонд, — скромно добавил он.

— Ничего сложного. Мы каждый день этим занимаемся, — удовлетворенно заявил Пинкертон, а потом распахнул кожаный саквояж и вытащил оттуда походный письменный набор.

— В ближайшие недели нам понадобится помощь вашего друга, майор, — он взял лист бумаги, чернильницу и перо и толкнул всё это к другой стороне стола.

— Присаживайтесь.

— Вы хотите, чтобы я написал ему прямо сейчас, майор? — удивился Джеймс.

— Самое время, Старбак! Куй железо, пока горячо, разве не так говорят? Не мешкайте! Скажите своему другу, что его знания представляют огромную ценность, и что их оценили на самом высоком уровне федеральной армии, — Пинкертон знал, что небольшая лесть весьма помогает в обращении с тайными агентами. Он замолчал, а Джеймс придвинул к бумаге свечу и начал быстро писать привычной к этому рукой.

С расщепленного кончика пера срывались маленькие чернильные кляксы, пока он быстро царапал им по бумаге.

— Напишите что-нибудь личное, — продолжал Пинкертон, — чтобы он вас узнал.

— Я уже это сделал, — ответил Джеймс. Он выразил надежду, что Адам нашел возможность передать библию Нату.

— А теперь напишите, что будете ему обязаны, если он поможет нам с просьбой, которая будет приложена.

— Которая будет приложена? — озадаченно поинтересовался Джеймс.

— Вы не говорите мне, кто он, — отозвался Пинкертон, — а я не собираюсь вам сообщать, чего мы от него хотим.

Джеймс положил перо на край стола и нахмурился.

— Это для него рискованно?

— Рискованно? Конечно, рискованно! Идет война! Риск просто витает в воздухе! — Пинкертон бросил на Джеймса сердитый взгляд, снова поднес трубку к свече и затянулся. — Ваш человек делает это ради денег?

Джеймс просто окаменел от такого предположения.

— Он патриот, майор. И христианин.

— В таком случае награда, ожидающая его на небесах, конечно же, достаточная причина, чтобы рискнуть? — спросил Пинкертон. — Но неужели вы думаете, что я хочу его потерять? Конечно же нет! Обещаю, я не буду просить его сделать что-либо, чего я не мог бы попросить у собственного сына, можете быть в этом уверены, майор. Но позвольте мне добавить кое-что еще, — Пинкертон, словно чтобы продемонстрировать, насколько

важными будут те слова, которые он собирается произнести, вытащил трубку изо рта и вытер губы.

— То, о чем я хочу попросить вашего человека, поможет нам выиграть войну. Вот насколько это важно, майор.

Джеймс покорно взял за перо.

— Вы просто хотите, чтобы я попросил его выполнить ваше задание.

— Ну да, майор, именно этого я и хочу. А потом, будьте добры, напишите на конверте адрес, — Пинкертон откинулся назад и затыкнулся трубкой.

Он собирался попросить у Адама сведения об обороне мятежников на востоке Ричмонда, где простиралось болотистое и пустынное пространство, и генерал Макклелан планировал со дня на день выступить в неожиданную атаку на столицу мятежников.

Теперешнее медленное продвижение к руинам Манассаса было предпринято лишь для того, чтобы вынудить армию Конфедератов встать с северной стороны от Ричмонда, а в это время Макклелан тайно готовил самый огромный флот в истории к настоящей атаке на восточный фланг противника.

Ричмонд к маю, мир к июлю, говорил себе Пинкертон, а награда за эту победу на всю оставшуюся жизнь.

Он взял письмо и конверт из рук Джеймса. Конверт был сделан из комковатой коричневой бумаги, которую один из агентов Пинкертона привез после своего тайного посещения Конфедерации, и Джеймс адресовал его почетному секретарю общества снабжения армии Конфедерации библиями, церковь Святого Павла, Грейс-стрит, Ричмонд.

Пинкертон нашел одну из плохоньких зеленых пятицентовых марок с худым лицом Джеффа Дэвиса и приклеил ее к конверту.

— Этот осведомитель, полагаю, доверяет только вам? — спросил Пинкертон.

— Именно так, — подтвердил Джеймс.

Пинкертон кивнул. Если этот необычный шпион доверяет только Джеймсу, то Пинкертону нужно было быть уверенным, что тот всегда будет под рукой.

— А до войны, майор, — поинтересовался он, — у вас было какое-то занятие?

— Профессия, — твердо поправил Джеймс. — Я был адвокатом в Бостоне.

— Адвокатом, вот как? — Пинкертон встал и подошел поближе к слабому огню камина.

— Моя дорогая матушка желала, чтобы я стал адвокатом, в Шотландии их называют стряпчими, но увы, у нас не было денег на обучение. Но мне нравится думать, что я стал бы хорошим адвокатом, если бы мне предоставилась такая возможность.

— Не сомневаюсь в этом, — согласился Джеймс, хотя не был в этом уверен.

— И как адвокат, майор, вы привыкли заниматься анализом фактов? Чтобы отличить правдивые от ложных?

— Несомненно.

— Я спрашиваю, — объяснил Пинкертон, — потому что в последнее время в своем бюро я страдаю от недостатка порядка. У нас отнимает слишком много времени поддержание бумаг в должном виде, и мне нужен заместитель, майор, человек, который может выносить суждения и сортировать факты. Уверяю, что генерал-майор Макклелан немедленно даст добро на перевод, так что с вашим прежним старшим офицером проблем не будет. Не слишком ли большая наглость с моей стороны предложить вам эту должность?

— Это весьма щедро, сэр, весьма щедро, — ответил Джеймс, совершенно позабыв свое твердое решение не называть этого человека "сэр".

— Для меня честь присоединиться к вам, — поспешно продолжил он, едва осмеливаясь поверить, что и правда будет вызволен из сырого и отзывающегося эхом на каждый звук склада отдела снабжения.

— В таком случае, добро пожаловать, майор, — Пинкертон протянул руку в приветствии.

— Мы тут ведем себя без церемоний, — сказал он, твердо и энергично пожав руку Джеймса, — так что с этого момента можете звать меня Бульдогом.

— Бульдогом? — запнулся Джеймс.

— Это всего лишь прозвище, майор, — заверил Пинкертон Джеймса.

— Хорошо, — Джеймс еще колебался, — Бульдог. И почту за честь, если вы будете называть меня по имени, Джеймсом.

— Я так и собирался, Джимми, так и собирался! Начинаем работу утром. Хочешь забрать свое барахло сегодня вечером? Можешь ночевать здесь, в буфетной, если не возражаешь против крыс.

— В плену я привык к крысам, — ответил Джеймс, — и даже к кой-чему похуже.

— В таком случае, майор, вперед! Нужно начать работу рано утром, — заявил Пинкертон, а как только Джеймс ушел, глава секретной службы сел за стол и написал короткое письмо для отправки на юг вместе с запиской Джеймса.

В письме он просил предоставить детальные сведения об оборонительных сооружениях к востоку от Ричмонда и особенно интересовался численностью войск на этих укреплениях. Потом Пинкертон попросил доставить эти сведения мистеру Тимоти Уэбстеру, в отеле "Баллард-Хаус" на Франклин-стрит в Ричмонде.

Тимоти Уэбстер был лучшим шпионом Пинкертона, который уже подготовил три налета на Конфедерацию и разрабатывал четвертый.

В это время Уэбстер представлялся как прорвавший блокаду торговец, пытающийся основать свое дело в Ричмонде, хотя на самом деле использовал фонды секретной службы, чтобы приобрести друзей среди неосторожных офицеров и политиков Конфедерации.

Миссия Уэбстера заключалась в том, чтобы выяснить всё об обороне Ричмонда, и это задание было чудовищно рискованным, но теперь, с появлением осведомителя Джеймса Старбака, Пинкертон почувствовал уверенность в успехе операции Уэбстера.

Он запечатал конверт с двумя письмами, откупорил бутылку драгоценного шотландского виски и сам себе провозгласил тост:

— За победу.

Глава пятая

Полковник Гриффин Свинерд жадно поглощал жареную капусту с картошкой, когда в его палатку вошли Бёрд и Старбак. Начался дождь, и тяжелые тучи принесли с собой преждевременную темноту, так что в палатке пришлось зажечь два светильника, что свисали с верхней перекладины.

Только что получивший это звание полковник сидел под этими двумя фонарями в огромной шинели из серой шерсти поверх форменных панталон и грязной рубахи.

Он вздрагивал всякий раз, когда жевание вызывало приступ зубной боли в его желтой и гнилой челюсти. Его слуга, уродливый раб, объявил о прибытии майора Бёрда и капитана Старбака, а потом быстро удалился в ночь, где огонь костров арьергарда пробивался сквозь ветер и дождь.

— Значит, вы Бёрд, — произнес Свинерд, намеренно проигнорировав Старбака.

— А вы Свинерд, — ответил Бёрд с той же резкостью.

— Полковник Свинерд. Вест-Пойнт, выпуск двадцать девятого года, бывшая Армия Соединенных Штатов, Четвертый полк легкой пехоты, — налитые кровью глаза Свинерда в свете фонарей казались болезненно желтыми.

Он пережевал полную ложку своей еды, запив ее огромным глотком виски.

— Ныне назначенный заместителем командующего бригады Фалконера, — он ткнул ложкой в сторону Бёрда. — Что превращает меня в офицера, старшего вас по должности.

Бёрд признал субординацию коротким кивком, но не стал называть Свинерда "сэром", а, очевидно, тот именно этого и добивался. Свинерд не настаивал, вместо этого царапнув по тарелке острым ножом и наполнив рот еще одной ложкой неаппетитной смеси.

В его палатке пол был выстлан свеженапиленными сосновыми досками, там находился складной стол, кресло и походная кровать, а в качестве подставки для седла использовались козлы. Вся мебель, также как палатка и седло, была новенькой, с иголки.

Это и до войны обошлось бы недешево, но Бёрд даже не мог представить, сколько подобные вещи могли бы стоить во времена дефицита. Рядом с палаткой расположилась повозка, в которой, как предположил Бёрд, с комфортом перемещался Свинерд, еще одно свидетельство потраченных на личное имущество Свинерда средств.

Свинерд проглотил очередную порцию еды и снова влил в себя виски. Дождь колотил по туго натянутому полотну шатра, а где-то в темноте заржала лошадь и залаяла собака.

— Теперь вы в бригаде Фалконера, — официально объявил Свинерд, — состоящей из Легиона, добровольческого батальона округа Изард из Арканзаса, Двенадцатого и Тринадцатого флоридских полков и Шестидесят пятого виргинского. И все они теперь под командованием бригадного генерала Вашингтона Фалконера, да благословит его Бог, чье прибытие к Раппаханнок ожидается завтра. Вопросы?

— Как поживает мой зять? — вежливо поинтересовался Бёрд.

— Военные вопросы, Бёрд, военные.

— В полной ли мере мой зять поправился, чтобы исполнять свой воинский долг? — любезно спросил Бёрд.

Свинерд проигнорировал издевательский вопрос. Его правая щека дернулась от тика,

когда он провел искалеченной рукой по седеющей бороде, где застряли остатки капусты.

На край тарелки полковник положил мокрый кусок жевательного табака, который теперь засунул обратно в рот и усиленно зачмокал, а потом встал и подошел к козлам, служившим подставкой под седло.

— Вы когда-нибудь снимали скальп? — бросил он вызов Бёрду.

— Нет, насколько я могу припомнить, — Бёрд попытался скрыть удивление и отвращение, вызванные этим неожиданным вопросом.

— Для этого нужна сноровка! Как и для любого другого дела, Бёрд, нужна сноровка!

У молодых солдат всегда возникает с этим проблема, потому что они пытаются срезать скальпы, а так делать не нужно. Совсем не нужно. Нет, их нужно сдирать, сдирать! Помогая при этом ножом, если есть необходимость, но только чтоб края подравнять, вот так вы получите нечто прекрасное и с волосами!

Вроде этого! — Свицерд вытащил смотанные в клубок волосы из кармана шинели и помахал ими перед носом у Бёрда.

— Я снял с дикарей больше скальпов, чем любой человек из ныне живущих, — продолжал Свицерд, — и горжусь этим. Я хорошо послужил своей стране, Бёрд, никто не служил ей лучше, смею вас заверить, но в награду получил лишь возможность наблюдать за выборами этого черножопого шимпанзе Линкольна, так что теперь нам приходится драться за новую страну, — Свицерд произнес эту речь весьма эмоционально, наклонившись достаточно близко, так что Бёрд мог почувствовать смесь капусты, табака и виски в его дыхании.

— Теперь продолжим, Бёрд, мы с вами. Как мужчина с женщиной, да? Как там полк? Скажите-ка мне.

— Полк в порядке, — коротко ответил Бёрд.

— Будем надеяться, Бёрд. Что с ним всё в порядке! Генерал не уверен, что майору пристало им командовать, вы меня понимаете? — Свицерд приблизил лицо к Бёрду.

— Так что нам с вами лучше поладить, майор, если вы хотите, чтобы мое хорошее мнение о вас изменило точку зрения генерала.

— Что вы предлагаете? — спокойно спросил Бёрд.

— Я ничего не предлагаю, майор. Я недостаточно умен, чтобы вносить предложения. Я лишь слепой солдат, которого только что оторвали от черного дула винтовки, — Свицерд разразился приступом сиплого хохота, а потом плотно закутался в шерстяную шинель, натянув ее на тощую грудь, и нетвердой походкой направился обратно в кресло.

— Для меня имеет значение, — продолжал Свицерд, усевшись, — лишь готов ли Легион к сражению и знает ли он, за что дерется. Ваши солдаты это знают, Бёрд?

— Уверен, что да.

— Я говорите так, будто не уверены, Бёрд. Совсем не уверены.

Свицерд замолчал, чтобы глотнуть виски.

— Солдаты — народ простой, — продолжал он.

— Нет ничего сложного в солдате, Бёрд. Направьте его куда надо, пните под зад и велите убивать, вот всё, что нужно солдату, Бёрд! Солдаты — это же просто белые ниггеры, вот что я вам скажу, но даже ниггеры работает лучше, если знают, ради чего они это делают. И вот почему сегодня вечером вы раздадите своим людям эти буклеты. Хочу, чтобы они знали, как благородно их дело, — Свицерд попытался поднять на стол деревянный ящик с памфлетами, но был побежден его весом, и потому просто пнул коробку в сторону Бёрда.

Бёрд нагнулся над одним из буклетов и прочел титульную страницу вслух:

— Джон Дэниелс, "Вопрос о ниггерах", — в тоне Бёрда чувствовалась неприязнь к злобной позиции Дэниелса.

— Вы и правда хотите, чтобы я раздал это солдатам?

— Должны! — объявил Свинерд.

— Джонни — мой кузен, видите ли, и он продал эти памфлеты генералу Фалконеру именно для того, чтобы его прочли солдаты.

— Как щедро со стороны моего зятя, — язвительно произнес Бёрд.

— И какими полезными окажутся эти памфлеты! — впервые с тех пор, как пересек порог палатки, нарушил молчание Старбак.

Свинерд подозрительно уставился на него.

— Полезными? — спросил он с угрозой в голосе после длительной паузы.

— В такую сырость ужасно трудно развести костер, — заявил Старбак любезным тоном.

Щека Свинерда задергалась. Он долго молчал, играясь с ножом на костяной ручке и уставившись на юношу.

— Дэниелс — ваш кузен? — внезапно нарушил молчание Бёрд.

— Да, — Свинерд отвел взгляд от Старбака и положил нож на стол.

— И ваш кузен, полагаю, — медленно произнес Бёрд, которого вдруг озарило, — написал статью с предложением повесить Вашингтона Фалконера?

— И что с того? — огрызнулся Свинерд.

— Ничего, ничего, — ответил Бёрд, хотя с трудом скрывал свою радость, сообразив, какую цену пришлось заплатить его зятю за поддержку Дэниелса.

— Вы находите в этом что-то смешное? — злобно накинулся на него Свинерд. Бёрд вздохнул.

— Полковник, — сказал он, — сегодня нам пришлось пройти долгий путь, и у меня нет ни сил, ни желания стоять здесь и рассказывать о причинах моего веселья. Вам что-нибудь еще от меня нужно? Или мы с капитаном Старбаком можем отправиться спать?

На несколько секунд Свинерд уставился на Бёрда, а потом махнул своей искалеченной левой рукой в сторону входа в палатку.

— Идите, майор. Пришлите человека за памфлетами. А вы останетесь здесь, — эти слова предназначались Старбаку.

Но Бёрд не сдвинулся с места.

— Если у вас есть дело к одному из моих офицеров, полковник, — сказал он Свинерду, — то у вас есть дело и ко мне. Я остаюсь.

Свинерд пожал плечами, словно сообщая, что ему плевать, останется ли Бёрд, а потом снова посмотрел на Старбака.

— Как поживает ваш отец, Старбак? — вдруг спросил Свинерд.

— По-прежнему проповедует братскую любовь к ниггерам, да? Еще хочет, чтобы мы выдали наших дочерей замуж за африканцев? — он помедлил, чтобы дать Старбаку ответить.

Один из светильников внезапно моргнул, но потом пламя опять разгорелось. Из дождливой тьмы донеслось пение солдат.

— Ну так как, Старбак? — вопрошал Свинерд.

— Ваш отец хочет, чтобы мы выдали своих дочерей замуж за ниггеров?

— Мой отец упоминает в проповедях о межрасовых браках, — тихо признал Старбак.

Он не любил своего отца, но перед лицом насмешек Свинерда почувствовал порыв защитить преподобного Элияла. Щека Свинерда продолжала подергиваться, а потом он вытянул искалеченную левую руку и показал на две звезды, которые украшали воротничок его нового мундира, висевшего на гвозде, вбитом в одну из стоек палатки.

— Что означает этот значок, Старбак?

— Полагаю, он означает, что мундир принадлежит подполковнику.

— Он принадлежит мне! — Свинерд перешел на повышенные тона. Старбак пожал плечами, словно принадлежность мундира не имела никакого значения.

— И я старше вас по званию! — выкрикнул Свинерд, разбрызгивая слюну вперемешку с табачной жижей на остатки капусты с картошкой. — Так что обращайтесь ко мне "сэр"! Так то!

Старбак промолчал. Полковник взглянул на него, скребя изуродованной рукой по краю стола. Настала напряженная тишина. Пение в окружающей темноте прекратилось, как только солдаты услышали, как полковник орет на Старбака, и майор Бёрд предположил, что половина Легиона сейчас прислушивается к этой стычке в залитой желтым светом палатке.

Полковник Свинерд не осознавал присутствия этой молчаливой невидимой аудитории. Он вышел из себя, подстегиваемый насмешливым выражением привлекательного лица Старбака.

Полковник неожиданно схватил хлыст с короткой рукояткой, лежащий на походной кровати, и щелкнул им в сторону бостонца.

— Вы просто северная сволочь, Старбак, республиканский мусор и любитель ниггеров, и в этой бригаде вам нет места, — полковник, пошатываясь, встал на ноги и снова взмахнул хлыстом, на сей раз всего в нескольких дюймах от щеки Старбака.

— Таким образом, вы уволены из полка, отныне и навсегда, ясно вам? Это приказ бригадного генерала, подписанный, заверенный и врученный мне, — Свинерд порывлся левой рукой в бумагах на складном столике, но не нашел приказа об увольнении и прекратил поиски.

— Вы уберетесь отсюда немедленно, сию же минуту! — Свинерд щелкнул хлыстом в сторону Старбака в третий раз.

— Убирайтесь!

Старбак схватился за кончик хлыста. Он лишь хотел защититься от удара, но ремешок хлыста обвился вокруг его руки, предлагая дьявольское искушение.

Он слегка улыбнулся, а потом дернул, и Свинерд потерял равновесие. Полковник вцепился в стол, чтобы удержаться на ногах, но Старбак потянул сильнее, и складной стол рухнул под весом Свинерда. Полковник растянулся на полу, в каше из сломанного дерева и рассыпавшейся капусты.

— Часовой! — заорал Свинерд в падении. — Часовой!

Смущенный сержант Толливер из первой роты просунул голову через полог.

— Сэр? — он опустил глаза на полковника, лежащего среди остатков сломанного стола, а потом в отчаянии поглядел на Бёрда.

— Что мне делать, сэр? — спросил Толливер Бёрда. Свинерд с трудом поднялся.

— Поместите этот кусок северного дерьма под арест, — крикнул он Толливеру, — а потом передадите его в руки военной полиции с приказом отослать в Ричмонд, где его закопают, как врага государства. Вам ясно?

Толливер колебался.

— Вам ясно? — заорал Свинерд на злополучного сержанта.

— Ему ясно, — вмешался майор Бёрд.

— Вы уволены из армии! — рывкнул Свинерд Старбаку.

— Ваша служба окончена, и с вами всё кончено, вы уволены! — брызгал он слюной в лицо Старбаку.

Полковник полностью потерял самообладание, причиной чему стал алкоголь и провоцирующее поведение Старбака. Он ринулся к Старбаку, внезапно схватившись за ремень кобуры, висящей вместе с мундиром на гвозде.

— Вы арестованы! — Свинерд начал икать, всё еще пытаясь вытащить револьвер.

Бёрд взял Старбака за локоть и поспешил оттащить его из палатки до того, как произойдет убийство.

— Мне кажется, он сумасшедший, — заявил Бёрд, отталкивая Старбака подальше от палатки.

— Целиком и полностью сумасшедший. Не в себе. Безумен. Тронулся, — Бёрд остановился на безопасном расстоянии от палатки и уставился на нее, словно до сих пор не мог поверить в то, чему только что стал свидетелем.

— И пьян, конечно же. Но из ума он выжил задолго до того, как пропил мозги. Боже ты мой, Нат, и это наш новый заместитель командующего?

— Сэр? — сержант Толливер последовал за офицерами из палатки полковника.

— Я должен арестовать мистера Старбака, сэр?

— Не глупи, Дэн. Я за ним присмотрю. Просто забудь обо всём этом, — покачал головой Бёрд.

— Рехнулся! — ошарашенно произнес он. В палатке полковника не было заметно никакого движения, лишь свет фонарей мелькал сквозь дождь.

— Прости, Нат, — сказал Бёрд. Он по-прежнему сжимал в руке памфлет Дэниелса, и теперь разорвал его на мелкие кусочки.

Старбак с горечью выругался. Он ждал мести Фалконера, но всё же надеялся остаться в одиннадцатой роте. Теперь она стала его домом, местом, где у него были друзья и цель. Без одиннадцатой роты он превратится в неприкаянную душу.

— Мне нужно было остаться с Окороком, — ответил Старбак. "Окороком" прозвали Натана Эванса, чья обескровленная бригада давно ушла на юг.

Бёрд протянул Старбаку сигару, а потом подобрал из ближайшего костра ветку, чтобы прикурить.

— Нужно отправить тебя подальше отсюда, Нат, пока этот лунатик не решит арестовать тебя по-настоящему.

— За что? — с горечью спросил Старбак.

— За то, что ты враг государства, — тихо произнес Бёрд. — Ты слышал, что сказал этот сумасшедший придурок. Подозреваю, что это Фалконер вложил такую мысль в его голову.

Старбак посмотрел на палатку полковника.

— И в какой дыре Фалконер отыскал этого сукиного сына?

— У Джона Дэниелса, полагаю.

— Мой зять только что прикупил себе бригаду, заплатив за это всё, что потребовал Дэниелс. Что, вероятно, включает должность для этого пьяного безумца.

— Я прошу прощения, Дятел, — сказал Старбак, пристыженный охватившей его

жалостью к самому себе. — Этот ублюдок и вам угрожал.

— Я это переживу, — уверенно заявил Бёрд. Он прекрасно знал, что Вашингтон Фалконер его презирает и хочет понизить в должности, но Таддеус Бёрд также знал, что заслужил уважение и любовь Легиона, и как трудно будет его зятю побороть эту привязанность. Старбак был гораздо более легкой мишенью для Фалконера.

— Гораздо важнее, Нат, — продолжал Бёрд, — безопасно увезти тебя отсюда. Чем ты хочешь заняться?

— Заняться? — эхом отозвался Старбак. — А что я могу сделать?

— Отправиться обратно на север?

— Боже мой, нет, — отправиться обратно на север означало встретиться лицом к лицу с отцовским гневом, предать друзей из Легиона и прокрасться домой с поджатым хвостом. Гордость не позволяла ему так поступить.

— Тогда поезжай в Ричмонд, — предложил Бёрд, — и найди Адама. Он поможет.

— Вашингтон Фалконер не позволит ему мне помочь, — с горечью произнес Старбак. Всю зиму он не имел вестей от Адама и подозревал, что потерял своего старого друга.

— Адам и сам себе хозяин, — возразил Бёрд. — Поезжай прямо сегодняшним вечером, Нат. Мерфи отвезет тебя до Фредериксберга, а там сядешь на поезд. Я дам тебе увольнительную, которую ты сможешь предъявлять по дороге.

В Конфедерации никто не мог путешествовать без выписанного властями паспорта, а солдатам было позволено отправляться на побывку по увольнительной, выданной их воинским подразделением.

Новости об увольнении Старбака распространились по Легиону, как облако дыма. Одиннадцатая рота собиралась выразить протест, но Бёрд убедил солдат, что этот спор не выиграть, взывая к чувству справедливости Свинерда.

Нед Хант, считавшийся местным шутком, предложил подпилить спицы в колесах повозки Свинерда или сжечь его палатку, но Бёрд не собирался позволить подобной чепухи и даже поставил охрану у палатки полковника, чтобы предотвратить подобные выходки. Самым важным, по мнению Бёрда, было отправить Старбака подальше от угроз со стороны Свинерда.

— Так что вы будете делать? — спросил у Старбака Траслоу, пока капитан Мерфи седлал двух лошадей.

— Может, Адам поможет.

— В Ричмонде? Так вы встретитесь с моей Салли?

— Надеюсь, — несмотря на ночную катастрофу, Старбак почувствовал прилив приятного предвкушения.

— Передайте, что я о ней вспоминаю, — прохрипел Траслоу. Это было тем единственным проявлением любви и прощения, на которое он был способен. — Если ей что-нибудь нужно, — продолжал Траслоу, а потом пожал плечами, потому что сомневался, что его дочери может не хватать денег.

— Я хотел бы, — начал сержант, но потом снова запнулся и замолчал, и Старбак предположил, что Траслоу хотел бы, чтобы его единственная дочь не зарабатывала на жизнь своим телом, но тот его удивил. — Вас с ней, — объяснил он, — я хотел бы видеть вас вместе.

Старбак покраснел в темноте.

— Салли нужен кто-то с лучшими перспективами, — сказал он.

— Она могла бы найти и кого похуже, — тем не менее поддержал Старбака Траслоу.

— Не понимаю, каким образом, — Старбак почувствовал, как в нем снова нарастает жалость к самому себе. — У меня ни дома, ни денег, ни работы.

— Это ненадолго, — заявил Траслоу. — Вы же не позволите этому сукиному сыну Фалконеру вас победить.

— Нет, — согласился Старбак, хотя, по правде говоря, подозревал, что уже побежден. Он был чужаком на чужой земле, а его враги были богаты, влиятельны и безжалостны.

— И тогда вы вернетесь, — заверил Траслоу. — А я покуда присмотрю за ротой.

— Я вам для этого не нужен, — сказал Старбак. — С этим вы всегда и без меня справлялись.

— Вот же глупыш, — прорычал Траслоу. — У меня нет ваших мозгов, а вы такой дурак, что этого не видите.

Звякнули уздечки, когда капитан Мерфи подвел сквозь дождь двух оседланных лошадей.

— Попрощайтесь, — велел Старбаку Траслоу, — и обещайте ребятам, что вернетесь. Они ждут этого обещания.

Старбак попрощался. У солдат роты было только то, что они могли унести на себе, и всё равно они попытались всучить ему подарки. Джордж Финни в битве при Бэллс-Блафф стянул у мертвого офицера с цепочки от часов серебряный ключ Фи-бета-каппа [11] и хотел вручить его Старбаку.

Старбак отказался, также как и не принял наличные от взвода сержанта Хаттона. Он просто взял увольнительную и перебросил свое одеяло через одолженное седло. Он накинул на плечи шинель Оливера Уэнделла Холмса на алой подкладке и вскочил в седло.

— Скоро увидимся, — сказал он, будто и сам в это верил, и стукнул каблуками, чтобы никто из Легиона не заметил, как он близок к отчаянию.

Старбак и Мерфи ускакали в ночь мимо темной палатки полковника Свинерда. Там не было заметно никакого движения. Три раба полковника скорчились под повозкой, наблюдая, как всадники скрылись в черноте дождя.

Стук копыт постепенно затих в темноте. Когда настало утро, по-прежнему лил дождь. Бёрд не выспался и почувствовал себя старым, когда вылез из землянки, попытавшись согреться и затухающего костра. Он отметил, что палатка полковника Свинерда уже разобрана, а три раба привязывали поклажу в повозке, готовясь к поездке во Фридериксберг.

В полумиле к северу, на дальнем холме, два всадника-янки наблюдали сквозь дождь за лагерем мятежников. Хирам Кетли, туповатый, но старательный ординарец Бёрда, принес майору кружку суррогатного кофе из сушеного батата, а потом попытался раздуть огонь.

Группка офицеров дрожала у жалкого костра, а потом с тревогой на лицах устремила взор за спину Бёрда, так что тот понял, что кто-то к нему приближается. Он обернулся и увидел всклокоченную бороду и налитые кровью глаза полковника Свинерда, который, ко всеобщему удивлению, обнажил желтые зубы в улыбке и протянул Бёрду руку.

— Доброе утро! Вы ведь Бёрд, правильно? — энергично спросил Свинерд. Бёрд осторожно кивнул, но не пожал протянутую руку.

— Свинерд, — полковник, похоже, не узнал Бёрда. — Собирался поговорить с вами прошлой ночью, но был нездоров, простите, — он неловко убрал руку.

— Мы разговаривали, — сказал Бёрд.

— Разговаривали? — нахмурился Свинерд.

— Прошлой ночью. В вашей палатке.

— Малярия, вот в чем проблема, — объяснил Свинерд. По его щеке пробежал тик, и правый глаз начал непрерывно моргать. Борода полковника была мокрой после умывания, мундир вычищен, а волосы напомажены и зачесаны назад. Он вновь держал хлыст, теперь в покалеченной руке.

— Лихорадка то уходит, то возвращается, Бёрд, — продолжал он, — но обычно по ночам. Просто сбивает с ног, видите ли. Так что если мы и разговаривали прошлой ночью, то я ничего не помню. Лихорадка, понимаете?

— Да, вы были похожи на лихорадочного больного, — очень тихо произнес Бёрд.

— Но сейчас я здоров. Сон — лучшее лекарство от лихорадки. Я — заместитель Вашингтона Фалконера.

— Я знаю, — ответил Бёрд.

— А вы теперь в новой бригаде, — жизнерадостно добавил Свинерд.

— Вы, какие-то оборванцы из Арканзаса, Двенадцатый и Тринадцатый полк из Флориды и Шестьдесят пятый виргинский. Генерал Фалконер послал меня представиться и передать вам новые приказы. Вы не будете защищать Фредериксберг, а присоединитесь к остальной бригаде дальше на западе. Всё приказы в письменном виде, — он дал Бёрду сложенный лист бумаги, запечатанный кольцом-печаткой Вашингтона Фалконера.

Бёрд разорвал печать и увидел стандартный приказ, направляющий Легион из Фредериксберга в Локаст-Гроув.

— Там мы будем находиться в резерве, — сказал Свинерд. — Если повезет, у нас будет несколько дней, чтобы прийти в форму, но есть один деликатный вопрос, который нам прежде нужно решить, — он взял Бёрда под локоть и потащил изумленного майора подальше от наострившихся ушей других офицеров.

— Весьма деликатный, — добавил Свинерд.

— Старбак? — предположил Бёрд.

— Как вы догадались? — Свинерд был поражен и впечатлен сообразительностью Бёрда.

— И правда Старбак. Неприятное дельце. Ненавижу разочаровывать людей, Бёрд, это не в моем стиле. Мы, Свинерды, всегда действовали открыто, и иногда я думаю, что зря, но теперь уже поздновато меняться. Дело именно в Старбаке. Видите ли, генерал его не выносит, и нам придется от него избавиться. Я обещал сделать это тактично и полагаю, что вы наверняка знаете, как сделать это наилучшим образом?

— Мы уже это сделали, — с горечью заметил Бёрд. — Он уехал прошлой ночью.

— Уехал? — Свинерд моргнул. — Уехал? Отлично! Просто высший класс!

Полагаю, это ваших рук дело? Отлично! Что ж, тогда больше нам и нечего обсуждать. Приятно с вами познакомиться, Бёрд, — он поднял хлыст, прощаясь, но внезапно развернулся обратно. — Есть еще кое-что, Бёрд.

— Полковник?

— У меня есть кой-какое чтиво для солдат. Чтобы их приободрить, — Свинерд снова наградил Бёрда желтозубой улыбкой. — Они выглядят малость подавленными, нужно как-то вселить в них энтузиазм. Пришлите человека за буклетами, ладно? И прикажите, чтобы неграмотным читали вслух. Хорошо! Отлично! Продолжайте в том же духе!

Бёрд смотрел, как полковник удаляется, а потом закрыл глаза и затряс головой, как будто пытаясь убедиться, что это мокрое утро не было дурным сном. Похоже, что не было, и мир на самом деле безвозвратно сошел с ума.

— Может, — сказал он в пустоту, — у янки тоже есть кто-нибудь вроде него. Будем

надеяться.

У долины конные дозоры янки, развернувшись, исчезли во влажных лесах. Артиллерия южан, едва волоча орудия, следовала за фургоном полковника Свинерда на юг, пока легионеры тушили костры и натягивали отсыревшую обувь. Затянувшееся отступление казалось поражением.

Многочисленные силы Потомакской армии не продвигались дальше Манассаса. Вместо этого северяне предприняли маневр с целью спутать планы мятежников — они вернулись в Александрию, и лишь река отделяла их от Вашингтона, у которого войска поджидал флот, чтобы переправить вниз по течению Потомака, к Чезапикскому заливу, а затем — на юг, к опорному посту Союза Форт-Монро.

Флот, чьи мачты возвышались над рекой, словно лес, был зафрахтован правительством Соединенных Штатов. Тут были пароходы из Бостона с боковыми гребными колесами, паромы из Делавера, шхуны из многочисленных портов Атлантического побережья, даже трансатлантические пассажирские суда с острыми, как гвозди, носами и позолоченным орнаментом на корме.

В воздухе шипел выбрасываемый сотней двигателей пар, доносившийся отовсюду свист пугал лошадей, ожидавших погрузки, краны подтягивали на борт сети с грузом, колонны солдат поднимались по трапам.

Орудия и зарядные ящики, пушечные передки и походные кузницы — все было связано и уложено на палубы пароходов. По оценкам штаба Макклеллана, двадцать дней должно было уйти на перемещение всего экспедиционного корпуса — ста двадцати одной тысячи человек личного состава, трех сотен орудий, тысячи ста повозок, пятнадцати тысяч лошадей, десяти тысяч быков и бесчисленных тюков с фуражом, понтонных лодок, барабанов, телеграфных проводов, бочек с порохом. И все это нуждалось в защите, которую обеспечивали линкоры, фрегаты и канонерки Военно-морских сил США.

Флот Потомакской армии, самый многочисленный из всех, когда-либо образованных, наглядно демонстрировал решимость Союза покончить с мятежом одним мощным ударом — раз и навсегда.

Те же тыловые крысы, что жаловались на бездеятельность Макклеллана, теперь узрят нового Наполеона в сражении! Со своей армией, высадившись на полоске земли, тянувшейся на юго-восток от Ричмонда на протяжении семидесяти миль, он устремится на запад, нанесет молниеносный удар и захватит столицу мятежников, подавив их решимость.

"Я не бросал вас в сражение, дабы именно вы могли нанести смертельный удар в сердце мятежа, разделившего нашу когда-то счастливую отчизну". Отпечатанное воззвание Макклеллана также обещало, что генерал присмотрит за солдатами, "как за родными детьми; и вам известно, что любовь вашего генерала идет от всего сердца". Воззвание предупреждало о грядущих отчаянных схватках, но заверяло, что солдаты, вернувшись домой с победой, будут вспоминать об участии в сражениях Потомакской армии как о величайшей чести.

— Прекрасные слова, — сказал Джеймс Старбак, прочтя отпечатанное на походном станке обращение генерала, и его восхищение прочувственными словами разделяли и другие.

Пусть газеты северян и называли Макклеллана "новым Наполеоном", солдатам Потомакской армии их генерал был известен, как "Малыш Мак", и они утверждали, что лучшего воина еще не видел свет.

Если кто и мог одержать быструю победу, это был Малыш Мак, убедивший

Потомакскую армию в том, что в истории Республики, если не всего мира, еще не было лучше оснащенных, подготовленных и вымуштрованных солдат. И пусть политические противники Малыша Мака жалуются на его осторожность и саркастически утверждают, что "на Потомакском фронте без перемен", солдаты знали — их генерал ждет идеального момента для удара.

И вот этот момент настал. Пришли в движение сотни гребных колес и винтов, взбивая воды Потомака, сотни труб выплюнули угольный дым в голубое весеннее небо. Первые суда, сбросив скорость ниже по течению, сопровождаемые игрой оркестра, приспустили флаги, проходя мимо поместья Джорджа Вашингтона у Маунт-Вернон.

— От одних прекрасных слов толку мало, — мрачно заметил Аллен Пинкертон.

Секретная служба генерала Макклелана, расквартированная в здании неподалеку от Александрийской набережной, ожидала готовности генерала к отплытию. Этим утром, пока Джеймс и его начальник разглядывали забитые людьми причалы, Пинкертон ожидал гостей.

Сотрудники его бюро сопоставляли последние частицы поступивших с юга сведений. Каждый день приносил массу с трудом обрабатываемых данных — от дезертиров, сбежавших рабов, из писем симпатизирующих северянам граждан, тайком переданных через реку Раппаханнок.

Но Пинкертон не верил ничему.

Он ожидал новостей от своего лучшего агента Тимоти Уэбстера, а через него — от загадочного друга Джеймса. Но прошли недели, и ничего, кроме зловещей тишины, он из Ричмонда не получил.

Утешало лишь то, что ричмондские газеты не нарушали эту тишину новостями об арестах, как не донеслось до северян и слухов о высокопоставленных офицерах-южанам, обвиненных в измене. Но молчание Уэбстера все же беспокоило Пинкертона.

— Мы должны предоставить генералу наилучшие разведданные, — неустанно повторял Пинкертон. Он не называл Макклелана ни Малышом Маком, ни новым Наполеоном. Всегда только "генерал".

— Но, конечно, мы можем доложить генералу, что полуостров слабо укреплен? — заметил Джеймс. Он работал за маленьким походным столиком, разложенным на веранде.

— Ха! Южане хотят заставить нас в это поверить! — Пинкертон живо обернулся на стук копыт, надеясь на визит гостей. Но всадник проскакал мимо, и Пинкертон потерял к нему интерес. — Пока я не услышу новостей от вашего друга, верить чему-либо я отказываюсь.

Адам уже передал через Тимоти Уэбстера одно послание. И это послание было удивительно подробным.

Как писал Адам, если не брать в расчет артиллерию, оборонительные линии напротив Форта Монро были крайне слабы. Генерал-майор Магрудер располагал для обороны лишь четырем ослабленными бригадами, то есть всего двадцатью батальонами неполного состава.

По последним данным, эти батальоны насчитывали лишь десять тысяч человек, большую часть Магрудер расположил на южной стороне полуострова, в земляных фортах Малберри-Айленда и в аналогичных укреплениях Йорктауна на северной стороне.

Как Адам педантично упоминал, некоторые из йорктаунских укреплений представляли собой остатки британских оборонительных линий 1783-го года. Четырнадцать миль между Йорктауном и островом Малберри охранялись всего четырем тысячами солдат и

разбросанными то тут, то там земляными укреплениями.

Малую численность Магрудер отчасти компенсировал артиллерией, и Адам упоминал о как минимум восьмидесяти пяти тяжелых орудиях и пятидесяти пяти легких, развернутых мятежниками. Тем не менее, особо отмечал Адам, даже такое количество артиллерии не в состоянии прикрыть каждую дорогу на полуострове.

Он докладывал о подготовленных Магрудером земляных укреплениях в десяти милях позади йорктаунских позиций, близ небольшого студенческого городка Уильямсберга. На данный момент, однако, они пустовали.

Помимо этих укреплений, утверждал Адам, между Фортм Монро и редутами и окопами, которые сейчас готовит генерал Роберт Ли, никаких оборонительных позиций нет.

Адам приносил извинения за информацию недельной давности, и добавлял, что Магрудеру собираются прислать подкрепление. Он обещал сообщить подробности касавшегося этого подкрепления, как только всё разузнает.

Но подробности так и не появились. Вообще говоря, не появилось вообще никаких новостей — ни от Адама, ни от Тимоти Уэбстера.

Неожиданное молчание тревожило, хотя Джеймс не думал, что оно может как-то повлиять в военном отношении, потому что каждое приходившее из Виргинии сообщение подтверждало точность первого детального отчета Адама по поводу укреплений на полуострове.

Идентичность этих отчетов говорила о том, что редуты Магрудера были слабы, и мятежники совершенно не ожидают массированную атаку с моря, и Джеймс не понимал, почему Пинкертон не был уверен в этих данных. Ожидая на веранде дома в Александрии, Джеймс уговаривал своего начальника поверить новостям, пришедшим из рядов мятежников.

— У Магрудера, даже с подкреплением, будет не больше четырнадцати тысяч человек, — твердо заверял Джеймс.

Он прочитал каждый клочок разведанных с Юга, и лишь незначительная их часть противоречила цифрам Адама, и Джеймс подозревал, что то была намеренная дезинформация, чтобы сбить с толку командование федералистов.

Всеми фибрами души Джеймс чувствовал, что новый Наполеон сметет врага с небрежной легкостью. Сто десять тысяч солдат, приплывших из гавани Александрии, встретятся всего лишь с четырнадцатью или пятнадцатью тысячами мятежников, и Джеймс совершенно не мог понять сомнений Пинкертона.

— Они просто хотят внушить нам, что слабы, Джимми! — объяснил Пинкертон свое беспокойство. — Хотят нас обескровить, а потом ударить!

Он сделал ложный выпад, будто дрался в кулачном бою.

— Подумай о наших цифрах!

В последние две недели Джеймс только о них и думал, и снова попытался вразумить коротышку-шотландца.

— Вы знаете что-то, чего не знаю я, майор?

— На войне, Джеймс, дерется не каждый солдат, — Пинкертон разбирал газеты на другом столе веранды, но теперь, предоставив им развеяться на небольшом ветерке, он стал мерить шагами деревянный настил.

На реке маневрировал в сумерках огромный трансатлантический пароход, подходя к пристани, где ожидал полк из Нью-Джерси. Массивные гребные колеса со всей силой

взбивали воду, а небольшой буксир выпускал сердитые клубы черного дыма, уткнувшись своим широким носом в элегантный нос парохода.

Один из полковых оркестров играл "Собирайтесь вокруг флага, ребята", и Пинкертон вышагивал в ритм.

— На войне, Джимми, лишь небольшая часть людей действительно идет с винтовкой или штыком на врага, а еще тысячи просто служат, и служат превосходно! Мы с тобой сражаемся за Союз, но не маршируем по грязи, как рядовые. Улавливаешь?

— Конечно, — осторожно ответил Джеймс. Он так и не смог называть Пинкертона Бульдогом, хотя другие работники департамента охотно использовали прозвище шотландца.

— И? — Пинкертон развернулся на конце веранды.

— Мы пришли к заключению, что не все военные считаются, только те, кто на самом деле носят винтовку, улавливаешь? Но за этими героями с оружием, Джимми, стоят повара и клерки, сигнальщики и возницы, штабные офицеры и генералы, музыканты и доктора, ординарцы и военные полицейские, инженеры и снабженцы, — Пинкертон сопровождал этот список энергичными жестами, словно вызывая воображаемых действующих лиц из воздуха.

— Я о том, Джимми, что за каждым солдатом стоят тысячи других, кто кормит и снабжает, поддерживает и направляет, и все они подталкивают армию вперед, чтобы сражение стало возможным. Понял мою мысль?

— Полностью, — осторожно ответил Джеймс, хотя его тон предполагал, что несмотря на то, что он уловил аргументы начальника, они его не убедили.

— Твой друг и сам сказал, что Магрудеру послали подкрепления, — энергично заявил Пинкертон. — Сколько человек?

Мы не знаем! Где они? Мы не знаем! А скольких еще не посчитали? Мы не знаем! — Пинкертон остановился у стола Джеймса, схватив карандаш и лист бумаги.

— Мы не знаем, Джеймс, но давай сделаем кой-какие оценки, как люди образованные. Ты полагаешь, что у Магрудера четырнадцать тысяч? Очень хорошо, давай начнем с этого.

Он нацарапал эту цифру в верхней части листа.

— Это, конечно, только те солдаты, которые присутствуют на перекличке, так что нужно прибавить больных и тех, кто в увольнительных, можешь быть уверен, что эти ребята соберутся вокруг своего мерзкого флага как только начнется драка. Так сколько же их? Шесть тысяч? Семь? Скажем, семь, — он написал новую цифру под первой.

— Теперь мы вычислили, что у генерала Магрудера по меньшей мере двадцать одна тысяча человек, и эту двадцать одну тысячу нужно кормить и снабжать, а этими обязанностями занимаются еще тысяч десять, и не будем забывать музыкантов, врачей и весь этот вспомогательный персонал, без которого не будет функционировать ни одна армия, и их наверняка еще десять тысяч, — Пинкертон прибавил эту цифру к своей колонке.

— К тому же будем считать, что враг почти наверняка пытается сбить нас с толку, неправильно называя свою численность, так что разумный человек прибавил бы к окончательным цифрам пятьдесят процентов, чтобы компенсировать эту ложь, и что же мы имеем в итоге? — несколько секунд он записывал сумму.

— Вот! Шестьдесят одна тысяча пятьсот! Некоторые разведчики называли близкую цифру, не так ли? — Пинкертон порылся в грудe бумаг в поисках тех отчетов, которые Джеймс отмел, как явно выдуманные.

— Вот! — он выудил одно из этих писем.

— И это только в Йорктауне, Джеймс! кто знает, сколько человек стоит в городишках

позади Йорктауна?

Джеймс был склонен считать, что ноль, но не хотел противоречить коротышке-шотландцу, который был так полон уверенности в своих словах.

— В моем докладе генералу, — провозгласил Пинкертон, — будет сказано, что мы можем ожидать в окопах Йорктауна по меньшей мере шестьдесят тысяч человек. А в этом городе, как ты помнишь, даже великий генерал Вашингтон предпочел заморить врага голодом, а не атаковать, даже несмотря на то, что у него было в два раза больше людей. А мы столкнемся почти с равным по силе противником, Джимми, и кто знает, какие силы мятежников ринутся из Ричмонда, чтобы поддержать Магрудера? Это безнадежная задача, безнадежная! Теперь понимаешь, как нам нужно еще одно сообщение от твоего друга? — Пинкертон до сих пор не знал настоящего имени Адама и бросил попытки вытянуть его из Джеймса.

Нельзя сказать, чтобы скрытность Джеймса разочаровала Пинкертона, который считал его назначение своим блестящим успехом, потому что адвокат привнес в Секретную службу так необходимый ей порядок.

Сидевший за своим столом Джеймс погрузился в уныние.

Вычисления Пинкертона его не убедили, он чувствовал себя словно в зале суда в Массачусетсе, а Пинкертон был свидетелем обвинения, он даже наслаждался, погрузившись в эту мешанину сомнительных допущений и малоправдоподобной арифметики, но теперь заставил себя подавить сомнения.

Война всё изменила, и Пинкертон был прежде всего человеком, которого генерал-майор Макклелан лично выбрал в качестве главы Секретной службы, и, по всей видимости, разбиравшимся в этих вещах каким-то непостижимым для Джеймса образом. Джеймс по-прежнему ощущал себя новичком в военном деле, и потому патриотично отмел все сомнения.

Пинкертон повернулся, когда рельсы, бегущие между домом и александрийской пристанью, пересекла двуколка. Тянущие ее лошади прижали уши и закатили глаза, когда паровоз внезапно выпустил облако пара, но кучер успокоил животных, потянув за поводья.

Пинкертон узнал возницу и пассажира и помахал им в приветствии.

— Настало время для отчаянных мер, — сказал он Джеймсу.

Мужчины выбрались из двуколки. Они были молоды, гладко выбриты и в гражданской одежде, но во всем остальном отличались друг от друга, как небо от земли.

Один — высокий, с прямыми волосами, обрамляющими худое лицо с меланхоличным выражением, а другой — небольшого роста, румяный, с кудрявыми черными волосами и веселым выражением лица.

— Бульдог! — воскликнул мелкий, подбежав к ступеням веранды.

— Как же приятно снова тебя видеть!

— Мистер Скалли! — Пинкертон был столь же рад своим визитерам. Он обнял Скалли а потом пожал руку второму мужчине, представив их обоим Джеймсу.

— Знакомьтесь с Джоном Скалли, майор, и Прайсом Льюисом. Это майор Старбак, мой заместитель.

— Чудесный денёк, майор, — сказал Джон Скалли.

У него был ирландский акцент и улыбчивое лицо. Его более сдержанный товарищ приветствовал Джеймса слабым рукопожатием и легким кивком, будто бы с подозрением.

— Мистер Скалли и мистер Льюис, — объявил Пинкертон с почти осязаемой

гордостью, — вызвались отправиться на юг.

— На Ричмонд! — весело отозвался Скалли. — Я слышал, это великолепный городишко.

— Пахнет табаком, — ответил Джеймс, просто чтобы что-нибудь сказать.

— Как и я, правда, Бульдог? — засмеялся Скалли. — Я тоже маленький табачный вонючка, майор. Последняя женщина, которую я уложил в постель, говорила, что не поймет, стоит ли ей заняться со мной любовью или раскурить меня! — Скалли расхохотался над собственным остроумием, Прайс Льюис принял скучающий вид, Пинкертон засиял от удовольствия, а Джеймс попытался не показать своего негодования. Эти люди были всё-таки готовы предпринять нечто экстраординарно храброе, и он решил, что ему следует смириться с их грубостью.

— Майор Старбак — богобоязненный христианин, — Пинкертон уловил смущение Джеймса и объяснил его Джону Скалли.

— Как и я, майор, — поспешно заверил Скалли Джеймса, подкрепив свои слова крестным знаменем.

— И если бы я исповедовался, мне бы, без сомнений, сказали, как отвратительно я себя вел, но какого хрена? Можно же и посмеяться маленько, или закончите жизнь с такой же жалкой рожей, как у этого англичанина.

Он добродушно ухмыльнулся в сторону Прайса Льюиса, который хладнокровно проигнорировал эту шутку, наблюдая, как солдаты из Нью-Джерси поднимаются на борт трансатлантического парохода.

— Европейцам, — объяснил Пинкертон Джеймсу, — гораздо проще, чем янки, путешествовать по Конфедерации. Мистер Льюис и мистер Скалли будут выдавать себя за бизнесменов, бегущих от блокады.

— И пока никто нас не узнает, всё будет тип-топ, — весело заявил Скалли.

— А это возможно? — встревожился Джеймс.

— Есть крохотный шанс, но не стоит из-за этого дергаться, — заверил Скалли.

— Мы с Прайсом некоторое время охотились на сторонников южан в Вашингтоне и выкинули мерзавцев обратно через границу, но полностью уверены, что ни одного из этих ублюдков нет в Ричмонде. Так ведь, Прайс?

Прайс кивнул в знак полного согласия.

— Похоже, вы очень сильно рискуете, — сказал Джеймс, отдавая дань уважения этим двоим.

— Бульдог платит нам за риск, вы разве не знали? — развеселился Скалли.

— И я слышал, что женщины в Ричмонде так же хороши, как и охочи до настоящих денег янки. А мы с Прайсом любим делать дамам одолжения, разве это не самая что ни на есть Божья правда, Прайс?

— Как скажешь, Джон, как скажешь, — великодушно отозвался Льюис, по-прежнему надменно рассматривая суматоху на пристани.

— Не могу дождаться, когда уже смогу наложить лапы на этих южаночек, — сладострастно отметил Скалли.

— Всех этих жеманниц, а? Все эти оборки и воланы. Которые слишком хороши для таких, как мы, пока мы не сунем им несколько добрых северных монет, а уж тогда поглядим, как они задерут свои юбки, да, Прайс?

— Как скажешь, Джон, как скажешь, — повторил Прайс Льюис, поднеся руку ко рту,

чтобы скрыть зевок. Пинкертон решил закончить эту болтовню, объяснив Джеймсу, что Льюис и Скалли отправятся на юг, чтобы разузнать, что случилось с Тимоти Уэбстером.

— Он не очень здоров, — сказал Пинкертон, — и всегда есть риск, что может слечь в постель или еще что похуже, и в таком случае мистеру Льюису и мистеру Скалли придется получить нужные сведения напрямую от твоего друга. Это означает, Джимми, что им понадобится письмо от тебя с объяснением, что им можно доверять.

— А так и есть, майор, — весело добавил Скалли, — если речь не идет о дамах, так ведь, Прайс?

— Как скажешь, Джон, как скажешь.

Джеймс сел за стол и написал требуемое письмо. Его заверили, что воспользуются этой запиской только в случае исчезновения Тимоти Уэбстера, в противном же случае письмо будет надежно спрятано в одежде Джона Скалли.

Джеймс, писавший под диктовку Пинкертона, уверял Адама, что сведения об обороне полуострова за Фортом Монро нужны срочно, и что он может доверять просьбам, которые последуют вместе с этим письмом, которое с молитвами и благими пожеланиями посылает ему брат во Христе Джеймс Старбак.

Он адресовал конверт почетному секретарю Общества снабжения армии Конфедерации библиями, и Пинкертон запечатал его обычной сургучной печатью, а потом вручил сияющему Скалли.

— В вестибюле церкви Святого Павла есть доска объявлений, туда ты его и положишь.

— Эта церковь Святого Павла, она заметная? — поинтересовался Скалли.

— В самом центре города, — заверил его Пинкертон. Скалли поцеловал конверт и засунул его в карман. — Мы доставим тебе новости в течение недели, Бульдог!

— Пересекаете границу сегодня ночью?

— Почему бы и нет? — ухмыльнулся ирландец. — Погода отличная, и ветерок тоже в нашу пользу.

Джеймс достаточно хорошо изучил методы Пинкертона и знал, что его люди обычно пересекают широкое устье Потомака ночью, отплывая от пустынных заливчиков на мэрилендском берегу и под темным парусом тихо двигались в сторону виргинского берега.

Там, где-то в округе Кинг-Джордж, сочувствующие северянам люди снабжали агентов лошадьми и бумагами.

— Позвольте пожелать вам счастливого пути, — произнес Джеймс официальным тоном.

— Просто помолитесь, чтобы женщины были рады нас видеть, майор, — засмеялся Скалли.

— И как можно скорее пришлите новости, — сурово добавил Пинкертон.

— Нам нужны цифры, Джон, цифры! Сколько тысяч человек размещено на полуострове? Сколько орудий? Сколько войск в Ричмонде готовы выступить в поддержку Магрудеру?

— Не беспокойтесь, майор, — вы получите ваши цифры, — бодро ответил Джон Скалли, и агенты направились обратно к двуколке. — Два дня, и мы в Ричмонде! — радостно воскликнул он.

— Может, мы подождем тебя там, Бульдог! Отпразднуем победу в винном погребе Джеффа Дэвиса, а? — засмеялся он. Прайс Льюис поднял руку в торжественном прощании, а потом цокнул языком лошади. Двуколка затряслась обратно через рельсы.

— Храбрые ребята, — произнес Пинкертон, как будто слегка шмыгнув носом. — Очень храбрые, Джимми.

— Да, это верно, — согласился Джеймс.

На набережной подъемные краны загружали ящики и тюки с артиллерийскими боеприпасами: ядрами, шрапнельными и картечными зарядами. Огромное судно разворачивалось на реке, весла, словно паучьи лапки, били по воде, вспенивая ее, будто сражаясь с быстрым течением Потомака.

Причалы заполнялись солдатами, которые покинули только что остановившиеся вагоны и теперь формировали колонны в ожидании своей очереди. Заиграл полковой оркестр, развевались десятки звездно-полосатых гюйсов [\[12\]](#), хлопая на свежем весеннем ветру, словно хлысты. Армия Севера, величайшая армия в американской истории, пришла в движение.

Она двигалась к полуострову, который охранялся всего десятью тысячами мятежников.

* * *

Бельведер Дилейни устроил Ната Старбака в паспортное бюро Конфедерации. Поначалу Старбак воспринял сие назначение с отвращением.

— Я военный, — сказал он юристу, — а не какой-то чинуша.

— Ты нищий, — холодно ответил Дилейни. — А люди готовы заплатить весьма и весьма солидные деньги за паспорт.

Паспорта требовались не только за пределами Ричмонда, но и даже для свободного передвижения по городским улицам после наступления темноты. Как гражданским лицам, так и военнотружущим требовалось подать заявление на получение паспорта в бюро на углу Девятой и Брод-стрит, в грязной, забитой посетителями конторе.

Старбак, прибыв с рекомендацией Дилейни, получил в свое распоряжение комнату на третьем этаже. Его пребывание там, однако, было в равной степени тоскливым и абсолютно бесполезным.

Всю работу выполнял сержант Кроу, предоставив Старбаку возможность пялиться в окно или полистывать Энтони Троллопа, книга которого служила опорой для сломанной ножки стола.

Он писал Адаму Фалконеру в штаб армии, находящийся в Кулпепере, умоляя друга воспользоваться своим влиянием и отправить его обратно в одиннадцатую роту легкой пехоты Легиона Фалконера.

Старбак знал, что Вашингтону Фалконеру никогда не удавалось противиться просьбам сына, так что он не оставлял надежды, но за несколько дней так и не получил от Адама ответа. Дважды повторив свои настойчивые просьбы, Старбак наконец забросил попытки.

Через три недели до Старбака наконец дошло, что в бюро он был никому не нужен. Так что продолжая заглядывать к сержанту Кроу пару раз в неделю, Нат был предоставлен сам себе — и тем удовольствиям, что мог предложить Ричмонд.

Удовольствия эти были разбавлены витавшей в воздухе опасностью, вызванной прибывающими к Форту Монро войсками северян. Первые новости о высадке вызвали в городе легкую панику, но янки так и не развернули наступление, поэтому все мнения сошлись на том, что северяне планируют укрепить свой гарнизон у Роанока.

Старбак часто обедал с Дилейни, и тот с презрением отзывался о подобных слухах.

— И зачем же им высаживаться у Форта Монро? — однажды спросил он. — Нет,

дорогой мой Старбак. Скоро они начнут наступление на Ричмонд. Одно-единственное сражение, и вся эта суета прекратится. Мы все попадем в плен! — казалось, его очень радует подобная перспектива.

— По крайней мере, еда точно будет не такой поганой. Знаешь, я осознал — хуже всего влияние, которое война оказывает на роскошь. Половину того, ради чего стоит жить, не достанешь, другая половина своими ценами разорит в два счета... кошмарная говядина, правда?

— Получше солонины.

— Все забываю, что ты служил в полевых условиях. Доведется ли мне услышать выстрелы перед концом войны? Это придаст моим мемуарам правдоподобности, как думаешь? — Дилейни обнажил белые зубы в улыбке.

Тщеславный человек, он гордился своими зубами — родными, ровными и вычищенными, казавшимися почти неестественно белыми. Старбак повстречал Дилейни в прошлом году, во время первого посещения Ричмонда, и между ними установились осторожные, но дружеские отношения.

Дилейн был изумлен, узнав, что блудный сын преподобного Элияла Старбака оказался в Ричмонде. Но его симпатия была вызвана не только любопытством, тогда как привязанность Старбака к Дилейни частично объяснялась готовностью последнего оказать помощь, частично — нуждой Ната в друзьях вроде Дилейни и Бёрда, которые не станут судить его деяния по меркам отца с его неумолимой, безжалостной верой.

Подобные люди, как считал Старбак, прошли тот путь, который Нат желал пройти сам. Однако временами, находясь в обществе Дилейни, он спрашивал себя, разумно ли отрицать за собой какую-либо вину. Старбак знал, что Дилейни, несмотря на старательно им поддерживаемую почти пиквикскую [\[13\]](#) приветливость, тем не менее, был умным и беспощадным. Эти же качества он использовал, чтобы склотить состояние на, как любил повторять Дилейни, двух обязательных для воина вещах: женщинах и оружии.

Юрист снял очки и протер линзы платком:

— Говорят, пули свистят. Это так?

— Да.

— В какой тональности?

— Никогда не обращал внимания.

— Наверное, разные пули и свистят по-разному? Талантливый стрелок вполне может исполнить какую-нибудь мелодию, — предположил Дилейни и жизнерадостно пропел первую строчку песни, популярной в Ричмонде всю зиму: — "Чего же ждешь ты, Тарди Джордж?" Хотя вряд ли он по-прежнему ожидает, а? Как думаешь, важнейшие события войны произойдут на этом полуострове?

— Если так, — ответил Старбак, — я хочу быть там.

— Ты кровожаден до глупости, Нат, — поморщился Дилейни. Он протянул Старбаку отвратительный на вид хрящ: — Похоже на еду, по-твоему? Или, скорее, на нечто, что встретило свою смерть на кухне? Ладно, неважно, перекушу дома, — он отставил тарелку.

Они обедали в отеле "Спотсвуд-Хаус". Дождавшись, пока Дилейни покончит с едой, Старбак извлек пачку чистых паспортов и толчком отправил их юристу.

— Отлично, — одобрил Дилейни, убирая документы в карман. — Я должен тебе четыреста долларов.

— Сколько? — потрясенно перепросил Старбак.

— Паспорта нынче дороги, друг мой Старбак! — довольно сообщил хитрюга-юрист. — Шпионы северян платят целое состояние за эти бумажки! — Дилейни рассмеялся, показывая, что шутит.

— Так что будет только правильно, если ты разделишь со мной полученные столь нечестным путем доходы. Уж поверь, за них я выручу огромные деньги. Полагаю, ты предпочтешь плату в валюте Союза?

— Мне все равно.

— Не все равно, поверь мне, не все равно! Доллар Севера равен трем нашим, как минимум! — Дилейни, не обращая внимания на уставившихся на него посетителей, отсчитал пачку новеньких долларовых бумажек, заменивших большую часть монет Севера.

Доллар Юга должен был обладать равной покупательской способностью, но вся система ценообразования, похоже, давно полетела к чертям.

В Ричмонде за фунт масла просили пятьдесят центов. За вязанку дров — восемь долларов. Кофе нельзя было достать практически ни за какие деньги. Даже хлопок, являвшийся, казалось, фундаментом процветания Юга, взлетел в цене в два раза. Комната, которую в прошлом году не сдали бы и за полдоллара в неделю, теперь сдавалась на семь дней за десять долларов.

Старбаку, правда, было глубоко наплевать. У него была своя комната в огромном доме на Франклин-стрит, там же обитала и Салли Траслоу с двумя соседками, слугами, поварами и портным.

Это был один из шикарнейших домов во всем городе. Ранее он принадлежал торговцу табаком, чьи дела сильно пошатнула блокада северян. Здание пришлось продать, и Дилейни превратил дом в самое роскошное и дорогое заведение для любовных утех и тайных встреч.

Мебель, картины и прочий декор были если не высочайшего качества, то по меньшей мере выглядели таковыми при свечах, а угощения, напитки и развлечения были настолько щедрыми, насколько позволял дефицит военного времени.

Дамы принимали по вечерам, а днем находились в своих апартаментах, к услугам гостей, но по большой украшенной статуями лестнице было дозволено подниматься лишь визитерам, имевшим предварительную договоренность.

Деньги переходили из рук в руки, но так незаметно, что даже священник из церкви Святого Павла посетил дом три раза, прежде чем догадался о том бизнесе, который велся в его стенах, после чего уже не возвращался, хотя это знание не помешало визитам трех его коллег.

Дилейни взял за правило, что в дом не может войти никто ниже ранга майора или гражданский, чья одежда выдает вульгарный вкус. Таким образом, клиенты были богатыми и совершенно цивилизованными, хотя необходимость разрешить доступ членам Конгресса Конфедерации опустила изысканность дома значительно ниже того уровня, к которому сумасбродно стремился Дилейни.

У Старбака была небольшая сырая комнатенка на конюшне в конце влажного и заброшенного сада. В качестве платы за постой он снабжал Дилейни паспортами, а для женщин его присутствие было средством отпугивания различного рода криминальных элементов, которыми кишел Ричмонд. Взломы домов стали так привычны, что на них почти не обращали внимания, а на улицах пышным цветом расцвели грабежи.

И это делало Старбака желанным гостем, потому что он всегда был рад сопровождать одну из дам в "Дюкезн", парижскую парикмахерскую на Мейн-стрит, или в один из

магазинов готового платья, которые каким-то образом умудрялись добывать достаточно материалов для производства роскошных товаров.

Однажды он скучал возле "Дюкезна", поджидая Салли и читая очередное требование "Наблюдателя" к Конфедерации прекратить валяться кверху лапками и положить конец войне, вторгнувшись на Север.

Стояло солнечное утро, первое почти за три недели, и ощущение весеннего тепла придавало городу оживление. Два ветерана Булл-Ран, охранявшие салон "Дюкезн" посмеивались над состоянием мундира Старбака.

— С такой девчонкой, капитан, не стоит носить обноски, — сказал один из них.

— Кому нужна одежда с такой-то девчонкой? — парировал Старбак. Охранники рассмеялись. Один потерял ногу, а второй руку, теперь они охраняли парикмахерскую с парой дробовиков.

— В этой газете есть что-нибудь про нового Наполеона? — спросил однорукий.

— Ни слова, Джимми.

— Так он не в Форте Монро?

— Если и так, то в "Наблюдателе" об этом не слышали, — сказал Старбак. Джимми сплюнул в сточную канаву струю табака.

— Если там его нет, то и сюда он не торопится, и мы узнаем об этом, только когда он уже будет здесь.

Его тон был мрачным. Виргинские газеты, может, и высмеивали претензии Макклелана, но у всех жителей всё равно было чувство, что Север обрел своего военного гения, а у Юга нет никого подобного ему.

В начале войны имя Роберта Ли вселяло в виргинцев оптимизм, но хорошая репутация генерала была подмочена в одном из первых сражений на западе Виргинии, и теперь он проводил время, копая бесконечные каналы вокруг Ричмонда, заслужив прозвище "Король лопат".

У него по-прежнему были сторонники, и главной среди них являлась Салли Траслоу, считавшая Ли величайшим генералом со времен Александра, но ее мнение базировалось лишь на том факте, что вежливый Ли однажды приподнял шляпу, повстречавшись с ней на улице.

Старбак передал Джимми газету, а потом взглянул на часы в витрине, чтобы понять, сколько еще времени Салли будет устраивать светопреставление со своими волосами. Он решил, что это займет еще по меньшей мере четверть часа, и потому сдвинул шляпу на затылок и закурил сигару, прислонившись к одной из позолоченных колонн, обрамлявших крыльцо "Дюкезна". И вдруг его окликнули.

— Нат! — голос доносился со противоположной стороны улицы, и Старбак пару секунд не мог рассмотреть, кому он принадлежал, потому что мимо проезжала повозка с грузом древесины, а за ней — красивая двуколка с раскрашенными колесами и позвякивающей на подушках бахромой, а потом увидел Адама, лавирующего между повозками с вытянутой рукой. — Нат! Прости, я должен был написать. Как ты?

Старбак чувствовал горечь в отношении своего друга, но в голосе Адама было столько тепла и угрызений совести, что эта горечь немедленно исчезла.

— У меня всё в порядке, — сбивчиво произнес он. — А у тебя?

— У меня столько дел, просто ужас. Половину времени я провожу здесь, а половину — в штабе армии. Мне приходится служить связным между армией и правительством, а это

непросто. Джонстон не выносит президента, а Дэвис тоже не самый большой поклонник генерала, так что меня пинают обе стороны.

— А меня пнул твой отец, — сказал Старбак с вернувшейся горечью.

Адам нахмурился.

— Мне жаль, Нат, правда, — он помедлил, явно от смущения, а потом покачал головой. — Я не могу тебе помочь, Нат. Хотел бы, но отец настроен против тебя и не станет меня слушать.

— Ты его просил?

Адам помолчал, а потом его прирожденная честность победила искушение увильнуть от прямого ответа.

— Нет, не просил. Я не виделся с ним уже месяц и знаю, что писать ему бесполезно. Может, он смягчится, если я спрошу его прямо? Лицом к лицу? Ты можешь подождать до этого момента?

Старбак пожал плечами.

— Я подожду, — ответил он, зная, как мало у него шансов в этом деле. Если Адаму не удастся изменить мнение своего отца, то и никто не сможет. — Хорошо выглядишь, — сказал он Адаму, меняя тему.

В последний раз Старбак виделся со своим другом у Бэллс-Блафф, где Адам был подавлен ужасом сражения, но теперь он снова приобрел свой добродушный и оживленный вид. Его форма была вычищена, ножны сабли сияли в солнечных лучах, а сапоги со шпорами блестели.

— У меня всё хорошо, — решительно заявил Адам. — Я с Джулией.

— С твоей невестой? — поддразнил его Старбак.

— Неофициальной невестой, — поправил его Адам. — Я хотел бы, чтобы она стала официальной, — он застенчиво улыбнулся. — Но мы решили, что лучше подождать, пока не закончится вся эта враждебность. Война — не время для свадеб.

Он махнул вдоль улицы.

— Хочешь с ней встретиться? Она с матерью у Севелла.

— У Севелла? Старбак думал, что знает все магазины готового платья и всех модисток Ричмонда, но никогда не слышал о Севелле.

— Это церковный магазин, Нат! — побранил Адам своего друга, а потом объяснил, что мать Джулии, миссис Гордон, открыла класс по изучению библии для свободных чернокожих, которые приезжали в Ричмонд в поисках работы на военных предприятиях.

— Они ищут простые варианты Писания, — объяснил Адам, — может, детскую версию Евангелия от Луки. Кстати, это напомнило мне, что у меня есть для тебя библия.

— Библия?

— Ее оставил для тебя твой брат. Мне следовало давным-давно ее тебе отправить. А теперь пойдем, познакомишься с миссис Гордон и Джулией.

Старбак медлил.

— Я здесь с другом, — объяснил он, махнув рукой в сторону витрины "Дюкезна" с выставленными там локонами, черепаховыми гребнями и декорированными многочисленными лентами париками, и как только он сделал этот жест, дверь распахнулась, и из нее вышла Салли.

Она взяла под руку Старбака и мило улыбнулась Адаму. Она знала его по округу Фалконер, но Адам явно не узнал девушку.

Когда он видел ее в последний раз, Салли была растрепанной девчушкой в линялом хлопковом бесформенном платье, таскающей воду и пасущей скот на маленькой ферме своего отца, а теперь носила шелк с кринолином, а закрученные локоны выглядывали из-под чепца с лентами.

— Мэм, — кивнул ей Адам.

— Адам, ты знаком..., - начал Старбак.

Салли прервала его.

— Меня зовут Виктория Ройял, сэр, — таково было ее профессиональное имя, которое Салли присвоили в борделе на Маршалл-стрит.

— Мисс Ройял.

— Майор Адам Фалконер, — завершил церемонию знакомства Старбак. Он заметил, с каким удовольствием Салли восприняла тот факт, что Адам ее не узнал, и решил поддержать эту проказу. — Майор Фалконер — мой большой друг, — сказал он Салли, будто она не знала.

— Мистер Старбак упоминал ваше имя, майор Фалконер, — сказала Салли в самой скромной манере.

Она и выглядела скромно в своем темно-сером платье, а красные, белые и синие ленты на чепце были скорее проявлением патриотизма, чем роскоши. Никаких выставленных напоказ драгоценностей или пышных нарядов на улицах Ричмонда, только не в то время, когда так часты грабежи.

— А вы, мисс Ройял, вы из Ричмонда? — спросил Адам, но до того, как Салли что-либо ответила, он увидел Джулию со своей матерью, появившихся из магазина церковной литературы на противоположной сторону улицы, и настоял, чтобы Старбак и Салли подошли к ним познакомиться.

Салли взяла под руку Старбака. Следуя за Адамом через дорогу, она хихикнула:

— Он меня не узнал! — прошептала она.

— Да как бы он смог? А теперь, Бога ради, веди себя осторожней. Это религиозные люди, — после этого предупреждения Старбак придал своему лицу строгое и благопристойное выражение. Он помог Салли взойти на тротуар, вежливо отбросил огрызок сигары, а потом повернулся к миссис Гордон и ее дочери.

Адам представил их, и Старбак прикоснулся пальцами в перчатке к протянутым рукам дам. Миссис Гордон была худощавой и сварливой женщиной с длинным носом и глазами, как у голодного орла, но дочь его удивила.

Старбак ожидал увидеть робкую, как мышка, религиозную девушку, застенчивую и благочестивую, но открытый взгляд Джулии Гордон разрушил его представления о ней. У нее были темные волосы и глаза, а лицо выглядело почти вызывающе из-за силы во взгляде.

Старбак подумал, что не назвал бы ее красивой, но несомненно привлекательной. В ее взгляде чувствовался характер, сила и ум, и Старбак, встретившись с ней глазами, позавидовал Адаму.

После того, как ей представили Салли, миссис Гордон немедленно повернулась обратно к Старбаку, желая узнать, как он связан со знаменитым Элиялом Старбаком из Бостона. Он признался, что этот известный аболиционист — его отец.

— Мы с ним знакомы, — неодобрительно произнесла миссис Гордон.

— Правда, мэм? — удивился Старбак, державший в руке свою неопрятную шляпу.

— Гордон, — она имела в виду своего мужа, — миссионер АОРПБ.

— Вот как, мэм, — уважительно отозвался Старбак. Его отец был одним из попечителей Американского общества распространения Писания среди бедных, которое несло свет спасения в самые темные уголки американских городов.

Миссис Гордон оглядела плохенький мундир Старбака.

— Ваш отец врядли доволен тем, что вы носите мундир Конфедерации, мистер Старбак?

— Уверен, что не доволен, мэм.

— Мама судит о вас до того, как узнала все факты, — вмешалась Джулия с легким прикосновением, вызвав у Старбака улыбку, — но вам следует дать шанс вымолить смягчение наказания до того, как она вынесет приговор.

— Это очень долгая история, мэм, — почтительно заявил Старбак, зная, что не осмелится описать обстоятельства своей безнадежной и безответной любви к актрисе, из-за которой ему и пришлось расстаться с Севером, семьей, учебой и собственной респектабельностью.

— Смеею предположить, слишком долгая, чтобы рассказывать ее прямо сейчас, — произнесла миссис Гордон голосом, огрубевшим от многолетних попыток вселить в ленивую паству хоть какое-то подобие энтузиазма. — Но всё равно мне приятно видеть вас в роли защитника прав штатов, мистер Старбак. Наше дело правое и благородное. А вы, мисс Ройял? — она повернулась к Салли, — вы из Ричмонда?

— Из округа Гринбрир, мэм, — солгала Салли, назвав округ, находящийся в самой дальней, западной части штата. — Мой отец не захотел, чтобы я оставалась там во время военных действий, и послал меня сюда к родственникам, — она прилагала все усилия, чтобы избавиться от своего грубого деревенского акцента, но кое-что всё равно осталось.

— К тётке на Франклин-стрит, — объяснила она.

— Возможно, вы ее знаете?

Миссис Гордон оценивала качество платья Салли, стоимость ее зонтика и изысканность кружевного воротничка, резко контрастировавших со штопанной и простой одеждой матери и дочери.

Миссис Гордон наверняка также отметила, что Салли пользуется пудрой и румянами — аксессуарами, которые не позволялись в доме миссис Гордон, но, возможно, невинный вид и молодость Салли смягчили неодобрение миссис Гордон.

— Она серьезно больна, — Салли попыталась избежать дальнейших расспросов о своей воображаемой тетушке.

— В противном случае, уверена, она бы согласилась нанести нам визит, — на упоминание болезни миссис Гордон откликнулась оживленно, как старый вояка, услышавший призыв горна. — И какую церковь посещает ваша тетушка, мисс Ройял?

Старбак понял, что Салли не знает, что придумать в ответ.

— Меня представили мисс Ройял в баптистской церкви на Грейс-стрит, — сказал он, намеренно выбрав одно из самых незначительных религиозных объединений города. Старбак заметил серьезный взгляд Джулии и понял, что слишком сильно пытается произвести на нее впечатление.

— В таком случае уверена, что мы должны быть знакомы с вашей тёткой, — настаивала миссис Гордон. — Думаю, мы с мистером Гордоном знакомы со всеми семьями евангелистов Ричмонда. Не так ли, Джулия?

— Уверена, что так, мама.

— Как зовут вашу тётушку, мисс Ройял? — настойчиво поинтересовалась миссис Гордон.

— Мисс Джинни Ричардсон, — ответила Салли, используя имя совладелицы борделя на Маршалл-стрит.

— Не думаю, что знаю каких-либо Ричардсонов в Виргинии, — нахмурилась миссис Гордон, пытаясь припомнить это имя. — Баптистская церковь на Грейс-стрит, говорите? Мы не баптисты, мисс Ройял, — миссис Гордон сделала это заявление тем же тоном, каким бы заверила Салли, что она не каннибал и не католичка.

— Но, конечно же, мы знаем эту церковь. Возможно, как-нибудь вы захотите послушать проповедь моего мужа? — приглашение было сделано как Старбаку, так и Салли.

— Наверняка, — ответила Салли с энтузиазмом, происходящим от облегчения, что ей не придется больше вдаваться в детали относительно воображаемой тетушки.

— Не хотите ли выпить с нами чаю? — предложила миссис Гордон Салли.

— Приходите в пятницу. По пятницам мы читаем Писание раненым в больнице Чимборасо.

Эта больница была крупнейшим военным госпиталем в Ричмонде.

— С удовольствием, — приветливо и с готовностью отозвалась Салли, словно предложение миссис Гордон должно было оживить ее скучные вечера.

— А что касается вас, мистер Старбак, — добавила миссис Гордон, — нам всегда требуются сильные руки, помогать больным в палатах. Некоторые не могут удержать Писание.

— Конечно, мэм. Это будет честь для меня.

— Адам всё устроит. Никаких кринолинов, мисс Ройял, между койками слишком мало места для всех этих рюшей. А теперь пойдем, Джулия.

Миссис Гордон, всё-таки высказав свое неодобрение одеждой Салли, одарила ее улыбкой, а Старбака кивком, а потом удалилась вдоль по улице. Адам поспешно пообещал оставить Старбаку записку в паспортном бюро, а потом, прикоснувшись к шляпе в качестве прощания с Салли, побежал догонять Гордонов.

Салли засмеялась.

— Я наблюдала за тобой, Нат Старбак. Тебе понравилась эта церковная девчонка, так ведь?

— Чепуха, — фыркнул Старбак, но по правде говоря, он гадал, что же в этой одетой в простое платье Джулии Гордон так его привлекало. Может, то, что дочь миссионера олицетворяла мир благочестия, знаний и невинности, который он навсегда потерял из-за своего вероотступничества?

— По мне, так она выглядит какой-то гимназисткой, — заявила Салли, беря его под руку.

— Возможно, именно это и нужно Адаму, — сказал Старбак.

— Чёрт, вот и нет. Она для него слишком сильная, — язвительно заметила Салли.

— Адам всегда был размазней. Никогда не мог принять решение. И он так меня и не узнал, да?

Старбак улыбнулся довольным ноткам в ее голосе.

— Не узнал.

— Он так странно на меня смотрел, будто думает, что мы должны быть знакомы, но так и не вспомнил, кто я, — Салли сияла.

— Думаешь, они и правда пригласили нас на чай?

— Может, и так, но мы не пойдем.

— Почему это? — спросила Салли, когда они свернули на Франклин-стрит.

— Потому что я провел всю свою чертову жизнь в уважаемых домах евангелистов и теперь пытаюсь от них сбежать.

Салли захохотала.

— Не пойдешь даже ради церковной девчонки? — поддразнила она Старбака. — А я бы хотела пойти.

— Конечно же, ты не пойдешь.

— Нет, пойду. Хочу посмотреть, как эти люди живут и делают все эти правильные вещи. Меня никогда еще не приглашали в уважаемый дом. Или ты меня стыдишься?

Конечно, нет!

Салли остановилась, заставив Старбака посмотреть ей в лицо. В ее глазах стояли слезы.

— Нат Старбак! Тебе стыдно взять меня в приличный дом?

— Нет!

— Потому что я зарабатываю на жизнь, лежа на спине? В этом дело?

Он поцеловал ее руку.

— Я не стыжусь тебя, Салли Траслоу. Я просто думаю, что тебе будет скучно. Это скучный мир. Мир без кринолинов.

— А я хочу его увидеть. Хочу увидеть, как это — быть уважаемой, — заявила она с жалостливым упрямством.

Старбак полагал, что это извращенное желание у нее пройдет, и потому решил, что нет особой нужды ей возражать.

— Конечно, — сказал он, — если они нас пригласят, обещаю, что мы пойдем.

— Меня никуда еще не приглашали, — продолжала Салли, зашагав дальше, по-прежнему со слезами на глазах. — Я хочу, чтобы меня куда-нибудь пригласили. Взять выходной на один вечер.

— Значит, мы пойдем, — успокоил ее Старбак, гадая, что случится, если миссионер узнает, что его жена пригласила на чай шлюху, и эта мысль вызвала у него смех. — Конечно, пойдем, обещаю.

— Так и будет.

Джулия поддразнивала Адама относительно Салли.

— Не слишком ли она безвкусна?

— Несомненно. В самом деле.

— Но ты, похоже, ей очарован?

Прямолинейная натура Адама не позволила ему понять, что Джулия над ним подшучивает, и он вспыхнул.

— Уверю тебя...

— Адам! — прервала его Джулия. — Я думаю, что мисс Ройял — удивительная красавица. Только мужчина из гранита мог бы ее не заметить.

— Дело не в этом, — признался Адам, — а в том, что у меня такое чувство, будто я ее уже где-то видел.

Он стоял в гостиной маленького дома преподобного Гордона на Бейкер-стрит.

Это была темная комната, наполненная тяжелым запахом мебельного воска. В застекленных книжных шкафах стояли комментарии к библии и истории из жизни

миссионеров в языческих странах, а из окна можно было наблюдать благочестивые надгробия кладбища Шокоу.

Дом находился в бедном квартале Ричмонда и поблизости от богадельни, больницы для бедных, рабочего дома и кладбища.

И преподобный Гордон не мог позволить себе лучшего дома, потому что Американское общество распространения Писания среди бедных требовало, чтобы его миссионеры жили среди паствы, и дабы удостовериться в том, что миссионеры следуют этому правилу, попечители держали их жалование на достойном сожаления уровне.

Все эти попечители были северянами, и именно их скардность объясняла столь живую поддержку дела Юга со стороны миссис Гордон.

— Я уверен, что знаю мисс Ройял, — нахмурился Адам.

— Но в жизни не смог бы вспомнить ее! — он ужасно досадовал на самого себя.

— Мужчина, который не может вспомнить мисс Ройял, должен быть совершенным сухарем, — сказала Джулия, а потом засмеялась, заметив смущение Адама.

— Дорогой Адам, я знаю, что ты не сухарь. Расскажи о твоём друге Старбаке. Он выглядит занятым.

— Достаточно занятым, чтобы нуждаться в наших молитвах, — и Адам объяснил, насколько мог, что Старбак учился на священника, но потом искушения заставили его бросить семинарию.

Адам не описал природу этих искушений, а Джулия была слишком умна, чтобы расспрашивать. — Он нашел убежище на Юге, — рассказал Адам, и боюсь, что изменились не только его политические предпочтения.

— Ты считаешь его вероотступником? — серьезным тоном спросила Джулия.

— Боюсь, что да.

— В таком случае я определенно помолюсь за него, — заявила Джулия. — Он зашел так далеко, что нам не следует приглашать его на чай?

— Надеюсь, что нет, — нахмурился Адам.

— Так пригласить его или нет?

Адам не был полностью уверен, но потом вспомнил, что его друг посещал молитвенные чтения в Лисберге, и решил, что Старбак, должно быть, сохранил достаточно респектабельности, чтобы заслужить приглашение от семьи миссионера.

— Полагаю, да, — со всей серьезностью ответил он.

— Тогда напиши ему и пригласи их обоих в эту пятницу. У меня такое чувство, что мисс Ройял нуждается в друге. Что ж, ты останешься на ланч? Боюсь, будет только жидкий суп, но ты всегда желанный гость. Отцу будет приятно, если ты останешься.

— У меня дела. Но благодарю.

Адам отправился обратно в город. Он никак не мог отделаться от мыслей о личности мисс Ройял, но чем больше об этом думал, тем загадочней она становилась. Наконец, когда он уже поднимался на лестнице военного департамента, ему удалось выкинуть эту загадку из головы.

Его обязанности предполагали, что Адам должен проводить в Ричмонде пару дней в неделю, откуда он информировал генерала Джонстона о точке зрения политиков и сплетнях профессионального сообщества. Он также связывал Джонстона со штабом департамента снабжения Конфедерации, который реквизирует продовольствие и указывал, куда его направить.

Именно эти обязанности предоставляли Адаму точные сведения о том, где расположены бригады и батальоны, и эти сведения он со всеми предосторожностями передавал Тимоти Уэбстеру.

Адам предполагал, что два его предыдущих письма давным-давно переданы в штаб Макклелана, и часто недоумевал, почему войска северян ждут так долго, чтобы воспользоваться слабой обороной полуострова.

Север наводнил войсками Форт Монро, и им противостояла лишь горстка мятежников, но янки так и не сделали попытки ее уничтожить.

Временами Адам сомневался, что Уэбстер передал его письма, а потом его охватывал ужас при мысли о том, что Уэбстера могли тайно арестовать, и Адам сохранял присутствие духа, лишь напомнив себе, что Уэбстер не знал и, вероятно, не мог раскрыть личность своего загадочного корреспондента.

Теперь Адам расположился в своем кабинете и писал ежедневный отчет Джонстону. Это был скучный документ о числе солдат, покинувших палаты для тяжелых больных в ричмондском госпитале, и о новых поступлениях в арсеналы и на склады столицы.

Он закончил выжимкой из последних разведданных, где говорилось, что генерал-майор Макклелан по-прежнему находится в Александрии, а войска в Форте Монро не выказывают никаких признаков готовящегося наступления. К этому он присовокупил последние выпуски газет, собрав один большой пакет, который курьер отвезет в Калпепер.

Он отправил пакет вниз и открыл письмо от отца, которое ждало его на столе. В этом письме, как предполагал Адам, содержалась очередная просьба покинуть штаб Джонстона и присоединиться к бригаде Фалконера.

"Думаю, тебе следует принять командование Легионом вместо Дятла", — писал Вашингтон Фалконер, — "или, если хочешь, можешь стать главой моего штаба. Свицерд — та еще штучка, наверняка он покажет свои лучшие качества в сражении, но до этого момента топит себя в бутылке. Мне нужна твоя помощь".

Адам скомкал письмо, подошел к окну и уставился на холм, где вечернее солнце играло на прекрасных белых колоннах Капитолия. Внезапно дверь его кабинета резко открылась, и он обернулся.

— Вам следовало добавить к отчету кой-какие новости, Фалконер, — обратился к нему офицер в мундире не по форме. Адаму пришлось скрыть охватившее его возбуждение.

— Они выдвинулись из Форта Монро? — спросил он.

— Боже ты мой, нет. Чертовы янки пустили там корни. Может, они и не собираются двигаться! Хотите кофе? Настоящий, привез из Ливерпуля один прорвавший блокаду капитан.

— Пожалуй.

Офицер, капитан Мередит из сигнального департамента, выкрикнул приказ принести кофе, а потом вошел в кабинет.

— Янки просто идиоты, Фалконер! Тупые, как пробки! Придурки!

— И что они сделали?

— Просто недоумки! Пустоголовые олухи! — Мередит сел на вращающееся кресло Адама и водрузил ноги в грязных сапогах на обитый кожей стол. Он закурил и бросил спичку в плевательницу.

— Они ни черта не соображают, болваны, просто дубы. Короче говоря, северяне. Вы знаете, кто такой Аллен Пинкертон?

— Конечно, знаю.

— Ну так слушайте, я вас повеселю. Сюда! — последнее слова относилось к ординарцу, вошедшему в комнату с двумя кружками кофе. Мередит подождал, пока ординарец уйдет, и продолжил рассказ.

— Похоже, Пинкертон решил послать кой-каких секретных агентов шпионить за нами. Их прислали, чтобы выведать наши самые потаенные желания и величайшие секреты, и кого же он отправил? Каких-нибудь ребят, тайно вынырнувших из темноты? Нет, двух придурков, которых не далее как полгода назад наняли в качестве бандитов, чтобы выкинуть из Вашингтона сочувствующих южанам. И представьте себе, один из тех, кого выпихнули из Вашингтона, наткнулся на них на Брод-стрит. "Здравствуйте, — говорит он, — я знаю этих двоих красавцев. Вы ведь Скалли и Льюис!" Наши герои это отрицают, но у придурков при себе бумаги с настоящими именами. Прайс Льюис и Джон Скалли, собственной персоной! Каким же идиотом нужно быть! И теперь два лучших шпиона Севера закованы в железо в тюрьме Хенрико. Ну разве это не восхитительно?

— Уж точно глупо, — согласился Адам.

Его сердце внезапно заколотилось от всколыхнувшегося страха. Скалли и Льюис? Не скрывался ли под одним из этих имен Уэбстер? Может, прямо сейчас из одного из них выбили правду?

Ходили чудовищные слухи о наказаниях, ожидающих предателей в тайных камерах тюрем Конфедерации, и Адам чуть не взвыл, когда у него засосало под ложечкой от очередного приступа страха.

Он заставил себя выглядеть спокойным и сделать глоток горячего кофе, напомнив себе, что не подписал ни одно из тех двух длинных писем, что послал Уэбстеру, и в обоих предпринял меры, чтобы изменить свой почерк. Но несмотря на это, он ощутил, как петля сжимается у него на шее.

— Полагаю, их повесят? — спросил он как бы невзначай.

— Эти сволочи точно заслужили веревку, но Льюис — англичанин, а Скалли — чертов ирландец, а добрая воля Лондона нам нужна больше, чем удовольствие наблюдать за двумя подданными королевы, болтающимися на конце веревки, — похоже, Мередита возмущала эта снисходительность.

— Из ублюдков даже дурь не выбьешь, потому что они подданные Британии, и они это знают, вот почему ни в чем и не признаются.

— Может, им и не в чем признаваться? — с легкостью предположил Адам.

— Конечно же есть. Уж я бы выбил из них правду, — мрачно заявил Мередит.

— Я не буду беспокоить Джонстона этими новостями, — сказал Адам. — Подожду, пока они не заговорят.

— Просто подумал, что вам будет интересно узнать, — заметил Мередит. Он ощущал, что ответ Адама какой-то расплывчатый, но майор Фалконер имел в штабе репутацию странного типа.

— Как насчет поездки в Скримерсвилль сегодня вечером? — поинтересовался Мередит. Скримерсвилль был мрачным кварталом Ричмонда, где находились самые ужасные городские бордели, игральные дома и питейные заведения.

Выпивка официально была в Ричмонде запрещена в попытке снизить уровень преступности, но патрули военной полиции не смели сунуться в Скримерсвилль, чтобы защитить закон, как и не пытались конфисковать шампанское из домов богачей.

— У меня другая встреча, — сухо отказался Адам.

— Очередное молитвенное чтение? — шутливо предположил Мередит.

— Именно.

— Помолитесь и за меня, Фалконер. Сегодня вечером мне понадобятся молитвы.

Мередит сбросил сапоги со стола.

— Пейте кофе, не торопитесь. Отнесите кружку нам обратно, когда закончите.

— Конечно. Благодарю.

Адам пил кофе и смотрел, как удлиняются тени на площади Капитолия. Клерки носились с пачками документов из правительственных кабинетов в здание Капитолия, а военный патруль с примкнутыми штыками медленно вышагивал по Девятой улице мимо колокольни, с которой звонили в случае пожара или других происшествий.

Два ребенка гуляли, взявшись за руки, в сопровождении раба, направляясь вверх по холму к статуе Джорджа Вашингтона. Адам подумал, что еще два года назад город выглядел таким же по-домашнему дружелюбным, как и Семь Источников, их семейное поместье а округе Фалконер, но теперь от него несло опасностью и интригами.

Адам поежился, думая о двери в бездну, которая разверзается под его ногами, о заглатывающей его пустоте, о жесткой веревке, затягивающейся вокруг шеи, но потом сказал себе, что беспокоиться не о чем, потому что Джеймс Старбак дал слово не выдавать его имя, а Джеймс был христианином и джентльменом, так что вероятность, что Адама выведут на чистую воду, была совершенно ничтожной.

Арест Скалли и Льюиса, кем бы они ни были, Адама не касается. И успокоившись, он сел за стол, положил перед собой лист бумаги и написал приглашение капитану Старбаку и мисс Виктории Ройял прийти на чай в дом преподобного Гордона в пятницу.

Глава шестая

Джон Скалли и Прайс Льюис ни в чем не сознались, даже когда в их одежде обнаружили вшитые документы, изобличившие бы и святого. У англичанина Льюиса нашли карту Ричмонда, на которой был набросан план новых оборонительных укреплений, сооружаемых генералом Ли, с заштрихованными отметками в местах предполагаемых редутов и штерншанцев [\[14\]](#).

Приложенная к набросанной карте пояснительная записка требовала подтвердить предположения и оценить состояние артиллерии, задействованной в новых укреплениях. Джон Скалли, низкорослый ирландец, имел при себе незапечатанное письмо, адресованное почетному секретарю Общества снабжения армии Конфедерации библиями и подписанное майором армии США Джеймсом Старбаком, обращавшимся в письме к неизвестному адресату как к брату во Христе.

Письмо гласило, что приложенным директивам можно верить, а эти директивы требовали полного и текущего перечня войск Конфедерации под командованием генерала Магрудера и особо тщательного доклада о количестве войск, находящихся в городах, гарнизонах и фортах между Ричмондом и Йорктауном.

Поставленный перед фактом обнаружения зашитым в подкладке его куртки письма, Джон Скалли клялся, что купил эти вещи у маркитанта за городом и понятия не имел, что это письмо означало. Он улыбнулся, ведущему допрос майору:

— Мне жаль майор, очень жаль. Я помог бы вам, если б это только было в моих силах.

— К черту твою помощь.

Майор Александер был высоким плотным мужчиной с кустистыми бакенбардами и выражением постоянного возмущения на лице.

— Если не заговоришь, — припугнул он Скалли, — мы тебя повесим.

— Вы этого не сделаете, майор, — возразил Скалли, — учитывая, что я гражданин Великобритании.

— К черту Британию.

— Обычно я бы с вами согласился, да, согласился бы, но в данную минуту, майор, я всего лишь ирландец, который на коленях благодарит Бога за то, что тот сделал его британцем, — Скалли ангельски улыбался.

— Твое британское подданство тебя не защитит. Тебя повесят! — угрожал Александер, но Скалли всё равно не заговорил. На следующий день пришли известия о прорыве янки линий обороны у Форта Монро.

На полуостров прибыл генерал Макклелан, и теперь вся Виргиния знала, откуда грянет гром небесный. Грозная армия продвигалась к слабым укреплениям, протянувшимся от Йорктауна до острова Малберри.

— Еще месяц, — заверял Прайс Льюис Джона Скалли, — и нас спасут. Мы станем героями.

— Если до этого нас не повесят, — ответил Джон Скалли, перекрестившись.

— Не повесят. Они не посмеют.

— Не слишком в этом уверен, — Скалли утрачивал свою решимость.

— Они не посмеют! — настаивал на своем Прайс Льюис. Но на следующий же день в тюрьме был созван армейский трибунал, на который представили карту ричмондских укреплений и письмо, адресованное почетному секретарю Общества снабжения армии Конфедерации библиями.

Улики перевесили все сомнения, которые трибунал испытывал из-за подданства пленников, и менее чем через час после начала заседания суда председатель приговорил узников к смерти. Скалли неожиданно задрожал от страха, а высокий англичанин просто презрительно усмехнулся судьям.

— Вы не посмеете это сделать.

— Увести их! — подполковник, председательствовавший на трибунале, ударил по столу рукой. — Вас подвешат, как собак!

Скалли вдруг почувствовал совсем рядом взмахи крыльев ангела смерти.

— Мне нужен священник! — обратился он к майору Александеру — Ради Бога, майор, приведите мне священника!

— Заткнись, Скалли! — прикрикнул на него Прайс Льюис. Англичанина быстро увели по коридору в камеру, а Джона Скалли поместили в другую комнату, куда майор Александер принес ему бутылку дешевого виски.

— Так не положено, Джон. Но я подумал, это скрасит тебе последние часы.

— Вы не посмеете! Вы не можете нас повесить!

— Послушай! — прервал его Александер, и в тишине Скалли мог различить стук молотков. — Виселицу достроят к утру, Джон, — тихо произнес Александер.

— Нет, майор, пожалуйста.

— Его зовут Линч, — продолжал Александер. — Это должно тебя порадовать, Джон.

— Порадовать меня? — поразился Скалли.

— Разве тебя не обрадует, что тебя повесит другой ирландец? Кстати, старик Линч отнюдь не мастер своего дела. Он слегка намудрил с последними двумя. Один черномазый помирал минут двадцать, и зрелище было не из приятных.

Боже мой, совсем не из приятных. Он дергался и обмочился, а при дыхании издавал такой звук, словно наждаком глотку царапало. Ужас, — покачал головой Александер.

Джон Скалли перекрестился, а потом закрыл глаза и молил Бога придать ему сил. Он будет сильным и не предаст доверия Пинкертона.

— Священник — вот всё, что мне нужно, — настаивал он.

— Если ты заговоришь, Джон, завтра утром тебя не повешат, — искушал его Александер.

— Мне нечего сказать майор, я буду говорить только со священником, — храбро держался своего Скалли.

В ту ночь в новую камеру Джона Скалли пришёл очень старый священник. Впрочем, он сохранил отличную шевелюру, и его длинные белые волосы ниспадали ниже воротника сутаны.

У него было смуглое лицо, словно он провёл всю жизнь, миссионерствуя в тропиках. Лицо аскета, доброе, не лишённое проблесков абстрактного интеллекта, наводивших на мысль, что помыслы его уже давно перешли в высший и лучший из миров. Он примостился на кровати Скалли и извлек из чемодана потертую мантию.

Поцеловав вышитую узорами полоску материи, он надел ее на свои худые плечи и перекрестил пленного.

— Мое имя отец Малруни, — представился он, — я из Голуэя. Мне сказали, ты хочешь исповедаться, сын мой?

Скалли встал на колени.

— Простите меня, отец, ибо я согрешил, — он перекрестился.

— Продолжай, сын мой, — у отца Малруни был глубокий ясный голос, как у человека, проповедующего грустные вещи в больших залах. — Продолжай, — тихо и утешающе повторил Малруни своим чудным низким голосом.

— Должно быть, лет десять прошло с момента моей последней исповеди, — начал Скалли, и затем его прорвало, он выплеснул весь список своих прегрешений.

Отец Малруни, слушая, закрыл глаза, единственным признаком того, что он не спит, было легкое постукивание одного из его длинных, костлявых пальцев по изящному распятию из слоновой кости на простой железной цепи, висящему на его шее.

Пару раз он кивнул, пока Скалли перечислял свои презренные грехи: падшие девицы, с которыми он предавался пороку, данные им клятвы, украденные безделушки, ложь, пренебрежение церковными службами.

— Моя мать всегда говорила, что я плохо кончу, да, именно так и говорила, — ирландец почти рыдал, закончив свою речь.

— Успокойся, сын мой, успокойся, — голос священника был сухим и тихим, но в то же время успокаивал. — Ты раскаиваешься в своих грехах, сын мой?

— Да отец, о Господи, да, — Скалли принялся рыдать. Он подался вперед, положив голову на руки, которые, в свою очередь, покоились на коленях у священника.

На лице отца Малруни не отразилось никакой реакции на ужас и раскаяние Скалли; он слегка поглаживал своими длинными пальцами голову ирландца и осматривал белую камеру с фонарем и зловещим решетчатым окном.

По лицу Скалли бежали слезы, образовав мокрое пятно на выцветшей и потертой сутане Малруни.

— Я не заслуживаю смерти, отец, — сказал Малруни.

— Так почему же они собираются повесить тебя, сын мой? — спросил Малруни и продолжил гладить короткие черные волосы Скалли.

— Что ты совершил, сын мой? — спросил священник своим печальным добрым голосом, и Скалли рассказал, как Аллен Пинкертон попросил Льюиса и Скалли отправиться на юг, на розыски пропавшего агента, лучшего агента северян, и как Пинкертон убедил их, что являясь британскими подданными, они будут ограждены от всех обвинений мятежников, и тем не менее, несмотря на эти заверения, их приговорили к повешению военным трибуналом.

— Конечно же, ты не заслуживаешь смерти, сын мой, — с возмущением в голосе произнес Малруни. — Всё, что ты совершил, было лишь попыткой помочь друзьям. Разве не так? — его пальцы унимали страхи Скалли.

— А ты смог найти своего друга? — ирландский акцент отца Малруни усилился во время исповеди.

— Да, отец, причиной его исчезновения оказалась болезнь. Он скверно себя чувствует, действительно скверно. У него обострился ревматизм. Он должен был жить в отеле "Баллард Хаус", но переехал, и нам понадобилось дня два, чтобы его разыскать, но бедняга теперь в отеле "Монументаль", и одна из женщин Пинкертона там за ним присматривает.

Малруни успокаивал Скалли, который ужасно коверкал слова.

— Бедняга, — сказал Малруни. — Так говоришь, он болен?

— Едва передвигается. Ужасно болен, просто ужасно.

— Назови мне его имя, сын мой, чтобы я мог за него помолиться, — мягко вымолвил Малруни, но потом священник уловил колебание Скалли и с легкой укоризной похлопал пальцами.

— Это исповедь сын мой, а тайны исповеди уходят в могилу вместе с священником. Всё, что ты здесь скажешь, сын мой, останется в тайне между нами и всемогущим Господом. Так назови мне имя, чтобы я мог помолиться за беднягу.

— Уэбстер, отец, Тимоти Уэбстер. Он всегда был настоящим разведчиком, не то что мы. Мы с Прайсом всего лишь оказали услугу Пинкертону, поехав на его поиски! Вот Уэбстер — настоящий разведчик. Он лучший из здешних агентов!

— Я помолюсь за него, — сказал Малруни. — А женщина, которая присматривает за беднягой, как ее зовут, сын мой?

— Хетти, отец, Хетти Лоутон.

— Я помолюсь и за нее, — ответил Малруни. — А майор, здесь в тюрьме, как его зовут? Александер? Он сказал, что вы везли с собой письмо?

— Мы должны были всего лишь доставить письмо, если бы не смогли найти Уэбстера, отец, — объяснил Скалли, описав доску объявлений в вестибюле церкви Святого Павла, где письмо следовало спрятать под идущей крест-накрест лентой. — Что же плохого, отец, в доставке письма в церковь?

— Абсолютно ничего, сын мой, абсолютно, — согласился Малруни, заверив испуганного заключенного, что это была хорошая исповедь.

Он мягко поднял голову Скалли, велел ирландцу искренне покаяться и четырежды прочитать Аве Марию, затем отпустил ему грехи на торжественной латыни, после этого пообещав добиться у властей Конфедерации помилования для Скалли..

— Но ты знаешь сын мой, как редко прислушиваются они к нам, католикам. Или к ирландцам. Эти южане такие же мерзавцы, как англичане, вот они кто. Совсем нас не любят.

— Но вы попытаетесь? — Скалли с отчаянием заглядывал в добрые глаза священника.

— Я постараюсь, сын мой, — ответил Малруни, а потом благословил и осенил Скалли крестным знаменем.

Отец Малруни медленно вернулся в управление тюрьмы, где майор Александер ожидал его вместе с худым очкастым лейтенантом.

Ни один из офицеров не проронил ни слова, пока отец Малруни снимал с себя мантию и стягивал через голову сутану, оставшись в стареньком, но отлично скроенном темном костюме.

На столе стояла чаша с водой, и старик принялся мыть руки, словно хотел избавить пальцы от длительного соприкосновения с волосами Скалли.

— Человек, который вам нужен, — человек, называвший себя отцом Малруни, заговорил с акцентом, не имеющим ничего общего с ирландским, напротив, с чисто виргинским выговором, — Тимоти Уэбстер. Вы найдете его в отеле "Монументаль". Он болен, так что не доставит вам никаких хлопот. С ним сиделка, Хетти Лоутон. Она тоже из этих подонков, так что заберите и ее.

Старик достал из кармана серебряный портсигар и извлек оттуда тонкую пахучую сигару.

Лейтенант — очкарик подался вперед и, схватив со стола свечу, поднес ее к сигаре. Старик прикурил и бросил на лейтенанта злобный взгляд.

— Вы Гиллеспи?

— Да, так точно, сэр.

— Что в сумке, Гиллеспи? — старик кивнул в сторону кожаной сумки, висевшей на плече лейтенанта.

Гиллеспи раскрыл ее, показав латунную воронку и шестигранную бутылку из темно-синего стекла.

— Масло моего отца, — гордо заявил Гиллеспи.

Рот старика скривился.

— Наверно, вы собираетесь применять это масло на узниках?

— С душевнобольными оно чудеса творит, — обиженно ответил Гиллеспи.

— Плевать я хотел на ваших чертовых сумасшедших, — отрезал старик.

— Вы можете испытать их на других узниках, до которых никому нет дела. Но Льюиса и Прайса следует от этого избавить, — его худое аскетическое лицо исказилось гримасой отвращения, он пригладил длинные седые волосы над воротником и взглянул на Александра.

— Боюсь, что политические соображения требуют оставить в живых этих подонков, а то вдруг их смерть разубедит британцев оказывать нам помощь. Но даже британцы не вправе ожидать, что мы будем содержать их в комфорте. Поместите их в негритянский блок, пусть несколько месяцев поработают в поте лица, — вынув сигару он нахмурился и распорядился, чтобы письмо, адресованное почетному секретарю Общества снабжения армии Конфедерации библиями, было оставлено в вестибюле церкви Святого Павла под круглосуточным наблюдением, на случай если шпион за ним придет.

— Но сперва арестуйте Уэбстера.

— Конечно, сэр. — ответил Александер.

Старик вытащил из кармана прекрасное золотое кольцо. Оно было украшено старинным гербом, свидетельством его длинной родословной.

— Дождь еще идет? — спросил он, надев кольцо на палец.

— Да, сэр, идет, — ответил Александер.

— Это задержит наступление янки, не так ли? — ухмыльнулся старик.

Продвижение янки на Йорктаун замедлялось грязью и дождями, но старик осознавал, перед лицом какой ужасной опасности находится Конфедерация.

Времени в обрез, но по крайней мере, этой ночью его трудами был раскрыт еще один шпион, и они даже смогут выйти на предателя, скрывающегося под маской почетного секретаря Общества снабжения армии Конфедерации библиями.

Старику не терпелось найти этого человека и увидеть его раскачивающимся в петле. Он вынул пистолет Дерринджера из кармана сюртука и проверил, заряжен ли он, а потом взял плащ и шляпу.

— Я приду утром лично повидаться с Уэбстером. Доброго дня, джентльмены

Он нахлобучил шляпу на длинные волосы и вышел на улицу, где под дождем его ожидал старинный экипаж с лакированными панелями и позолоченными осями. Раб открыл дверь и примостился на ступеньках экипажа.

С уходом старика Александер облегченно вздохнул, словно почувствовав, что само сосредоточие зла покинуло тюрьму. Затем он вытащил револьвер и проверил, все ли

капсюли на месте.

— За работу, — сказал он Гиллеспи. — За работу! Давайте найдем мистера Уэбстера
За работу!

Дождь превратил дороги, ведущие из Форта Монро вглубь Виргинии, в полосы скользкой желтой грязи. Светлые полосы выглядели достаточно прочными, но стоило лошади поставить копыто, как песчаная корка ломалась, обнажая болото клейкой красной грязи.

Отряд кавалерии северян сошел с дороги, направившись на юг под низкими серыми облаками и морозящим дождем. На дворе стоял апрель, на деревьях набухли почки и луга красиво зазеленели, но дул холодный ветер, и кавалеристы ехали с поднятыми воротниками и низко нахлобученными шляпами.

Их командир, капитан, вглядывался в дождь, на случай если подобно серым дьяволам в ночи неожиданно появится кавалерия противника, но к его облечению местность казалась пустынной.

Через полтора часа после того, как они съехали с дороги, патруль вышел из-под укрытия редких тонких сосен, увидев красные рубцы свежeverытой земли, отмечавшее линию укреплений мятежников, растянувшихся от Йорктауна до острова Малберри.

Земляные укрепления не были длинными, а в основном состояли из земляных фортов с тяжелыми пушками, простреливавшими ближайшие участки заболоченных низин.

Капитан повел патруль на юг, каждые сто ярдов останавливаясь, чтобы осмотреть в небольшую подзорную трубу укрепления неприятеля.

Полковник настоятельно требовал от своих кавалерийских патрулей попытаться определить, были ли пушки неприятеля настоящими или деревянными, и капитан угрюмо размышлял о том, как, во имя Господа, он должен это исполнить.

— Хотите подъехать к бастиону и постучать по одной из этих пушек, а, сержант? — спросил капитан всадника, ехавшего рядом с ним. Сержант хохотнул и исчез под шинелью, закуривая.

— Как по мне, так пушки настоящие, капитан! — отозвался один из солдат.

— Так же выглядели и пушки в Манассасе, — ответил капитан и подскочил от удивления, когда одна из далеких пушек неожиданно выстрелила. Дым из ее поднялся на тридцать ярдов от амбразуры, а из самого центра дымового облака высунулся язычок пламени. Снаряд, очевидно, длинный железный цилиндр или круглое ядро, разорвался среди зеленеющих деревьев прямо позади патруля.

— Ублюдки, — выругался сержант и рванул назад. Никого из кавалеристов не задело, но то, как они резко прибавили скорости, вызвало насмешки далеких артиллеристов-южан.

Через полмили капитан набрел на небольшой холм, который выдавался на несколько футов над плоской заболоченной местностью. Он повел своих людей на вершину холма, где они спешили, а капитан обнаружил дерево с удобным подножием, куда он мог прислонить подзорную трубу.

Отсюда ему открылся вид на два редута повстанцев и на заболоченный участок, где глубоко в тылу мятежников ярко цвели гиацинты можно было различить дорогу, бегущую среди редких, погруженных в тень сосен.

По этой дороге шли войска, точнее, пробирались по грязным обочинам дороги. Он сосчитал их, роту за ротой, и понял, что видит целый батальон мятежников, шагающих на юг.

— Прислушайтесь, сэр, — сержант подошел, встав рядом с капитаном.

— Вы слышите это, сэр?

Капитан опустил воротник и, усиленно прислушавшись, уловил разносившийся в холодном воздухе звук далекого горна. Звук был слабым и очень далеким.

Одна труба звала, другая отвечала ей, и теперь, когда капитан обратил свой слух к этим эльфийским нотам, ему показалось, что вся болотистая местность наполнилась этими звуками.

— Да там полно этих сволочей, — вздрогнув, произнес сержант, словно призрачные звуки предвещали появление таинственного врага.

— Мы видели всего лишь один батальон, — возразил капитан, но затем на дороге появилась очередная колонна серомундирников. Наблюдая в подзорную трубу, он насчитал еще восемь рот.

— Два батальона, — сказал он, но не успел он договорить, как появился третий.

Кавалерия простояла на холме два часа, и за это время капитан рассмотрел восемь батальонов мятежников, идущие на юг. Один из оптимистичных слушков утверждал, что у южан было всего лишь двадцать батальонов для защиты укреплений Йорктауна, но здесь, в пяти милях к югу от знаменитого города, капитан видел, как проходил батальон за батальоном. Противник, очевидно, был намного сильнее, чем на то надеялись оптимисты.

Кавалерия вернулась в седло к полудню. Капитан последним покинул холм. В последний момент он обернулся и заметил еще один батальон, появившийся из дальнего леса.

Он не остался, чтобы подсчитать солдат, а отправился с вестями на восток, через поросшие клевером заболоченные луга и мимо мрачных домов, где угрюмые люди смотрели, как проходят враги.

Все патрули кавалерии северян вернулись с идентичными сведениями о внушительных передвижениях войск позади линии обороны мятежников и о настоящих пушках на свежерытых земляных укреплениях. Выслушав доклады, Макклелан поежился.

— Вы были правы, — сказал он Пинкертону. — Нам противостоят по крайней мере семьдесят тысяч человек, может, даже сто тысяч!

Генерал занял уютное жилище коменданта Форта Монро, откуда ему открывался вид на интенсивное движение кораблей, перевозящих его армию из Александрии на юг.

Теперь эта армия была готова к боевым действиям, и Макклелан надеялся устроить молниеносный бросок на Ричмонд, маневр, который прорвет хрупкие укрепления, защищающие Йорктаун, но сегодняшние кавалерийские рекогносцировки означали, что никакого неожиданного прорыва не будет.

Захват Йорктауна и Ричмонда придется вести по-старинке тяжело, с осадными орудиями, терпением и контр-апрошами [\[15\]](#).

Его ста двадцати тысячам солдат придется подождать, пока будут сооружены осадные редуты и по кошмарным дорогам перевезены тяжелые осадные орудия из Форта Монро.

Досадная задержка, но Пинкертон предупредил его, что оборонительные укрепления мятежников вопреки всем ожиданиям обороняются гораздо лучше, чем кто-либо ожидал, и генерал поблагодарил начальника своей Секретной службы за своевременные и точные разведданные.

Тем временем позади земляных укреплений мятежников единственный батальон солдат из Джорджии, девять раз продефилировавший по одному и тому же участку грязной дороги

и возвращавшийся назад всё тем же маршрутом по лесу, прежде чем опять тащиться по дороге, дрожал в сумерках и ворчал, что время потрачено зря.

Они присоединились к армии, чтобы устроить янки сущий ад, а не ходить чертовыми кругами, слушая серенады затаившихся среди деревьев горнистов.

Теперь они разожгли в пустынном лесу костры и гадали, прекратится ли когда-нибудь дождь. Они чувствовали себя покинутыми, и неудивительно, ведь в радиусе трех миль не было ни одного другого пехотного батальона. В действительности, всего лишь тринадцать тысяч человек растянулись по всему заболоченному полуострову, и эти тринадцать тысяч должны были остановить самую большую армию, когда-либо собранную в Америке.

Неудивительно, что солдаты из Джорджии дрожали и ворчали, что целый день под дождем разыгрывали из себя чертовых идиотов.

Сумеречный лес был наполнен пронзительным щебетанием птиц. Звук разительно отличался от щебета тех же птиц в Джорджии, но солдаты, весь день ходившие кругами, были деревенскими парнями и отлично знали, какая птица устроила такой концерт в вечернем лесу.

Знал это и генерал Магрудер, и он-то улыбался этим звукам, потому что провел эти дни, пытаясь одурачить янки, заставить их поверить, что им противостоит огромное войско, хотя на самом деле линию обороны защищали ничтожные силы.

Магрудер заставил своих солдат целый день маршировать туда и обратно, устроив демонстрацию силы, и теперь под вечерним дождем он надеялся, что эта птица оплакивает не его душу, а душу Макклелана. Потому что в ночи заливался пересмешник.

Дождь, казалось, никогда не прекратится. Вода мчалась по канавам Ричмонда к тому месту, где река вспенивала свои воды, сливаясь со стоками сталелитейных заводов, табачных фабрик, кожевенных мастерских и скотобоен.

По улицам сновали немногочисленные жители под черными зонтами. В зале, где Конгресс Конфедерации обсуждал поощрительные меры для разработки искусственной селитры для производителей пороха, даже в полдень горели метановые лампы.

Голосам в зале приходилось перекрикивать звуки дождя. Большинство конгрессменов внимательно слушали, некоторые спали, а остальные потягивали виски, которое продавали аптеки под видом медикаментов, чтобы оно не попадало под запрет на спиртные напитки, наложенный на город.

Некоторых конгрессменов беспокоило то, что приближение армии янки к Йорктауну превратит все эти дискуссии в бесполезную болтовню, но никто не осмеливался высказать эту мысль вслух.

В последнее время слишком часто возникали пораженческие настроения; слишком много прибрежных фортов было захвачено флотом янки и слишком многое указывало на то, что Конфедерацию окружил безжалостный враг.

Салли Траслоу, идущую рука об руку со Старбаком, совершенно не беспокоили ни янки в семидесяти милях, ни дождь. Салли приводила в восторг мысль о чаепитии в уважаемом доме, по случаю чего она надела черное закрытое платье с длинными рукавами и всего лишь с парой нижних юбок вместо полноценного кринолина

Она отказалась от всей косметики, только припудрилась и слегка подвела глаза.

Салли и Старбак бежали вниз по Франклин-стрит, наполовину защищенные зонтом в руках у Старбака, а потом укрылись в дверях булочной на углу Второй улицы, пока не показалась конка. Они втиснулись в нее и заплатили за проезд до кладбища Шокоу.

— Может, они не пойдут в такую погоду в госпиталь? — предположила Салли. Она прижалась к Старбаку в мокром переполненном вагоне и смотрела на дождь через грязное стекло.

— Плохая погода не помеха добрым делам, — строго заметил Старбак.

Он не предвкушал ничего хорошего от этого дня и вечера, и даже полная энтузиазма Салли не могла примирить его со встречей с миром, который, как он думал, он оставил в далеком прошлом в Бостоне.

И всё же он не мог лишиться Салли этой радости, и потому решил стерпеть все неудобства, какие мог доставить этот день, хотя по-прежнему не понимал, почему Салли так обрадовало приглашение Адама.

Едва ли это знала и сама Салли, хотя и осознала, что Гордоны были семьей, а она смутно ощущала, что никогда не была членом семьи, во всяком случае, самой непримечательной, обычной семьи.

Она была дочерью конокрада и его женщины, двух переселенцев, возделывавших клочок твердой земли на высокогорье, а теперь стала шлюхой, причем и достаточно сообразительной, чтобы осознать, что может взобраться добиться исполнения своих честолюбивых желаний, стоило ей только понять настоящую ценность предлагаемых ею услуг, но она также знала, что никогда не сможет стать частью простого, непритязательного и честного общества.

Салли, в отличие от Старбака, сентиментально считала, что наградой успеха является заурядность. Она выросла изгоем и стремилась к респектабельности, Старбак же вырос в приличной семье и получал удовольствие от того, что превратился в мятежника.

Джулия и миссис Гордон встретили их в узкой прихожей, где едва хватало места, чтобы снять мокрые плащ и шинель и повесить их на стойку с зеркалом, которую Старбаку и Салли пришлось обогнуть, чтобы войти в гостиную.

Весенний день был достаточно холодным, чтобы оправдать огонь в маленьком обитом железом камине, хотя кучка пылавших углей была так мала, что жар едва проникал за незамысловатую железную решетку.

Пол был застелен полосками крашенных хлопчатобумажных половиков, коврами для бедных, но всё вокруг сияло чистотой и пахло мастикой и щёлоком, что наводило Старбака на мысль, что именно привлекло Адама в дочери этой семьи, где всё указывало на честную бедность и простые ценности.

Сам Адам стоял возле рояля, другой молодой человек находился у окна, а преподобный Джон Гордон, миссионер, грелся возле маленькой кучки дымящихся угольков.

— Мисс Ройял! — поприветствовал он Салли с набитым пирогом ртом. — Простите меня, дорогая, — он вытер руку о подол рясы, поставил чашку с блюдцем на каминную полку и наконец протянув руку в знак приветствия. — Очень рад знакомству с вами.

— Сэр, — ответила Салли, растеряно опустившись в реверансе, вместо того чтобы пожать протянутую ей руку. В своем доме она знала, как встречать генералов и сенаторов, могла свести с ума самых видных докторов города и высмеивать остроты адвокатов, но здесь, перед лицом благопристойности, утратила всю свою уверенность.

— Очень рад знакомству с вами, — с искренней учтивостью повторил преподобный Джон Гордон.

— Уверен, вы знакомы с майором Фалконером? Так позвольте мне представить вам мистера Калеба Сэмуорта. А это мисс Виктория Ройял.

Салли, улыбнувшись, снова присела в реверансе и отошла в сторону, чтобы освободить место для Старбака, миссис Гордон и Джулии.

Последовали новые приветствия, а потом бледная и робкая горничная внесла очередной поднос с чашками чая, и миссис Гордон занялась чайником и ситечком.

Все единодушно решили, что погода стоит ужасная, самая что ни на есть худшая весна на памяти ричмондцев, а об армии северян, которая находилась где-то к востоку от города, никто не упомянул.

Преподобный Джон Гордон был тощим коротышкой с очень розовым лицом и лысиной, обрамлённой белыми пушистыми волосами. Другой мужчина спрятал бы столь безвольный подбородок под окладистой бородой, но миссионер брился начисто, похоже, его жене не нравились бородачи.

Как бы то ни было, миссионер выглядел таким мелким и беззащитным, а миссис Гордон — такой внушительной, что Старбак пришёл к выводу: именно она, а не он правит сим тесным курятником.

Миссис Гордон разлила чай и справилась у мисс Ройял о здоровье её тети. Салли ответила, что тётушке ни лучше, ни хуже, и тут, к большому её облегчению, вопрос о тёткиной болезни оставили в покое.

Миссис Гордон объяснила присутствие Калеба Сэмуорта тем, что он является владельцем фургона, на котором все они отправятся в госпиталь Чимборасо. При упоминании своего имени Калев улыбнулся и уставился на Салли так, как умирающий от жажды может смотреть на далекий, но недостижимый источник прохладной воды. Фургон, пояснил он, принадлежит его отцу.

— Вы, возможно, слышали о нас? "Сэмуорт и сын, бальзамировщики и гробовщики"?

— Увы, нет, — ответил Старбак.

Адам и оробевший Сэмуорт пригласили Салли посидеть вместе с ними у окна. Адам отодвинул большую кучу полотняных мешков, которые дамы этого дома, как и все ричмондские женщины, сшивали изо всех клочков старой материи, какую только могли найти.

Эти мешки относили на новые земляные укрепления Бабули Ли, наполняя их песком, хотя сколько времени эти укрепления могли противостоять полчищам северян, рвавшимся вперед от Форта Монро, никто сказать не мог.

— А вы присядьте здесь, мистер Старбак, — предложил преподобный Джон Гордон, поставив рядом с собой стул, а потом пустился в долгие сетования на проблемы, которые выход южных штатов из союза навлек на Американское общество распространения Писания среди бедных.

— Наша штаб-квартира, как вы понимаете, находится в Бостоне.

— Мистер Старбак прекрасно знает, где находится штаб-квартира общества, Гордон, — заметила миссис Гордон со своего престола, позади чайного подноса. — Он бостонец. Его отец даже является попечителем этого общества, не так ли, мистер Старбак?

— Да, это так.

— Один из попечителей, — подчеркнуто добавила миссис Гордон, — который в течении многих лет уменьшал жалование миссионеров.

— Матушка, — робко упрекнул свою жену преподобный Джон Гордон.

— Нет, Гордон! — миссис Гордон было не просто прервать. — Пока Господь позволяет мне говорить, я буду говорить, да, буду. Выход южных штатов для нас — просто

благословение, потому что мы освободились от наших попечителей-северян. Господь, безусловно, так и намеревался поступить.

— У нас не было никаких вестей от правления в течение девяти месяцев! — обеспокоено пояснил преподобный Джон Гордон Старбаку.

— К счастью, затраты миссии оплачиваются местным населением, хвала Господу, но это тревожит, мистер Старбак, очень тревожит. Есть неоплаченные счета, некоторые отчеты завершены лишь наполовину, а посещения так и не сделаны. Это всё неправильно!

— Это Божье провидение, Гордон, — поправила супруга миссис Гордон.

— Будем надеяться, что так, матушка, будем надеяться, — преподобный Джон Гордон вздохнул и откусил кусок сухого и рассыпчатого фруктового кекса.

— Так значит, ваш отец — преподобный Элиял Старбак?

— Да, сэр, он самый.

Старбак прихлебывал чай, пытаясь в то же время не скривиться от его горького вкуса.

— Великий слуга Господа, — довольно хмуро заключил Гордон. — С крепкой верой в Господа.

— Но слепой ко всем нуждам миссионеров общества! — язвительно заметила миссис Гордон.

— Простите меня, но я нахожу странным, что вы носите форму южан, мистер Старбак, — робко произнес преподобный Джон Гордон.

— Уверена, мистер Старбак делает богоугодное дело, Гордон, — миссис Гордон, которая в той же мере нашла выбор Старбака необъяснимым при встрече возле церковной лавки, теперь решила оградить своего гостя от сдержанного любопытства супруга.

— Да, и в самом деле, — поспешно согласился миссионер. — Но всё равно, всё это очень прискорбно.

— Что в этом прискорбного, сэр? — спросил Старбак.

Преподобный Джон Гордон беспомощно развел руками.

— Семьи разделены, страна расколота надвое. Так печально

— Всё было бы менее печально, если бы северяне просто увели свои войска и оставили нас в покое, — заявила миссис Гордон. — Разве вы не согласны со мной, мисс Ройял?

Салли, улыбнувшись, кивнула.

— Да, мэм.

— Они не отступят, — мрачно сказал Адам.

— Ну тогда нам просто придется намять им бока, — выпалила Салли.

— Я тут подумала, — Джулия наиграла на пианино легкую мелодию, вмешавшуюся в неожиданное удивление, охватившее всех присутствующих после слов Салли, — что, может, сегодня в палате мы не будем распевать мрачные церковные песни, отец?

— Ну конечно же, моя дорогая, конечно же, — ответил тот. Он объяснил Салли и Старбаку, что откроет службу в палате несколькими гимнами и молитвой, а потом один из присутствующих прочтет отрывок из Писания. — Может, мисс Ройял хочет прочесть священное Писание? — предложил он.

— Ой, нет, сэр, нет, — Салли знала, что один раз уже напортичила, и покраснев, отклонила предложение. Она училась читать, и в прошлом году продвинулась настолько, что могла уже с удовольствием читать, но не была уверена в своем умении читать вслух.

— Вы прошли обряд причастия, мисс Ройял? — подозрительно поинтересовалась миссис Гордон, пристально взглянув на гостью.

— Обряд причастия, мадам?

— Вы омыли одежды свои кровью агнца? Вы впустили в свое сердце Христа? Ваша тетушка, несомненно, вверила вас Спасителю?

— Да, мэм, — робко ответила Салли, понятия не имея, что имела в виду миссис Гордон.

— Буду рад почитать для вас, — вмешался Старбак, обращаясь к преподобному Джону Гордону.

— Мистер Сэмсуорт отлично читает священное писание, — вставила миссис Гордон.

— Может, вы, Калев, почитаете Писание? — спросил преподобный Джон Гордон, — а потом, — он повернулся к своим гостям, чтобы еще раз объяснить порядок службы, — мы проведем время в чтении молитв и закона Божьего. Я призову людей узреть спасительную благодать Господа, и мы споем очередной гимн, а я скажу несколько слов, прежде чем мы завершим свое богослужение последним гимном и благословением. Затем мы уделим пациентам время для личных бесед и молитв. Иногда им требуется наша помощь в написании писем. Уверяю вас, я буду весьма признателен — он улыбнулся сперва Салли, а потом Старбаку — за вашу помощь.

— И нам потребуется помощь в раздаче сборников церковных гимнов.

— С удовольствием, — тепло отозвалась Салли, и к удивлению Старбака она действительно наслаждалась беседой, когда разговор перешел к обыденным темам, ее чистый смех звучал по всей комнате. Миссис Гордон неодобрительно нахмурилась, заслышав смех, но Джулия явно получала удовольствие в обществе Салли.

В пять часов болезненного вида горничная убрала чайные подносы, после чего преподобный Джон Гордон произнес слова молитвы, в которой просил Господа щедро благословить вечернее богослужение, и Калев Сэмсуорт запряг фургон, стоявший во дворе, на углу Черити-стрит.

Фургон был покрашен черной краской и затянут черным брезентом, державшимся на обручах. Вдоль каждой стороны фургона шли скамейки, а в центре протянулась пара блестящих рельс.

— Сюда кладут гроб? — спросила Салли Калеба, помогавшего ей взобраться на ступеньки, встроенные в складной задний борт фургона.

— Так и есть, мисс Ройял, — ответил он.

Салли и Джулия разделили место с Адамом, тогда как Старбак уселся рядом с преподобным и миссис Гордон, а Калев Сэмсуорт, закутанный в непромокаемый плащ, взобрался на козлы.

Катафалку потребовалось двадцать минут чтобы добраться до холма, где стояли недавно построенные госпитальные бараки, разбросанные по всему газону парка Чимборасо. Неясный и тусклый желтоватый отсвет ламп пробивался сквозь множество маленьких окон.

Легкий туман угольного дыма витал под дождем над просмоленной крышей сарая. Участников миссии высадили за оградой палаты, избранной для сегодняшнего богослужения, и Калев с Адамом забрали фургон, чтобы привезти госпитальную фисгармонию, пока как Джулия с Салли раздавали сборники церковных гимнов.

Старбак отправился с Адамом.

— Я хотел перекинуться с тобой словечком, — доверительно сообщил он другу, пока повозка гробовщика тряслась по мокрой дороге.

— Ты говорил со своим отцом?

— Не выпало случая, — ответил Адам. Он не смотрел на Старбака, глядя в

дождливую ночь.

— Я хочу лишь вернуться в свою роту! — воззвал к нему Старбак.

— Знаю.

— Адам!

— Я попытаюсь! Но это будет нелегко. Я должен выбрать подходящий случай. Отец раздражителен, сам знаешь, — покачал головой Адам. — Почему ты так стремишься сражаться? Почему бы тебе просто не пересидеть войну здесь?

— Потому что я военный.

— Ты хотел сказать, дурак, — раздраженно отозвался Адам, а потом фургон резко накренился, остановившись, и пора было отнести фисгармонию обратно в палату. Деревянный сарай вмещал шестьдесят раненых.

Двадцать больничных коек были установлены вдоль каждой стены, а еще двадцать стояли в два ряда в центре барака. Пузатая печь занимала центральную часть, на ее горячей решетке сгрудились кофейники. Стол сиделок был сдвинут в сторону, чтобы освободить место для фисгармонии.

Джулия нажала на покрытые ковровой тканью педали, сыграв пару хриплых аккордов, словно очищая от паутины язычки инструмента. Преподобный и миссис Гордон обошли койки, пожимая руки и произнося слова утешения. Салли присоединилась к ним, и Старбак заметил, как с ее появлением раненые приободрились.

Ее смех словно наполнил барак светом, и Старбак поймал себя на мысли, что никогда не видел Салли такой счастливой. По всему барaku стояли ведра с водой для смачивания повязок раненых, и Салли, найдя губку, мягко смачивала покрытые темными пятнами бинты.

В палате воняло гниющей плотью и человеческими испражнениями. Несмотря на горевшую печь, было холодно и сыро, и темно, несмотря на полдюжины ламп, висевших на стропилах из свежего дерева.

Некоторые больные находились без сознания, большинство лихорадило, и лишь немногие получили ранения в бою.

— Как только снова начнутся настоящие сражения, — говорил Старбаку сержант, потерявший руку, — тогда вы и увидите, сколько раненых привалит.

Сержант явился на службу с группой других пациентов из соседних баракoв, принеся стулья и лампы. Сержанта ранило во время несчастного случая на железной дороге.

— Упал на рельсы — пояснил он Старбаку, — спьяну. Сам виноват, — он оценивающе смотрел на Салли. — Девушка редкостной красоты, капитан, ради такой стоит жить.

Звуки пения привлекли в палату еще больше пациентов и нескольких здоровых офицеров, которые навещали своих друзей и теперь толпились в конце барака.

Некоторые из раненых были северянами, но все голоса постепенно слились в одну мелодию, наполнив палату сентиментальным чувством товарищества, которое заставило Старбака неожиданно затосковать по обществу своих солдат.

Казалось, только одного человека не тронуло пение; это бородатое, бледное и костлявое создание спало, но неожиданно проснулось и в ужасе принялось кричать.

Голоса запнулись, и Салли подошла к больному, притянула его голову к себе и погладила по щеке, Старбак увидел, как затихли дрожащие руки на потертом сером одеяле, покрывавшем его койку.

Худой пациент замолчал, а голоса вновь запели. Старбак наблюдал за игравшей на

фисгармонии Джулией и внезапно почувствовал, что его снова влечёт прежняя вера.

Может, все дело было в ярком освещении в или в лицах раненых, которые выглядели так трогательно, умиротворенные тем, что до них донесли слово Божье, или, может, в всепоглощающей красоте Джулии, но Старбака вдруг настигло чувство вины, когда он слушал преподобного Джона Гордона, молившего Господа ниспослать щедрую Божью благодать этим израненным душам.

Манера речи миссионера оказалась мягкой и действенной, и явно более уместной, чем громкие напыщенные тирады отца Старбака, которые тот обычно применял.

Из Писания была выбрана двенадцатая глава книги Екклезиаста, и Сэмуорт читал ее высоким нервным голосом. Старбак следил за отрывком по библии своего брата, которую Адам прислал ему вместе с приглашением на чай.

Слова Писания глубоко запали в душу Старбака.

— И о своем создателе помни с юных дней, — такими словами начинался пассаж, и сбоку Джеймс приписал мелким шрифтом: "Не легче ли быть христианином в старости? Годы приносят мудрость? Молюсь о ниспослании благодати", но Старбак знал, что лишен благодати Божьей, что он грешник, что врата ада разверзлись так же широко, как открытые утробы доменных печей у реки в Ричмонде, и чувствовал ужасающий страх грешника, представшего пред Господом.

— Ибо уходит человек в свой вечный дом, — читал Сэмуорт, — и плакальщики на улице кружат. До поры, как порвется серебряный шнур, И расколется золотая чаша, И разобьется кувшин у ключа, И сломается ворот у колодца, — эти слова внушили ему предчувствие, что умрет он преждевременной смертью, сраженный выстрелом янки, выпотрошенный праведным снарядом мщеника, грешник уйдет в свой вечный огненный дом.

Он не слышал большую часть проповеди и большинство торжественных речей, в которых раненые благодарили Господа за благословение. Старбака поглотил темный омут раскаяния.

Он решил после окончания службы переговорить с преподобным Джоном Гордоном. Он выложит все свои грехи пред Господом, и с помощью миссионера попытается вернуть душу на круги своя.

Но как он может когда-нибудь вернуть всё на круги своя? Он поссорился с Итаном Ридли из-за Салли и убил его по причине этой ссоры, только один этот поступок, без сомнения, навлек на его душу вечное проклятие.

Он говорил себе, что это было самообороной, но совесть знала, что это было убийством. Старбак смахнул слезы. Всё — суета, но что есть суета пред лицом вечного проклятья?

Было уже далеко за восемь, когда преподобный Джон Гордон благословил пациентов, а потом, переходя от койки к койке, молился и ободрял людей. Раненые выглядели совсем молодо, даже Старбаку они казались мальчишками.

Появился один из главных хирургов госпиталя, еще в окровавленном переднике, чтобы поблагодарить преподобного Джона Гордона. С хирургом был священник, преподобный доктор Петеркин, являвшийся почетным капелланом госпиталя и вдобавок одним из самых модных священников города. Он заметил Адама и подошел к нему поговорить, а Джулия, прервав музицирование, направилась к Старбаку.

— Как вы находите нашу скромную службу, мистер Старбак?

— Я тронут, мисс Гордон.

— Отец был хорош, правда? Его искренность располагает, — ее обеспокоило

выражение лица Старбака, она ошибочно приняла его раскаяние грешника за чувство омерзения, вызванное ужасом палаты. — Это отвращает вас от солдатского ремесла? — спросила Джулия.

— Не знаю. Не думал об этом, — он смотрел на Салли, посвятившую себя заботам с взлохмаченном испуганном человеке, сжимавшем ее руки, словно лишь она могла поддержать в нем жизнь. — Военные не думают о том, что могут оказаться в подобном месте.

— Или еще где похуже, — сухо добавила Джулия. — Здесь есть палаты для умирающих, которым уже нельзя ничем помочь. Хотя мне хотелось бы помочь им.

Она произнесла это с тоской.

— Уверен, у вас это получится, — галантно ответил Старбак.

— Я говорю не просто о посещениях и пении гимнов, мистер Старбак, а о лечении. Но мама даже и слышать об этом не хочет. Она говорит, что я подцеплю лихорадку или что-нибудь похуже. Да и Адам не разрешит мне. Он хочет оградить меня от войны. Вы знаете, что он не одобряет войну?

— Знаю, — ответил Старбак и взглянул на Джулию. — А вы?

— В ней нет ничего, заслуживающего одобрения, — ответила Джулия. — Но всё же признаюсь, я слишком горда, чтобы желать победу северянам. Так что, может, я и сторонница войны. Разве не это чувство заставляет мужчин сражаться? Одна лишь гордость?

— Одна лишь гордость. — согласился Старбак. — На поле сражения тебе хочется доказать, что ты лучше противника, — он вспомнил чувство восторга, когда они ударили по открытому флангу янки у Бэллс-Блафф, панику в рядах синемундирников, вопли, когда враг скатывался с вершины к кровавой, кипевшей от пуль реке. Но затем ощутил вину за эти радостные воспоминания. Врата ада, подумал он, наверняка разверзнутся для него особенно широко.

— Мистер Старбак? — спросила Джулия, встревоженная выражением ужаса на его лице, но прежде чем она успела договорить, Салли внезапно быстро пересекла палату и взяла Старбака под руку.

— Уведи меня отсюда, пожалуйста, — тихо и в спешке произнесла она.

— Сал..., — Старбак запнулся, осознав, что Джулия знала Салли как Викторию. — В чем дело?

— Этот человек, — Салли едва выговаривала слова, даже не потрудившись указать, о ком она вела речь, — меня знает. Пожалуйста, Нат. Уведи меня.

— Уверен, что это не имеет значения, — тихо сказал Старбак.

— Пожалуйста! — прошипела Салли. — Просто заведи меня отсюда!

— Я могу чем-то помочь? — озадаченно вмешалась Джулия.

— Полагаю, нам пора идти, — ответил Старбак, хотя проблема заключалась в том, что плащ Салии и его шинель были сложены в конце того барака, где стоял хирург в окровавленном фартуке, и именно хирург опознал Салли и переговорил с преподобным доктором Петеркином, который, в свою очередь, теперь общался с миссис Гордон.

— Пошли, — сказал Старбак, потащив Салли за руку. Он решил бросить одежду, хотя и жаль было потерять прекрасную серую шинель, когда-то принадлежавшую Оливеру Уэнделлу Холмсу. — Вы меня простите? — спросил он Джулию, проходя мимо нее.

— Мистер Старбак! — властно позвала миссис Гордон. — Мисс Ройял!

— Не обращай на нее внимания, — велел Старбак Салли.

— Мисс Ройял! Подойдите сюда! — выкрикнула миссис Гордон, и Салли, ошеломленная этим тоном, повернулась в ее сторону. Адам поспешил в палату, чтобы узнать, в чём дело, а преподобный Джон Гордон поднял глаза, стоя на коленях у койки лихорадочного больного.

— Я поговорю с вами снаружи, — объявила миссис Гордон, направившись к маленькому крыльцу, где в хорошую погоду пациенты могли подышать воздухом, укрывшись под скосом крыши. Салли подхватила свой плащ.

Хирург ухмыльнулся и поклонился ей.

— Сукин сын, — зашипела на него Салли. Старбак вытащил свою шинель и вышел на крыльцо.

— У меня нет слов, — обратилась миссис Гордон к Салли и Старбаку из дождливой темноты.

— Вы хотели со мной поговорить? — дерзко ответила ей Салли.

— Не могу поверить, что вы могли так поступить, мистер Старбак, — миссис Гордон проигнорировала вызов Салли и посмотрела на Старбака. — Вы, воспитанный в благочестивом доме, приобрели столь дурные манеры, что ввели подобную женщину в мой дом.

— Какую женщину? — набросилась на нее Салли. На крыльцо вышел преподобный Джон Гордон и, подчинившись резкому приказу жены, закрыл за собой дверь, но до того Адам и Джулия тоже успели выйти на переполненное крыльцо.

— Возвращайся внутрь, Джулия, — настаивала ее мать.

— Пусть останется! — сказала Салли. — Какую женщину?

— Джулия! — миссис Гордон пронзила взглядом дочь.

— Дорогая матушка, — произнес преподобный Джон Гордон, — может, ты поведаешь нам, что всё это значит?

— Доктор Петеркин, — негодуя заявила миссис Гордон, — только что сообщил мне, что эта женщина... эта женщина..., - она остановилась, не в состоянии подобрать приличное слово, которое могла бы использовать в присутствии дочери. — Джулия! Немедленно вернись внутрь!

— Дорогая! — обратился к ней преподобный Джон Гордон. — И что же это за женщина?

— Магдалина! — выпалила миссис Гордон.

— Она хочет сказать, что я шлюха, преподобный, — с горечью заметила Салли.

— И вы привели ее в мой дом! — вопила миссис Гордон на Старбака.

— Миссис Гордон, — начал он, но не смог прервать тираду, которая изливалась на его голову, словно барабанный по крыше крыльца дождь.

Миссис Гордон хотела знать, известно ли преподобному Элиялу Старбаку о глубине падения сына и насколько далеко от Божьей благодати он свалился, и как дьявол стал его приятелем.

— Она падшая женщина! — закричала миссис Гордон, — и вы привели ее в мой дом!

— Господь наш общался с грешниками, — попытался слабо возразить преподобный Джон Гордон.

— Но он не подавал им чай! — миссис Гордон невозможно было переубедить. Она повернулась к Адаму. — А что касается вас, мистер Фалконер, то я шокирована вашими друзьями. По-другому просто не скажешь. Шокирована.

Адам бросил на Старбака полный угрызенный совести взгляд:

— Это правда?

— Салли — мой друг, — ответил Старбак. — Близкий друг. Я горжусь своим знакомством с ней.

— Салли Траслоу! — воскликнул Адам, наконец-то воскресив в памяти личность мисс Ройял.

— Вы хотите сказать, что знаете эту женщину? — накинулась на Адама миссис Гордон.

— Он меня не знает, — устало отозвалась Салли.

— Я вынуждена поставить под сомнение, являетесь ли вы подходящей парой для моей дочери, мистер Фалконер, — нажимала на Адама миссис Гордон. — Этот вечер — просто провидение Господне, возможно, он показал ваше истинное нутро!

— Я сказала, что он меня не знает! — настаивала Салли.

— Вы ее знаете? — спросил Адама преподобный Джон Гордон. Адам дернул плечами:

— Ее отец когда-то был одним из арендаторов моего. Это было давно. А после этого я ничего о ней не знаю.

— Но вы знаете мистера Старбака, — миссис Гордон еще не вытащила из Адама достаточную долю сожалений. — Вы хотите сказать, что одобряете его знакомства?

Адам посмотрел на своего друга.

— Уверен, что Нат не знает о роде занятий мисс Траслоу.

— Я это знал, — возразил Старбак. — И как я уже сказал, она мой друг, — он обнял Салли за плечи.

— И вы одобряете выбор вашего друга? — миссис Гордон потребовала у Адама ответа. — Одобряете, мистер Фалконер? Потому что я не могу допустить, чтобы моя дочь была связана, хоть и вполне благопристойным образом, с человеком, который общается с приятелем падшей женщины.

— Нет, — ответил Адам, — не одобряю.

— Ты совсем как твой отец, — сказала Салли. — Гнилой изнутри. Если бы у вас, Фалконеров, не было денег, вы бы были хуже собак, — она высвободилась из рук Старбака и выбежала под дождь. Старбак повернулся, чтобы последовать за Салли, но был остановлен миссис Гордон.

— Сейчас вы делаете свой выбор! — предупредила она. — Это вечер выбора между Господом и дьяволом, мистер Старбак!

— Нат! — поддержал миссис Гордон Адам. — Дай ей уйти.

— Почему? Потому что она шлюха? — Старбак почувствовал, как на него накатывает гнев, настоящая ненависть к этим ханжеским свиньям.

— Я сказал тебе, Адам, что она мой друг, а друзей бросать нельзя. Будь вы все прокляты, — он побежал вслед за Салли, нагнав ее у края барака, где грязный склон парка Чимборасо круто сбегал вниз, к Кровавому Ручью, рядом с которым проходили городские дуэли.

— Прости, — сказал он Салли, снова взяв ее под руку. Она шмыгнула носом. Дождь намочил ее волосы и испортил прическу. Она плакала, и Старбак прижал ее к себе, накрыв алой подкладкой своей шинели. Дождь жалил его в лицо.

— Ты был прав, — приглушенно пробормотала Салли. — Нам не следовало туда идти.

— Им не следовало вести себя подобным образом, — ответил Старбак. Салли тихо всхлипывала.

— Иногда я просто хочу быть такой, как все, — выговорила она сквозь слезы.

— Просто хочу иметь дом и детишек, ковер на полу и яблоню в саду. Я не хочу жить, как отец, и не хочу быть тем, кто я сейчас. Только не навсегда. Я просто хочу быть обыкновенной. Ты понимаешь, о чём я, Нат? — она подняла на него глаза, ее лицо освещали огни кузниц, круглосуточно горевшие у реки, на противоположной стороне ручья.

Он погладил ее по мокрому от дождя лицу.

— Понимаю, — сказал он.

— А разве ты не хочешь быть как все? — спросила она.

— Иногда.

— Боже, — она отпрянула от него, вытерла нос и смахнула мокрые волосы со лба.

— Я надеялась, что скоплю достаточно денег, чтобы после войны открыть магазинчик. Ничего особенного, Нат. Галантерея, что-то вроде того. Я коплю деньги, ну знаешь, чтобы быть как все. Не выделяться. Не быть какой-то "мисс Ройял", просто быть, как все. Но отец прав, — встрепенулась она в новом порыве мстительности, — в этом мире люди делятся на два типа. На овец и волков. На овец и волков, Нат, а себя не изменить. А они там все овцы, — она с презрением указала через плечо в сторону барачков.

— И твой приятель тоже. Весь в отца. Он боится женщин, — замечание было на редкость уничижительным.

Старбак снова притянул ее к себе, уставившись через покрытый тенью Кровавый Ручей туда, где на рябой от дождя поверхности воды отражались кузнечные огни. До сего момента он не осознавал, насколько одинок был в этом мире. Изгой. Одинокий волк, сам за себя.

Точно такой же была и Салли. В поисках независимости нарушившая правила благопристойного общества и посему отвергнутая им. Ее никогда не простят, как не простят и Старбака.

Но раз так — значит, он будет сам за себя. Он наплюет на людей, отвергнувших его, став солдатом, лучшим из лучших. Он знал, что его спасение на Юге в этом и заключается — никому не было до него дела, пока он яростно сражался.

— Знаешь, Нат, — произнесла Салли. — Я думала, у меня есть шанс. Знаешь, настоящий шанс, что я смогу быть... хорошей.

Она пылко акцентировала последнее слово.

— Но они не хотят принимать меня в свой мир, правда?

— Тебе не нужно их одобрение, чтобы быть хорошей, Салли.

— Теперь мне плевать. Когда-нибудь они еще будут умолять меня, чтобы я позволила им ступить на мой ковер, вот увидишь.

Старбак улыбнулся в темноте. Шлюха и неудавшийся вояка, они объявили этому миру войну. Наклонившись, он поцеловал мокрую от дождя щеку Салли.

— Надо отвести тебя домой, — сказал он.

— В твою комнату, — ответила Салли. — Работать меня сейчас не тянет.

Где-то внизу на улице тронулся поезд. Пылающий отблеск паровозной топки мерцал среди влажной травы за ручьем. Локомотив тянул за собой вагоны с боеприпасами, предназначавшимися для отправки на полуостров, туда, где тонкая линия обороны мятежников сдерживала целую орду. Старбак довел Салли до дома и уложил в свою постель.

В конце концов, он был грешником, а эта ночь явно не подходила для покаяния. Салли ушла от Старбака только после часа ночи. Так что нагрянувшие солдаты застали Старбака в постели одного.

Спал он как убитый, и потому первым осознанным им признаком вторжения стал треск вышибаемой наружной двери. В комнате было темно.

Он пытался нащупать револьвер под громкий топот на лестнице, и стоило ему наконец потянуть рукоятку из кобуры, как дверь с грохотом распахнулась, и яркий свет фонарей осветил крошечное темное помещение.

— Опустил оружие, парень! Опустил! — все одетые в мундиры солдаты были вооружены винтовками с примкнутыми штыками. В Ричмонде примкнутый штык являлся символом "бандюг" — военных полицейских генерала Уиндера. Старбак, не будучи дураком, послушно выпустил револьвер.

— Ты Старбак? — спросил человек, приказавший опустить оружие.

— Кто вы? — Старбак прикрыл глаза. Комнату освещали три фонаря, и она казалась набитой взводом солдат, не меньше.

— Отвечай на вопрос! — рявкнули на него в ответ. — Ты — Старбак?

— Да.

— Взять его, быстро!

— Да дайте мне хоть одеться, Господи!

— Шевелитесь, ребята!

Двое мужчин схватили Старбака, стащили с кровати и весьма чувствительным и болезненным толчком приставили к стене, с которой потихоньку сыпалась штукатурка.

— Накиньте на него одеяло, ребята, а то даже лошади покраснеют. Капрал, наручники на него!

Зрение Старбака привыкло к свету, и он разглядел старшего офицера — капитана с темной бородой и широкой грудью.

— Да какого дьявола..., - запротестовал было Старбак, когда капрал извлек кандалы и цепи, но удерживавший Старбака солдат снова грубо прижал его к стене.

— Молчать! — прогремел капитан. — Забирайте всё, ребята, всё.

Бутылку в качестве улики я тоже заберу, спасибо, Перкинс. Все бумаги аккуратно сложить. Сержант, ты за это отвечаешь. Так, Перкинс, вон ту бутылку тоже мне, — капитан опустил бутылки виски в объемные карманы своего мундира и спустился вниз по лестнице.

Старбак, закованный в цепи и закутанный в жесткое серое одеяло, заковылял за капитаном через каретный сарай на Шестую улицу, где в свете уличного фонаря их ожидала черная повозка с четверкой лошадей. Дождь не прекращался, и фонарь освещал выдыхаемые лошадьми клубы пара.

Церковные часы пробили четыре. Прогрохотало поднятое окно на тыльной стороне дома.

— Что происходит? — прокричал женский голос. Старбак подумал, не Салли ли это, но наверняка сказать не мог.

— Ничего, мэм! Возвращайтесь в постель! — ответил капитан и толкнул Старбака к подножке экипажа. Сам он с тремя солдатами полез следом. Остальные по-прежнему копались в комнате Старбака.

— Куда мы едем? — поинтересовался Нат, когда экипаж с грохотом отъехал от тротуара.

— Вы арестованы нарядом военной полиции, — официальным тоном сообщил капитан. — Вы имеете право говорить только тогда, когда как к вам обращаются.

— Вы обращаетесь ко мне сейчас, — ответил Старбак, — так что куда мы едем?

Внутри экипажа было темно, поэтому Нат так и не увидел неожиданно прилетевший меж глаз кулак. Его голова откинулась назад, ударившись о спинку сиденья.

— Захлопни пасть, поганый янки! — раздался голос. Старбак, чье зрение тяжело переносило последствия сокрушительного удара, совету последовал.

Поездка оказалась короткой. Проехав не более полумили, экипаж под протестующий скрип окованных железом колес резко развернулся и остановился. Дверь распахнулась, и Старбак увидел освещенные факелами ворота тюрьмы Лампкин, известной ныне как Касл-Гудвин.

— Пошел! — рывкнул капрал, и Старбака толкнули к подножке экипажа, а потом повели через небольшую калитку к главным воротам Касл-Гудвина.

— Четырнадцатый! — крикнул надзиратель проходящему конвою с заключенным. Охранник в мундире шел впереди, ведя их через кирпичную арку по каменному коридору, освещаемому двумя керосиновыми лампами. Дойдя до массивной деревянной двери с нанесенным числом "14", охранник открыл ее тяжелым стальным ключом. Капрал отомкнул наручники.

— Давай внутрь, арестант, — сказал охранник. Старбака толкнули в камеру. Он увидел деревянную кровать, металлическое ведро и рядом — огромную лужу. В камере воняло нечистотами.

— Срать в ведро, дрыхнуть на кровати. Можешь наоборот, если хочешь, — охранник загоготал, и дверь с грохотом захлопнулась. Камера погрузилась в абсолютную темноту.

Вымотанный до предела Старбак, подрагивая, лег на кровать. Ему выдали серые штаны из грубого сукна, тупоносые кожаные башмаки и рубашку с кровавыми пятнами, оставленными предыдущим владельцем.

Завтрак состоял из кружки воды и куска хлеба. Городские часы пробили девять, и двое появившихся охранников приказали ему сесть на кровати и вытянуть ноги. На лодыжках защелкнулись кандалы.

— Будешь с ними, пока не уйдешь, — сообщил один из тюремщиков. — Или пока не повесят.

Он высунул язык и скорчил гримасу, изображая висельника.

— Встать! — рывкнул второй. — Пошёл!

Старбака вытолкнули в коридор. Кандалы на ногах вынуждали его неуклюже шаркать, но охранники явно привыкли передвигаться медленно, так что не пытались его торопить, но велели не задерживаться, когда вели его по двору, напомнившего Старбаку жуткие рассказы о средневековых камерах пыток.

Со стены свисали цепи, а в центре двора находился деревянный конь, состоящий из доски, положенной на пару козел. Пытка заключалась в том, что человека сажали на острый край доски, и под весом груза на ногах деревяшка врезалась ему в пах.

— Это не про твою честь, черножопый, — сказал один из тюремщиков. — На тебе испробуют кое-что новенькое. Давай, двигай.

Старбака привели в комнату с кирпичными стенами и каменным полом с водостоком посередине. В ней так же стоял стол и стул. Зарешеченное окно выходило на восток, в сторону открытого канализационного коллектора Шокоу-Крик, который наполнялся стоками со всего города.

Одна из створок маленького окна была открыта, и вонь от коллектора наполняла комнату. Тюремщики, которых Старбак теперь мог рассмотреть, прислонили ружья к стене.

Оба были крепкого телосложения и такими же высокими, как Старбак, с бледными, грубыми и гладко выбритыми лицами с безучастным выражением людей, которые довольствуются в жизни малым. Один сплюнул густую струю табачной жижи в отверстие водостока. Бесцветный плевок приземлился прямо в центр.

— Вот этот меткий, Эйб, — похвалил второй охранник.

Дверь открылась, и вошел тощий и бледный человек. С одного плеча у него свисала кожаная сумка, а редкая борода обрамляла подбородок. Его щеки и верхняя губа сияли после утреннего бритья, а лейтенантский мундир выглядел безупречно — вычищен так, что не осталось ни пятнышка, а складки отутюжены до остроты ножа.

— Доброе утро, — робко произнес он.

— Отвечай офицеру, дерьмо северное, — рявкнул охранник по имени Эйб.

— Доброе утро, — отозвался Старбак.

Лейтенант отряхнул сиденье стула и сел, вытащив из кармана очки и надев их. У него было худое лицо с выражением крайнего оживления, словно у нового священника, явившегося в устоявшийся приход.

— Старбак, не так ли?

— Да.

— Обращайся к офицеру "сэр", мусор!

— Ладно, Хардинг, не нужно, — лейтенант нахмурился в явном неодобрении грубости Хардинга. Он положил кожаную сумку на стол и вытащил из нее папку. Развязав ее зеленые ленточки, он открыл ее и осмотрел лежащие внутри бумаги.

— Натаниэль Джозеф Старбак, так?

— Да.

— В настоящее время проживаете на Франклин-стрит, в доме старика Бурреля, так?

— Я не знаю хозяина дома.

— Джошуа Буррель, торговец табаком. Семья сейчас переживает тяжелые времена, как и многие в наши дни. Что ж, давайте посмотрим, — лейтенант откинулся назад, так что стул угрожающе закрипел, а потом снял очки и устало потер глаза.

— Я задам вам пару вопросов, Старбак, а ваша роль, как вы могли бы догадаться, заключается в том, чтобы на них ответить. Обычно, конечно же, подобные вещи делаются в законном порядке, но сейчас война, и боюсь, что необходимость вытащить из вас правду не может ждать всей этой канители с адвокатами. Это понятно?

— Не совсем. Я не знаю, какого дьявола здесь делаю.

Охранник за спиной Старбака предупреждающе рявкнул в ответ на наглое поведение Старбака, но лейтенант поднял руку в успокаивающем жесте.

— Вы это узнаете, Старбак, обещаю, — он снова водрузил очки на нос.

— Забыл представиться. Какая невнимательность. Меня зовут лейтенант Гиллеспи, лейтенант Уолтон Гиллеспи, — он произнес это имя так, словно ожидал, что Старбак его узнает, но тот просто пожал плечами. Гиллеспи вытащил из кармана кителя карандаш. — Начнем? Где вы родились?

— В Бостоне, — ответил Старбак.

— Где именно, будьте добры.

— На Милк-стрит.

— В доме ваших родителей, правильно?

— Бабушки и дедушки. Родителей матери.

Гиллеспи сделал пометку.

— Где в настоящее время проживают ваши родители?

— На Ореховой улице.

— До сих пор там живут? Прекрасно место. Я был в Бостоне два года назад и имел честь прослушать проповедь вашего отца, — Гиллеспи улыбнулся этому явно приятному воспоминанию.

— Продолжим, — сказал он и задал Старбаку несколько вопросов о его школьных годах и учебе в Йельском теологическом колледже, как он оказался на Юге в начале войны и о службе в Легионе Фалконера.

— Что ж, пока неплохо, — заявил Гиллеспи, прослушав рассказ о событиях на Бэллс-Блафф. Он перевернул страницу и нахмурился, прочитав то, что там написано. — Когда вы впервые встретились с Джоном Скалли?

— Никогда о нем не слышал.

— С Прайсом Льюисом?

Старбак покачал головой.

— С Тимоти Уэбстером?

Старбак просто пожал плечами, чтобы показать свое неведение.

— Понятно, — произнес Гиллеспи тоном, который предполагал, что отрицание Старбака его совершенно озадачило. Он сделал пометку карандашом, все еще хмурясь, а потом снял очки и помассировал переносицу. — Как зовут вашего брата?

— У меня три брата. Джеймс, Фредерик и Сэм.

— Их возраст?

Старбаку пришлось задуматься.

— Двадцать шесть или двадцать семь, семнадцать и тринадцать.

— Самый старший. Его имя?

— Джеймс.

— Джеймс, — повторил Гиллеспи, словно никогда раньше не слышал этого имени. Внезапно во дворе закричал какой-то мужчина, и Старбак четко различил звук хлыста, рассекающего воздух, а потом с щелчком обрушившегося на жертву. — Я закрыл дверь, Хардинг? — поинтересовался Гиллеспи.

— Очень плотно, сэр.

— Здесь так шумно, так шумно. Скажите мне, Старбак, когда вы в последний раз видели Джеймса?

Старбак покачал головой.

— Задолго до начала войны.

— До войны, — повторил Гиллеспи и записал это. — А когда вы в последний раз получали от него письмо?

— Тоже до войны.

— До войны, — снова медленно повторил Гиллеспи, а потом достал из кармана маленький перочинный ножик. Он открыл его и заточил карандаш, тщательно собрав остатки древесины и грифеля в кучку на краю стола. — Что вы можете сказать об Обществе снабжения армии Конфедерации библиями?

— Ничего.

— Понятно, — Гиллеспи отложил карандаш и откинулся назад на шатком стуле. — А какие сведения вы послали своему брату относительно расположения наших сил?

— Никаких! — протестующе выкрикнул Старбак, наконец начиная понимать, по какому поводу поднялся весь этот шум.

Гиллеспи снова снял очки и вытер их о рукав.

— Я уже упоминал ранее, мистер Старбак, что мы вынуждены, к большому сожалению, идти на крайние меры, чтобы установить истину. Обычно, как я сказал, мы ограничены положенными по закону процедурами, но чрезвычайные времена требуют чрезвычайных мер. Вы понимаете?

— Нет.

— Позвольте спросить еще раз. Вы знаете Джона Скалли и Льюиса Прайса?

— Нет.

— Вы состояли в переписке со своим братом?

— Нет.

— Вы получали письма на имя Общества снабжения армии Конфедерации библиями?

— Нет.

— Вы отдавали письмо Тимоти Уэбстеру в отель "Монументаль"?

— Нет! — запротестовал Старбак.

Гиллеспи печально покачал головой. Когда майор Александер арестовал Тимоти Уэбстера и Хетти Лоутон, он также обнаружил письмо, написанное тесно прижатыми друг к другу печатными буквами, в котором детально описывалось размещение защитников Ричмонда.

Письмо было адресовано майору Джеймсу Старбаку, и это же имя значилось в бумагах, изъятых у Скалли.

Письмо стало бы катастрофой для Конфедерации, потому что содержало описание того спектакля, который устроил генерал Магрудер, чтобы обмануть патрули Макклелана. Единственное, что помешало Уэбстеру доставить письмо, это ужасный приступ ревматизма, который свалил его в постель на несколько недель.

Старбак покачал головой в ответ на очередной вопрос о письме:

— Никогда не слышал о Тимоти Уэбстере.

Гиллеспи скривился.

— Вы настаиваете на этом?

— Это правда!

— Увы, — сказал Гиллеспи, открыл кожаную сумку и вытащил оттуда яркую латунную воронку и синюю стеклянную бутылку. Он откупорил бутылку, и тонкий кислый аромат наполнил помещение. — Мой отец, Старбак, как и ваш, человек выдающийся. Он возглавляет приют для душевнобольных в Честерфилде. Вам это известно?

— Нет, — Старбак опасно поглядел на бутылку.

— Существует две точки зрения на лечение душевнобольных, — продолжил Гиллеспи.

— Согласно одной теории, от безумия можно избавить пациента мягким путем, с помощью свежего воздуха, хорошего питания и доброты, но вторая точка зрения, которой придерживается мой отец, заключается в том, что безумие нужно изгонять из страдальца шоковой терапией. Иными словами, Старбак, — Гиллеспи поднял глаза на заключенного, и они как-то странно заблестели, — мы должны наказывать безумца за его ненормальное поведение и таким образом вернуть его обратно в общество цивилизованных людей. Это, — он поднял синюю бутылку, — называли лучшим известным науке веществом, принуждающим к нужным действиям. Расскажите мне про Тимоти Уэбстера.

— Мне нечего сказать.

Гиллеспи помедлил, а потом кивнул тюремщикам. Старбак повернулся, чтобы оказать сопротивление ближайшему, но слишком поздно. Его ударили сзади, свалив на пол, и до того, как он смог повернуться, он был прижат к полу.

Кандалы вокруг лодыжки клацнули, когда его руки связали за спиной. Он выругался на тюремщиков, но они были крепкими мужчинами, привыкшими ломать заключенных, и проигнорировали ругательства, повернув его на спину.

Один взял латунную воронку и засунул ее Старбаку в рот. Тот сопротивлялся, сжав зубы, но охранник угрожал пропихнуть воронку, сломав зубы, и Старбак, поняв, что побежден, расслабил челюсть.

Гиллеспи встал рядом с ним на колени с синей бутылкой в руках.

— Это кротоновое масло [\[16\]](#), - сказал он Старбаку, — вам это известно?

Старбак не мог ничего ответить, и потому покачал головой.

— Кротоновое масло получают из семян растения *Croton tiglium*.

— Это слабительное, мистер Старбак, и очень сильное. Мой отец использует его, когда пациент ведет себя агрессивно. Ни один безумец или человек с деструктивным поведением не сможет вести себя агрессивно, видите ли, когда каждые десять минут у него опорожняется кишечник, — улыбнулся Гиллеспи.

— Что вы знаете о Тимоти Уэбстере?

Старбак покачал головой, а потом попытался вырваться из хватки охранников, но те двое для него были слишком сильными противниками. Один с силой запрокинул Старбаку голову на плиты пола, а Гиллеспи поднес бутылку к воронке.

— В прежние времена лечение безумия основывалось лишь на простых физических наказаниях, — объяснил Гиллеспи, — но мой отец отдал дань медицине, открыв, что применение этого слабительного гораздо эффективней, чем любая доза порки. Полагаю, сначала небольшая порция на пробу.

Он вылил тонкую струйку масла в воронку. Старбак ощутил во рту вкус прогорклого жира.

Он попытался не глотать его, но один из тюремщиков сомкнул руки на его челюсти, так что у Старбака просто не осталось другого выбора, как проглотить масло. Он почувствовал, что во рту всё горит.

Гиллеспи убрал бутылку и сделал охранникам знак освободить Старбака. Тот сделал глубокий вдох. Во рту жгло, а пищевод саднило. Он ощутил, как густое масло попало в желудок, и с трудом поднялся на колени.

А потом слабительное начало действовать. Он согнулся пополам, выплескивая на пол содержимое своего желудка. Этот спазм обессилил его, но до того, как он смог прийти в себя, из живота поднялся еще один спазм, а потом неконтролируемо опорожнился кишечник, и комната наполнилась чудовищной вонью. Он не мог сдержаться. Он стонал, перекатываясь по полу, а потом скорчился в очередном приступе, когда позыв к рвоте взорвал его тело.

Охранники ухмылялись и отошли подальше. Гиллеспи, не обращая внимания на жуткую вонь, с жадным интересом наблюдал сквозь очки, делая время от времени пометки в блокноте.

Спазмы по-прежнему разрывали Старбака. даже когда в его животе и кишечнике ничего не осталось, он продолжал тяжело дышать и корчиться, потому что ужасное масло вымывало

его кишки.

— Давайте поговорим снова, — произнес Гиллеспи через несколько минут, когда Старбак немного успокоился.

— Сволочь, — сказал Старбак. Он был весь в нечистотах, лежа прямо в них, его одежда пропиталась ими, он был унижен и опозорен.

— Вы знаете мистера Джона Скалли или мистера Льюиса Прайса? — спросил Гиллеспи своим четким голосом.

— Нет. И идите вы к чёрту.

— Вы вели переписку со своим братом?

— Нет, будь вы прокляты.

— Вы получали письма на имя Общества снабжения армии Конфедерации библиями?

— Нет!

— Вы доставляли сведения Тимоти Уэбстеру в отель "Монументаль"?

— Я скажу тебе, ублюдок, что я сделал! — Старбак поднял голову и плюнул в Гиллеспи струйкой блевотины. — Я держал оружие во время сражения за эту страну, а это гораздо больше, чем ты сделал за всю свою жизнь, дерьмовый ты сукин сын!

Гиллеспи покачал головой, словно Старбак особенно упорствовал в заблуждениях.

— Еще раз, — обратился он к тюремщикам и поднял бутылку со стола.

— Нет! — крикнул Старбак, но один из тюремщиков бросил его вниз, и его опять прижали к полу. Гиллеспи поднес кротоновое масло.

— Мне любопытно выяснить, какую дозу масла может выдержать человек, — заявил Гиллеспи. — Передвиньте его сюда, я не хочу вставать коленями в его испражнения.

— Нет! — простонал Старбак, но воронку уже засунули в его рот, а Гиллеспи, криво ухмыляясь, вылил очередную порцию отвратительной желтой жидкости в лагунную трубку. И Старбак вновь содрогнулся от спазма.

На этот раз боль была гораздо сильнее, жуткая череда раздражающих внутренности приступов, сжигающих его желудок и выплескивающих его содержимое наружу, пока Старбак корчился в собственных нечистотах.

Еще дважды Гиллеспи вливал слабительное в его глотку, но эти дополнительные порции не принесли никакой новой информации. Старбак по-прежнему настаивал, что не знает никого по имени Скалли, Льюис или Уэбстер.

В полдень тюремщики выплеснули на него ведро холодной воды. Гиллеспи безучастно наблюдал, как неподвижное и вонючее тело северянина вынесли из помещения и бросили в камеру, а потом, раздраженный тем, что опаздывает, он поспешил на свои обычные занятия по изучению библии, которые посещал в обеденное время в ближайшей универсалистской церкви.

Старбак тем временем лежал в луже и завывал.

Неохотно, как огромный зверь, пробуждающийся после зимней спячки, армия мятежников отошла с позиций вокруг Калпепера.

Она двигалась медленно и осторожно, потому что генерал Джонстон до сих пор не был уверен, что северяне не пытаются его обмануть.

Может, широко разрекламированная отправка огромных кораблей из Александрии в Форт Монро была просто хорошо продуманным фарсом, чтобы заставить его перебросить войска на незащищенную сторону Ричмонда?

Подобная уловка открывала бы дороги северной Виргинии для настоящей атаки

федералистов, и опасаясь подобного обмана, Джонстон послал кавалерийские патрули вглубь округов Фокир и Принс-Уильям, а потом и дальше на север, в округ Лауден.

Оборванные всадники из партизанских бригад, чья задача состояла в том, чтобы остаться на оккупированной территории и причинять неудобства захватчикам, пересекли Потомак, высадившись в Мэриленде, но даже эти патрули вернулись без новостей.

Янки ушли. Оборонительные сооружения вокруг Вашингтона хорошо охранялись, а в фортах, защищающих анклав северян в виргинском округе Фэрфакс, стояли сильные гарнизоны, но основная армия северян исчезла. Новый Наполеон атаковал полуостров.

Бригада Фалконера была в числе первых, кому приказали выдвинуться к окраинам Ричмонда. Вашингтон Фалконер вызвал майора Бёрда, чтобы отдать приказ.

— Разве Свинерд не служит у тебя мальчиком на побегушках? — спросил Бёрд Фалконера.

— Он отдыхает.

— В смысле пьян.

— Чепуха, Дятел, — Вашингтон Фалконер был в кителе с вышитой россыпью звезд бригадного генерала на воротничке. — Он скучает. Готовится к действиям. Этот человек — настоящий воин.

— Этот человек — алкоголик и безумец, — заявил Бёрд. — Вчера он попытался арестовать Тони Мерфи за то, что тот не отдал ему честь.

— Капитан Мерфи всегда был склонен к мятежу, — сказал Фалконер.

— Я думал, предполагается, что у всех нас есть склонность к мятежу, — заметил Бёрд. — Вот что я скажу тебе, Фалконер, этот человек — пропойца. Тебя надули.

Но Вашингтон Фалконер не собирался признавать свою ошибку. Он знал не хуже других, что Гриффин Свинерд был просто накачанной алкоголем катастрофой, но ему придется терпеть эту катастрофу, пока бригада Фалконера не заслужит репутацию в сражении и тем самым не предоставит своему командующему возможность бросить вызов власти "Ричмондского наблюдателя". А именно эта газета сейчас лежала на складном столике Фалконера.

— Ты читал новости про Старбака?

Бёрд еще не видел газету, не говоря уже о новостях про Старбака.

— Его арестовали. Считают, что он продавал информацию врагу. Ха! — воскликнул Фалконер с явным удовлетворением. — В нем никогда ничего хорошего не было, Дятел. Бог знает, почему ты ему покровительствовал.

Бёрд знал, что его зять пытается затеять спор, но не собирался доставить ему такого удовольствия.

— Что-то еще, Фалконер? — спросил он.

— Еще одна вещь, Дятел, — Фалконер, в застегнутом на все пуговицы кителе и ремне, вытащил изогнутую саблю и намеренно небрежно разрезал ей воздух. — Выборы, — туманно произнес Фалконер, — будто ему только что пришла в голову эта тема.

— Мы к ним готовы.

— Мне не нужна всякая ерунда, Дятел, — Фалконер ткнул в его сторону кончиком сабли. — Никакой ерунды, слышишь?

Через две недели в Легионе должны были состояться новые выборы ротных офицеров. Это требование выдвинуло правительство Конфедерации, которое только что ввело призыв в армию и одновременно с ним продлило срок службы тех солдат, которые изначально

подписывали добровольческий контракт на год.

С этого момента призванные на год солдаты должны были служить до смерти, инвалидности или увольнения из армии, но подумав, что нужно подсластить пилюлю, правительство также ввело правило, что добровольческим полкам дадут новый шанс выбрать офицеров.

— А какая может случиться ерунда? — невинно спросил Бёрд.

— Ты знаешь, Дятел, ты знаешь.

— Не имею ни малейшего, даже смутного представления, о чем ты говоришь.

Острые сабли переместилось, задрожав всего в нескольких дюймах от клочковатой бороды Бёрда.

— Я не хочу, чтобы среди кандидатур прозвучало имя Старбака.

— В таком случае я удостоверюсь, что его там не будет, — невинно заявил Бёрд.

— И не хочу, чтобы солдаты вписали его имя.

— А это, Фалконер, я уже не могу проконтролировать. Это называется демократией. Полагаю, что наши с тобой деды сражались за нее на войне.

— Чепуха, Дятел, — Фалконер почувствовал приступ недовольства, как всегда бывало при общении с шурином, и, как обычно, пожалел, что Адам так упрямо отказывался покинуть Джонстона и принять командование Легионом.

Фалконеру не приходила в голову ни одна другая кандидатура, которую бы Легион принял вместо Бёрда, и даже у Адама, как допускал Фалконер, могли бы возникнуть трудности в попытке заменить дядю.

И это означало, как признался себе Фалконер, что Бёрд наверняка получит командование полком, иначе почему он не продемонстрировал ни намека на благодарность и готовность к сотрудничеству?

Вашингтон Фалконер считал себя человеком щедрым и добрым, и он хотел лишь ответной любви, но как часто вместо этого вызывал негодование.

— У солдат наверняка не возникнет искушения голосовать за Старбака, если им предложат хорошего командира одиннадцатой роты, — предположил Фалконер.

— И кого же, поведай мне, умоляю?

— Мокси.

Бёрд закатил глаза.

— Траслоу живьем его сожрет.

— Тогда заставь Траслоу подчиняться!

— Зачем? Он лучший солдат Легиона.

— Чепуха, — сказал Фалконер, но больше ему некого было предложить. Он вложил саблю в ножны, клинок со свистом вошел в их отделанное шерстью устье. — Скажи солдатам, что Старбак — предатель. Это должно охладить их пыл. Скажи, что его повесят еще до конца месяца, и скажи им, что сукин сын именно этого и заслуживает. А он и заслуживает! Ты чертовски прекрасно знаешь, что он убил беднягу Итана.

По мнению Бёрда, убийство Итана Ридли было лучшим, что сделал Старбак, но он придержал эту точку зрения.

— У тебя есть еще какие-нибудь приказы, Фалконер? — спросил он.

— Будь готов выступить через час. Я хочу, чтобы солдаты хорошо выглядели. Мы пройдем по Ричмонду, помни об этом, так что давай устроим представление!

Бёрд вышел из палатки и закурил черуту. Бедняга Старбак, подумал он. Он ни на

секунду не поверил в его вину, но ничего не мог поделать, а учитель, превратившийся в военного, уже давно решил, что не позволит тому, на что не может повлиять он, влиять на него. Но всё же, подумал он, происшествие со Старбаком его опечалило.

Но поразмыслив, Бёрд пришел к выводу, что трагедия Старбака, без сомнения, будет забыта на фоне большей беды, вызванной вторжением Макклелана.

Когда падет Ричмонд, Конфедерация протянет в своем неповиновении еще несколько месяцев, но утратив столицу и отрезанный от сталелитейного завода Тредегара, самого крупного и эффективного на всём Юге, мятеж едва ли выживет. Странно, подумал Бёрд, вышагивая вдоль рядов палаток бригады, но с момента начала восстания, когда пушки обстреляли Форт Самтер, прошел ровно год.

Всего год, и теперь Север кружил вокруг Ричмонда, как огромный закованный в броню кулак, готовый нанести удар. Гремели барабаны, приказы вымуштрованных сержантов разносились эхом по сырому лугу, бригада готовилась выступить.

Когда Легион Фалконера отправился в путь на юго-восток, туда, где в сражении должна была решиться судьба Америки, в первый раз за несколько недель выглянуло из-за облаков солнце.

Лейтенанту Гиллеспи удалось выманить из Старбака лишь одно признание в совершенном правонарушении, и обнаружив это слабое место, Гиллеспи продолжил работать над ним с отчаянным энтузиазмом.

Старбак признался в том, что продавал паспорта ради денег, и Гиллеспи ухватился за это.

— Вы признаете, что выписывали паспорта, не заверив личность?

— Мы все так делали.

— Зачем?

— Ради денег, конечно.

Гиллеспи, и без того бледный, теперь совершенно побелел, услышав признание в такой аморальности.

— То есть вы признаете, что брали взятки?

— Конечно, брал, — ответил Старбак. Он был слаб, как новорожденный котенок, кишки и желудок сжигала боль, а лицо покрылось гнойниками в тех местах, где кротонное масло попало на кожу.

Несмотря на то, что погода улучшилась, его по-прежнему все время трясло, и он опасался лихорадки. День за днем продолжались допросы, и день за днем ему вливали внутрь мерзкое масло, и он окончательно потерял счет времени, проведенному в тюрьме.

Вопросы казались нескончаемыми, приступы рвоты и поноса скручивали его днем и ночью. Больно было глотать воду, больно было дышать. Больно было жить.

— Кто давал вам взятки? — спросил Гиллеспи, поморщившись, когда Старбак сплюнул сгусток крови на пол. Ната усадили на стул — он слишком ослабел, чтобы стоять, а Гиллеспи не нравилось допрашивать валяющихся на полу людей. У стены, прислонившись к ней, стояли два охранника.

Они откровенно скучали. Разумеется, их мнения никто не спрашивал, да они и не возражали, но все же охранники считали, что ублюдок, хоть и северянин, невиновен. Но Гиллеспи с него всё не слезал:

— Кто? — настойчиво повторил он.

— Да все подряд, черт возьми, — Старбак был вымотан до предела.

— Майор Бриджфорд как-то пришел с пачкой чистых паспортов, и...

— Чушь! — резко перебил его Гиллеспи. — Бриджфорд не из таких!

Старбак пожал плечами, показывая, что ему глубоко и бесповоротно плевать, из таких майор или не из таких. Бриджфорд был начальником военной полиции армии, и он действительно приволок Старбаку пачку незаполненных паспортов на подпись. В благодарность за оказанную услугу майор поставил ему на стол бутылку ржаного виски.

Заходили к нему и другие старшие офицеры и даже десяток, не меньше, конгрессменов, и все — за одной и той же услугой, не ограничиваясь, как правило, скромной бутылкой алкоголя. Старбак, по требованию Гиллеспи, назвал всех, кроме Бельведера Дилейни. Юрист был его другом и благодетелем, так что Старбак посчитал своим долгом защитить его.

— Куда вы дели деньги? — спросил Гиллеспи.

— Спустил в "Джонни Уоршеме", — ответил Старбак. "Джонни Уоршемом" назывался крупнейший игорный притон города. Рассадник разгула и буйства с женщинами и музыкой. Охраняли его двое чернокожих, настолько крупных и мощных, что даже вооруженные военные полицейские не горели желанием с ними связываться.

Старбак и впрямь просадил в этом заведении часть денег, но большая часть была надежна спрятана в комнате Салли. Из опасения, что Гиллеспи отправится за девушкой, он не рассказал о тайнике.

— Сыграл пару раз, — добавил он. — Хреновый из меня игрок в покер, — его прервал рвотный позыв, и он охнул, пытаясь восстановить дыхание. Последние несколько дней Гиллеспи не притрагивался к кротоновому маслу, но Старбака по-прежнему скручивала боль в животе.

На следующий день Гиллеспи беседовал с майором Александером, который, глядя на неутешительные результаты допросов, недовольно морщился.

— Может, он всё же чист? — предположил он.

— Он янки, — возразил Гиллеспи.

— В этом-то он, конечно, виновен, но вот писал ли он Уэбстеру?

— А кто еще мог ему писать? — спросил Гиллеспи.

— Вот именно это, лейтенант, нам и предстоит выяснить. Мне казалось, научные методы вашего отца ошибок не допускают? И если это так, значит, Старбак действительно невиновен.

— Но он берет взятки.

Александер вздохнул:

— Тогда, лейтенант, не забудьте арестовать еще и половину Конгресса, — он пролистал отчет Гиллеспи, с отвращением отмечая количество масла, влитого в глотку заключенному. — Есть у меня подозрение, что мы зря тратим время, — подытожил он.

— Еще пару дней, сэр! — поспешно вставил Гиллеспи. — Я уверен, он вот-вот сломается, сэр, точно вам говорю!

— То же самое я слышал неделю назад.

— Последние несколько дней я не применял масло, — с энтузиазмом заметил Гиллеспи. — Я дам ему шанс восстановиться, а затем удвою дозу.

Александер закрыл отчет:

— Если бы он мог нам что-нибудь сообщить, лейтенант, уже сообщил бы. Он — не наш клиент.

Намек на провалившийся допрос заставил Гиллеспи возмущенно дернуться:

— Вы ведь в курсе, — спросил он Александера, — что Старбак живет в борделе?

— Вы осуждаете человека, потому что ему повезло? — поинтересовался Александер, заставив Гиллеспи покраснеть.

— Одна из тамошних женщин искала его, сэр. И дважды приходила.

— Та симпатичная шлюшка? По фамилии Ройял?

Гиллеспи покраснел пуще прежнего. Красота Виктории Ройял превосходила все его мечты, но он не смел признаться в этом Александеру.

— Ее фамилия Ройял, да. И она просто по-королевски высокомерна ^[17]. Она не назвала причину своего интереса к заключенному, и я думаю, ее стоит допросить.

Александер устало покачал головой.

— Интерес, лейтенант, объясняется просто: ее отец служит в пехотной роте Старбака, ну а она, судя по всему, обслуживала его в постели. Я уже говорил с ней, она ничего не знает, так что допрашивать ее еще раз не имеет смысла. Или вы планировали заняться чем-то другим?

— Конечно, нет, сэр, — Гиллеспи возмущенно встрепенулся, но он и впрямь надеялся, что майор поручит ему допрос мисс Виктории Ройял.

— Потому что если вы всё-таки планировали нечто другое, — продолжил Александер, — думаю, вам полезно будет вспомнить, что нимфы сего дома — самые дорогие во всей Конфедерации. Дамы из заведения напротив ЮХА ^[18] подойдут вашему кошельку лучше.

— Сэр! Я протестую!..

— Помолчите, лейтенант, — устало перебил Александер. — И если вы по-прежнему желаете посетить мисс Ройял частным образом, то хоть поразмышляйте на досуге, сколько высокопоставленных офицеров являются ее клиентами. Она вам хлопот доставит гораздо больше, чем вы ей.

Некоторые из ее клиентов уже возмутились арестом Старбака, и Александеру все трудней и трудней удавалось находить оправдания.

Господь небесный, подумал майор, но каким же сложным оказалось это дело. Старбак — казалось бы, очевидный кандидат, — молчал как рыба.

Тимоти Уэбстер, прикованный в тюремной постели, так и не выдал ничего на допросе. Человек, приставленный наблюдать за доской объявлений в церкви Святого Павла, попросту тратил время. Поддельное письмо подложили под ленты доски в вестибюле церкви, но за ним так никто и не пришел.

Гиллеспи живо предложил:

— Если вы позволите мне опробовать слабительное моего отца на Уэбстере...

Александер оборвал его:

— На мистера Уэбстера у нас другие планы, — майор сомневался, знаком ли больной Уэбстер с личностью человека, написавшего Джеймсу Старбаку письмо. Его вполне мог знать только Джеймс.

— А женщина, пойманная с Уэбстером? — предположил Гиллеспи.

— Чтобы северные газеты надрывались, как мы пичкаем женщин слабительным? — ответил Александер. — Ее отправят обратно на север целой и невредимой.

Звуки армейского оркестра привлекли майора, и он подошел к окну своего кабинета, уставившись вниз — на Франклин-стрит, по которой маршировал на восток пехотный

батальон.

Армия Джонстона, наконец-то покинувшая свои позиции вокруг Кулпепера, прибыла для защиты столицы. Самые первые полки уже отправились на усиление обороны Магрудера у Йорктауна, пока остальные разбивали лагерь к востоку и северу от Ричмонда.

Пехотный оркестр наигрывал "Дикси". Детишки, вместо ружей вооруженные палками, гордо вышагивали позади солдат, чьи шляпы украшали бледно-желтые нарциссы. Даже с третьего этажа Александер видел, насколько оборванно и неряшливо выглядели солдаты, но маршировали они твердо, и боевой дух казался высоким.

Самым красивым девушкам солдаты бросали нарциссы. Мулатка, затесавшаяся среди столпившихся на тротуаре зрителей, собрала целый букет и смеялась, когда солдаты бросали ей еще и еще.

Пехоту специально провели через город, чтобы ричмондцы воочию увидели армию, пришедшую на их защиту. Однако солдаты сами нуждались в защите от города или, скорее, от больных шлюх Ричмонда, так что марширующую колонну сопровождали военные полицейские с примкнутыми штыками, чьей задачей было не позволить ни одному солдату раствориться в толпе.

— Мы не можем просто взять и отпустить Старбака, — жалобно заметил Гиллеспи. Он стоял, наблюдая, у второго окна.

— Можно обвинить его во взяточничестве, — уступил Александер.

— Но представлять его перед судом в нынешнем виде, словно он уже одной ногой на том свете, нельзя. Почистите его, дайте выздороветь. Потом мы решим, отдавать ли его под суд за взяточничество.

— Как мы найдем настоящего предателя? — поинтересовался Гиллеспи.

Александер представил длинноволосого старика и невольно содрогнулся.

— Полагаю, придется отобедать с дьяволом, Гиллеспи, — майор отвернулся от окна и угрюмо уставился на карту Виргинии, висевшую на стене.

После Йорктауна, подумал он, янки уже никто не остановит.

Они прорвутся сквозь оборонительные линии Ричмонда, словно сокрушительный прилив во время прибрежного шторма. Окружив город, они просто задушат его. Что станет с Конфедерацией потом? На западе, несмотря на попытки южных газет представить события как победу, Борегар отступил, понеся значительные потери у местечка под названием Шайло.

Север объявлял о своей победе при Шайло, и Александер опасался, что эти заявления окажутся правдой. А далеко ли до заявлений Севера о победе в Виргинии?

— Вы когда-нибудь думали... — спросил он Гиллеспи, — может быть, это просто напрасная трата сил?

— Как так? — Гиллеспи был озадачен вопросом. — Наше дело правое. Господь нас не покинет.

— Я стал забывать про Господа, — сказал Александер. Надев шляпу, он отправился на поиски дьявола.

Глава седьмая

Два солдата вытащили Старбака из камеры. Они разбудили его в темноте, и он вскрикнул от внезапного приступа страха, когда с его койки сдернули одеяло. Он еще до конца не проснулся, когда его вытолкали в коридор.

Ожидая очередного допроса, Старбак инстинктивно повернул направо, но один из солдат толкнул его в противоположном направлении.

Тюрьма еще спала, в коридорах стоял дым от маленьких сальных свечей, зажженных через каждые несколько шагов. Старбак поежился, несмотря на ощутимое тепло весеннего воздуха.

С тех пор как Гиллеси в последний раз применил кртоновое масло, прошло несколько дней, но он был по-прежнему болезненно худым и мертвенно бледным. Больше он не чувствовал позывов к рвоте и даже сумел поесть немного жидкой тюремной каши, так что его желудок не освободился немедленно от этой грубой пищи, но он чувствовал слабым, как котенок, и грязным, как свинья, хотя конец последнего допроса по меньшей мере дал ему проблеск надежды.

Старбака отвели в караульное помещение тюрьмы, где рабу приказали снять кандалы с его ног. На столе находился изготовленный из вставленных в деревянную рамку картонных карточек календарь на несколько лет.

На карточках можно было прочесть, что сегодня понедельник, 29 апреля 1862 года.

— Как чувствуешь себя, парень? — спросил сержант из-за стола. В своих больших руках он держал оловянную кружку. — Как желудок?

— Пустой и болит.

— Нынче это для него и лучше, — засмеялся сержант, глотнув кофе, после чего скривился. — Кофе из жареного арахиса. Вкус, как у дерьма северян.

Солдаты приказали Старбаку выйти во двор. Из-за отсутствия цепей на ногах он неестественно высоко поднимал ноги, так что походка выглядела гротескной и неуклюжей.

Во дворе ожидал черный тюремный экипаж с открытой задней дверью и лошадьёю в шорах и с продавленной спиной. Старбака толкнули к экипажу.

— Куда я еду? — спросил он.

Ответа не последовало. Вместо этого дверца с шумом захлопнулась за ним. Внутри на дверце не было ручки, как не было и окон.

Это была обычная повозка для преступников — просто деревянный ящик на колесах с дощатой скамейкой, на которую он со стоном опустился. Он слышал, как охранник взобрался на заднюю ступеньку, когда кучер щелкнул кнутом.

Экипаж двинулся вперед. Старбак услышал скрип открывающихся ворот, а затем почувствовал, как повозку тряхнуло, когда она пересекла канаву и выехала на улицу. Сидя один в темноте, он дрожал, размышляя о том, какие еще унижения уготованы ему судьбой. Через полчаса экипаж остановился, и дверь распахнулась.

— На выход, черножопый, — презрительно произнес один из охранников, и Старбак шагнул навстречу тусклому рассвету и увидел, что его привезли в Кэмп-Ли, на старую центральную ярмарочную площадь Ричмонда, которая располагалась к западу от города.

Теперь это пространство представляло собой самый большой военный лагерь в столице.

— Сюда, — сказал охранник, указывая на заднюю часть экипажа.

Старбак повернулся и на пару мгновений застыл. Сначала он не понимал, что происходит, а потом, когда к нему пришло осознание того, на что же он смотрит в свете зари, ужас сковал его тело.

Ибо там, в этом призрачном свете был виден эшафот. Виселица была новой, только что построенной из свежесрубленного дерева. Это было огромное сооружение, чей силуэт возвышался в серых сумерках уходящей ночи, с площадкой в двенадцати футах над землей.

Два столба на площадке поддерживали прямоугольную перекладину десяти футов высотой. Над люком с нее свисала веревка с петлей на конце. С земли к площадке вела лестница, на которой ожидал бородатый мужчина в черной рубашке и панталонах и замызганном белом сюртуке. Он облокотился на один из столбов и курил трубку.

Небольшая группа военных стояла у подножия эшафота. Они курили сигары и болтали, но когда появился Старбак, замолчали и все как один повернулись, чтобы взглянуть на него.

Некоторые скривились, и неудивительно, потому что Старбак был одет в испачканную нечистотами рубашку и грязные изорванные штаны, поддерживаемые измочаленной веревкой с многочисленными узлами, а на ногах свободно болтались неуклюжие кожаные башмаки.

На лодыжках остались кровоподтеки от цепей, волосы были немыты и спутаны, а отросшая борода нечесана. От него воняло.

— Вы Старбак? — рявкнул на него усатый майор.

— Да.

— Ждите здесь, — сказал майор, указывая на пространство в стороне от толпы военных. Старбак подчинился, а потом в тревоге обернулся, потому что доставивший его сюда из города экипаж неожиданно тронулся в путь. Неужели он покинет это место в сосновом гробу, ожидающем неподалеку от лестницы?

Майор заметил ужас, написанный на лице Старбака, и нахмурился.

— Это не для тебя, идиот.

Волна облегчения прошла по телу Старбака. Он задрожал и чуть не заплакал.

Когда тюремный экипаж удалился, прибыл еще один. Этот был элегантным и старомодным с темными полированными панелями, позолоченными колесными осями и запряженным четверкой лошадей.

Чернокожий кучер остановил экипаж на противоположной стороне виселицы, натянув поводья, а потом спустился и открыл дверцу. Оттуда появился пожилой мужчина.

Он был высоким и худым, с густой седой шевелюрой, обрамлявшей загорелое до черноты и изрезанное морщинами лицо. Он был не в мундире, а в элегантном черном костюме.

Первые лучи солнца отражались от его часов с брелками на цепочке и от серебряного набалдашника трости. Солнце блестело и в его глазах, которые, похоже, уставились прямо на Старбака, и этот взгляд вызывал в нем какое-то тревожное чувство.

Старбак тоже посмотрел на мужчину, пытаясь побороть дискомфорт, который причинял ему этот взгляд, и когда он, казалось, вступил в упрямое детское соревнование — кто отведет глаза первым, суета за его спиной возвестила о прибытии висельника.

Комендант Кэмп-Ли возглавлял небольшую процессию, за ним шествовал капеллан епископальной церкви, читавший вслух двадцать третий псалом. За его спиной следовал

заклученный, которого поддерживали двое солдат.

Он был крупным человеком приятной наружности, с большими усами, гладко выбритым подбородком, густыми темными волосами и одет в сорочку, брюки и ботинки.

Его руки были связаны спереди, на ногах не было ни веревок, ни цепей, но несмотря на это, казалось, что ему трудно передвигаться. Он спотыкался, и каждый шаг давался ему с трудом. Толпа снова замолчала.

Неловкость и дискомфорт от наблюдения за хромым человеком, идущим на смерть, усилились, когда заключенный попытался взобраться по лестнице. Его связанные руки и в обычное то время сделали бы этот подъем затруднительным, но боль в ногах превратила его почти в непреодолимый.

Два солдата приложили все усилия, чтобы ему помочь, а палач в белом сюртуке выбил из трубки сгоревший табак и наклонился, чтобы помочь заключенному преодолеть последние ступеньки. Тот едва слышно стонал при каждом шаге. Теперь он похромал в сторону люка, и Старбак увидел, как палач присел, чтобы связать ноги своей жертвы.

Капеллан и комендант последовали за ним на площадку. Первые лучи солнца окрасили перекладину виселицы в роскошный золотой цвет, а комендант разворачивал бумагу с приговором.

— В соответствии с приговором, вынесенным военным трибуналом в Ричмонде шестнадцатого апреля..., - начал читать комендант.

— Нет такого закона, по которому вы можете так поступать, — прервал коменданта заключенный. — Я американский гражданин и патриот, служащий законному правительству этой страны! — пленник выразил свой протест хриплым голосом, в котором, тем не менее, сохранилась удивительная сила.

— Вы, Тимоти Уэбстер, приговорены к смерти за шпионаж, который незаконно осуществляли в пределах суверенных Конфедеративных Штатов Америки...

— Я гражданин Соединенных Штатов! — прорычал Уэбстер с вызовом.

— И только это государство обладает здесь властью!

— И этот приговор теперь будет законным образом приведен в исполнение, — поспешно закончил комендант, а потом отошел от люка. — Хотите что-нибудь сказать?

— Да благословит Господь Соединенные Штаты Америки! — воскликнул Тимоти Уэбстер зычным голосом с хрипотцой. Некоторые из наблюдающих за действием офицеров сняли шляпы, а другие отвернулись.

Палачу пришлось встать на цыпочки, чтобы накинуть на голову Уэбстеру черный колпак, а на шею петлю. Голос капеллана превратился в шепот, и он снова стал нараспев читать псалом. Солнечный свет прокрался вниз, к столам и колпаку приговоренного.

— Спаси Господь Соединенные Штаты Америки! — выкрикнул Уэбстер, голос которого был приглушен колпаком, а потом палач отвел защелку, удерживающую дверцу люка, зрители издали вздох, деревянная дверца люка резко распахнулась, а заключенный рухнул вниз.

Всё это произошло так быстро, что Старбак только гораздо позже мог вспомнить все детали, и даже тогда не был уверен, что его разум не приукрасил эти события.

Веревка натянулась, а заключенный на мгновение замер, но потом петля, словно бы приподнялась над закрытым колпаком лицом и внезапно Уэбстер со связанными, как у свиной туши, руками и ногами, рухнул на землю, а веревка продолжала раскачиваться с черным колпаком в пустой петле. Уэбстер вскрикнул от боли, приземлившись на свои

хрупкие ревматические лодыжки.

Старбак вздрогнул от этого крика, а в это время седой мужчина с тростью с серебряным набалдашником пристально уставился на него.

Один из наблюдающих за экзекуцией офицеров отвернулся, закрыв рукой рот, другой оперся о дерево. Двое или трое вытащили фляжки. Один перекрестился. Палач просто взглянул вниз через открытый люк.

— Еще раз! Сделайте это еще раз! — крикнул ему комендант. — Быстрее. Тащите его наверх. Оставьте его, доктор.

Какой-то человек, очевидно, врач, опустился на колени возле Уэбстера, но теперь неуверенно отпрянул, когда два солдата подняли упавшего. Уэбстер всхлипывал, но не от страха, а от чудовищной боли в суставах.

— Быстрее! — снова закричал комендант. Одного из зрителей вырвало.

— Вы убьете меня дважды! — запротестовал Уэбстер, его голос дрожал от боли.

— Быстрее! — похоже, комендант был близок к панике. Солдаты потащили Уэбстера к лестнице. Им пришлось развязать его ноги и ставить одну за другой на ступеньки.

Уэбстер понемногу продвигался наверх, по-прежнему всхлипывая от боли, а палач подтянул петлю. Один из зрителей бросился вперед с саблей, чтобы захлопнуть дверцу люка. Колпак вывалился из петли, и палач жаловался, что не может выполнять свою работу без этого черного мешка.

— Не важно! — рявкнул комендант. — Сделайте уже это, Бога ради!

Капеллан так сильно дрожал, что не мог ровно держать библию. Палач вновь связал ноги заключенного, накинул ему на шею петлю, а потом хмыкнул, затягивая узел поближе к левому уху жертвы.

Капеллан начал произносить молитву, быстро бормоча слова, словно боялся, что может их позабыть, если будет говорить слишком медленно.

— Да благословит Господь Соединенные Штаты! — воскликнул Уэбстер, хотя в его голосе слышалась боль. Он скорчился от нее, но потом, омытый лучами утреннего солнца, сделал огромное усилие, чтобы превозмочь боль и показать свои убийцам, что он сильнее их. Дюйм за дюймом он приподнимал свое измученное и причиняющее страдания тело, пока полностью не распрямился.

— Да благословит Господь Соединенные...

— Давайте! — крикнул комендант.

Палач пнул защелку, и дверца люка снова распахнулась, а заключенный рухнул через люк вниз, только на сей раз веревка туго натянулась, а тело задергалось в предсмертном танце, пока петля затягивалась на шее.

Один из офицеров напряженно выдохнул, когда тело дернулось на конце веревки. В этот раз Уэбстер умер мгновенно, веревка затянулась на шее, а перекошенное лицо, казалось, глядело вверх, на раскачивающуюся и скрипящую в утреннем солнце дверцу люка.

С площадки посыпалась пыль. Между губами мертвеца показался язык, а с его правого ботинка закапала жидкость.

— Снимите его! — приказал комендант.

Офицеры отвернулись, но доктор поспешил под площадку, чтобы удостовериться смерть шпиона. Старбак, гадая, зачем его провезли через весь город на эту варварскую экзекуцию, повернулся в сторону восходящего солнца.

Он так давно не видел неба. Воздух был чист и свеж. Где-то в полях закукарекал петух,

этот звук сливался со стуком молотков, которыми солдаты заколачивали крышку гроба над истерзанным телом шпиона.

На плечо Старбака опустилась костлявая рука.

— Идемте со мной, Старбак, идемте со мной, — заговорил с ним седой мужчина и повел к своему экипажу. — Раз уж мы разожгли аппетит, — весело произнес он, — отправимся завтракать.

В нескольких ярдах от виселицы была выкопана могила. Экипаж прогрохотал по яме, а потом затрясся по плацу, направляясь на юг, в город.

Старик, сомкнув руки на серебряном набалдашнике трости, всё время улыбался. Его день начался неплохо. Гайд-хаус, где он жил, занимал треугольный участок, где Брук-авеню по диагонали пересекала ричмондскую сетку улиц.

Участок окаймляла высокая кирпичная стена с верхним рядом из выщербленного белого камня, за стеной возвышались цветущие деревья.

В глубине, за неухоженной рощицей и металлическими воротами, оканчивающимися наверху острыми шипами, стоял когда-то величественный трехэтажный дом с открытыми верандами на каждом этаже и богато украшенным подъездом для экипажей. Дождя не было, но в атмосфере раннего утра всё в доме казалось сырым.

Даже свисающие с ограждения веранд прекрасные цветущие лианы выглядели какими-то поникшими, краска на верандах облупилась, а перила местами поломались.

Деревянная лестница парадного входа, по которой старик повел Старбака, выглядела гнилой и позеленевшей. Рабыня распахнула входную дверь за мгновение до того, как старик подошел к ее тяжелым створкам.

— Это капитан Старбак, — буркнул он открывшей дверь женщине. — Покажи ему его комнату. Ванна для него готова?

— Да, масса.

Старик вытащил часы.

— Завтрак через сорок пять минут. Марта покажет вам, где. Идите!

— Сэр? — обратилась Марта ко Старбаку и махнула в сторону лестницы.

За время всей поездки Старбак не произнес ни слова, но теперь, в окружении этой неожиданной и слегка поблекшей роскоши старого дома, он ощутил, как его самоуверенность испаряется.

— Сэр? — произнес он вслед удаляющемуся старику.

— Завтрак через сорок четыре минуты! — гневно отозвался тот, а потом исчез в двери.

— Сэр? — повторила Марта, и Старбак позволил девушке увести себя наверх, в большую и роскошную спальню. Комната когда-то была элегантной, но теперь прекрасные обои покрылись пятнами от сырости, а шикарный ковер был изъеден молью и выщвел.

Кровать была покрыта обветшалым гобеленом, на котором аккуратно, словно прекрасный вечерний костюм, лежал старый мундир Старбака.

Китель был отстиран и заштопан, ремень отполирован, а ботинки, стоящие у подножия кровати, починены и намазаны ваксой.

Здесь была даже шинель Уэндела Холмса. Рабыня распахнула дверь, ведущую в небольшой будуар, где напротив угольного камина дымилась маленькая ванна.

— Хотите, чтобы я осталась, масса? — робко спросила Марта.

— Нет-нет, — Старбак едва мог поверить, что это и правда с ним происходит. Он прошел в будуар и попробовал рукой воду. Она была так горяча, что он с трудом держал в

ней руку.

На плетеном стуле дождалась стопка белых полотенец, а бритва, мыло и кисточка для бритья стояли рядом с фарфоровым кувшином на туалетном столике.

— Если вы оставите свою старую одежду за дверью..., - начала Марта, но не закончила предложения.

— Вы ее сожжете? — предположил Старбак.

— Я вернусь за вами через сорок минут, масса, — сказала она, присев в реверансе, а потом ретировалась обратно к двери, закрыв ее за собой.

Час спустя Старбак был выбрит, отмыт от грязи, одет, а желудок его наполнен яйцами, ветчиной и хорошим белым хлебом. Даже кофе был настоящим, а сигара, которую он выкурил после еды — душистой и с мягким вкусом.

Обилие еды угрожало спровоцировать очередной приступ тошноты, но он начал есть медленно, а когда его желудок не восстал, накинулся на пищу с жадностью. Во время завтрака старик почти не разговаривал, лишь высмеивал некоторые абзацы в утренних газетах.

Как показалось Старбаку, он был настолько экстраординарен, что выглядел зловещим. Домашние рабыни явно его побаивались. У стола прислуживали две девушки, обе такие же светлокотые и привлекательные мулатки, как и Марта.

Старбак решил, что, возможно, просто находится в таком состоянии, что все женщины кажутся ему привлекательными, но старик заметил, как он смотрит на рабынь, и подтвердил его мнение.

— Не выношу в доме ничего некрасивого, Старбак. Если мужчине суждено владеть женщинами, то, по крайней мере, ему стоит обладать самыми хорошенькими, и я могу себе это позволить. Я продаю их, когда им исполняется двадцать пять.

Будете держать женщину слишком долго, и она решит, что знает о вашей жизни больше, чем вы сами. Покупайте их молодыми, заставляйте вести себя послушно и продавайте быстро. Вот секрет счастья. Пойдемте в библиотеку.

Старик проследовал через двустворчатую дверь в комнату, которая была просто великолепна, хотя это великолепие и пришло в запустение.

Изумительные резные книжные шкафы возвышались на двенадцать футов, с паркетного пола до декорированного лепниной потолка, но штукатурка потолка местами обвалилась, золото со шкафов облезло, а корешки книг в кожаных обложках истрепались.

Заваленные книгами старые столы вздулись от влажности, да и вся эта печальная комната воняла сыростью.

— Мое имя гибель, — произнес старик своим чарующим голосом.

— Гибель? — не смог скрыть своего удивления Старбак.

— Г, И, новое слово с большой буквы Б, Е два Л, мягкий знак. Это французская фамилия — Ги Белль. Мой отец приехал сюда с Лафайетом ^[19], да так и не вернулся домой. Не к чему было возвращаться. Он был незаконнорожденным, Старбак, прижит шлюхой-аристократкой.

Семья получила по заслугам во времена французского террора. Головы так и летели на великолепной машине доктора Гильотена. Ха! — Ги Белль устроился за самым большим столом, заваленном кипой книг, бумаг, чернильниц и перьев.

— Чудесная машина доктора Гильотена сделала меня маркизом чего-то там или еще кем-то, правда, по мудрому решению нашей прежней страны нам не дозволено пользоваться титулами. Вы верите в эту чепуху Джефферсона о том, что все люди созданы равными,

Старбак?

— Меня воспитывали на вере в это, сэр.

— Меня интересует, не какую чепуху забивали в вашу голову в детстве, а лишь какой чепухой она забита теперь. Вы верите в то, что все люди созданы равными?

— Да, сэр.

— В таком случае вы глупец. Даже самому скудному уму очевидно, что некоторые созданы более мудрыми, чем другие, некоторые — более сильными, а немногие счастливики — более безжалостными, чем другие, из чего мы можем ясно заключить, что наш творец намеревался сделать так, чтобы мы жили в удобных иерархических границах.

Сделайте людей равными, Старбак, и вы поднимете глупость на один уровень с мудростью и потеряете способность отличить одну от другой. Я достаточно часто повторял это Джефферсону, но он никогда не прислушивался к доводам других.

Садитесь. Можете стряхивать пепел на пол. Когда я умру, всё это сгниет, — он махнул тощей рукой, чтобы показать, что говорит о доме и его великолепном, но пришедшем в упадок содержимом.

— Я не верю в унаследованное богатство. Если человек не может сделать деньги сам, то в его распоряжение не следует отдавать состояние другого. С вами плохо обращались.

— Да.

— Вам не повезло, что с вами обращались как с конфедератом. Когда мы хватаем северянина и подозреваем его в шпионаже, мы его не избиваем, чтобы и северяне не избивали наших разведчиков. Мы их вешаем, конечно, но не бьем. С иностранцами мы обращаемся согласно тому, какого обращения ждем от этих стран, но с собственными людьми ведем себя отвратительно. Майор Александер просто идиот.

— Александер?

— Конечно, вы же не встречались с Александером. Кто вас допрашивал?

— Мелкая сволочь по имени Гиллеспи.

Ги Белль хмыкнул.

— Бледное существо, научившееся этим проделкам от безумцев своего отца. Он до сих пор верит в вашу виновность.

— В то, что я брал взятки? — с презрением спросил Старбак.

— Я очень надеюсь, что вы брали взятки. Как же иначе можно чего-то добиться в республике, где все равны? Нет, Гиллеспи считает вас шпионом.

— Идиот.

— В этом я с вами соглашусь. Вам понравилось повешение? Мне — да. Запороли всё дело, да? Вот что происходит, когда вы вверяете ответственность кретинам. Предполагается, что они нам равны, но они даже повесить-то человека как следует не могут! Неужели это сложно? Смею сказать, что мы с вами смогли бы сделать это как следует с первого раза, Старбак, но нас с вами творец наделил мозгами, а не полным черепом гнилых опилок. Уэбстер страдал ревматизмом. Худшим для него наказанием было бы оставить его жить в сыром месте, но мы проявили милосердие, повесив его. У него репутация лучшего и ярчайшего шпиона северян, но, должно быть, всё-таки не самого лучшего, раз мы смогли его поймать и так неуклюже казнить, а? Теперь нам нужно схватить еще одного и тоже казнить, — Ги Белль поднялся и подошел к мрачному окну, уставившись на густую и влажную растительность перед домом.

— Президент Дэвис назначил меня, в силу занимаемой должности, своим охотником на

ведьм, точнее, человеком, который избавляет нашу страну от предателей. Думаете, это задание выполнимо?

— Не могу знать, сэр.

— Конечно, невыполнимо. Невозможно прочертить на карте линию и заявить, что впредь каждый по эту сторону будет хранить верность новой стране! У нас наверняка сотни людей, втайне желающих победы Северу. Сотни тысяч, если считать и черных. Большинство белых — женщины и священники, эти из сорта безвредных идиотов, но некоторые опасны. Моя задача состоит в том, чтобы отобрать действительно опасных и использовать остальных, чтобы посылать ложные сведения в Вашингтон. Прочтите это, — Ги Белль пересек комнату и бросил на колени Старбаку лист бумаги.

Листок был очень тонким и заполнен словами, написанными мелкими печатными буквами, но с гигантским намерением выдать сведения врагу. Даже Старбак, ничего не знавший о расположении армейских подразделений, понял, что если бы это сообщение достигло штаба Макклелана, оно бы очень тому пригодилось. Так он и сказал.

— Если Макклелан в это поверит, то да, — признал Ги Белль, — но наша задача заключается в том, чтобы у него не было такого шанса. Видите, кому оно адресовано?

Старбак перевернул страницу и прочитал имя своего брата. На несколько секунд он уставился на адрес, не веря своим глазам, а потом тихо выругался, поняв, по какой причине провел последние несколько недель в тюрьме.

— Гиллеспи считает, что это я написал?

— Он хочет в это верить, но он идиот, — сказал Ги Белль. — Ваш брат был в плену здесь в Ричмонде, разве не так?

— Да.

— Вы с ним виделись в это время?

— Нет, — заявил Старбак, но подумал о том, что Адам навещал Джеймса в заключении, и снова поднял письмо и взгляделся в почерк. Его пытались изменить, но всё равно Старбак ощутил приступ страха, что это написал его друг.

— О чем вы думаете? — Ги Белль почувствовал что-то странное в поведении Старбака.

— Я думал, сэр, что Джеймс плохо подходит для вещей, связанных с обманом и вероломством, — гладко солгал Старбак. По правде говоря, он гадал, является ли Адам по-прежнему его другом. Адам наверняка мог посетить его в тюрьме и даже остановить пытки, но насколько было известно Старбаку, Адам и не пытался сделать ничего подобного.

Был ли Адам настолько шокирован тем, что Старбак ввел Салли в приличный дом, что решил разорвать их дружеские отношения? Потом Старбак представил, как Адама толкают по лестнице на виселицу и как он стоит на дверце люка, а палач неуклюже связывает его лодыжки и натягивает колпак на голову, но хотя их дружба висела на волоске, Старбак знал, что не сможет выдержать это зрелище.

Он сказал себе, что разговор с Джеймсом не превращает Адама в предателя. Многие офицеры Конфедерации посещали заключенных в Касл-Лайтнинге.

— Кого ваш брат знает в Ричмонде? — голос Ги Белля зазвучал с подозрением.

— Не знаю, сэр. До войны Джеймс был известным адвокатом в Бостоне, так что полагаю, он наверняка встречался со множеством юристов-южан.

Старбак придал своему голосу невинный тон и вопросительные интонации. Он не смел произнести имя Адама, иначе его друга привели бы в сырые камеры Касл-Годвина и вливали бы в него кротоновое масло Гиллеспи. Ги Белль несколько секунд молча и сердито смотрел

на Старбака, а потом закурил сигару, бросив остаток спички в мусор на каминной решетке.

— Позвольте объяснить вам, что вот-вот произойдет, Старбак. Позвольте сообщить вам мрачные новости войны. Макклелан направит солдат и пушки на осаду Йорктауна. В течение пары дней мы отступим. Выбора у нас нет. Это значит, что ничто не удержит армию северян от продвижения на Ричмонд. Джонстон полагает, что мы можем их остановить на реке Чикахомини. Посмотрим, — в тоне Ги Белля звучало сомнение.

— На следующей неделе в это же время, — Ги Белль выпустил струю дыма в сторону настолько потемневшей картины, что Старбак едва мог разобрать, что на ней изображено, — мы можем оставить Ричмонд.

Эти слова заставили Старбака выпрямиться.

— Оставить!

— По-вашему, мы побеждаем в этой войне? Господи, дружище, вы правда верите всем этим сказкам о победе под Шайло? Мы проиграли битву. Тысячи убитых, Новый Орлеан капитулировал, Форт-Мэкон был взят, Саванна под угрозой, — ворчливо перечислил Ги Белль неудачи Конфедерации, изумив Старбака и подкосив его дух.

— Север даже вербовочные центры позакрывал. Все вербовщики отправлены обратно в свои батальоны. Почему? Потому что они понимают — они выиграли войну. Мятеж подавлен. Северу теперь достаточно захватить Ричмонд и завершить кое-какие штрихи. Они так считают, и, возможно, правы. Долго ли, по-вашему, Юг протянет без ричмондских заводов?

Старбак промолчал. Нечего было ответить. Он и не подозревал, что Конфедерация настолько пошатнулась. В тюрьме до него доносились слухи о поражениях у южных и западных границ Конфедеративных Штатах, но ему и в голову не могло придти, что Север даже закрыл все вербовочные центры, отправив их служащих обратно в батальоны — настолько близко они теперь к победе.

Оставалось лишь захватить Ричмонд с его адским клубком доменных печей и расплавленного металла, кварталами рабов и складами угля, свистом и грохотом паровых молотов. И мятеж канет в Лету.

— Но, возможно, мы еще сумеем одержать победу, — прервал Ги Белль мрачные размышления Старбака. — Правда, не с такими сволочными ублюдкам, которые нас предают.

Взмахом руки он указал на письмо на коленях Старбака.

— Мы обнаружили это в тайнике гостиничного номера Уэбстера. Ему так и не подвернулась возможность отослать его на север, но рано или поздно кто-нибудь сообщит эти новости на ту сторону фронта.

— Чего вы хотите от меня? — спросил Старбак. Только не имя, мысленно молил он, что угодно, но не имя.

— За что вы сражаетесь? — неожиданно поинтересовался Ги Белль. Старбак, застигнутый вопросом врасплох, пожал плечами.

— Вы верите в институт работорговли? — продолжал Ги Белль.

Нат никогда по-настоящему не размышлял об этом. Будучи воспитанным в доме преподобного Старбака, он и не нуждался в подобных размышлениях.

Рабство — чистое зло, вопрос закрыт. Именно эти взгляды так глубоко засели в натуре Старбака, что и спустя год, проведенный в Конфедерации, ему было неуютно в компании рабов.

Они вызывали в нем чувство вины. Но он знал, что суть разногласий не в моральной природе рабства. Большинство людей признавало, что рабство — это неправильно, но, черт возьми, и что теперь делать? Эта дилемма ставила в тупик лучшие умы Америки долгие годы.

Вопрос был слишком глубок, чтобы давать на него легкомысленный ответ. И снова Старбак просто пожал плечами.

— Вы были недовольны правительством Соединенных Штатов?

До войны Старбак ни разу даже не задумывался о правительстве Соединенных Штатов.

— Да нет, в общем-то, — ответил он.

— Верите ли вы, что на кон поставлены жизненно важные конституционные законы?

— Нет.

— Тогда почему вы сражаетесь?

И снова Старбак пожал плечами. Не то чтобы он не мог ответить, скорее, сомневался в адекватности этого ответа. Он начал службу в армии Юга, чтобы подчеркнуть свою независимость от власти отца, но со временем простой бунт превратился в нечто большее. Изгой нашел свой дом. И для Старбака этого было достаточно.

— Я дрался достаточно, — с ноткой враждебности ответил он, — чтобы не отвечать, почему дерусь.

— И вы собираетесь продолжать? На стороне Юга? — выразил скептицизм Ги Белль. — Даже после всего того, что натворил Гиллеспи?

— Я буду сражаться за роту легкой пехоты Легиона Фалконера.

— Возможно, что вам это не удастся. Возможно, слишком поздно, — Ги Белль затянулся сигарой. Покинувшие ее кончик хлопья пепла приземлились на сюртук.

— Возможно, война закончена, Старбак. Но если я скажу вам, что есть еще шанс вышвырнуть этих ублюдков с нашей земли, вы поможете?

Старбак настороженно кивнул.

Ги Белль выпустил клубок дыма.

— Завтра газеты опубликуют новость о том, что обвинения с вас сняты и вы выпущены на свободу. Вам понадобится распечатанная статья, чтобы брат поверил вам.

— Брат? — недоуменно переспросил Старбак.

— Подумайте, Старбак, — Ги Белль опустил в высокое кресло у очага. Широкая спинка кресла отбросила тени на его лицо.

— Нам известно о шпионе. Очень грамотном шпионе, который связывается с вашим братом. Он отсылал сведения через Уэбстера, но из-за болезни последнего их поток значительно сократился. Поэтому северяне прислали двух идиотов по имени Льюис и Скалли с заданием всё исправить. Льюис и Скалли нынче коротают время в тюрьме, Уэбстера исправил сама смерть, а северяне наверняка ломают головы, как же, Христа ради, им снова связаться со шпионом. И тут ни с того, ни с сего к ним заявляетесь вы с сообщением от их шпиона. Точнее, с подложным сообщением от их шпиона, которое я все еще сочиняю. Вы скажете брату, что Юг вас разочаровал, что тюремное заключение развеяло, как прах, все романтические картины, которые вы себе нарисовали, о поддержке мятежа. Скажете ему, что в Ричмонде вы весьма громко выражали свое разочарование, поэтому какой-то неизвестный оставил вам письмо в надежде, что вы передадите послание своему брату.

Затем вы добровольно вызоветесь вернуться в Ричмонд и стать их связным в будущем.

Вы убедите брата, что новоприобретенная любовь к Северу подтолкнула вас занять место Уэбстера. Я считаю, что брат вам поверит и сообщит, как связаться с их шпионом. Вы же, в свою очередь, сообщите об этом мне, если ваши заверения в преданности Конфедерации, а не родному Северу, искренни. Таким образом, мы поставим капкан, мистер Старбак, и насладимся зрелищем того, как еще один идиот отправит на смерть еще одного шпиона.

Старбак представил себе повешенного Адама — голова, свешенная набок, распухший язык меж зубов, стекающая с раскачивающихся ботинок моча.

— Предположим, брат мне не поверит? — произнес Старбак.

— Вы все равно доставите им ложную информацию, которая послужит нам на пользу. А вы сможете ускользнуть обратно в свое время. Соответственно, предать нас вы тоже можете, сообщив начальству вашего брата, что мы представляем собой побитые войска, способные лишь на мелкие фокусы в надежде уцелеть. Признаюсь, мистер Старбак, северяне настолько превосходят нас числом, что, вероятно, нам все равно не выжить. Но мысль об игре до самой последней карты меня утешает, — Ги Белль замолчал, затягиваясь сигарой, чей кончик ярко алел в тени высокого кресла.

— Если нам суждено проиграть, — мягко добавил он, — по крайней мере, устроим ублюдкам такую драку, что она еще долго будет им в кошмарах сниться.

— Как мне перейти линию фронта?

— Людей, которые переводят путешественников через линию фронта, называют проводниками. Я дам вам одного из лучших. Всё, что надо сделать вам — передать брату послание, написанное мной. Почерк копирует стиль, использованный в захваченном у Уэбстера письме. Только в этом письме будет сплошная ложь. Предоставим им сказки о воображаемых полках, о кавалерии, возвращенной на зубах дракона [\[20\]](#), бесчисленной артиллерии. Мы убедим Макклелана, что он столкнется с ордой, с тысячью сомкнутых рядов, жаждущими мести. Короче говоря, мы представим обманку. Станете ли вы для меня обманщиком, мистер Старбак? — глаза Ги Белля, ожидающего ответа Ната, сверкнули в тени кресла.

— Когда мне нужно ехать? — спросил Старбак.

— Сегодня вечером, — Ги Белль наградил Старбака широкой улыбкой. — А до того можете наслаждаться всеми прелестями этого дома.

— Сегодня вечером! — Старбак всё-таки представлял, что у него будет несколько дней, чтобы подготовиться.

— Сегодня вечером, — настаивал Ги Белль. — Чтобы безопасно перевести вас через линию фронта понадобится два-три дня, так что чем быстрее отправитесь, тем лучше.

— Но сначала мне кое-что нужно, — заявил Старбак.

— От меня? — в тоне Ги Белля слышалась угроза, как у человека, привыкшего заключать сделки. — Гиллеспи? В этом дело? Вы хотите отомстить этому жалкому созданию?

— Я отомщу ему сам и в свое время, — ответил Старбак.

— Нет, мне нужно навестить кой-кого в городе.

— Кого? — поинтересовался Ги Белль.

Старбак вяло улыбнулся.

— Женщин.

Ги Белль скривился.

— Вам не нравится Марта? — он раздраженно махнул вглубь дома, где, очевидно, жили

рабыни. Старбак ничего не ответил, и Ги Белль бросил на него сердитый взгляд. — А если я разрешу вам нанести эти визиты, вы доставите мое послание вашему брату?

— Да, сэр.

— Тогда можете повидаться вечером со своими шлюшками, — язвительно произнес Ги Белль, — а потом отправитесь на восток. Согласны?

— Согласен, — подтвердил Старбак, хотя, по правде говоря, собирался разыграть более сложную партию, в которой не намеревался отправить своего друга болтаться на конце веревки предрассветной виселицы.

— Согласен, — снова солгал он. И стал дожидаться темноты.

Войскам северян потребовалось четыре недели, чтобы подготовить всё необходимое для осады и разрушения земляных укреплений у Йорктауна. Генерал-майор Макклелан был инженером по профессии и рьяным сторонником осады по призванию и планировал использовать эту осаду для демонстрации непреклонной мощи своей страны.

Весь мир наблюдал за этой кампанией, внимание газет Европы и Америки было приковано к его армии, а военные наблюдатели всех великих держав сопровождали его штаб.

У Йорктауна, где Соединенные Штаты впервые получили свободу, весь мир станет свидетелем расцвета военного искусства на континенте, увидит беспощадную и яростную осаду, которую подготовил новый Наполеон.

Сначала пришлось замостить бревнами дороги от Форта Монро до Йорктауна, чтобы огромный обоз армии, состоящий из множества повозок, смог добраться до места осады напротив оборонительных сооружений Йорктауна.

Сотни лесорубов валили и обрабатывали тысячи деревьев. Возницы тащили бревна из лесов и укладывали их на дорогу в продольном направлении, в предательскую грязь.

Второй слой бревен клали поперек первого, таким образом устраивая уже само дорожное полотно. В некоторых местах новые бревенчатые дороги по-прежнему тонули в липкой красной грязи, и требовались дополнительные слои бревен, пока в конце концов орудия и боеприпасы смогли протащить вперед.

Сформировали пятнадцать артиллерийских батарей. Первые работы проделали ночью, когда рабочим не угрожали вражеские снайперы. У каждой из пятнадцати батарей сделали земляные валы шести футов в высоту, а потом накрыли их крутые склоны циновками, чтобы земля не смывалась непрекращающимся дождем.

Стены у каждой батареи были пятнадцати футов шириной — достаточно, чтобы остановить и приглушить разрыв вражеского снаряда. Перед каждой батареей находился ров, из которого и была выкопана земля для массивных стен, а перед каждым рвом инженеры сделали завал из веток.

При любой попытке мятежников атаковать батарею им сначала придется пробивать путь через завал из веток высотой по грудь с торчащими шипами, потом переправиться по болотистому грунту запруженного водой рва, а затем взобраться по скользкой поверхности стен, на которых были выставлены мешки с песком в качестве парашюта, и всё это время атакующие будут находиться под постоянным обстрелом орудий батареи и пушек соседних батарей с юга и севера.

Как только стены, рвы и завалы из веток были закончены, батареи стали пригодны для размещения орудий. Маленькие двенадцатифунтовые и четырехдюймовые нарезные пушки нужно было просто установить на обрамленной бревнами наклонной площадке, где они

могли бы откатываться после каждого выстрела, но более крупные орудия, которые превратят оборону противника в кровавые руины, нуждались в более аккуратном обращении.

Под амбразурами вырыли ямы, которые заполнили бутовым камнем, привезенным из Форта Монро в тяжелых фургонах. Инженеры положили смесь камня, песка и цемента и выровняли ее, чтобы соорудить твердую, как камень, площадку, но до того, как цемент застыл, в него погрузили изогнутый металлический стержень.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он был сделан в форме полукруга, открытая часть торчала в сторону врага. Внутри амбразуры в оружейной площадке был вставлен металлический столб, так чтобы изогнутый стержень огибал торчащий столб по окружности.

Теперь столб и изогнутый стержень были готовы к установке лафета. Его основание представляло собой просто пару чугунных балок, приподнимавшихся к передней части.

Под задней частью двух балок находилась пара металлических колес, которые входили в изогнутый стержень, а спереди — гнездо, скользившее по намазанной жиром вершине столба, так что теперь лафет мог откатываться по столбу, как на шарнире.

На балках располагался непосредственно лафет, который после выстрела скользил вдоль балок. Трение нескольких тонн металла, обрушивающегося вдоль балок, было достаточным, чтобы поглотить массивную отдачу. Наконец, на батареях установили и сами огромные орудия.

Самые большие орудия были слишком тяжелы для вымощенных бревнами дорог, их пришлось везти из Форта Монро на плоскодонных баржах, вошедших в заливы полуострова во время весеннего половодья.

Орудия перенесли с барж на телеги, состоящие практически из одних колес и настолько вытянутые, чтобы длинные дула орудий могли разместиться между осями.

Эти странные удлиненные повозки подъехали к батареям, и могучие пушки аккуратно опустили с помощью лебедок в гнезда подготовленных лафетов.

Всё нужно было сделать ночью, но мятежники всё равно обнаружили, что что-то происходит, и посылали снаряд за снарядом, свистящие над топью, задерживая работу янки.

Самые большие орудия были настоящими монстрами тринадцати футов длиной и весом более восьми тонн. Они стреляли восьмидюймовыми снарядами, весящими двести фунтов.

Еще дюжина орудий стреляла стофунтовыми снарядами, и даже эти более мелкие пушки были крупнее, чем те, что скрывались за амбразурами мятежников.

Но Макклелан всё еще не был удовлетворен и заявил, что бомбардировка не начнется, пока он не привезет самые большие мортиры Севера, крупнейшая из которых весила десять тонн.

Мортиры имели короткие стволы с широким дулом, стоящие на широком деревянном основании, как гигантские котелки, и могли стрелять снарядами весом в двести двадцать фунтов по высокой полукруглой траектории, в результате чего кувыркающиеся в воздухе снаряды вонзались в ряды конфедератов почти вертикально.

Большие орудия на подвижных лафетах предназначались для разрушения укреплений мятежников прямой наводкой, а бомбы мортир разрывались за осыпавшимися стенами, чтобы бастионы врага наполнила смерть.

Макклелан планировал вести бомбардировку двенадцать ужасных часов, и лишь когда большие пушки закончат свою чудовищную работу, пехоту северян отправят на покрытое свежей травой поле, разделяющее ряды противников.

Все орудия установили по местам. Каждая батарея была снабжена подземными помещениями, обрамленными камнем, и день за днем эти склады заполнялись боеприпасами, привезенными шестью сотнями повозок с кораблей из Форта Монро.

Другие инженеры сооружали окоп, размещенный перед пятнадцатью батареями и параллельно им, который должен был послужить опорной точкой для атаки пехоты.

Во время проведения этих работ не обошлось без потерь. Стреляли снайперы мятежников, снаряды из мортир периодически падали на тех, кто проводил земляные работы, огонь из пушек рвал в клочья тонкий щит из ивовых прутьев, прикрывающий рабочих от глаз врага, но дюйм за дюймом, ярд за ярдом осадная линия федералистов приобретала форму.

Для канониров вырыли защищающие от вражеских бомб укрытия, чтобы они смогли пережить ответный огонь со стороны батарей конфедератов, направления были точно отмерены, и тяжелые орудия размещены с математической точностью.

Если бы все пушки выстрелили одновременно, а именно в этом заключался план Макклелана, то этот залп послал бы в ряды мятежников более трех тонн разрывных снарядов.

— Мы собираемся поддерживать эту огневую мощь в течение двенадцати часов, джентльмены, — сообщил Макклелан наполненным энтузиазма иностранным наблюдателям за день до начала бомбардировки. Генерал рассчитывал начинить ряды мятежников более чем двумя тысячами тонн огненного металла и в конце этой пришедшей с небес резни выжившие защитники Конфедерации будут еле держаться на ногах и оглушены — легкая нажива для пехоты северян.

— Мы дадим этим повстанцам полную дозу лекарства, джентльмены, — бахвалился Макклелан, — а потом посмотрим, что они смогут этому противопоставить. Вот увидите, мы разобьем их уже к завтрашнему вечеру!

Той ночью, словно бы зная, какая им уготована судьба при наступлении утра, орудия мятежников открыли огонь по рядам северян.

Снаряд за снарядом со свистом рассекал льющийся во мгле дождь, прочерчивая в ночи пылающие красные линии. Большая часть снарядов разорвалась в пропитанной водой грязи, не причинив никакого вреда, но несколько попали в цель.

Послышался рёв группы стреноженных мулов, пострадала палатка в рядах Двадцатого массачусетского полка, а двое ее обитателей были убиты — первые солдаты батальона, погибшие в сражении со времен катастрофического боевого крещения на Бэллс-Блафф. А снаряды мятежников всё хлестали ночь, пока столь же внезапно, как эта бомбардировка началась, орудия замолчали, предоставив ночь гавкающим псам, ржущим лошадям и крикам пересмешника.

Небо на рассвете следующего дня было ясным. На севере осталась небольшая облачность, и местные фермеры клялись, что скоро пойдет дождь, но только что взошедшее солнце ярко сияло. От десяти тысяч костров в палаточных лагерях пехоты северян поднимался дым. Солдаты чувствовали воодушевление, предвкушая легкую победу.

Канониры сломают оборону врага, а потом пехота прокатится по разделяющему их полю и выковыряет выживших из дымящихся останков камней. Эту атаку занесут в учебники, как доказательство, что американский генерал и американская армия за двенадцать часов могут достигнуть того, чего европейцы неумело добивались в Крыму многие недели.

Макклелан наблюдал за осадой Крыма и был намерен преподать в этот день французским и британским офицерам спокойный, но очевидный урок. В глубине новеньких укрытий канониры янки закончили последние приготовления.

Большие пушки зарядили, фрикционные запалы вставили на место, офицеры-артиллеристы осмотрели цели в подзорные трубы.

Больше сотни тяжелых орудий ждали сигнала, чтобы обрушить свою чудовищную мощь на линию обороны конфедератов. В этот момент был вложен целый месяц тяжелого труда, и многим северянам, замершим на своих бастионах, казалось, что и мир затаил дыхание.

На реке Йорк канонерки подошли к берегу, в готовности добавить огонь своих пушек к опустошающему огню армейской бомбардировки. Небольшой ветерок поднял корабельные знамена и отогнал дым их паровых машин через реку, к востоку.

В полумиле за орудиями янки, скрытый за сосновым бором, каким-то образом избежавшим топором дорожных строителей, приобретал очертания странный желтый объект.

Люди пытались вылить серную кислоту из оплетенных бутылей в чаны, наполовину заполненные железной стружкой, а еще больше народу трудилось у гигантских помп, накачивая водород из этих чанов по прорезиненным полотняным шлангам в огромный желтый шар, медленно раздувающийся над деревьями, принимая форму луковицы.

Шар начали накачивать в темноте, так чтобы он был готов сразу после рассвета, и на заре огромному шару понадобилась команда из тридцати человек, чтобы удерживать его на земле.

Два человека взобрались в прикрепленную к воздушному шару корзину из ивовых прутьев. Одним из них был профессор Лоу, знаменитый аэронавт и воздухоплаватель, благодаря знаниям которого и было сделано это средство передвижения, а другим — генерал Хайнтцельман, собиравшийся подняться в воздух, чтобы наметанным военным глазом осмотреть причиненные пушками разрушения.

Хайнтцельман с нетерпением ожидал этой возможности. Он посмотрит пушки в действии, а потом телеграфирует Макклелану, увидев, как дрогнули ряды мятежников и в панике бегут на запад.

Профессор Лоу проверил телеграфное оборудование, а потом крикнул команде, чтобы отпустили шар. Медленно, как величавая желтая луна, восходящая над лесом, шар начал подниматься.

Полторы тысячи футов кабеля связывали воздушный шар с массивной лебедкой, которая медленно раскручивалась по мере того, как аэронавты поднимались всё выше и выше, к просвету в небе. Обычно вид такого шара вызвал бы шквалистый огонь дальнобойных орудий со стороны мятежников, но в это утро стояла полная тишина.

— Может, они молятся? — весело предположил профессор Лоу.

— А молитвы им понадобятся, — ответил генерал Хайнтцельман, барабаня пальцами по краю корзины. Он поспорил с начальником своего штаба, что оборона мятежников будет сломлена через шесть часов, а не двенадцать.

Корзина раскачивалась и скрипела, но Хайнтцельман решил, что не испытывает неприятных ощущений. Не то что во время большинства морских путешествий, это уж точно.

Когда шар поднялся на восемьсот футов, генерал направил подзорную трубу к западному горизонту, где увидел темное пятно дыма — столицу мятежников. Он даже мог разглядеть щрамы на земле, оставленные от строительства оборонительных сооружений на

холмах вокруг города.

— Логово змей, профессор! — провозгласил Хайнтцельман.

— Оно самое, генерал, и очень скоро мы очистим его от гадюк.

Хейнтцельман перевел взгляд вниз, на вражеские ряды, ясно видные под ним. Он почувствовал себя неимоверно могущественным, поскольку ему, словно Богу, был дарована возможность лицезреть все секреты врага.

Он видел их батареи, окопы, ведущие из бомбоубежищ, и палатки, скрытые за земляными валами. Война никогда уже не будет прежней, подумал Хайнтцельман, теперь невозможно нигде спрятаться. Он навел подзорную трубу на одну из крупнейших батарей врага.

Ни одно из орудий янки не откроет огонь, пока Хайнтцельман не будет готов сообщить о том, какой эффект возымеет стрельба, и теперь, по его мнению, этот момент настал.

— Думаю, мы готовы послать сообщение, профессор, — сказал генерал.

— Не так уж много костров полевых кухонь, генерал, — заметил Лоу, кивнув в сторону лагеря мятежников, где среди ободранных землянок виднелась кучка потрепанных палаток.

Там дымили несколько костров, но очень мало, а из торчащих из землянок неподалеку от батарей оловянных труб дым вообще не поднимался. Хайнтцельман уставился на батарею.

На флагштоке развевалось знамя мятежников, но в поле зрения не было канониров. Неужели они ожидали бомбардировку и уже успели укрыться? Он поднял подзорную трубу, чтобы тщательно осмотреть лагерь. Он различил то место, где привязывали лошадей, и оставленные передками пушек следы колес на траве, но ни одного человека.

— Что им сказать? — спросил Лоу. Рука профессора лежала на телеграфном аппарате, связанным с землей по кабелю.

Второй телеграфный аппарат ожидал на земле, чтобы передать сообщенные аэронавтами сведения в штаб генерала Макклелана. Сам генерал еще оставался в постели, довольный тем, что может предоставить всю работу канонирам, не нуждающимся в его присутствии.

Нового Наполеона разбудил адъютант через два часа после рассвета.

— У нас есть отчет с воздушного шара, сэр.

— И? — генералу не очень-то хотелось просыпаться.

— Враг ушел, сэр.

Макклелан уставился на часы, лежащие на ночном столике, а потом потянулся и открыл ставни. Он зажмурился от яркого света и снова повернулся к адъютанту.

— Что вы сказали?

— Окопы врага покинуты, сэр.

Адъютанта звали Луи-Филипп-Альбер д'Орлеан, граф Парижский, он приехал в Америку, вдохновившись примером Лафайета, чтобы помочь вновь объединить страну, и на мгновение решил, что, может, неправильно изъясняется по-английски.

— Мятежники отступили, сэр, — заявил он со всей возможной ясностью. — Окопы пусты, сэр.

— Кто это сказал? — сердито поинтересовался Макклелан.

— Генерал Хайнтцельман из гондолы воздушного шара, сэр, вместе с профессором Лоу.

— Это им приснилось. Приснилось! — генерал не мог вынести подобной глупости. Как это мятежники отступили? Лишь прошлой ночью они огласили небо канонадой!

Всполохи от выстрелов на западном горизонте походили на летнюю грозу, снаряды

пронзили воздух линиями небесного огня, а эхо от взрывов прокатывалось над мокрыми полями.

Генерал захлопнул ставни и сделал знак своему адъютанту-аристократу, чтобы тот удалился. Внизу стрекотал телеграфный аппарат, сообщая всё новые сведения от воздухоплателей, но генерал не желал о них знать. Он хотел поспать еще часок.

— Разбудите меня в восемь, — приказал он. — И велите канонирам открыть огонь!

— Да, сэр, конечно, сэр, — граф Парижский тихо удалился, закрыв за собой дверь, а потом позволил себе вздохнуть, не веря в подобную тупость генерала.

Канониры ждали. Позади них высоко в небе дергался на веревке желтый воздушный шар. Солнце зашло за тучу, и на прорезиненную поверхность шара упали первые капли дождя.

Дюжина иностранных атташе и пара десятков газетчиков ожидали у самой большой батареи северян приказа открыть огонь, но хотя орудия были нацелены, заряжены, а запалы приготовлены, с воздушного шара не поступил приказ начать стрельбу.

Вместо этого со стороны федералистов поскакал вперед небольшой отряд кавалерии. Дюжина всадников рассеялась по окрестностям на случай, если враг выпустит в них снаряд, начиненный картечью или шрапнелью.

Они продвигались очень осторожно, каждые несколько шагов останавливаясь, и офицер осматривал вражеские укрепления в подзорную трубу. Лошади опускали головы, чтобы пощипать роскошную длинную траву, выросшую на никем не потревоженном пространстве, разделявшем две армии. Кавалерия снова тронулась в путь.

То там, то сям на вражеских редутах были заметны часовые, но они не двигались, даже когда в них попадали пули снайперов-северян.

Часовые были сделаны из соломы и охраняли покинутые оборонительные сооружения, потому что ночью генерал Джонстон приказал солдатам генерала Магрудера отступить к Ричмонду. Мятежники ушли тихо, оставив пушки, палатки, костры — всё то, что не могли унести на своих спинах.

Генерал Макклелан, наконец-то проснувшийся и понявший, что произошло, приказал устроить погоню, но в армии северян никто не был готов к подобному развитию событий. Лошади кавалерии паслись, а сами кавалеристы играли в карты, слушая, как дождь барабанит по палаткам. Единственными готовыми к действиям войсками оказалась артиллерия, но их мишени растворились в ночи.

Дождь зарядил сильнее, когда пехота северян захватила покинутые окопы. Кавалеристы наконец-то оседлали лошадей, но детальных приказов о том, как вести преследование, не поступило, поэтому всадники не сдвинулись с места.

Макклелан тем временем составлял депешу в столицу Севера. Как сообщал генерал, Йорктаун пал в результате блестящей демонстрации военного искусства янки.

Он провозгласил, что сто тысяч мятежников с пятистами орудиями были изгнаны из окопов, сделав возможным наступление на вражескую столицу. Он предупредил, что последует еще несколько отчаянных битв, но по крайней мере в этот день Господь улыбнулся Северу.

Солдаты Магрудера, которых никто не преследовал и не побеспокоил, отошли на запад, а новый Наполеон приступил к запоздалому ланчу.

— Мы одержали победу, — сказал он своим адъютантам. — Благодарение Господу всемогущему, мы одержали победу.

Ги Белль давал последние инструкции Старбаку в прихожей приходящего в упадок ричмондского дома. Дождь ручьем тек по сломанному водостоку и лился на крышу крыльца, капал с густой листвы в саду, образуя лужи на песчаной подъездной аллее, где ожидал старинный экипаж Ги Белля.

В позолоченных осях экипажа отражался тусклый свет мерцающих на столбах фонарей.

— Экипаж доставит вас к вашим дамам, — сказал Ги Белль, кисло поморщившись при последних словах, — но не заставляйте кучера ждать дольше полуночи. К этому времени он должен отвезти вас на встречу с человеком по имени Тайлер. Это проводник, которой переправит вас через линию фронта. Это ваш пропуск на выход из города, — Ги Белль вручил Старбаку знакомый паспорт из коричневой бумаги. — Тайлер же и проведет вас обратно. Если вы вернетесь.

— Я вернусь, сэр.

— Если будет к чему возвращаться. Прислушайтесь! — старик указал на дорогу, проходившую позади высокой обрамленной камнем стены его сада, и Старбак услышал стук колес и копыт.

Движение стало оживленным после того как города достигли известия о сдаче Йорктауна, повергнув весь Ричмонд в беспорядочное бегство.

Те, у кого имелись деньги, нанимали повозки и экипажи, забивали их скарбом и отправлялись в южные округа штата, а те, кто не имел возможности перевезти свои ценности в безопасное место, закапывали их на задних дворах.

Коридоры административных зданий были до потолков забиты коробками с документацией, переправляемой в город Колумбия в Южной Каролине, который должен был стать новой столицей в случае падения Ричмонда, а на вокзале железной дороги Ричмонд-Питерсберг на Бёрд-стрит стоял под парами локомотив с составом бронированных вагонов, готовый эвакуировать золотой запас Конфедерации.

По слухам, даже жена президента готовилась увезти детей от наступающих янки.

— Думаю, так она и поступит — мрачно прокомментировал Ги Белль, когда эти известия достигли Гайд-Хауса. — У этой женщины манеры торговки рыбой.

Теперь, в дождливых сумерках, Ги Белль снабдил Старбака фальшивым письмом, состряпанным этим утром.

Письмо, написанное почерком, имитирующим печатные буквы найденного в номере отеля Уэбстера документа, сообщало о большой концентрации войск мятежников в Ричмонде. Письмо было зашито в водонепроницаемую ткань и спрятано в поясе панталон Старбака.

— Оно у меня, сэр, — сказал Старбак.

— Да пребудет с вами Господь, — отрывисто напутствовал его Ги Белль и отвернулся. Старбак предположил, что, пожалуй, ему не дожидаться никаких других прощальных слов, кроме этого короткого благословения, накинул на плечи шинель Оливера Уэнделла Холмса и выбежал в дождь к ожидавшему экипажу. Он не взял с собой оружия.

Он перестал носить саблю после первого же сражения, винтовку оставил Траслоу, а его прекрасный револьвер с рукояткой из слоновой кости, который он забрал у убитого Итана Ридли при Манассасе, украли, пока он пребывал в заключении. Старбак хотел нацепить револьвер, но Ги Белль отговорил его.

— Ваша цель — пробраться через линию фронта и не быть принятым за лазутчика. Идите безоружным, держите руки высоко и врите как хороший адвокат.

— А как врет адвокат?

— Со страстью, мистер Старбак, и самовнушенной верой, хотя и временной, что излагаемые факты — и есть сама правда Господня. Вы должны поверить в ложь, и лучший способ поверить — это убедить себя в том, что ложь — самый краткий путь к добру.

Если говоря правду вы не поможете клиенту, не произносите ее. Высшее благо — спасение жизни клиента, и ложь — слуга его. Ваша ложь служит спасению Конфедерации, и молю Господа, чтобы вы так же сильно желали спасения Конфедерации, как этого желаю я.

Чернокожий кучер Ги Белля восседал на козлах, замотанный в кучу сюртуков, с головой, покрытой холщовым капюшоном.

— Куда, масса? — окликнул его кучер.

— Просто ежай вниз по Маршалл-стрит. Я скажу, где остановиться, — отозвался Старбак, запрыгнув в рванувший вперед внушительных размеров экипаж. Его сиденья были сделаны из потрескавшейся кожи, и конский волос местами торчал наружу. Старбак прикурил сигару от занавешенного фонаря, тускло освещавшего внутреннее убранство экипажа, и раздвинул кожаные шторы.

Экипаж едва двигался, потому что наступление сумерек почти не уменьшило число эвакуирующихся. Старбак дождался, пока они проедут Тринадцатую улицу, и открыв окно, велел кучеру остановиться у виргинского колледжа медицины. Он умышленно остановился на приличном расстоянии от места назначения, чтобы возница не мог донести Ги Беллю, какой именно дом он посетил.

— Просто жди здесь, — приказал он и, спрыгнув на тротуар, пробежал два квартала вниз по Маршалл-стрит, прежде чем свернуть на Двенадцатую улицу. Нужный ему дом находился в конце Клэй-стрит, это был большой особняк, один из самых роскошных в Ричмонде. Старбак замедлил шаг, приблизившись к дому, потому что не знал, как лучше подойти к делу.

Он прекрасно понимал, какую ловушку собирался устроить Ги Белль, но совершенно не желал, чтобы в ней очутился Адам. Если Адам и в самом деле был предателем.

У Старбака не было доказательств, всего лишь подозрение, что отвращение к войне, которым был преисполнен его былой друг, могло легко перейти в предательство, и что дружба Адама с Джеймсом легко могла предоставить средства для претворения этого предательства в жизнь. Если "предательство" и в самом деле было подходящим словом.

Потому что если шпионом был Адам, то он всего лишь оставался верен своей родине, так же как и Старбак оставался верен дружбе. Этой дружбе предстояло пройти испытание на прочность, она даже могла прерваться, пусть так, но Старбак не мог хладнокровно позволить капкану захлопнуться. Он предупредит Адама.

Так что он пересек улицу и взбежал по ступенькам городского особняка Фалконера. Он дернул большую медную ручку звонка и услышал звон колокольчика где-то далеко, в комнатах прислуги. Старбаку довелось жить в этом доме, когда он впервые приехал в Ричмонд и Вашингтон Фалконер был его союзником, а не врагом. Дверь открылась. Полли, одна из горничных, устала на промокшую до нитки фигуру на верхней ступеньке.

— Мистер Старбак?

— Здравствуй, Полли. Я надеялся, что мистер Фалконер-младший дома.

— Его здесь нет, масса, — ответила Полли, а когда Старбак собрался войти внутрь, испуганно подняла руку, чтобы остановить его.

— Всё в порядке, Полли, — попытался унять ее опасения Старбак. — Я всего лишь хочу

написать записку и оставить ее здесь для мистера Адама.

— Нет, масса, — упрямо покачала головой Полли. — Вас не следует впускать. Приказ мистера Адама.

— Это Адам так сказал? — Старбак поверил бы, если бы запрет исходил от Вашингтона Фалконера, но не от Адама.

— Если вы когда-нибудь придете, вас нужно прогнать. Так велел мистер Адам, — настаивала Полли. — Простите.

— Все в порядке, Полли, — ответил Старбак. Он заглянул через ее плечо и увидел, что картины, украшавшие знаменитую изогнутую лестницу, сняты. На стене прямо перед входом раньше висел прекрасный портрет сестры Адама Анны, а теперь виднелся лишь светлый квадрат обоев. — Полли, ты можешь сказать мне, где мистер Адам? Я всего лишь хочу поговорить с ним. Ничего более.

— Его нет здесь, масса, — Полли пыталась закрыть дверь, но вдруг за ее спиной раздался голос.

— Адаму приказали вернуться в армию, — произнес он. Голос принадлежал женщине, и всмотревшись в темноту коридора, Старбак заметил высокую фигуру, выделяющуюся в дверном проеме гостиной нижнего этажа.

— Весьма обязан вам, мэм, — ответил Старбак. — Он вместе с войсками отца? Или с генералом Джонстоном?

— С генералом Джонстоном.

Собеседница вышла из тени, и Старбак увидел, что это Джулия Гордон, и снял шляпу.

— Кажется, — продолжила Джулия, — с момента сдачи Йорктауна нужна каждая пара рук. Не думаете ли вы, мистер Старбак, что нас победят мстительные северяне?

— Если честно, не знаю, мисс Гордон.

Дождь хлестал по его голове и стекал по щекам.

— И я не знаю. А Адам не пишет, чтобы мне объяснить, так что всё это большая тайна. Почему вы не заходите, а стоите под дождем?

— Потому что мне запретили входить в этот дом, мисс Гордон.

— О, сущий вздор. Впусти его, Полли. Я никому не скажу, если ты сама не проболтаешься.

Полли некоторое время колебалась, но затем, ухмыльнувшись, широко распахнула двери. Старбак переступил порог, обильно орошая водой коврик, защищающий деревянный пол перед входной дверью. Он позволил Полли взять его шинель и шляпу, которые она накинула на стремянку, использовавшуюся для снятия картин со стены.

Из холла вынесли почти всё: прекрасную европейскую мебель, картины, турецкие ковры, даже роскошный позолоченный канделябр, висевший над лестницей на пятидесятифутовой цепи.

— Всё упаковали и отправили в Фалконер, — объяснила Джулия, увидев, как Старбак разглядывает комнату. — Генерал Фалконер посчитал, что его имущество будет в большей безопасности за городом. Должно быть, всё уже действительно безнадежно, как думаете?

— Север перестал набирать солдат, — ответил Старбак, — если это вам о чём-то говорит.

— Несомненно, это указывает на то, что мы проиграли?

Старбак улыбнулся.

— А может, мы еще и не начали сражаться?

Джулии понравилась эта бравада, и она поманила его в освещенную гостиную.

— Зайдем в гостиную, чтобы Полли не было нужды бояться, что вас кто-нибудь увидит и донесет на нее генералу. — Джулия повела его в гостиную на нижнем этаже, освещенную двумя газовыми люстрами на потолке.

Большую часть мебели вынесли, хотя книжные полки были заставлены томами, а рядом с открытыми коробками стоял простой кухонный стол.

Войдя в знакомую ему комнату, Старбак подумал, что странно было услышать, как Вашингтона Фалконера называют генералом, но ведь он им и являлся и по этой же причине стал и более серьезным врагом.

— А разве не все книги представляют ценность?

Джулия пожала плечами.

— Некоторые — прекрасные экземпляры, но большая часть книг довольно обычные. — Она взяла одну наугад. — "Расцвет Голландской республики" Мотли? Едва ли редкое издание, мистер Старбак. Нет, я откладываю только лучшие экземпляры, книги с особенно превосходными иллюстрациями и некоторые другие.

— Вы разбираетесь в книгах? — спросил Старбак.

— Я разбираюсь в книгах лучше генерала Фалконера, — ответила Джулия, несколько повеселев. На ней было темно-синее хлопчатобумажное платье со стоячим воротником и кринолином.

Ее руки прикрывала пара белых пыльных льняных нарукавников. Черные волосы были зачесаны наверх и заколоты шпилькой, хотя несколько прядей выбилось, свисая на лоб. Она выглядела на удивление привлекательно, подумал Старбак, почувствовав себя виноватым при этой мысли. Она была невестой Адама.

— Разве вы не переезжаете в безопасное место, мисс Гордон? — спросил её Старбак.

— А куда мы можем поехать? Родственники моей матери живут в Петербурге, но если падет Ричмонд, то и падение Петербурга не за горами. Генерал что-то бормотал о приглашении перебраться в Фалконер, но не позаботился о нашей мебели, а катафалки бедного мистера Сэмуорта реквизировали для нужд армии, что значит, наше имущество останется здесь.

А где мебель мамы, там и она сама, так что, кажется, нам придется остаться в Ричмонде и смириться со вторжением янки. Если это случится, — она взглянула на простые часы из белой жести, по-видимому, принесенные из комнат прислуги. — У меня не так много времени, мистер Старбак, очень скоро придет мой отец, чтобы забрать меня домой, но мне хотелось бы извиниться перед вами.

— Передо мной? — удивился Старбак.

Джулия бросила на него серьезный взгляд.

— За тот вечер в госпитале, — пояснила она.

— Сомневаюсь, что вам есть за что извиняться, — ответил Старбак.

— Думаю, есть, — настояла на своем Джулия. — Вы наверняка могли бы подумать, что в миссии помощи бедным привыкли общаться с девицами вроде вашей подруги?

Старбак улыбнулся.

— Салли нельзя назвать бедной.

Джулии понравилось это замечание, она улыбнулась в ответ.

— Но она ваш друг?

— Да.

Джулия повернулась к столу и принялась перебирать книги.

— Нам предписывают во всем подражать Христу, так ведь? Однако той ночью, полагаю, Господь был больше доволен вашим поведением, чем нашим.

— О, нет, — неловко пробормотал Старбак.

— Так мне кажется. Адам запретил мне когда-либо упоминать о том вечере. Запретил мне, мистер Старбак! — этот приказ, без сомнения, её задел. — Адам стыдится того вечера. Видите ли, он боится оскорбить мою мать. Думаю, даже больше, чем оскорбить меня, — она протерла пыль с корешка книги. — Эссе Маккаули? Думаю, нет. Ваша подруга не сильно обиделась?

— Ненадолго.

— "Жизнь Христианина" Бэйнса. Сомневаюсь, что тем вечером мы руководствовались этой книгой. Взгляните, страницы даже не разрезаны, но даже в таком виде она не представляет никакой ценности. Ну кроме духовного наставления, но сомневаюсь, что генерал поблагодарит меня за это, — она кинула книгу обратно на стол. — Ваша подруга не будет оскорблена, если я навещу ее?

Просьба поразила Старбака, но ему удалось скрыть свое удивление.

— Думаю, это доставит ей удовольствие.

— Я осмелилась предложить это и Адаму, но ему определенно не понравилась эта затея. Он заявил, что грязь оставляет пятна, я, без сомнения, благодарна ему за предоставленную информацию, но не могу противиться той мысли, что эта грязь скорее прилипнет к мужчине, чем к женщине. Вы со мной не согласны?

— Полагаю, в этом есть доля правды, — искренне ответил Старбак.

— Мама не одобрит меня, узнав, что я задумала нанести подобный визит, и я могу понять ее неодобрение. Но почему против него так возражает Адам?

— Разве жена Цезаря не должна быть вне подозрений?

Джулия рассмеялась. У нее был живой смех, оживлявший личико и ужаливший Старбака в самое сердце.

— Вы считаете Адама Цезарем? — насмешливо спросила она.

— Думаю, он желает вам добра, — тактично заметил Старбак.

— Вы полагаете, он знает, что для меня лучше? — восстала Джулия. — Уверена, я и сама не знаю, что для меня лучше. Мне хотелось бы стать сестрой милосердия, но мама говорит, что это неподходящее для меня занятие, и Адам с ней согласен, — она бросила книгу на стол, но затем, похоже, пожалела о том ожесточении, с которым это сделала.

— Я не совсем уверена, что Адам и сам знает, что для него лучше, — добавила как бы про себя Джулия, а потом взяла тонкую книгу в темно-красной обложке. — "Мировой судья" Ламбарда. Книге более двухсот лет, ее и правда стоит сохранить. Вы действительно полагаете, мистер Старбак, что Адам знает, что для меня лучше?

Старбак смутно осознавал, что вступает в глубокие и темные воды, которые лучше оставить неизведанными.

— Надеюсь, что да, раз вы собираетесь пожениться.

— А собираемся ли мы пожениться? — ее глаза дерзко засверкали. — Адам желает подождать.

— Пока не закончится война?

Джулия рассмеялась, нарушив странную близость, длившуюся несколько мгновений.

— Так он говорит, и я уверена, что он прав.

Она сдула пыль с книги, всмотрелась в название и отложила ее в одну из открытых коробок. Свет газовых светильников внезапно померк, а потом вновь ярко засиял.

— Они продолжают это делать. Разве это не признак приближающегося конца нашей цивилизации? Если я не ослышалась, вы говорили Полли, что хотели повидаться с Адамом?

— Да. И весьма срочно.

— Хотела бы я вам помочь. Генерал Джонстон потребовал его присутствия, и Адам умчался исполнять приказ. Но где сейчас генерал Джонстон, я сказать не могу, хотя подозреваю, что если вы направитесь прямо на гул пушек, то разыщете его. Могу я передать ему ваше сообщение? Уверена, он скоро вернется в город, а если нет, то я всегда могу отправить ему письмо.

Старбак на мгновение задумался. Он не мог просто отправиться в армию на поиски Адама. Его пропуск годился всего на один выезд из города, и военные полицейские ни за что не позволят ему рыскать в тылу армии в поисках штабного адъютанта. Он собирался оставить здесь записку для Адама, но потом решил, что послание легко могла передать и Джулия.

— Но только не письмо, — попросил он ее.

— Не письмо? — Джулия была заинтригована.

Письмо, понимал Старбак, могли вскрыть и прочитать, а это послание, намекавшее на предательскую переписку, не должно быть прочитано людьми вроде Гиллеспи.

— Когда вы в следующий раз его увидите, — попросил он Джулию, — не могли бы вы передать, что для него будет благоразумней прервать переписку с моей семьей? — он чуть не сказал "с братом", но решил, что нет нужды уточнять. — И если он найдет этот совет загадочным, я объясню ему, как только смогу.

Джулия некоторое время сосредоточено глядела на него.

— Я нахожу его загадочным, — вымолвила она после паузы.

— Боюсь, это должно остаться тайной.

Джулия взяла книгу и взглянула на корешок.

— Адам говорил, что вы были в тюрьме?

— Сегодня меня освободили.

— Невинный человек.

— Невинен, как младенец.

— Правда? — рассмеялась Джулия, явно не умевшая долго оставаться серьезной.

— В газетах писали, что вы брали взятки. Рада, что это не так.

— Тем не менее, я их брал. Все берут.

Джулия отложила книгу и испытующе взглянула на Старбака.

— Что ж, по крайней мере, вы честны относительно ваших нечестных поступков. Но не в вашей дружбе. Адам говорит, что нам не следует общаться с вами и вашей подругой, а вы просите его не общаться с вашей семьей? Нам всем следует принять обет молчания? И всё же несмотря ни на что я должна поболтать с вашей подругой мисс Ройял. Когда лучше всего ее навестить?

— Думаю, поздним утром.

— А как мне следует к ней обращаться?

— Полагаю, вам лучше спросить мисс Ройял, хотя ее настоящее имя Салли Траслоу.

— Траслоу. Через У? — Джулия записала имя и адрес на Франклин-стрит. Она опять взглянула на часы. — Я должна вас проводить, прежде чем вернется мой отец и расстроится,

что я осквернена нечестивым прикосновением. Может, когда-нибудь мы будем иметь удовольствие вновь увидеться?

— Мне бы этого хотелось, мисс Гордон.

В передней Старбак натянул шинель.

— Вы помните сообщение, мисс Гордон? — спросил он.

— Адаму не следует переписываться с вашей семьей.

— Прошу, не говорите это кому-либо еще. И пожалуйста, не записывайте это.

— Я перестала нуждаться в повторных объяснениях еще в детстве, мистер Старбак.

В ответ на этот упрек Старбак улыбнулся.

— Прошу простить меня, мисс Гордон. Я привык общаться с мужчинами, а не женщинами.

С этими словами он оставил ее улыбающейся и вышел в дождь с улыбкой на губах.

Перед его глазами стояло ее лицо, и этот образ был таким сильным, что он чуть не попал под колеса повозки очередного беглеца, вывозящей на восток мебель.

Правящий повозкой чернокожий предупреждающе вскрикнул, а потом взмахнул кнутом над головами непослушных лошадей. Повозка была забита мебелью, наполовину прикрытой брезентом. Старбак шел от одного освещенного светом газовых фонарей клочка мостовой к другому, охваченный чувством внезапной утраты.

Разговаривая с Джулией, он дерзко заявил, что Юг еще и не начинал сражаться, но правда была совсем другой. Война закончена, восстание подавлено, Север торжествует, и Старбак, только что начавший новую жизнь, знал, что придется переменить ее и опять начать всё заново. Он остановился и обернулся, чтобы взглянуть на дом Фалконеров.

Это было, подумал он, прощанием. Тому отрезку его жизни, что начался с дружбы в Йеле, пришел конец в ночь панического поражения, но по крайней мере, ставя точку, Старбак мог себе позволить чувство самоотверженного благородства. Его друг отверг его, он же остался ему верен.

Он доставил Адаму предупреждение, таким образом вытащив его из петли на Кэмп-Ли. Адам выживет, женится и без сомнения преуспеет в жизни.

Старбак отвернулся от дома и пошел к поджидавшему его экипажу Ги Белля. По улицам отдавались эхом крики возниц и стук обитых железом колес.

Внизу, в долине, лязгал и громыхал поезд, его паровой свисток звучал в непрекращающемся дожде траурной мелодией. Рабы и слуги взгромождали дорожные сундуки и саквояжи в вагоны, плакали дети. Где-то на востоке под покровом ночи продвигалась мстительная армия, чтобы востребовать назад город, а Старбак отправился спасать себя.

Он вошел через заднюю дверь и пошел на кухню, где Грейс и Чарити жарили оленину на темной свинцовой плите. Обе рабыни вскрикнули, когда Старбак вошел в дверь, но затем встретили его дружным хором вопросов о том, откуда он появился, и восклицаниями по поводу состояния его одежды и здоровья.

— Вы похудели! — заметила Грейс. — Взгляните на себя!

— Скучал по твоей стряпне, — признался Старбак, а потом наконец-то заявил, что ему необходимо повидаться с мисс Траслоу. — Она занята?

— Занята? Занята мертвецами! — зловеще выговорила Грейс, так ничего больше и не объяснив. Вместо этого она сняла передник, попыталась привести прическу в порядок и поднялась по лестнице. Она вернулась через пять минут и велела Старбаку воспользоваться

задней лестницей, ведущей в комнату Салли.

Спальня находилась на третьем этаже и выходила на мокрый заросший сад перед конюшней, где темным прямоугольником темнело окно его прежней комнаты.

Стены спальни покрывали изысканные обои в светло-зеленую полоску, а на кровати лежало зеленое покрывало. В позолоченной вазе на каминной доске стояли засушенные цветы, а на стене висели пейзажи в лакированных рамах. Комната освещалась двумя газовыми светильниками, но на столе имелись свечи, на случай если городское газоснабжение прервется.

Мебель была начищена и отполирована, портьеры чисты, ковры отлично выбиты и проветрены. Все в этой комнате наводило на мысль о твердых американских моральных устоях, чистых и состоятельных, этой комнатой гордилась бы даже мать Старбака. Дверь с щелчком распахнулась, и в комнату ворвалась Салли.

Нат! — она пробежала через всю комнату и обвила руками его шею.

— О Господи! Я так беспокоилась за тебя! — она поцеловала его и слегка коснулась шинели. — Я пыталась тебя найти. Пошла в городскую тюрьму, потом и в тюрьму Лумпкина, просила людей о помощи, но ничего не вышло. Я не могла до тебя добраться. Я хотела, но ...

— Всё в порядке. У меня все хорошо, — успокоил он ее. — Я и правда в полном порядке.

— Ты похудел.

— Я наберу вес, — ответил он улыбаясь и мотнул головой в сторону открытой двери, через которую доносился смех с нижнего этажа.

— Они воскрешают мертвеца, — устало выговорила Салли. Она сняла с волос шиньон бережно положив его на туалетный столик. Без накладных локонов она выглядела моложе.

— У них ненастоящий сеанс, — пояснила она. — Все надрались, как краснокожие, и пытаются получить совет от генерала Вашингтона. Это из-за наступления янки, вот все и налегают на виски.

— Но не ты?

— Дорогой, если хочешь заработать в этом деле, то нужно всегда оставаться трезвой как стеклышко, — она пересекла комнату и собралась было захлопнуть дверь, но остановилась. — Может, тебе хочется спуститься вниз? Присоединиться к ним?

— Нет. Я уезжаю.

Она уловила серьезность в его голосе.

— Куда?

Он показал ей пропуск.

— Перехожу линию фронта. Обрато к янки.

Салли нахмурилась.

— Ты собираешься воевать на их стороне, Нат?

— Нет, скоро не будет никакой войны. Все закончится, Салли. Ублюдки выиграла. Они настолько чертовски самоуверенны, что даже закрыли призывные пункты. Понимаешь, что это значит?

— Это значит, что они слишком уверены в себе, — презрительно заметила Салли, захлопнув дверь.

— Ну и что? Ты когда-нибудь видел неуверенного янки? Черт побери, на то они и янки. Все напыщенные и суетливые, Нат, но я пока не вижу ни одного из них марширующим по

Франклин-стрит. Как говорит мой папа, пока свинья визжит, она еще не сдохла, — она подошла к столу и вытащила из коробки две сигары.

Она прикурила от газового светильника и отдала одну Старбаку, опустившись перед ним на каминный коврик. Ее кринолин зашелестел, когда она присела. На ней было изящное платье из белого шелка с широкими рукавами, узкой талией и оголенными плечами, прикрытыми расшитой жемчугом кружевной шалью. Жемчуг также красовался на шее и в ушах.

— Ты зашел попрощаться? — спросила она.

— Нет.

— Тогда ради чего? Этого? — она кивнула в сторону кровати.

— Нет, — он сделал паузу. Снизу донесся звон разбитой бутылки с последовавшими за ним ироничными возгласами.

— Небольшой сеанс, — улыбнулась она. Спиритизм был обычным явлением в Ричмонде, осуждаемым с кафедр городских проповедников, но нашедшим поддержку в семьях убитых на полях сражений, которые желали получить подтверждение, что их сыновья и мужа безопасно перебрались по ту сторону смерти.

— Это не настоящий сеанс. Они всего лишь сидят вокруг стола, пиная его ножки, — Салли замолкла, наделив Старбака скромной улыбкой.

— Так в чем дело, Нат?

И Старбак решился. Адам теперь был в безопасности, настал его черед.

— Ты помнишь тот вечер в госпитале? — спросил он ее. — Как ты говорила мне, что хочешь быть такой как все? Всего лишь простой заурядной личностью. Может, управлять лавкой? Так поедем со мной. Этот пропуск проведет нас через линию фронта, — он не был в этом полностью уверен, но точно знал, что не уйдет без Салли, согласись она следовать за ним.

— У меня есть разрешение на выезд, — объяснил он ей, потому что я делаю кое-что для правительства.

Салли нахмурилась.

— Для нашего правительства?

— Я должен доставить письмо, — рассказал Старбак и увидел, что она всё еще подозревает, что он едет сражаться за северян. — Здесь в Ричмонде есть шпион, — объявил он ей, — опасный шпион, и они хотят, чтобы я заманил его в ловушку, понимаешь? И для этого я должен отнести это письмо янки.

— И они не ждут твоего возвращения? — спросила Салли.

— Они хотят, чтобы я вернулся, — признал Старбак, но более ничего не стал объяснять.

Он и так выложил все, что мог позволить, и не знал, как рассказать ей остальное, о том, что он считает Адама шпионом, и как вернувшись Ричмонд он заманит друга в ловушку. Он планировал отнести поддельное письмо и этим возместить ущерб, который успел причинить Адам, ну а потом уехать вместе с Салли и предоставить армиям довести войну до победного конца.

В лучшем случае, рассчитывал он, для Конфедерации осталась всего пара месяцев борьбы, и будет лучше выбраться с места крушения, чем быть уничтоженным в конечной катастрофе.

— Возьми деньги, — торопил он Салли, — и мы отправимся на север. Может, в Канаду? Или в штат Мэн? Мы откроем тебе бакалейный магазинчик. Может, поедем на восток? — он

нахмурился, зная, что не совсем ясно выражает свои мысли. — Я имею в виду, что ты можешь начать всё сначала. Я предлагаю тебе отправиться со мной, я за тобой присмотрю.

— На мои деньги? — улыбнулась Салли.

— Ты хранишь и кой-какие мои деньги. Знаю, их немного, но вместе мы справимся. Черт побери, Салли, мы можем осесть там, где захотим! Только мы с тобой.

Она затаилась, наблюдая за ним.

— Ты предлагаешь мне выйти за тебя замуж, Нат Старбак? — спросила Салли спустя мгновение.

— Конечно!

Разве она это не поняла?

— О, Нат, — улыбнулась Салли. — Ты мастер убегать.

— Я не убегаяю, — ответил он, уязвленный упреком. Она не заметила его обиду. — Иногда мне хочется выйти замуж, Нат, а иногда и нет. А когда мне хочется, то видит Бог, дорогой, я скорей выйду за тебя, чем за кого-либо другого, — она печально улыбнулась. — Но ты скоро от меня устанешь.

— Нет.

— Молчи! — она приложила пальчик к его губам. — Я видела, как ты смотрел на ту набожную девицу в госпитале. Ты всегда будешь хотеть узнать, каково это — жениться на девушке из твоего круга.

— Это несправедливо, — возразил Старбак.

— Но это правда, дорогой, — она снова затаилась сигарой. — Мы с тобой друзья, но из нас выйдет плохая супружеская пара.

— Салли! — запротестовал Старбак.

Она прервала его.

— Я переживу эту войну, Нат. Если янки придут, то я плюну на них, а затем выбью из убудков деньги. Я не знаю, чем еще могу заняться, но точно знаю, что не убегу.

— Я не убегаяю, — возразил он, но слишком вяло. Она на мгновение задумалась.

— Ты никогда не знал нужды Нат. Я знаю кучу парней вроде тебя. Вам нравятся ваши удобства, — на сей раз она заметила, что задела его, и потянулась, чтобы дотронуться до его щеки.

— Может, я и ошибаюсь. Я постоянно забываю, что это не твоя страна, а моя, — она на мгновение умолкла, размышляя, а потом наградила его быстрой улыбкой. — Наступает время, когда нужно встать на ноги, а не сидеть на шее у отца. Так учил меня папа. А я не пасую перед трудностями, Нат.

— Я не...

— Тсс! — основа коснулась его губ. — Я знаю, что янки еще не победили, а ты говорил мне, чтобы одолеть одного из наших, понадобится пять янки.

— Я хвастался.

— Как и все мужчины, — улыбнулась она. — Но свинья еще визжит, дорогой. Нас еще не разбили.

Старбак затаился. Он убедил себя, что Салли поедет вместе с ним. Ни на одно мгновение он не мог представить, что она предпочтет остаться перед лицом победы янки. Он думал, что они вместе убегут и создадут свое маленькое убежище вдали от всех мирских тревог. Ее отказ оставил его в расстроенных чувствах.

— Нат, — позвала его Салли. — Так чего же тебе хочется?

Он задумался над вопросом.

— Я был счастлив прошлой зимой, — сказал он.

— Когда был вместе с ротой. Мне нравится быть военным.

— Так если тебе чего-то хочется, дорогой, просто иди и возьми это. Как бы сказал мой па, этот мир тебе ни черта не должен, а значит, тебе придется выйти в него и вырастить всё, что тебе нужно, сотворить это, купить или украсть, — улыбнулась она. — Ты говорил правду об этом шпионском деле?

Он взглянул на нее.

— Да. Клянусь.

— Так иди и поймай ублюдка, дорогой. Ты обещал доставить письмо, так сделай же это. А если ты хочешь потом сбежать, то дело твое, но только делай это сам, без меня, — она потянулась вперед и поцеловала его.

— Но если ты вернешься назад, дорогой, то я буду здесь. Я твоя должница.

Именно ради Салли Старбак прикончил Итана Ридли, и за этот поступок она была искренне и глубоко ему признательна. Она бросила окурок в камин.

— Ты хочешь, чтобы я отдала тебе твои деньги?

Он покачал головой.

— Нет, — его уверенность растаяла, опять наполнив его сомнениями. — Ты сделаешь мне одолжение? — спросил он Салли.

— Если это в моих силах, конечно.

— Напиши отцу.

— Моему папе! — она выглядела встревоженной. — Он не хочет, чтобы я ему писала!

— Думаю, что хочет.

— Но я толком и писать-то не умею! — она покраснела, неожиданно устыдившись своей необразованности.

— Он тоже как следует не умеет читать, — заметил Старбак. — Просто напиши ему и объясни, что я вернусь. Скажи, что я присоединюсь к роте до конца весны. Пообещай ему это.

— Я думала, этот ублюдок Фалконер не примет тебя в Легион?

— Я могу одолеть Фалконера.

Салли рассмеялась.

— Всего минуту назад, Нат, ты хотел сбежать и укрыться в Канаде, а теперь бросаешь вызов генералу Фалконеру? Конечно, я напишу отцу. Ты уверен насчет денег?

— Прибереги их для меня.

— Так ты вернешься?

Он улыбнулся.

— Свинья еще визжит.

Она поцеловала его, встала и подошла к туалетному столику, где аккуратно водрузила шиньон на свои зачесанные назад волосы. Убедившись, что локоны спадают вполне естественно, она одарила его улыбкой.

— Увидимся, Нат.

— Да, увидимся, — он провожал ее взглядом до двери.

— Та набожная девица, — внезапно вспомнил он.

— А что с ней? — Салли замерла, держась за край двери.

— Она хочет поговорить с тобой.

— Со мной? — скривилась Салли. — О чем? Об Иисусе?

— Может быть. Ты не возражаешь?

— Если Господь не возражает, то с какого дьявола должна возражать я.

— Ее мучает совесть по поводу того вечера.

— Я и забыла о нем, — отозвалась Салли, пожав плечами. — Нет, не забыла. Я вроде как надеялась забыть. Но может, я смогу научить ее паре вещей.

— Каких?

— Каковы мужчины на самом деле, дорогой, — ухмыльнулась Салли.

— Не расстраивай ее, — сказал Старбак и удивился своему внезапному порыву взять Джулию под защиту, но Салли его не расслышала. Она уже вышла из двери. Он докурил сигару. Похоже, что легкого выхода из сложившейся ситуации не было, ему придется сдержать обещание и предать шпиона. Где-то часы пробили час ночи, и Старбак шагнул в темноту.

Глава восьмая

— Что это? — Бельведер Дилейни держал банкноту между указательным и большим пальцем так, словно скомканная бумажка была заразна. — Округ Пуан-Купе, — громко прочитал он надпись на банкноте, — два доллара. — Моя дорогая Салли, надеюсь, это не такса за твои услуги?

— Очень остроумно, — ответила Салли и взяла банкноту из рук адвоката, добавив ее к стопке, лежащей на столе из вишневого дерева. — Карточный выигрыш, — пояснила она.

— Но мне-то что с этим делать? — насмешливо поинтересовался Дилейни, взяв проблемную банкноту со стола. — Я должен отправиться в Луизиану и потребовать, чтобы клерк округа Пуан-Купе выплатил мне два доллара?

— Вы прекрасно знаете, что ее учтут в банке с дисконтом, — отрезала Салли, прибавив банкноту к недельной выручке.

— Итого четыреста девяноста два доллара и шестьдесят три цента с первого этажа.

Под первым этажом подразумевались столы для игры в покер и юкер, с которых дом брал фиксированный процент от выигрышей.

Согласно политике заведения, за столами игроки могли использовать любую приемлемую для них валюту, но на верхнем этаже единственными допустимыми деньгами были новенькие долларовые купюры северян, золотые и серебряные монеты, а также виргинские казначейские облигации.

— А какая часть этих четырехсот девяноста двух долларов в звонкой монете? — спросил Дилейни.

— Половина, — признала Салли. Другая половина состояла из пестрых банкнот, выпускаемых различными банками Юга, торговцами и правительствами муниципалитетов, которые запустили свои печатные станки из-за нехватки денег с Севера.

— Банк Чаттануги, — насмешливо протянул Дилейни, листая банкноты. — Во имя Иеговы, это еще что?

Он махал клочком потертой бумаги.

— Двадцатипятицентровая банкнота нижестоящего суда округа Баттс, Джексон, штат Джорджия? Боже мой, Салли, да мы богачи! Целый четвертак! — он бросил банкноту на стол.

— Почему бы нам просто не напечатать собственные банкноты?

— Почему бы и не напечатать? — переспросила Салли. — Это было бы чертовски проще моей работы на верхнем этаже.

— Мы можем придумать целые приходы! Целые округа! Можем выдумать свои банки! — Дилейни захватила эта идея.

Бельведера Дилейни привлекало всё то, что вредило Конфедерации, а обвал валюты непременно ускорил бы конец восстания.

Не то чтобы валюта южан могла бы обесцениться еще больше — цены росли ежедневно, а вся финансовая система держалась на шатких обещаниях, исполнение которых зависело от окончательной победы Конфедерации.

Даже выпускаемые правительством официальные банкноты содержали обязательство

выплатить владельцу номинальную стоимость только по истечении шести месяцев с момента объявления мира между воюющими сторонами.

— Мы могли бы поставить печатный станок в каретном сарае, — предложил Дилейни. — И кто узнает?

— Печатник? — хмуро предположила Салли. — Вам понадобится слишком много людей, Дилейни, и как пить дать кончится всё тем, что они начнут вас шантажировать. Кроме того, для каретного сарая у меня есть идея получше.

— Говори.

— Покрасьте его в черный цвет, застелите коврами, поставьте стол и с дюжину стульев, и я гарантирую больший доход, чем вы смогли бы выжать из моей спальни.

Дилейни непонимающе покачал головой.

— Собираешься устроить столовую?

— Черт побери, нет. Спиритические сеансы. Помогите мне стать лучшим медиумом Ричмонда, снабдите меня сплетнями, и будете брать пять долларов за общий сеанс и пятьдесят за приватную консультацию.

Эта идея пришла в голову Салли прошлой ночью, когда посетители заведения провели фальшивый сеанс в затемненной гостиной.

Хоть это и было всего лишь игрой, но Салли заметила, как некоторые участники всё равно ожидали вмешательства сверхъестественных сил, и прикинула, что суеверия можно с выгодой использовать.

— Мне понадобится помощник, чтобы стучал по стенам и махал по комнате марлей, — заявила она замороженному Дилейни. — Нам нужно изобрести и другие фокусы.

Дилейни идея понравилась. Он рассеяно махнул рукой в сторону верхних этажей.

— И ты оставишь постельный бизнес?

— Если буду больше зарабатывать, черт побери, то да. Но придется сначала вложить деньги. Мы не сможем ввести в заблуждение весь город дешевой комнатой. Всё надо обставить как следует.

— Ты восхитительна, Салли. Просто восхитительна, — искренне похвалил ее Дилейни.

Он получал удовольствие от еженедельных встреч с Салли, чья деловая хватка его впечатляла, а здравый смысл восхищал. Именно Салли управляла финансовой стороной заведения, ведя его с живой деловитостью и неподкупной честностью.

Бордель, с его роскошью и атмосферой эксклюзивности, был золотой жилой для адвоката, но также и местом, где он собирал сплетни о политиках и военачальниках южан, и все эти сплетни Дилейни передавал в Вашингтоне.

Какая часть информации оказывалась достоверной или полезной, Дилейни знал не всегда, да и не сильно об этом беспокоился. Достаточно было и того, что он сотрудничал с Севером и мог таким образом ожидать выгоды от этого сотрудничества, когда, как он предвидел, наступит неизбежный триумф северян.

Теперь, все еще раздумывая над предложением Салли превратить задние помещения дома в святиню спиритизма, Дилейни забрал свою часть недельной выручки.

— Так расскажешь мне новости?

Салли указала рукой в окно, где повозки и коляски беженцев все еще громыхали по улицам.

— Вот они, новости, разве нет? Скоро у нас не останется посетителей.

— Или придёт новое общество? — деликатно намекнул Дилейни.

— И мы сдерем с них двойную цену, — фыркнула Салли и спросила, действительно ли северяне закрыли призывные пункты.

— Я не слышал об этом, — ответил Дилейни, позаботившись не выдать вызванное этой новостью воодушевление.

— Янки, должно быть, порядочные хвастуны, — скривилась Салли.

И у них на то есть основание, подумал Дилейни, так как теперь армия северян стояла всего лишь в дне пути от города.

— Кто из посетителей рассказал тебе о призывных пунктах?

— Это был не клиент, — ответила Салли. — Это Нат.

— Старбак? — удивился Дилейни. — Он был здесь?

— Прошлой ночью. Его только что выпустили из тюрьмы.

— Я знаю, что его освободили, — подтвердил Дилейни. Эта новость была и в "Наблюдателе", и в "Страже". — Он в своей комнате? Стоить его проведать.

— Этот глупый ублюдок совсем выжил из ума, — Салли закурила. — Бог его знает, где он сейчас.

— И что это значит? — спросил Дилейни. Салли пыталась скрыть волнение в голосе, но Дилейни был слишком проницателен, чтобы не заметить ее тона, и он знал, как сильно она привязана к Старбаку.

— Потому что он рискует своей чертовой жизнью, — ответила Салли, — вот что это значит. Он должен отвезти письмо через линию фронта и хотел, чтобы я поехала с ним.

Дилейни учуял тут лакомый кусочек, но не осмелился проявить в расспросах настойчивость, чтобы не пробудить подозрений Салли.

— Он хотел, чтобы ты вместе с ним отправилась к янки? Как странно.

— Он хотел жениться на мне, — поправила Салли своего работодателя. Дилейни улыбнулся ей.

— Какой утонченный вкус у нашего друга Старбака, — галантно произнес он. — И всё же ты отвергла его предложение? — он слегка поддразнил ее этим вопросом.

Салли скорчила гримаску.

— Он считал, что мы можем открыть галантерею в Мэне.

Дилейни рассмеялся.

— Моя дорогая Салли, ты бы зря потратила время! И ты бы возненавидела Мэн. Там живут в домах изо льда, посасывают соленую рыбу для поддержания жизниЮ а в качестве развлечения поют псалмы, — Дилейни грустно покачал головой. — Бедный Нат. Мне будет его не хватать.

— Он сказал, что вернется, — возразила Салли. — Он не хотел возвращаться, если бы я убежала вместе с ним, но раз я осталась, он сказал, что доставит свое письмо и снова вернется.

Дилейни сделал вид, что подавил зевок.

— Что за письмо? — невинно поинтересовался он.

— Он не говорил. Всего лишь письмо от нашего правительства, — Салли остановилась, но потом ее тревога за Старбака побудила продолжить объяснение, и она даже не подозревала, что как раз эти объяснения могут подвергнуть Старбака опасности.

Салли всецело доверяла Дилейни. Адвокат был другом, носил форму офицера Конфедерации и являлся человеком благородной доброты. Другие шлюхи смирялись с побоями и насмешками, но Бельведер Дилейни всегда вежливо и учтиво обходился с

работающими на него женщинами; в самом деле, он в той же степени заботился о довольстве и здоровье своих работниц, как и о прибыли, которую они ему приносили, и Салли безо всякого стеснения изливала свои тревоги в его сочувствующее ухо.

— Нат считает, здесь завелся шпион, — сказала она, — очень опасный, который передает янки все планы нашей армии, и если он сумеет безопасно доставить письмо, это прикончит шпиона. Больше он ничего мне не рассказал, но и этого достаточно. Он просто идиот. Он же не хочет впутаться во всё это, Дилейни. Он закончит свои дни на виселице, как тот человек, которого вздернули в Кэмп-Ли.

Казнь Уэбстера дала богатую пищу для газетных статей, в которых повешение описывалось как заслуженная шпионом кара.

— Нам определенно не хочется, чтобы бедного Ната повесили, — мрачно заявил Дилейни и заметил, как его правая рука слегка задрожала, причем настолько ощутимо, чтобы заставить трепетать дым его сигары, поднимавшийся к лепному потолку.

Его первая мысль была о том, что Старбака собирался заманить в ловушку именно его, но потом он отбросил этот страх, как бессмысленное самовнушение. Ричмонд кишел шпионами, начиная от явных и эксцентричных, таких как богатая и помешанная Бетти Ван-Лью, которая ковыляла по всему городу, бормоча изменнические речи и одаривая пленных северян, до самого Дилейни — неуловимого и скрытного.

К тому же Дилейни был посвящен в удивительно малое количество военных тайн, а слова Салли наводили на мысль, что шпион, на которого охотился Старбак, был военным, имевшим доступ ко всем секретам Конфедерации.

— Так чего ты от меня хочешь? — спросил Дилейни.

Салли пожала плечами.

— Думаю, что Старбак будет счастлив, только если вернется в Легион. Ему там нравится. Вы можете это устроить? Если, конечно, он вернется после этой встречи с янки.

— И если Конфедерация еще будет существовать, — выразил сомнение Дилейни.

— Конечно же будет. Нас еще не разбили. Так вы можете поговорить с генералом Фалконером?

— Я! — Дилейни передернуло. — Я не нравлюсь Фалконеру, дорогуша, и он воистину ненавидит Старбака. Могу сразу тебе сказать, что Фалконер не позволит Старбаку вернуться в его драгоценный Легион.

— Может, тогда вы сможете устроить Старбака в другое подразделение? Ему нравится быть военным.

Ну и дурак, подумал Дилейни, но оставил это мнение при себе.

— Я могу попытаться, — ответил он, взглянув на позолоченные часы, украшавшие каминную полку. — Думаю, мне пора, дорогуша.

— Не останетесь на завтрак? — Салли выглядела удивленной. Дилейни остановился.

— Даже адвокатам приходится время от времени делать кой-какую работенку, дорогая, — сказал он.

Дилейни служил юридическим советником в военном департаменте, это должность включала меньше часа работы в месяц, но приносила Дилейни годовое жалованье в размере 1560 долларов, хотя стоило признать, что эти доллары были банкнотами Юга. Он поправил мундир.

— Я сделаю для Ната всё, что в моих силах, обещаю.

Салли улыбнулась.

— Вы хороший человек.

— Ну разве это не удивительная истина? — Дилейни с фамильярной учтивостью поцеловал руку Салли, положил свои деньги в кожаный саквояж и поспешил на улицу. Опять зарядил дождь, принесся с собой не по сезону холодный ветер.

Дилейни поспешил в свою квартиру на Грейс-стрит, находящуюся в одном квартале к северу, где открыл ящик письменного стола. Временами адвокат размышлял о том, что сотни осведомителей в Ричмонде соревновались в предоставлении лучших секретных сведений янки и что победитель этого тайного соревнования получит самую большую награду, когда Север захватит город.

Его перо быстро закрипело по почтовой бумаге, и он подумал, что эта ценная крупица собранной из сплетен информации возьмет первый приз, когда наступит победа.

Он записал все, что рассказала ему Салли. Он писал быстро, предупредив Север, что Натаниэль Старбак — предатель, и вложил письмо в конверт, адресованный подполковнику Торну в Департамент генеральной инспекции в Вашингтоне. Он запечатал этот конверт в другой конверт, адресованный на имя преподобного Эшли М. Уинслоу на Канал-стрит в Ричмонде, а затем передал письмо вместе с тремя долларами домашнему рабу.

— Это срочно, Джордж. Для наших общих друзей.

Джордж знал и разделял приверженность его хозяина Северу. Он отнес письмо на Канал-стрит, вручив его человеку по имени Эшли, контролеру центральной железной дороги Виргинии.

Джордж дал Эшли два доллара. С наступлением сумерек поезд уже вез письмо и одну из двухдолларовых монет на станцию Катлетт на север Виргинии, где конверт перешел в руки освобожденного негра, державшего сапожную лавку. А тем временем в Ричмонде продолжалось массовое бегство.

Жена президента вывезла из города детей. Цены за перевозку подскочили втрое. Когда ветер дул с запада, иногда в воздухе ощущалась странная и пугающая дрожь, едва заметная, но постоянная.

Это были звуки орудий. Бельведер Дилейни услышал далекую канонаду и выложил флаг северян в гостиной, чтобы вовремя вывесить его в окне, приветствуя победоносных янки.

Он гадал, дойдет ли письмо до Вашингтона своевременно, или война закончится, прежде чем будет раскрыта измена Старбака. Он в некоторой степени надеялся, что юный северянин выживет, потому что Старбак был симпатичным мерзавцем, но всё-таки мерзавцем, а это значило, что скорее всего он в любом случае обречен на петлю.

Дилейни будет сожалеть о его смерти, но в этот сезон смертей одним трупом больше, какая разница? Очень жаль, да и только. Адвокат вслушивался в звуки отдаленной канонады и надеялся, что они означают поражение мятежников.

Первыми янки, заметившими Старбака, оказались солдаты пятой нью-хэмпширской пехотной роты, которые ошибочно приняли его за отставшего от своих мятежника и угрожая штыками отвели к своему адъютанту, мрачному капитану с растрепанной бородой и в очках с толстыми линзами, который сидя на пегой лошади разглядывал перепачканного пленника. — Вы обыскали несчастного ублюдка? — спросил капитан.

— У него ничего нет, — ответил один из захвативших Старбака солдат. — Беден, как честный адвокат.

— Отведите его в бригаду, — приказал капитан. — Или, если это для вас слишком сложно, просто пристрелите мерзавца, пока никто не видит. Вот что заслуживают все

чертовы дезертиры — пулю, — он криво усмехнулся Старбаку, как будто призывая его оспорить этот вердикт.

— Я не дезертир, — возразил Старбак.

— Я и не подумал, что ты дезертир, чертов южанин. Просто считаю, что ты ублюдок со стертыми ногами, отставший от своих. Полагаю, я сделаю отступникам одолжение, просто прикончив тебя, но, может, именно потому я позволю тебе остаться в живых, — капитан натянул поводья и кивнул своим людям, разрешая им уйти.

— Уведите мерзавца.

— У меня с собой послание, — отчаянно выговорил Старбак. — Я не дезертир и не отстал от своих. Я везу послание для майора Джеймса Старбака из Секретной службы. Я выехал с письмом из Ричмонда два дня назад.

Капитан некоторое время злобно и пристально разглядывал Старбака.

— Сынок, — наконец сказал он, — я чертовски устал, голоден как собака, промок до нитки и всего лишь хочу сейчас быть дома, в Манчестере, так что если ты попусту тратишь мое время, то можешь мне чертовски сильно надоест, и я закопаю твое жалкое тело, даже не потратив на него пулю. Так что убеди меня, сынок.

— Одолжите мне нож.

Капитан взглянул на двух крепких солдат, поймавших Старбака, и ухмыльнулся при мысли, что пленник решил сразиться с ними.

— Чувствуешь себя героем, чертов южанин, или просто счастливымчиком?

— Небольшой нож, — устало пояснил Старбак.

Капитан порылся в складках мокрой одежды. Позади него с трудом тащилась по грязной дороге нью-хэмпширская пехота, дождь стекал с шинелей, накинутых на ранцы солдат как плащи.

Некоторые пытливо рассматривали Старбака, другие пытались разглядеть в потертом сером мундире и залатанных мешковатых штанах признаки порочности, о которой им рассказывали проповедники северян.

Капитан извлек маленький перочинный ножик с костяной ручкой, которым Старбак вскрыл швы на поясе. Он вытащил промасленный пакет и вручил его всаднику.

— Оно не должно намокнуть, сэр, — объяснил Старбак.

Капитан развернул промасленную ткань, затем вскрыл пакет, обнажив листы тонкой бумаги. Он выругался, когда капли дождя упали на верхний лист, моментально превратив слово в расплывчатое пятно, и наклонился вперед, чтобы защитить бумагу от дождя.

Он нацепил запотевшие от дождя очки на нос и пристально взгляделся поверх оправы в мелкий почерк, и прочтенное убедило его в правоте Старбака, так что он бережно сложил листы в промасленный пакет и вернул его Старбаку.

— Ты доставляешь мне кучу проблем, сынок, но полагаю, дядюшка Сэм хочет, чтобы я поднапрягся. Тебе что-нибудь нужно?

— Сигару.

— Дай ему сигару, Дженкс, и держи свой штык подальше от ребер несчастного ублюдка. Похоже, что он всё-таки на нашей стороне.

Привели лошадей, сформировав эскорт из двух лейтенантов, обрадовавшихся возможности отправиться в Уильямсберг.

Никто точно не знал, где находится штаб Потомакской армии, но Уильямсберг казался очевидным местом, а один из лейтенантов вчера видел там девушку, как он клялся, самую

красивую девушку, которую ему посчастливилось увидеть в своей жизни, и поэтому они направились в Уильямсберг.

Лейтенанту хотелось узнать, были ли девушки Ричмонда так же красивы, и Старбак его в этом заверил.

— Мне прямо не терпится туда добраться, — заявил лейтенант, но его намного менее оптимистичный спутник поинтересовался у Старбака, насколько внушительны оборонительные укрепления мятежников вокруг города.

— Довольно грозные, — ответил Старбак.

— Что ж, полагаю, нашим канонирам не терпится их пережевать, с тех пор как отступники удрали из Йорктауна, не дождавшись, пока их сначала перебьют.

Лейтенанты считали, да и Старбак их не разубеждал, что он был патриотом-северянином, рисковавшим жизнью ради своей страны, и, как и следовало ожидать, он вызывал у них любопытство.

Он хотели знать, откуда он родом, и выяснив, что Старбак бостонец, рассказали ему, как по пути на войну проходили через Бостон, и какой это прекрасный город, лучше Вашингтона, который состоял из продуваемых ветром авеню, недостроенных зданий и наполнен всякого рода мошенниками, желавшими разжиться на честных солдатах парой-другой долларов.

Там они встретились с президентом Линкольном, оказавшимся порядочным человеком, простым и честным, но на остальную часть города, по их мнению, никаких ругательств не хватит.

Лейтенанты не особенно торопились и остановились в таверне, где потребовали пива. Угрюмый хозяин таверны заявил, что пиво дочиста выпили, и взамен предложил бутылку персиковой наливки.

Она оказалась сладкой, густой и странной на вкус. Старбак, сидевший у заднего входа таверны, заметил ненависть к захватчикам на лице ее хозяина. В свою очередь, оба лейтенанта насмеялись над хозяином, заявляя, что этот косматый простофиля отчаянно нуждается в северном просвещении.

— А эта страна не так уж плоха! — более жизнерадостный лейтенант указывал на пейзаж. — Если эту землю хорошенько осушить и основательно возделать, то тут можно срубить денег.

По правде говоря, дождливый пейзаж выглядел ужасно непривлекательно. Таверна была построена на расчищенном от деревьев участке к северу от болот, окаймлявших реку Чикахомини.

Сама река была не шире главной улицы Ричмонда, но ее окружали широкие полосы илистых наносов и топей, от которых исходил тяжелый мерзкий запах.

— Такие болота вызывают болезни. Это не место для белого человека.

Оба лейтенанта, разочарованные густой и сладкой наливкой, решили двигаться дальше. По пути три всадника натолкнулись на группу наступающей пехоты, и Старбак отметил превосходную экипировку солдат.

У этих людей подошвы башмаков не держались с помощью веревки, никто не носил потрепанных веревочных ремней, никто не нес кремниевых ружей, которые применялись еще солдатами Джорджа Вашингтона, когда они проходили по этим же дорогам, чтобы прижать британцев к морю у Йорктауна.

У этих войск не было мундиров, окрашенных скорлупой грецкого ореха, им не

приходилось растирать жаренный арахис с сушеными яблоками, чтобы сделать заменитель кофе. Эти северяне выглядели откормленными, веселыми, уверенными — обученная и снаряженная армия, поставившая своей целью быстро завершить свое печальное дело.

В двух милях от конечной цели путешествия они проехали мимо парка орудий, где Старбак остановился и в полнейшем изумлении на них уставился. Он не думал, что столько орудий и в целом мире наберется, не то что на этом маленьком виргинском поле.

Пушки были выстроены в ряд колесом к колесу, все со свежескрашенными передками и начищенные, а позади стояли ряды новехоньких закрытых фургонов, в которых хранилось артиллерийское снаряжение и боеприпасы.

Он пытался сосчитать пушки, но наступили сумерки, и ему не удалось их четко разглядеть, чтобы сделать хотя бы приблизительный подсчет. Рядами стояли двенадцатифунтовые пушки Наполеона, орудия Паррота с затворами в форме луковицы, и несколько акров занимали трехдюймовки с тонкими стволами.

У некоторых орудий дула потемнели, напоминая о том, что мятежники сражались в быстрой и кровавой заградительной схватке у Уильямсберга в надежде замедлить продвижение федеральных сил. Артиллеристы группами собирались возле полевых костров посреди парка орудий, и запах поджариваемого мяса заставил трех всадников прищпорить лошадей, поспешив к уюту близкого города.

В окнах зажглись первые лампы, когда они рысью въехали в Уильямсберг с разбросанными по нему прекрасными старинными зданиями колледжа. Они подъехали к колледжу по улице с крытыми черепицей домами.

Некоторые из домов выглядели опрятными и нетронутыми, а другие, видимо, оставленные владельцами, были разграблены северянами. Оборванные занавески висели на разбитых окнах, дворы были усеяны осколками фарфора. В одном из дворов в грязи валялась кукла, распоротый матрас свисал с расколотой вишни.

Один дом был выжжен дотла, от него остались лишь две обожженные и потемневшие кирпичные трубы и покореженные, наполовину расплавленные каркасы кроватей. Во всех домах разместились военные.

Колледж Вильгельма и Марии пострадал столь же сильно, как и сам город. Лейтенанты привязали лошадей к коновязи на главном дворе и отправились в корпус Рена на поиски штаба Секретной службы

Часовой у ворот колледжа заверил их, что бюро находится здесь, но только не был уверен, где именно, и трое мужчин блуждали по освещенным лампами коридорам, заваленными порванными книгами и клочками бумаги.

В глазах Старбака всё это было похоже на нашествие варваров, явившихся с намерением уничтожить знания. Все полки были опустошены, книги свалены в кучу, сожжены в камине или просто отброшены в сторону.

Картины были разрезаны, старинные документы вытащили из сундуков и пустили на растопку. В одной из комнат резные панели были содраны с оштукатуренных стен и расщеплены на огромное количество лучин, от которых теперь остался только пепел в большом камине. В коридорах воняло мочой.

Грубая карикатура на Джефферсона Дэвиса с рогами дьявола и раздвоенным хвостом была нарисована известью на стене аудитории. Комнаты с высокими потолками занимали солдаты. Один из них обнаружил в шкафах профессорские мантии, и теперь разгуливал по коридорам, облаченный в темный шелк.

— Ищете штаб? — капитан ньюйоркцев, выдыхая запах виски, указал им на темневшие неподалеку в сумраке ночи здания. — Дома преподавателей, — он икнул и ухмыльнулся, когда из комнаты за его спиной раздался женский смех. Над входом кто-то мелом нацарапал: "Зал соитий".

— Мы захватили колледжский запас алкоголя и соединяемся с освобожденными кухонными девками, — объявил капитан. — Присоединяйтесь к нам.

Сержант ньюйоркцев предложил сопроводить Старбака к дому, где, по его мнению, находился штаб Секретной службы, тогда как нью-хэмпширские лейтенанты, выполнив свое задание, присоединились к празднованию ньюйоркцев. Сержант рассердился.

— У них нет ни малейшего чувства долга, — отозвался он о своих офицерах. — Мы в праведном походе, а не на пьянке! Они всего лишь служанки на кухне, едва вышли из детского возраста! Что о нас подумают эти невинные негротянки? Что мы ничем не лучше южан?

Но Старбак не мог посочувствовать несчастью сержанта. Он был слишком захвачен действующими на нервы мрачными опасениями, следуя по покрытой лужами дороге к ряду прекрасных освещенных фонарями домов. Лишь несколько мгновений отделяли его от встречи с братом и выяснения, был ли в действительности его бывший друг предателем. Старбаку также предстояло вести плутовскую игру, и он не был уверен, что сможет ее продолжать. Может, увидев лицо Джеймса, он лишится своей решимости?

Может, весь этот обман и есть путь Господень к возврату на праведный путь? У него засосало под ложечкой и сердце громко забилося в груди, его еще болевший от пыток Гиллеспи живот свело. Всего превыше: верен будь себе [\[21\]](#), подумал он, но это лишь поднимало вопрос Пилата [\[22\]](#). Что есть истина? Неужели Господь требует от него предать Юг?

Еще немного, и он бы повернулся и сбежал от этой дилеммы, но сержант указал ему на дом, ярко освещенный свечами и охраняемый двумя сжавшимися от ветра у стены из красного кирпича часовыми в синих мундирах.

— Вот этот дом, — сказал сержант и окликнул часовых. — У него есть там дело.

На двери мелом было начертано: "Майор Е.Дж. Аллен и штаб. ВХОД ВОСПРЕЩЕН".

Старбак почти ждал, что часовые преградят ему вход, но вместо этого они без лишних вопросов впустили его в приемную, увешанную гравюрами с видами европейских соборов.

Вешалка из оленьих рогов была завалена синими шинелями и перевязями для сабель. Мужские голоса и звуки стучащих по фарфору столовых приборов исходили из находившейся слева от Старбака комнаты.

— Кто здесь? — прокричал голос из столовой.

— Я ищу... — начал было Старбак, но его голос слегка дрогнул, и ему пришлось повторить снова. — Я ищу майора Старбака, — крикнул он.

— А кто вы такой, черт подери? — в раскрытой двери появился низкий бородатый мужчина с резким голосом. Вокруг его шеи была повязана салфетка, а в правой руке он держал насаженный на вилку кусок цыпленка. Он окинул презрительным взглядом потрепанный мундир Старбака. — Вы что, жалкий мятежник? А? Так и есть, да?

Пришел выклянчить приличный ужин, так ведь, когда ваше жалкое восстание провалилось? Ну? Не молчите же, идиот.

— Я брат майора Старбака, — процедил Старбак, — и у меня к нему письмо из Ричмонда.

Задира несколько мгновений молча его рассматривал.

— Разрази меня Господь, — наконец удивленно выругался он. — Вы его брат из Ричмонда?

— Да.

— Тогда прошу, входите! — он ткнул куском цыпленка. — Входите!

Старбак вошел в комнату, где около дюжины мужчин сидели вокруг прекрасно сервированного стола. На его отполированной поверхности горели свечи в трех канделябрах, на множестве тарелок лежал свежий хлеб, зелень, жареное мясо, а красное вино и массивная серебряная посуда искрились в пламени свечей.

Старбак, хотя и был голоден, ничего этого не замечал, он видел лишь сидевшего у дальнего края стола бородатого мужчину, который начал подниматься, но теперь, казалось, неподвижно замер, наполовину привстав. Он смотрел на Старбака, не веря собственным глазам.

— Джимми! — окликнул его человек, задиравший Старбака в приемной.

— Он назвался твоим братом.

— Нат, — проговорил слабым голосом Джеймс, всё еще скорчившись в кресле, наполовину привстав.

— Джеймс, — Старбак внезапно почувствовал прилив любви к своему брату.

— О, хвала Господу, — сказал Джеймс и упал назад в кресло, словно не мог перенести этого мгновения.

— О, хвала Господу, — повторил он, коснувшись салфеткой закрытых глаз, словно вознося благодарность за возвращение брата. Другие мужчины за столом безмолвно глядели на Старбака.

— Я привез тебе послание, — прервал Старбак тихую молитву брата.

— От...? — произнес Джеймс полным надежды тоном, почти добавив имя, но вспомнив про свое обещание держать личность Адама в секрете. Он придержал вопрос и даже приложил палец к губам, словно предупреждая брата не произносить этого имени вслух. И тогда Старбак всё понял.

Это предостерегающее движение брата выдало, что тот, без сомнения, знает личность шпиона, и это могло означать лишь одно: предателем был Адам.

Им мог оказаться только Адам, хотя эта неизбежность не мешала Старбаку надеяться и уповать на то, что шпионом может оказаться абсолютно неизвестный ему человек.

Он почувствовал неожиданную и безмерную печаль и отчаяние, потому что теперь ему придется свыкнуться с этой новой уверенностью. Джеймс по-прежнему ожидал от него ответа, и Старбак кивнул.

— Да, — выдавил он, — от него.

— Спасибо тебе, Господи, и за это, — сказал Джеймс. — Я боялся, что его могут схватить.

— Джимми опять начал молиться, — весело прервал беседу братьев бородатый коротышка, — так что вам лучше присесть и съесть чего-нибудь, мистер Старбак. Вы выглядите так, будто умираете с голоду. Письмо при вас?

— Это мистер Пинкертон, — представил коротышку Джеймс. — Глава Секретной службы.

— И для меня честь познакомиться с вами, — добавил Пинкертон, протянув руку. Старбак пожал ее и передал Пинкертону промасленный пакет.

— Полагаю, вы ждали этого, сэр, — сказал он. Пинкертон развернул листы и взгляделся в тщательно измененный почерк. — Это то, что надо, Джимми! От твоего друга!

Он не подвел нас! Я знал, что не подведет! — он притопывал ногой по ковру от радости. — Присаживайтесь, мистер Старбак! Садитесь. Угощайтесь!

— Приготовьте для него комнату! Рядом с вашим братом, да?

Джеймс встал, когда Старбак подошел к нему. Нат был так рад снова повидаться с Джеймсом, что на мгновение испытал желание обнять брата, но в его семье было не принято публично выражать чувства, и потому братья просто пожали друг другу руки.

— Садись, — сказал Джеймс.

— Лейтенант Бентли, не затруднит ли вас передать мне цыпленка? Спасибо. И немного хлебного соуса. Ты всегда любил хлебный соус, Нат. Сладкого картофеля? Садись же, садись. Лимонада?

— Вина, если можно, — ответил Старбак.

Джеймс выглядел потрясенным.

— Ты употребляешь крепкие напитки? — но не осмелившись испортить это мгновение ханжеским неодобрением, он улыбнулся. — В таком случае, вина, конечно же. Уверен, твоему желудку оно пойдет на пользу, и почему бы и нет? Садись, Нат, садись!

Старбак наконец уселся и был засыпан кучей вопросов. Похоже, все присутствующие за столом знали, кто он, и все видели статьи в ричмондских газетах, объявивших о его освобождении.

Эти газеты проделали путь до Уильямсберга намного быстрее Старбака, который заверил коллег своего брата, что это заключение было ошибкой.

— Тебя обвинили во взяточничестве? — Джеймс высмеял это предположение.

— Какая нелепица!

— Сфабрикованные обвинения, — ответил Старбак с ртом, набитым курицей с хлебным соусом, — и всего лишь предлог задержать меня, пока они пытались добиться признания в шпионаже.

Кто-то плеснул ему вина и хотел узнать детальные подробности бегства из Ричмонда, и Старбак рассказал, как отправился на север, к Меканиксвиллю, а потом свернул на запад, к веренице мелких дорог, проходивших севернее Чикахомини.

Он рассказывал так, словно проделал весь путь в одиночку, хотя на самом деле никогда бы не добрался до рядов северян без проводника Ги Белля, который безопасно провел его по безлюдным обходным дорогам и пустынным лесам.

Он вышли ночью, сначала к Меканиксвиллю, затем на ферму к западу от Колд-Харбора, и в последнюю ночь прошли через заставы мятежников у железной дороги Йорк-Ричмонд к сосновому бору возле церкви Святого Петра, где женился Джордж Вашингтон. И именно там молчаливый Тайлер покинул Старбака.

— Отсюда пойдете в одиночестве, — сказал ему Тайлер.

— Где янки?

— Мы уже две мили как прошли мимо них. Но с этого места эти сволочи повсюду.

— Как мне вернуться назад?

— Отправитесь на мельницу Баркера и спросите Тома Вуди. Том знает, как меня найти, а если Тома там не будет, то разбирайтесь сами. А теперь идите.

Большую часть утра Старбак оставался под прикрытием сосен, а затем пошел на юг, пока не достиг дороги, где его захватил Нью-Хэмпширский полк.

Теперь, насытившись ужином, обильнее которого он уже не ел многие месяцы, Старбак отодвинул кресло от стола и принял предложенную ему сигару. Его брат нахмурился, увидев, что он употребляет табак, но Старбак убедил его, что это всего лишь средство облегчить бронхит, подхваченный в казематах мятежников.

Затем он описал, как с ним обращались в тюрьме и ужаснул компанию красочным рассказом о повешении Уэбстера. Он не мог сообщить Пинкертону никаких новостей с Скалли и Льюисе, ни о женщине, Хетти Лоутон, схваченной вместе с Уэбстером.

Пинкертон, набивавший трубку табаком с плантаций у реки Джеймс, захваченным в здании факультета, где они квартировали, нахмуренно взглянул на Старбака. — Почему они позволили вам присутствовать при смерти бедняги Уэбстера?

— Думаю, они ожидали, что я выдам себя, узнав его, сэр, — объяснил Старбак.

— Должно быть, считают нас дураками! — фыркнул Пинкертон, покачав головой от столь очевидного свидетельства глупости южан. Он раскурил трубку и просмотрел листки тонкой бумаги, на которых Ги Бель написал фальшивое письмо. — Могу я предположить, что вы знаете автора этого письма?

— Да, сэр.

— Друг семьи, да? — Пинкертон перевел взгляд с худого Старбака на тучного Джеймса и снова вернулся к Старбаку. — И я полагаю, мистер Старбак, что если этот друг просил вас доставить письмо, значит, знал о вашем сочувствии северянам?

Старбак посчитал этот вопрос неуклюжей проверкой его лояльности и какую-то секунду так оно и было, потому что он осознал, что настало время начать плести свою ложь.

Или придется выложить правду и увидеть, как его друзья из одиннадцатой роты и из Ричмонда сдаются армии северян. На одно слепящее мгновение он почувствовал искушение рассказать правду, чтобы спасти свою душу, но потом мысль о Салли заставила его улыбнуться выжидающему Пинкертону.

— Он знал о моих симпатиях, сэр. С недавнего времени я помогаю ему в сборе сведений, которые он вам отправляет.

Ложь вышла на удивление связной. Он даже произнес эти слова со всей возможной скромностью и в течение нескольких секунд ощущал безмолвное восхищение собравшихся, а потом Пинкертон одобрительно хлопнул по столу.

— Тогда вы заслуживали тюремного заключения, мистер Старбак! — он засмеялся, показав, что это была всего лишь шутка, и снова хлопнул по столу. — Вы храбрец, мистер Старбак, вне всяких сомнений, — с чувством заявил Пинкертон, и сидевшие вокруг стола шепотом одобрили чувства своего босса. Джеймс дотронулся до руки Старбака.

— Я всегда знал, что был на верной стороне. Молодец, Нат!

— Север обязан вас отблагодарить, — продолжил Пинкертон, — и я лично позабочусь о том, чтобы этот долг был оплачен. А теперь, если вы закончили вашу трапезу, не могли бы мы с вами побеседовать с глазу на глаз? Вместе с тобой, Джимми, конечно же. Захватите ваш бокал, мистер Старбак.

Пинкертон отвел их маленькую и элегантно обставленную гостиную. На полках стояли ряды книг по теологии, а на стол орехового дерева водрузили швейную машинку с наполовину законченной рубашкой, все еще зажатой между лапками машинки.

На приставном столике в ряд выстроились семейные портреты в серебряных рамках. Один из них, дагерротип с портретом маленького ребенка, был перетянут полоской крепа, означавшей, что тот недавно умер. На другом был изображен юноша в форме артиллериста

армии Конфедерации.

— Жаль, что этот портрет обернут черным, а, Джимми? — сказал Пинкертон, усаживаясь. — Итак, мистер Старбак, как к вам обращаются? Натаниэль? Нат?

— Нат, сэр.

— Можешь называть меня Бульдогом. Меня все так зовут. Все кроме Джимми, потому что он слишком черствый бостонец, чтобы называть кого-либо прозвищем, так ведь, Джимми?

— Совершенно верно, шеф, — ответил Джеймс, жестом велел Старбаку сесть напротив Пинкертона у потухшего камина. В дымоходе завывал ветер, а дождь барабанил по занавешенным окнам.

Пинкертон вытащил сфабрикованное Ги Беллем письмо из кармана жилета.

— Плохие новости, Джимми, — мрачно начал детектив. — И всё именно так, как я и боялся. Теперь нам, по-видимому, противостоят около ста пятидесяти тысяч мятежников. Сам взгляни.

Джеймс нацепил очки на переносицу и положил протянутое ему письмо прямо под свет масляной лампы.

Старбак гадал, сможет ли его брат заметить фальшь в почерке, но вместо этого Джеймс выражал свое недовольство новостями и неодобрительно качал головой, явно разделяя пессимизм начальника.

— Это скверно, майор, очень скверно.

— И они посылают подкрепления Джексону в Шенандоа, ты это прочел? — Пинкертон вытащил изо рта трубку.

— Вот сколько у них людей! Они могут позволить себе снять войска с укреплений Ричмонда. Вот именно этого я и боялся, Джимми! Месяцами эти мошенники пытались убедить нас, что их армия невелика. Они хотят нас заманить, понимаешь? Втянуть нас. А затем всеми силами нанесут нам удар! — он обеими руками изобразил боксерскую схватку.

— Боже мой, если бы не это письмо, Джимми, это могло бы сработать. Генерал будет благодарен. Клянусь, будет благодарен. Я скоро навещу его, — удивительно, но Пинкертона, казалось, удовлетворили плохие новости, почти вселили энергию. — Но прежде чем я уйду, Нат, расскажи мне, что происходит в Ричмонде. И не осторожничай, парень. Сначала расскажи худшее, без утайки.

Старбак, как и было приказано, описал столицу мятежников, заполненную солдатами со всех частей Конфедерации. Он доложил, что с момента начала войны сталелитейные заводы Тредегара днем и ночью отливают пушки, которые теперь потоком выходят из заводских ворот на свежесрытые укрепления, опоясывающие Ричмонд.

Пинкертон подался вперед, словно ловя каждое слово, и вздрагивал при каждом новом доказательстве силы мятежников. Сидевший рядом с ним Джеймс делал пометки в записной книжке. Никто не оспаривал выдумки Старбака, они жадно заглатывали всю его вопиющую ложь.

Старбак закончил свой рассказ описанием виденных им входящих на ричмондскую станцию петербургской железной дороги поездов, нагруженных коробками с британскими винтовками, тайно переправленными через блокаду флота федералистов.

— Считается, что теперь каждый солдат-южанин снабжен новейшей винтовкой и достаточными для дюжины сражений боеприпасами, — заявил Старбак. Джеймс нахмурился:

— Половина пленных, которых мы захватили в последние недели, была вооружена устаревшими гладкоствольными ружьями.

— Это потому что они не позволяют новому оружию просочиться из Ричмонда, — без запинки солгал Старбак. Он неожиданно начал получать удовольствие.

— Видишь, Джимми? Нас затягивают! Заманивают нас! — Пинкертон качал головой и знак признания очевидного вероломства мятежников.

— Они втянут нас, а затем ударят. Боже ты мой, как же это умно, — он попыхивал трубкой, с головой уйдя в раздумья.

На каминной полке тикали часы, а из дождливой ночи доносилась песня пьяных солдат. Наконец Пинкертон тяжело опустился в кресло, словно не мог понять, как пробраться сквозь окружающую его в гущу врагов.

— Твой друг, парень, который пишет эти письма, — сказал Пинкертон, ткнув трубкой в сторону Старбака, — как он собирается передавать нам последующие донесения?

Старбак вынул сигару изо рта.

— Он предложил мне, сэр, вернуться в Ричмонд, чтобы вы использовали меня в той же роли, что и Уэбстера.

— Ад..., - он вовремя сдержался, чтобы не выболтать имя Адама.

— Правда, я не идеален, но, возможно, это получится проверить. Никто в Ричмонде не знает, что я пересек линию фронта.

Пинкертон сурово глянул на Старбака.

— А каков твой статус у мятежников, Нат? Тебя выпустили из тюрьмы, но разве они настолько глупы, что ожидают твоего возвращения в армию?

— Я попросил небольшой отпуск, сэр, и они согласились, но хотят, чтобы я вернулся в паспортное бюро к концу месяца. Видите ли, я там работал до то как меня арестовали.

— Бог мой, но ты можешь быть нам чертовски полезным в этом бюро, Нат! Боже мой, это будет очень полезно! — Пинкертон встал и взволновано зашагал по маленькой комнате. — Но возвращаясь обратно, ты подвергаешь себя огромному риску. Ты действительно к этому готов?

— Да, сэр, если это необходимо. В смысле, если вы до этого не закончите войну.

— Ты храбрый человек, Нат, настоящий храбрец, — сказал Пинкертон, продолжая мерить комнату шагами, пока Старбак раскуривал сигару и глубоко вдохнул дым. Ги Белль должен им гордиться, подумал он. Пинкертон прекратил вышагивать и ткнул в Старбака мундштуком. — Генерал, возможно, захочет тебя увидеть. Ты к этому готов?

Старбак скрыл свою тревогу при мысли о встрече с военачальником северян.

— Конечно, сэр.

— Прекрасно! — Пинкертон схватил фальшивое письмо со стола перед Джейсмом. — Я ухажу на встречу с его превосходительством. Можете поболтать друг с другом, — он умчался, на ходу выкрикивая ординарцу, чтобы принес пальто и шляпу.

Джеймс, неожиданно смутившись, сел в кресло, которое освободил Пинкертон. Он робко встретился взглядом с братом и улыбнулся.

— В глубине души я всегда знал, что ты не "медноголовая змея".

— Кто?

— Медноголовая змея — перебежчик, — объяснил Джеймс. Это оскорбительное прозвище для тех, кто симпатизирует Югу. Так их называют журналисты.

— Вот мерзкие твари эти медноголовые змеи, — беспечно произнес Старбак. В

прошлом году эта тварь чуть не укусила одного из его солдат, и он вспомнил, как предостерегающе заорал Траслоу, начисто срезав змее голову охотничьим ножом. Старбак вспомнил, что змея пахла жимолостью.

— Как Адам? — спросил Джеймс.

— Как всегда серьезен. И влюблен. Она дочь преподобного Джона Гордона.

— Из Американского общества распространения Писания среди бедных? Я никогда не встречался с ним, но слышал про него только хорошее, — Джеймс снял пенсне и протер его полый кителя. — Ты похудел. Они действительно поили тебе слабительным?

— Да.

— Ужасно, просто ужасно, — Джеймс нахмурился, а потом одарил Старбак кривой улыбкой, не лишенной сочувствия. — Теперь мы оба побывали в тюрьме, Нат. Кто мог такое представить? Должен признаться, когда я был в Ричмонде, то находил большое успокоение в Деяниях святых апостолов. Я верил, что если Господь смог вывести Павла и Силу из темницы, то и меня освободит. И он освободил!

— И меня, — поддакнул Старбак, испытывая неловкость от смущения. Он ощущал определенное удовольствие, водя за нос Пинкертона, но только не дурача Джеймса. Его брат улыбнулся.

— Адам вселил в меня надежду, что, возможно, ты к нам вернешься.

— Да? — Старбак не смог скрыть своего удивления, что его старинный друг мог так превратно его понять.

— Он сказал, что ты посещаешь молитвенные собрания, — сказал Джеймс, — так что я знал, что ты, должно быть, освобождался от своего бремени пред Господом, и возблагодарил его за это. Адам передал тебе библию?

— Да, спасибо. Она со мной, — сказал Старбак, похлопав по нагрудному карману. Библия ожидала его вместе с мундиром в доме Ги Белля. — Ты хочешь получить ее обратно?

— Нет! Нет. Мне хочется, чтобы она осталась у тебя, это подарок, — Джеймс дыхнул на пенсне и опять протер линзы. — Я просил Адама убедить тебя вернуться домой. Когда, конечно же, узнал его взгляды на войну.

— Да, он убедил меня, — соврал Старбак.

Джеймс покачал головой.

— Так где же на самом деле эти орды солдат-южан? Должен признаться, у меня были сомнения. Я думал, что Пинкертона и Макклелана видят опасность там, где ее нет, но я ошибался!

Что ж, с Божьей помощью мы одержим верх, но признаюсь, битва будет тяжелой. Но по крайней мере ты выполнил свой долг, Нат, а я считаю своей обязанностью уведомить об этом отца.

Старбак смущенно улыбнулся.

— Не могу представить, что отец меня простит.

— Да, он не склонен что-либо прощать, — согласился Джеймс, — но я поведаю ему, как ценны оказались твои услуги, и кто знает? Может, он найдет в себе силы вернуть прежнюю привязанность? — он опять начал протирать свое пенсне. — Хотя должен признать, он всё еще зол на тебя.

— Из-за девушки? — без обиняков спросил Старбак, имея ввиду те дни, когда он сбежал из Йеля и от ярости отца. — Или из-за денег, которые я украл?

— Да, — Джеймс покраснел, но затем улыбнулся. — Но даже отец не будет отрицать

притчу о блудном сыне, так ведь? И я скажу ему, что настало время тебя простить, — он остановился, колеблясь между желанием излить душу и воспитанием, которое приучило его прятать все откровенные чувства. Желание одержало верх.

— Пока ты не ушел, я и не думал, что мне будет так сильно тебя недоставать. Ты ведь всегда был бунтарем, да? Полагаю, я нуждался в твоих проказах сильнее, чем считал. После того, как ты ушел, я решил, что нам следовало быть более близкими друзьями, и теперь мы можем ими стать.

— Так мило с твоей стороны, — сильно смутившись, вымолвил Старбак.

— Давай! — Джеймс неожиданно соскользнул с кресла и опустился на колени на плетеный коврик. — Помолимся?

— Да, конечно, — согласился Старбак, и в первый раз за многие месяцы преклонил колени. Его брат громко молился, благодаря Бога за возвращение блудного брата и моля Господа благословить Ната, его будущее и праведное дело северян.

— Может, — закончил молитву Джеймс, — тебе хочется что-нибудь добавить к молитве, Нат?

— Лишь "аминь", — ответил Старбак, гадая, какое еще предательство ему придется совершить в ближайшие дни, чтобы сдержать данное отцу Салли обещание. — Просто аминь.

— Тогда аминь, — согласился Джеймс.

Он улыбался, полный счастья, потому что добродетель восторжествовала, грешник вернулся домой и пришел конец бесчестию семьи.

Корабль Конфедеративных Штатов Америки "Виргиния" — построенный из корпуса бывшего корабля Соединенных Штатов "Мерримак" броненосец, посадили на мель и взорвали, когда был оставлен Норфолк, его база.

Потеря мятежниками своего броненосца открыла реку Джеймс для флота северян, и военная флотилия поднялась вверх по течению к Ричмонду.

Батареи мятежников на берегах реки были подавлены огнем с кораблей; огромные ядра орудий Дальгрена громили мокрые парапеты, а стофунтовые снаряды орудий Паррота разрывали в клочья прогнившие орудийные площадки и крушили лафеты пушек.

Миля за милей флотилия северян из трех броненосцев и двух деревянных канонерок шла вверх по течению, уверенная в том, что на реке Джеймс на плаву не осталось ни одного корабля отступников, способного бросить им вызов, и ни одной береговой батареи, достаточно сильной, чтобы остановить их неумолимое продвижение.

В шести милях к югу от Ричмонда, где курс флотилии после поворота направо выходил на прямую линию строго на север, к самому сердцу города, оставался последний форт мятежников. Он располагался на высоком утёсе Дрюри на южном берегу реки Джеймс, его тяжелые орудия смотрели на запад, по направлению к устью реки.

У самой северной части холма, где река так заманчиво приглашала в самое сердце мятежа, у огромных свай была устроена баррикада из нагруженных камнем затопленных барж.

Вода перехлестывала через баррикаду и, пенясь, просачивалась сквозь щели, а завал из коряг и плавающих деревьев был установлен вверх по течению, чтобы сделать препятствие еще более грозным.

Флотилия северян подошла к последнему форту и баррикаде сразу после рассвета. Всю ночь пять военных кораблей стояли на якоре посередине реки под ружейным огнем с

берегов противника, но теперь, когда за их спинами всходило солнце, они очистили оружейные башни и орудийные палубы для решающей битвы.

Сперва они подавят форт, а потом прорвутся сквозь баррикады.

— Ричмонд будет наш к наступлению ночи, ребята! — крикнул канонирам офицер флага.

В свою подзорную трубу в лучах нового дня он мог рассмотреть находившийся в отдалении город, увидел блики солнца на белых шпилях, на церкви с колоннами и на крышах домов, усеивавших семь городских холмов.

Он видел развевающиеся флаги презренных южан и поклялся, что прежде чем этот день подойдет к концу, его корабль высадит десант и сорвет одну из этих тряпок с флажштоков Ричмонда. Но сперва они уничтожат это последнее препятствие, а затем поднимутся вверх по течению, в самое сердце города, и бомбардировкой приведут к покорности его горожан.

Таким образом армия будет избавлена от необходимости начинать осаду. Победа к ночи. Пять кораблей зарядили пушки, подняли якоря с речного ила и поплыли вперед, к победе, с яркими знаменами, развевающимися в лучах восходящего солнца.

Мятежники открыли огонь первыми, начав стрельбу в сторону реки, когда флагман был всего в шестидесяти ярдах от цели. Снаряды южан с воем вылетали с вершины холма, и каждый оставлял в небе тонкую струю порохового дыма.

Первые выстрелы попали в воду, взметнув фонтаны воды, превращающиеся в туман брызг. Но потом первые снаряды попали в цель, вызвав восторг канониров мятежников.

— Приберегите дыхание! Перезаряжай! Пошевеливайтесь! — кричал артиллерийский капитан.

Возглавил атаку броненосец "Галена", выдерживая артиллерийский огонь мятежников и маневрируя, он вышел на огневую позицию. Сперва он отдал кормовой якорь, затем застопорил ход, позволяя течению развернуть его на девяносто градусов, чтобы борт был повернут в сторону маленького форта на высоком утесе.

Капитан "Галены" намеревался остановить поворот отдачей носового якоря, когда он встанет бортом к пушкам мятежников, но прежде чем переделанный из корвета броненосец начал поворот, снаряды южан принялись разносить в клочья его бронированные борта. Стальная обшивка деревянного корпуса "Галены" не могла противостоять тяжелым орудиям форта.

Она погнулась и слетела, после чего снаряды противника проббили беззащитную деревянную обшивку, превратив орудийную палубу в бойню, полную огня и добела раскаленного металла. Крики эхом отдавались под низкими бимсами корабля, из люков поднимался дым, а из пушечных портов вырвалось пламя. Корабль с перерезанным якорным тросом и с текущей из шпигатов кровью дрейфовал вниз по течению в безопасное место.

Монитор — построенный для особых целей броненосец с палубой и орудийной башней из цельного металла, с грохотом подошел к опасному месту, подняв со дна реки ил своим девятифутовым винтом. Канониры форта прекратили стрельбу, позволив рассеяться дыму от восьми пушек, и изменили ее угол, опустив лафеты орудий, чтобы улучшить прицел.

Монитор был более трудной целью, так как представлял собой лишь плоскую металлическую палубу, по которой перекачивалась вода и где возвышалась орудийная башня двадцати футов в диаметре. Для солдат в форте он выглядел, как плавучая жестяная коробка из-под пирожных с полузатопленным металлическим корпусом. Когда дополнительный двигатель привел в действие механизм, вращающий орудийную башню и таким образом

приводящий в действие две чудовищные пушки, оттуда вырвались клубы дыма.

— Пли! — приказали командиры артиллерийских расчетов мятежников, языки пламени показались из пушек, которые отскочили назад на своих барбетах [23]. Снаряды и ядра посыпались на броненосец. Часть из них подняла на поверхности реки большие столбы воды, другие поразили цель, но отскочили от бронированной палубы и с воем беспорядочно пронеслись над берегом.

Команда монитора открыла пушечные порты. Весь корабль содрогнулся, когда залп неприятеля поразил палубу, затем еще один снаряд заставил орудийную башню грохнуть, как гигантский барабан.

— Пли! — скомандовал башенный офицер.

— Мы не можем навести на нужную высоту! — прокричал в ответ командир орудийного расчета. — Пушки! Мы не можем поднять их выше!

Очередной снаряд врезался в башню, выбив пыль из каждой заклепки и шва внутренней брони. От близкого попадания вода забрызгала орудия, когда другой снаряд с лязгом отскочил он бронированной плиты.

Офицер бросил взгляд по орудия и увидел, что дула пушек целят в склон ниже уровня форта.

— Их не поднять выше! — командир орудийного расчета старался перекричать ужасный грохот, издаваемый стуком снарядов по восьми слоям дюймовых стальных пластин. Главная машина броненосца, стучащая в глубине корабля, удерживала его против течения, а раздававшийся каждые несколько секунд треск означал попадание пули снайпера, пущенной из окопов, обрамлявших берега реки.

— Все равно стреляйте! — прокричал офицер.

Монитор выстрелил, но его огромные снаряды-близнецы всего лишь глубоко зарылись в болотистый склон утеса, вызвав небольшой оползень мокрой грязи со скалы. Вражеские снаряды врезались и отскакивали от дюймовой брони палубы и накрывали вентиляционные клапаны машины брызгами воды.

Рулевой броненосца, сражавшийся с рывками гигантского винта, тянущими корабль в сторону, вглядывался через отверстия в цельных металлических пластинах рулевой рубки, но не видел ничего, кроме воды и дыма орудий.

Броненосец дал очередной залп, корма корабля моментально осела в воду при отдаче двух больших орудий, но опять снаряды разорвались с большим недолетом от земляных укреплений форта, который находился высоко на берегу.

— Двигай назад! — прокричал капитан корабля рулевому.

Монитор, неспособный нанести своими орудиями урон вражеским батареям, продрейфовал вниз по течению вслед за потерпевшей неудачу "Галеной", и рулевой расслышал насмешки пехоты южан с берегов реки.

Третий броненосец, "Наугатак", разминулся с разочарованным монитором, заняв передовую позицию на узкой реке. Первый залп был взят слишком низко, следующий просвистел над фортом, расщепив высокие деревья позади него, и канониры броненосца, посчитав, что взяли нужную высоту, загнали стофунтовый снаряд в двенадцатифутовый ствол большого орудия Паррота.

Они отступили назад, канонир дернул шнур, чтобы поджечь пороховой заряд и выстрелить, но вместо этого весь ствол пушки, свыше четырех тонн железа, разорвался с оглушающим грохотом.

Людей смело в брызгах крови, когда острые осколки разорвавшегося казенника просвистели над палубой. Пламя лизало палубу, взорвав приготовленный для другой пушки заряд.

Этот меньший по силе взрыв вскрыл матросу ребра так чисто, словно взрезав ножом, и выплеснул его кишки, как отходы мясной лавки, на канатный подъемник боеприпасов.

Вражеский снаряд добавил ужаса, влетев через открытый пушечный порт и убив двух моряков, тащивших пожарный шланг. Пламя бушевало на оружейной палубе, заставив артиллерийские расчеты подняться на корму, где они стали легкой мишенью для вражеских снайперов с берега.

Корабельные помпы укротили пламя, но лишь когда "Наугатук", как и "Гилена" и монитор, отплыл вниз по течению, за линию огня вражеских пушек. Две маленькие канонерки стреляли с дальней дистанции, но ни одна из них не решилась подставить свои хрупкие деревянные корпуса под неповрежденные тяжелые пушки на утесе Дрюри, и дюйм за дюймом, словно нехотя признавая поражение, потрепанная флотилия отступала вниз по течению.

В Ричмонде звук канонады звучал как летний гром, сотрясая оконные рамы и окрашенную воду в бутылках с длинным горлышком в окнах парикмахерского салона мосье Дюкена.

Тысяча двести рабов, трудящихся на пяти дьявольских акрах сталелитейного завода Тредегара, безмолвно приветствовали невидимых нападавших, а их надсмотрщики нервно вглядывались в измазанные сажей окна, словно ожидали увидеть чудовищный флот янки, выходящий из излучины реки к пристани Рокетт с заслонившими небо трубами и с поднятыми громадными орудиями, готовый вырвать сердце у столицы отступников.

Но у излучины не было никакого движения, лишь ветер поднимал рябь на воде. Орудия продолжали грохотать, этот шум отдавался эхом в долгом жарком утре.

Эти звуки дали толчок митингу свободных горожан, которые собрались у подножия больших ступенек здания правительства. Стоящие на верхней ступеньке, в окружении величественных грандиозных колонн, мэр Ричмонда и губернатор Виргинии поклялись, что город не сдастся, пока дышат их бранные тела и наполнены гордостью сердца.

Они поклялись драться за каждый дом и каждую улицу и пообещали, что воды реки Джеймс покраснеют от крови янки, прежде чем столица Виргинии сдастся на милость северной тирании. Толпа, увешанная оружием, громкими возгласами приветствовала эти настроения.

Джулия Гордон, идущая домой с парой освежеванных кроликов, которых выменяла на рынке на Юнион-стрит на прекрасную камчатую скатерть, приданое ее матери, остановилась с краю от толпы, чтобы послушать ораторов.

Она отметила, как в промежутках между возгласами толпы пушечная пальба то усиливалась, то стихала, замирая, и что эхо отдавалось, как звуки далекой грозы.

Известный конгрессмен Конфедерации начал выступление, приведя в своей речи выдержки из "Нью-Йорк Геральд", в которой сообщалось, как жители Олбани, столицы штата Нью-Йорк, отмечали неминуемую победу северян над сторонниками отделения.

На улицах северных городов народ танцует, утверждал конгрессмен, потому что самоуверенные янки посчитали, что война завершена.

— А почему они так считают? — вопрошал оратор. Потому что на Ричмонд наступает великий Макклелан. — А победит ли Макклелан? — прорычал он свой вопрос.

— Нет! — заревела в ответ толпа.

— Новый Наполеон, — продолжал оратор, — встретит свое Ватерлоо, и танцы на улицах Олбани превратятся в похоронные процессии.

Танцевальные оркестры уступят свое место приглушенной барабанной дробью, а арлекины — убитым горем вдовам. На каждого героя, похороненного на ричмондском кладбище Голливуд, пообещал оратор, придется двадцать трупов, преданных земле на Севере, за каждую слезу, пролитую вдовой южан, потекут полные ведра слез на ненавистном Севере.

Ричмонд не сдастся, Юг не прекратит сопротивления, война еще не проиграна. Толпа ревела, эхом отдавалась пушечная пальба. Джулия медленно продолжила свой путь, с окровавленных тушек в ее руках капала кровь. Она обошла толпу и пошла по дороге, ведущей к колокольне. Изувеченные попрошайки сидели у ограды, окружавшей башню: все они были ранены в битве при Манассасе.

Позади башни, остановившись рядом с церковью Святого Павла на Девятой улице, ожидал катафалк, запряженный лошадьми с высокими плюмажами из черных перьев. Темнокожие фореиторы были облачены в белые перчатки и темные сюртуки. Позади катафалка стоял небольшой военный оркестр с черными нарукавными повязками, ожидая выноса гроба из церкви.

Джулия перешла дорогу перед лошадьми в плюмажах, взошла по ступеням здания Военного департамента и спросила клерка в приемной, находится ли в здании майор Адам Фалконер из штаба генерала Джонстона. Клерк даже не потрудился заглянуть в книгу.

— Весь штаб генерала выехал из города, мисс. Мы не видели майора Фалконера уже целый месяц.

— Он не отправлял мне письма? — спросила Джулия. Иногда штабные офицеры действовали в обход почтовой службы, используя военных курьеров для доставки их личных писем в город.

— Для мисс Гордон? — добавила Джулия. Клерк порывлся в письмах на столе, но для Джулии там ничего не было. Она поблагодарила его и направилась вверх по улице, в сторону холма, повернув на Франклин-стрит и пытаясь понять, была ли она разочарована молчанием Адама, или оно явилось для нее облегчением.

Джулия написала Адаму, что у нее есть для него сообщение, но не получила ответа и начала подозревать, что, возможно, молчание Адама было признаком перемены в чувствах.

Джулия была удивлена, когда Адам начал за ней ухаживать, и в то же время польщена ухаживанием исключительно красивого мужчины, известного своей честностью и благородством.

Адам также являлся — и Джулия не была настолько неискренней, чтобы делать вид, будто не замечает этого преимущества — единственным наследником одного из самых больших состояний в Виргинии, и в ту минуту, когда Джулия призналась себе, что ее чувство к Адаму никоим образом не изменилось под воздействием этого обстоятельства, она также поняла, что это обстоятельство, должно быть, имеет столь же сильное и неизменное влияние, как и скрытое для глаз воздействие солнца на приливы и отливы.

Мать Джулии жила с постоянным чувством стыда за свою бедность, стыда, превратившим жизнь ее мужа в страдание, и Джулия знала, что войдя в семью Фалконеров, она могла сделать обоих родителей счастливее.

И всё же, как поняла Джулия, предаваясь размышлениям во время этой медленной

прогулки по городу, существовало нечто неискреннее в ее чувствах к Адаму.

Слово "любовь" подумала она, так неточно. Любила ли она Адама? Она была уверена, что любила, и представляла себе замужнюю жизнь с ее далеко простиравшимися, даже на следующее столетие, благими и благотворительными делами, но всякий раз, когда она думала об этой прекрасной жизни, то видела ее в свете оживленных хлопот, но никак не в свете собственного счастья.

Нет, несомненно, несчастной она не будет, но и счастливой тоже, и тогда ей придется винить себя в неподобающем для христианки эгоизме и даже в желании найти свое счастье. Счастье, убеждала она себя, не плод доставляющих удовольствие поисков, а результат, приносимый непрерывным творением добрых дел.

И всё же иногда посреди ночи, просыпаясь от завывания разгуливающего по крышам ветра и звуков дождя, журчащего в желобах, она чувствовала печаль из-за недостатка радостных мгновений.

Разве Адам, думала она, когда-либо заботится о радости? Он казался таким мрачным, полным высоких целей и бездонных тревог. Он говорил, что причиной угнетенного состояния его души была война, но Джулия была не слепа и видела, что для других юношей любовь и жизнерадостность стояли выше войны.

Джулия осознала, что идет к западной стороне Франклин-стрит, что значило, скоро она должна пройти мимо дома, где жила Салли. Джулия еще не набралась храбрости, чтобы нанести ей визит, и стыдилась этого. Она прошла мимо дома по другой стороне улицы и была повергнута в смятение его великолепием.

Хмурое солнце, отражавшееся в окнах, не могло скрыть висевшие в комнатах за их створками канделябры. Парадная дверь сияла в непривычном для глаз солнечном свете. У нее возникло неожиданное желание перейти улицу и дернуть за надраенную ручку звонка, но затем она решила, что внести двух окровавленных кроликов в дом, пусть даже с плохой репутацией, едва ли было лучшим способом спасти душу. А это, убедила она себя, и было причиной, по которой ей хотелось навестить Салли.

Она продолжила свой путь домой мимо запертыми на замок зданий с плотно прикрытыми ставнями, потому что их обитатели сбежали от приближающихся янки. В городе теперь было безопасней, с выводом войск увеличилось количество военных патрулей для защиты никем не охраняемого имущества.

Другие патрули прочесывали беднейшие кварталы города в поисках дезертиров, а газеты объявили, что власти ищут еще и шпионов, которые хотят предать Конфедерацию. Город наполнился слухами и страхом, а теперь еще и вздрагивал от звуков стрельбы.

Враг стоял у ворот.

Джулия добралась до родительского дома. Она на мгновение застыла, прислушиваясь к приглушенному грохоту тяжелых орудий, стреляющих у реки, и закрыла глаза, молясь, чтобы все юноши вернулись домой невредимыми. Сам собой в ее голове всплыл образ Старбака, его появление было таким неожиданным, что она рассмеялась. Джулия внесла кроликов в дом и закрыла дверь, отгородившись от звуков войны.

Письмо Бельведера Дилейни подполковнику Торну целую неделю было спрятано в сапожной мастерской на станции Катлетт. Ежедневно сапожник добавлял в тайник новые письма, пока, наконец, их накопилось достаточно, чтобы его путешествие окупились.

Тогда он положил шестнадцать писем полковнику Уайльду в один большой конверт, закрыл мастерскую и объявил знакомым, что собирается доставить законченную обувь

живущим вдалеке клиентам.

С тяжелой сумкой, наполненной залатанными ботинками, и нелегальной почтой, спрятанной за ее подкладкой, он направился на север. Миновав свой округ, он шел только по ночам, стараясь избегать партизанских патрулей — всадников, которые были известны тем, что вешали освобожденных негров на ближайшем суку, был ли у них паспорт или нет. Ему потребовалось две ночи, чтобы добраться до расположения федералистов к югу от Потомака, где он просто вошел в палаточный лагерь пенсильванской пехоты.

— Работу ищешь, черномазый? — окликнул его сержант.

— Почтальона, сэр, — сапожник стянул шляпу и пригладил волосы в знак уважения.

— У хижины маркитанта стоит почтовый фургон, но учти, я за тобой наблюдаю! Свистнешь что-нибудь, черный ублюдок, и мои солдаты потренируются на тебе в стрельбе.

— Да, сэр! Я буду вести себя как следует, сэр! Спасибо, сэр!

Почтальон взял большой конверт, наклеил марку, бросил на прилавок сдачу и велел сапожнику убираться. На следующий день на стол подполковника Уайльда в департаменте генеральной инспекции в Вашингтоне положили шестнадцать писем, где они ожидали внимания подполковника вместе с еще сотней других.

В конторе подполковника ощущалась прискорбная нехватка персонала, поскольку в результате быстрого продвижения армии США департамент стал тем местом, куда сваливались задачи, которые другие департаменты не могли или не желали выполнять.

Среди этих задач была и оценка поступающих из Конфедерации разведанных, с которой гораздо лучше могла бы справиться Секретная служба, но не все в правительстве США разделяли веру генерала Макклелана в детектива Пинкертона, и таким образом в Вашингтоне образовалась отдельная разведслужба, чьи обязанности, как все дела без твердой принадлежности, были возложены на Департамент генеральной инспекции.

Именно из-за этих случайно возложенных обязанностей предложение об услугах, направленное Бельведером Дилейни в начале войны, оказалось на столе у подполковника Торна. С тех пор Дилейни, как и множество других сочувствующих северянам жителей Конфедерации, посылал свои материалы Торну, а тот добавлял эти письма к огромному потоку подобной корреспонденции, которая угрожала в один прекрасный день затопить контору, и так уже перегруженную совершенно посторонними задачами.

Таким образом, когда письмо Дилейни попало в контору Торна, того не было в Вашингтоне, он находился в Массачусетсе в инспекционной поездке по северным морским фортам, и не планировал вернуться ранее мая, так что письмо Дилейни дожидалось в Вашингтоне, пока полковник Торн подсчитает все пожарные ведра и сортиры в форте Уоррен.

Торн подумал, что он не за этим поступил в армию, по-прежнему живя надеждой на то, как однажды будет галопировать по покрытому дымом полю и спасет страну от беды.

Полковник Торн, с прямой, как палка, спиной, окаменевшим лицом и немигающими глазами, как и всякий солдат мечтал и молился о том, что будет сражаться за свою страну хотя бы на одной битве, до того как новый Наполеон приведет Америку к окончательному миру. А тем временем письма зарастали пылью.

Мину оставили, чтобы командующий Потомакской армией мог своими глазами увидеть, до какой низости пали войска мятежников.

— Лишь благодаря милости всемогущего Господа мы обнаружили ее до взрыва, хотя Бог знает, сколько еще взорвались без предупреждения, — говорящий был низкорослым и

резковатым майором инженерного корпуса в сорочке с подтяжками и выглядел уверенным и компетентным, напомнив Старбаку Томаса Траслоу.

Генерал-майор Макклелан спрыгнул с коня и распрямившись подошел осмотреть мину, скрытую в бочке с неграмотной надписью по трафарету: "Сушеные устрицы, г-да Мур и Карлайн, Маунт-Фолли, Ва.". Макклелан в своем безукоризненном синем кителе с двойным рядом медных пуговиц и прекрасным позолоченным ремнем осторожно подошел к бочке.

— Мы ее обезвредили, сэр, как видите, — майор, должно быть, заметил нервозность генерала. — Но это была просто ужасающая штука, просто нечто, сэр.

— Какая низость, — сказал Макклелан, по-прежнему сохраняя дистанцию с устричной бочкой. — Отвратительная низость.

— Мы нашли ее вон в том доме, — майор махнул в сторону маленькой покинутой хозяевами фермы, стоявшей в сотне ярдов от дороги.

— Мы принесли ее сюда, чтобы вы посмотрели, сэр.

— Так и следует, чтобы весь мир мог посмотреть! — Макклелан распрямился, одной рукой взявшись за застежку кителя и с морщинкой озабоченности на лице. Этот хмурый вид, как отметил Старбак, был постоянным спутником нового Наполеона.

— Я бы не поверил, — медленно и громко произнес Макклелан, чтобы собравшиеся у дороги всадники могли расслышать каждое слово, — что люди, рожденные и воспитанные в Соединенных Штатах Америки, даже пораженные пороком отступничества, могли пасть до подобного хитроумия и столь зловещих механизмов.

Многие сидящие верхом офицеры серьезно закивали, а Пинкертон с Джеймсом, сопровождавшие Старбака в этой поездке на запад с генералом, громко заохали.

Иностранные репортеры, которым на самом деле и было обращено это замечание Макклелана, зацарапали что-то в своих блокнотах. Единственным человеком, которого не удивила и не шокировала кровожадная ловушка в бочке, оказался покрытый шрамами одноглазый французский военный наблюдатель, он, как отметил Старбак, похоже, радовался всему, что видел, даже этому дьявольскому механизму.

Бочка из-под устриц наполовину была заполнена песком, в котором вертикально торчал трехдюймовый снаряд. Медная предохранительная пробка на его передней части отсутствовала, и узкий стержень спускался в заполненный порохом снаряд.

Этот стержень был наполнен порохом, но перед этим к передней части снаряда припаяли старомодный и грубоватый кремниевый ружейный замок. Майор продемонстрировал, как приделанная к внутренней стороне бочки проволока дергала за кремниевый замок, из него высекалась искра и воспламеняла порох, в свою очередь подрывающий основной заряд, расположенный в глубине.

— Он легко мог бы убить человека, — торжественно заявил майор.

— Двоих или троих, если бы они стояли достаточно близко.

Отступающие конфедераты оставили десятки таких мин. Некоторые закопали в дороги, некоторые у колодцев, а другие находились в покинутых домах, их было так много, что к этому моменту наступающие янки научились искать проволоку или другие приспособления для взрыва, но ежедневно несколько мин всё равно встречались со своими жертвами, и каждая подобная жертва добавляла северянам ярости.

— Тактика заключается в том, — провозгласил Макклелан сопровождающим его штаб газетчикам, — что даже безбожный дикарь начнет колебаться перед тем, как использовать подобное.

Вы можете подумать, не так ли, что имея моральное превосходство, мятежники едва ли имели бы нужду в таких отчаянных мерах? Но эти приспособления, полагаю, являются знаком их духовной и моральной деградации.

Послышался одобрителный шепот, а генерал взобрался на лошадь и поскакал прочь от смертоносной бочки. Другие всадники толкались, стараясь занять место позади миниатюрного командующего армией, борясь за внимание этого великого человека, но Макклелан в поисках компаньона на следующую часть поездки сделал жест Пинкертону.

— Приведите сюда своего человека, Пинкертон! — приказал Макклелан, и Пинкертон поторопил Старбака. Они уже несколько дней ждали этой встречи с генералом, встречи, которая не вызывала у Старбака энтузиазма, но Пинкертон на ней настаивал. — Так это и есть ваш посланник, Пинкертон? — свирепо рявкнул Макклелан.

— Да, сэр, и он храбрец.

Макклелан взглянул на Старбака с непроницаемым выражением лица. Они ехали по плоской местности мимо потрепанных полей, темнеющих топей и мокрых сосен. По берегам ручейков цвели гиацинты, но больше в пейзаже не было ничего привлекательного или веселого.

— Ваше имя? — рявкнул Макклелан Старбаку.

— Старбак, сэр.

— Его брат, сэр, один из самых ценных моих сотрудников, — Аллен Пинкертон махнул своей трубкой в сторону Джеймса. — Он за нашей спиной, сэр, если вы захотите его поприветствовать.

— Несомненно, прекрасно, — беспомощно произнес Макклелан и снова замолчал. Старбак искоса поглядывал на командующего войсками янки и видел низкорослого и коренастого человека с русыми волосами, голубыми глазами и здоровым цветом лица.

Генерал жевал табак и время от времени сплевывал струю на дорогу, не забывая как следует наклониться в седле, чтобы ни одна капля не запачкала мундир или до блеска отполированные сапоги.

— Вам известно, что было в доставленном вами послании? — внезапно спросил у Старбака Макклелан.

— Да, сэр.

— И? И? Что? Вы с этим согласны?

— Конечно, сэр.

— Плохо дело, — произнес Макклелан, — плохо дело, — он снова замолчал, и Старбак заметил, что французский офицер с сардоническим выражением лица подъехал поближе, чтобы слышать разговор. Макклелан тоже заметил француза. — Видите, полковник Лассан, с кем нам приходится сражаться? — генерал повернулся в седле лицом к французу.

— И с кем же именно, мой генерал?

— С превосходящими силами противника, вот с кем! С врагом, у которого вдвое больше солдат, а чем занят Вашингтон? Вам это известно? Они не дают корпус Макдауэлла нам в подкрепление. Во всех военных летописях, полковник, в истории всех войн, известен ли вам подобный пример предательства? И почему? Почему? Чтобы защитить Вашингтон, на который никто и не нападает! Идиоты!

Труссы! Предатели! Макаки! — эта внезапная страстность поразила Старбака, хотя едва ли удивила. Почти все в армии знали о том, насколько Макклелан был зол на президента Линкольна, что тот не позволил Первому корпусу отплыть на подмогу армии, стоящей на

полуострове.

Макклелан, как сказал президент, должен обойтись теми ста двадцатью тысячами солдат, которые у него уже есть, но генерал объявил, что недостающие тридцать пять тысяч стали бы ключевыми для победы.

— Если бы у меня были эти люди, я бы чего-нибудь добился. А сейчас мы можем лишь надеяться на чудо. Теперь нас ничто не спасет, только чудо.

— В самом деле, мой генерал, — отозвался полковник Лассан, хотя Старбак отметил, что в его голосе не было ни намека на убежденность. Макклелан снова повернулся к Старбаку, пожелав узнать, какие части он видел марширующими по улицам Ричмонда, и Старбак, уже привыкший выкладывать чудовищную ложь, детально описал части, которых в жизни ни видел и не слышал.

Он выдумал целую Флоридскую бригаду, кавалерийский полк из Луизианы и описал батареи тяжелых орудий, материализовавшиеся из теплого воздуха Виргинии.

К его изумлению и радости, Макклелан слушал так же жадно, как и Пинкертон, приняв слова Старбака за доказательство того, что могучий враг и правда собирался заманить его в засаду в окрестностях Ричмонда.

— Вот чего мы боялись, Пинкертон! — сказал Макклелан, когда Старбак поведал все свои измышления. — У Джонстона, должно быть, тысяч сто пятьдесят!

— Как минимум, сэр.

— Нам нужно соблюдать осторожность. Если мы потеряем армию, то проиграем и войну, — заявил Макклелан. — Нам нужно знать точное расположение этих новых бригад мятежников, — последнее требование было адресовано Пинкернтону, заверившему генерала, что Старбак готов отправиться обратно в Ричмонд, как только получит список вопросов, на которые Макклелан хочет получить ответы от бесценного и загадочного разведчика, находившегося в самом сердце высшего командования Конфедерации.

— Вы получите список вопросов, — заверил Макклелан Старбака и поднял руку, чтобы ответить на приветствия группы чернокожих, стоявших у дороги.

Женщина в неряшливом платье и порванном фартуке выбежала вперед с букетиком гиацинтов, преподнеся его генералу. Макклелан помедлил, явно надеясь, что букет заберут адъютанты, но женщина вложила букет прямо ему в руки. Он взял цветы с вымученной улыбкой.

— Бедняги, — произнес он, когда негры уже не могли его услышать. — Верят в то, что мы пришли их освободить.

— А вы не для этого пришли? — не смог удержаться от вопроса Старбак.

— Мы вступили в войну не ради того, чтобы лишить граждан Соединенных Штатов их законной собственности, даже тех граждан, у которых хватило глупости поднять вооруженный антиправительственный мятеж, — в тоне генерала слышалось раздражение из-за того, что ему приходится давать разъяснения.

— Этот конфликт возник из-за необходимости сохранения единства страны, и полагаю, что в то мгновение, когда мы поставим на кон кровь белого человека ради освобождения рабов, я подам в отставку. Не так ли, Марси? Он бросил этот призыв через плечо, и Марси, штабной офицер с мрачным выражением лица, подтвердил, что это действительно твердое убеждение генерала.

Макклелан неожиданно бросил сердитый взгляд на гиацинты в руке и отбросил их на обочину, где цветы рассыпались в луже. Старбак повернулся и увидел, что негры по-

прежнему наблюдают за всадниками. Его вдруг охватил порыв спешиться и подобрать цветы, но стоило ему натянуть поводья, как лошадь Пинкертона втоптала гиацинты в грязь.

Встреча с чернокожими навела полковника Лассана, говорившего на превосходном английском, на мысль поведать историю о рабыне, которую он повстречал в Уильямсберге.

— Всего девятнадцать, и такая хорошенькая. У нее уже четверо сыновей, и все от белых. Она считает, что это придаст ее мальчикам большую ценность, гордится этим. Сказала, что хорошего мальчика-полукровку можно продать за пятьсот долларов.

— Симпатичная девушка-полукровка может принести и поболее, — сообщил Пинкертон.

— И некоторые просто чертовски белы, — заметил штабной офицер.

— Будь я проклят, если смогу их отличить.

— Купите беленькую, Лассан, и заберите ее домой, — предложил Пинкертон.

— Почему только одну? — возразил француз с насмешливой невинностью. — Я могу себе позволить загрузить целое судно, если они достаточно привлекательны.

— Правда ли, — вступил в разговор Макклелан тоном, предполагавшим, что он не одобряет подобную тупую и похотливую болтовню, — правда ли, — повторил он, пристально уставившись на Старбака, — что Роберта Ли сделали заместителем Джонстона?

— Я такого не слышал, сэр, — правдиво ответил Старбак.

— Молюсь, что это так, — задумчиво нахмурился Макклелан. — Ли всегда был слишком осторожен. Слабак. Не любит брать на себя ответственность. Ему не хватает моральной твердости, подобные люди робеют, когда по ним стреляют. Я это заметил. Как на Юге называют Ли? — спросил он Старбака.

— Бабуля, сэр.

Макклелан отозвался коротким лающим смехом.

— Подозреваю, что новый Наполеон сможет справиться с бабушкой, а, Лассан?

— Несомненно, мой генерал.

— Но сможем ли мы справиться со ста пятьюдесятью тысячами мятежников? — задал вопрос Макклелан, и тишина была ему ответом.

Они ехали через зону, где стояла лагерем пехота, и войска северян, обнаружив, что их генерал находится поблизости, побежали к дороге, чтобы его поприветствовать.

Старбак, поотстав от Макклелана, заметил, как коротышка-генерал немедленно вдохновился лестью солдат и насколько неподдельной была эта лесть. Людей вдохновило присутствие Макклелана, как и генерал оживился от их криков.

Когда он остановил лошадь и попросил солдата одолжить дымящуюся трубку, чтобы прикурить от нее сигару, удобрительные возгласы зазвучали еще громче. Этот по-домашнему теплый жест показался столпившимся вокруг гнедой лошади генерала солдатам особенно трогательным.

— Скажите нам, когда мы отправимся добивать этих мятежников, генерал! — выкрикнул какой-то солдат.

— Когда придет время! Когда придет время! Вы знаете, что я не буду рисковать вашими жизнями без нужды! Всеу свое время!

Один из солдат предложил генералу галету, и Макклелан вызвал очередной залп одобрительных возгласов, притворно поинтересовавшись, должен ли он съесть этот предмет или использовать его в качестве кровли для крыши.

— Он чудесный человек, — признался брату Джеймс.

— Правда?

За эти несколько дней он обнаружил, что лучший способ управлять Джеймсом — это слепо соглашаться со всеми его высказываниями, хотя даже эти незначительные действия давались ему с трудом.

Облегчение и радость Джеймса по поводу чудесного возвращения шли от самого сердца, он хотел сделать Старбака счастливым в награду за эту перемену, но его внимание было слишком назойливым.

Джеймс полагал, как и отец, что табак — это дьявольское зелье, но Старбаку хотелось покурить, так что Джеймс с радостью купил сигары у военных маркитантов, чьи повозки выступали в роли магазинов везде, где размещались полки. Джеймс даже сделал вид, что поверил в заявление Старбака о том, что вино и виски необходимы ему для лечения желудочных проблем, и на собственные деньги покупал это так называемое лекарство.

Нежность и рвение Джеймса лишь усугубляли вину Старбака, он всё сильнее ощущал себя виноватым, видя, насколько брату приятно находиться в его обществе.

Джеймс гордился своим братом, даже немного ему завидовал и получал удовольствие, рассказывая историю о том, как брат, хоть и считался в прошлом году перебежчиком, на самом деле с самого первого выстрела на этой войне являлся тайным агентом Севера. Старбак это не отрицал, то удовольствие, которое получал от рассказа Джеймс, лишь мучило совесть его младшего брата, осознававшего, что предаёт доверие.

Хотя с другой стороны, это предательство становилось всё более заманчивым, потому что означало возвращение в Ричмонд, что помогло бы сбежать от внимания Джеймса. Единственным, что задерживало возвращение Старбака, был список вопросов, который, как предполагалось, он должен был доставить Адаму.

Эти вопросы были придуманы Макклеланом и Пинкертоном, но каждый день приносил новые слухи о подкреплениях южан, таким образом добавляя новые вопросы и изменяя старые. Генерала окружила очередная партия возбужденных солдат, их было столько, что что напор толпы отеснил Джеймса от Старбака.

Лошадь Старбака отошла в сторону и начала щипать траву, растущую по краю грязной колеи на обочине. Генерал Макклелан произнес традиционную речь о том, как поведет своих драгоценных ребят к победе, но только в нужное время и при благоприятных обстоятельствах. Солдаты приветствовали эти слова радостными возгласами, а генерал поскакал дальше на запад.

— Они последуют за ним куда угодно, — раздался сардонический голос прямо за спиной Старбака. — К сожалению, он никуда не хочет их вести.

Старбак повернулся и увидел, что эти слова произнес французский военный атташе диковатого вида, полковник Лассан, отсутствующий глаз которого был прикрыт заплесневелой повязкой.

Мундир француза носил следы бывшего величия: металлическое шитьё на кителе потускнело, а эполеты истрепались. На боку болтался палаш со стальным эфесом, а к седлу были приторочены два револьвера.

Он закурил сигару и предложил ее Старбаку. Это движение позволило другим штабным офицерам проехать мимо, чего явно и желал француз.

— Сто пятьдесят тысяч человек? — скептически поинтересовался Лассан.

— Может, и больше, — Старбак взял предложенную сигару. — Благодарю.

— Семьдесят тысяч? — Француз тоже закурил, а потом цокнул языком, и его лошадь

послушно начала движение.

— Сэр?

— Я предполагаю, мсье, что у генерала Джонстона семьдесят тысяч. Это самое большое, а ваша задача состоит в том, чтобы обмануть генерала Макклелана, — улыбнулся он Старбаку.

— Это предположение, сэр, просто отвратительно, — горячо запротестовал Старбак.

— Конечно, отвратительно, — весело произнес Лассан, — но ведь это правда, так?

Перед ними, смутно различимый сквозь хлещущий в сторону всадников шквал дождя, на фоне серого неба раскачивался похожий на луковицу желтый силуэт воздушного шара профессора Лоу.

— Позвольте изложить вам мою позицию, мистер Старбак, — мягко продолжал Лассан.

— Я наблюдатель, посланный правительством моей страны следить за ходом войны и докладывать Парижу о том, какую тактику и оружие можно использовать в нашей собственной армии. Я здесь не для того, чтобы принимать чью-либо сторону. Я не такой, как граф Парижский или герцог де Жуанвиль, — он махнул рукой в сторону двух элегантных штабных офицеров-французов, скакавших рядом с генералом, — которые приехали сюда драться за Север. И честно говоря, мне плевать, кто выигрывает. Это не мое дело, я здесь лишь чтобы наблюдать и писать отчеты, и похоже, что, возможно, мне пора посмотреть на эту битву со стороны южан.

Старбак пожал плечами, словно давая понять Лассану, что это решение его не касается.

— Потому что мне очень хотелось бы увидеть, как семьдесят тысяч человек планируют перехитрить сто двадцать тысяч, — заявил Лассан.

— Сто пятьдесят тысяч южан, — упорно настаивал Старбак, — окопаются и будут смотреть, как северян сносит пушечным огнем.

— Недурно, — откликнулся Лассан.

— Вы не можете позволить, чтобы столько янки сидели у вас на пороге, как и не можете противостоять Макклелану во время осады. Он хоть и слишком напыщенный, но знает инженерное дело. Нет, вам, мятежникам, придется перехитрить его обходным маневром, и это сражение будет захватывающим. Моя проблема заключается в том, однако, что мне не дозволено пересекать линию фронта. Передо мной стоит выбор — отплыть на Багамы и заплатить пробивающемуся через блокаду торговцу, чтобы вместе со своей контрабандой доставил меня в один из портов Конфедерации, или отправиться на запад и пробить путь через Миссури. В любом случае я пропущу весеннее сражение. Если, конечно, вы не позволите мне сопровождать вас, когда вы отправитесь обратно к мятежникам.

— Если я отправлюсь обратно к мятежникам, — сказал Старбак со всем высокомерием, на которое только был способен, — я сделаю это, служа Соединенным Штатам.

— Чепуха! — спокойно отозвался Лассан. — Вы настоящий мерзавец Старбак, а один мерзавец всегда опознает другого. И вы весьма изобретательных лжец. Вторая флоридская бригада! Отлично, мистер Старбак, просто отлично. Хотя совершенно очевидно, что во Флориде просто не хватит белого населения, чтобы собрать хоть одну бригаду, не говоря уже о двух! Вы знаете, почему генерал Макклелан вам верит?

— Потому что я говорю правду.

— Потому что хочет вам верить. Он отчаянно нуждается в превосходящих силах противника. В этом случае, видите ли, поражение не будет сопровождаться бесчестьем. Так когда же вы возвращаетесь?

— Не могу сказать.

— Тогда дайте мне знать, когда сможете, — попросил Лассан. Где-то впереди всадников раздался лай канонады, приглушенный влажным воздухом. Этот звук, похоже, исходил слева от дороги, откуда-то из-за далекого леса.

— А теперь смотрите, — сказал Лассан Старбаку. — Мы прекратим движение с минуты на минуту. Сами увидите, прав ли я.

Пушки снова загрохотали, и внезапно генерал Макклелан поднял руку.

— Можем переждать здесь, — провозгласил он, — просто дадим отдохнуть лошадям.

Лассан весело поглядел на Старбака.

— Вы любите делать ставки?

— Я играл в покер, — ответил Старбак.

— Так вы считаете, что пара джокер мятежников побьет флеш-рояль нового Наполеона?

— Побить флеш-рояль невозможно, — отозвался Старбак.

— Зависит то того, в чьей руке карты, мистер Старбак, и есть ли у него мужество их разыграть. Может, генерал Макклелан не хочет пачкать свои прекрасные карты? — улыбнулся француз. — Что там говорят в Ричмонде? Что война проиграна?

— Некоторые так говорят, — признал Старбак, почувствовав, как краснеет. Он и сам так говорил и даже пытался убедить в этом Салли.

— Это не так, — заявил Лассан, — пока враг южан — новый Наполеон. Он и тени боится, мистер Старбак, и я подозреваю, что ваша задача состоит в том, чтобы заставить его увидеть тени там, где их и вовсе нет. Вы и есть одна из причин, по которой семьдесят тысяч человек могут победить сто двадцать.

— Я лишь северянин, к которому вернулся разум, — откликнулся Старбак.

— А я, мсье, король Тимбукту, — заявил Лассан. — Дайте знать, когда решите отправиться домой, — он прикоснулся рукой к шляпе и прищипнул коня, а Старбак, наблюдая, как француз скачет на звук пушечной стрельбы, внезапно понял, что он ошибался, а Салли была права. Свинья еще визжит, а война не проиграна.

— Думаешь, война проиграна, ублюдок? — сержант Траслоу схватил Изарда Кобба за ухо, не обращая внимания на вопли от боли с его стороны. — Если я велю тебе поторопиться, белобрысый кусок говна, то ты поторопишься. А теперь быстрее!

Он пнул Кобба под зад. Над головой просвистела пуля, заставив того пригнуться.

— И поспешай, расправив плечи! — рявкнул Траслоу, — чертов сукин сын.

Показался дымок — у кромки далекого леса выстрелила пушка. Дымный след от снаряда прочертил в воздухе тонкую серую полосу, которую могли разглядеть только те, кто находился непосредственно под траекторией полета снаряда.

Сержант Траслоу, увидев его приближение, понял, что нет времени бежать в укрытие, и потому притворился беспечным.

Снаряд приземлился в железнодорожную насыпь за его спиной за мгновение до того, как над рекой и болотами раздался треск выстрела.

— Капрал Бейли! — крикнул Траслоу, как только осела грязь, поднятая вонзившимся в землю снарядом.

— Сержант!

— Выкопайте снаряд!

Снаряд не разорвался, то есть его можно было повторно использовать, достав из мягкой насыпи.

Если бы поблизости находилась артиллерийская батарея конфедератов, Траслоу предложил бы канонирам вернуть трофейный снаряд владельцам, но в отсутствии артиллеристов, которые могли бы оценить подарок, он рассчитывал переделать его в мину.

Легион находился на южном берегу реки Чикахомини, у подножия моста железной дороги Ричмонд-Йорк. Последний принадлежащий Конфедерации паровоз проехал через мост тремя часами ранее, таща за собой весь подвижной состав со станции Белый дом и резервные вагоны со станции Танстолл.

Затем инженеры заминировали мост, подожгли запалы и наблюдали за тем, как ничего не происходит. Легиону Фалконера, ближайшему к мосту подразделению пехоты, приказали сдерживать застрельщиков врага, пока инженеры выяснят, что пошло не так со взрывчаткой.

Мост не был вершиной инженерного мастерства. Он не взмывал через глубокое ущелье и соединял два могучих холма, представляя собой не более чем низкую, состоящую из столбов опору, торчащую в болотистых берегах реки, потом мост проходил еще четверть мили по топям, пока рельсы вновь не встречались с твердой почвой на противоположном берегу Чикахомини.

Именно на этой твердой почве янки сняли с передков два полевых орудия, установив их около густой рощи покрытых мхом деревьев, и теперь огонь артиллерии северян обрушивался на поросшее травой болото с застойными озерцами, чахлыми кустами и зарослями тростника.

На противоположном берегу стояли и несколько спешившихся кавалеристов-северян, присоединив к канонаде стрельбу из карабинов, а еще одна группа спешившейся кавалерии продвигалась вдоль моста в надежде отогнать от него инженеров-южан.

— Сержант Хаттон! — крикнул Траслоу. — Приведите свой взвод! Быстро!

Картер Хаттон заорал на своих солдат, приказывая им подойти к железнодорожной насыпи, где Траслоу построил их в две шеренги. В течение нескольких секунд они представляли собой заманчивую мишень для канониров, но Траслоу наблюдал за поведением артиллерии и вычислил, что у него есть полминуты до того, пока они успеют перезарядить пушки.

— Целиться в тех ублюдков! Впереди на рельсах! В трех сотнях ярдов! — он бросил взгляд на продвигающихся кавалеристов, которые еще не осознали опасности и по-прежнему шли вдоль сухого участка рельсов, вместо того чтобы спуститься к болоту у опор моста.

— Пли! — рявкнул Траслоу. — А теперь вниз, уходите с рельсов, быстро!

Через пять секунд снаряд просвистел прямо над тем местом, где только что стояли две шеренги Траслоу, и не причинив никакого вреда, разорвался в лесу за позицией Легиона.

Дым от залпа солдат Траслоу рассеялся, и стали видны кавалеристы, разбежавшиеся по наполненным водой озерцам по обе стороны опор моста.

— И не давайте им высовываться! — крикнул Траслоу и обернулся в сторону Эндрю Бейли, идущего с выкопанным снарядом в руках.

Это был десятифунтовый снаряд чуть менее трех дюймов в диаметре, с цинковой затычкой в передней части. Траслоу положил снаряд на шпалу и ножом открыл затычку.

Два скрючившихся неподалеку солдата опасливо посторонились, получив в награду презрительный взгляд Траслоу. Цинковая затычка прижимала погруженный в глубину снаряда стержень. В нем находился подвижный ударник, оканчивающийся медным капсюлем, который при ударе должен был быть выброшен вперед и взорваться.

Подвижный ударник удерживался двумя тонкими и хрупкими металлическими

выступами, чтобы детонатор не сдвинулся, а снаряд не разорвался во время транспортировки и в руках канониров.

Лишь резкий удар при приземлении снаряда обладал достаточной силой, чтобы сломать металлические выступы, но снаряд упал в мягкую землю железнодорожной насыпи, так что они остались целыми.

Траслоу сломал лезвием ножа оба выступа и перевернул снаряд, чтобы ударник выпал. В заканчивающемся капсюлем ударнике имелось узкое отверстие, высверленное в центре и заполненное взрывчатой смесью.

Эта смесь должна была поджечь основной заряд, защищенный от влаги бумажной перемычкой. Траслоу проткнул ее палкой и наполовину заполнил пустую запальную трубку порохом из винтовочных патронов.

Под конец он вставил на место ударник, который теперь не утопал в доньшке снаряда, а на дюйм высывался из его передней части. Если бы кто-нибудь стукнул по этому торчащему ударнику, тот вошел бы в тело снаряда, подорвав порох, засыпанный Траслоу в запальную трубку, а тем самым и основной заряд.

Теперь ему нужно было разместить снаряд. Как только прошел последний поезд, инженеры сняли стальные рельсы и погрузили их в вагоны, чтобы отвезти в Ричмонд, а мокрые деревянные шпалы остались на земле.

Траслоу заставил двоих солдат выкопать одну из шпал, а потом вырыть яму в том покоем на могилу отпечатке, который шпала оставила на железнодорожном полотне. Он поместил снаряд в яму с торчащей наверх передней частью, положил рядом с ним камень и тщательно приладил шпалу поверх него.

Он чуть-чуть покачал шпалу, сдвигая ее на дюйм вверх и вниз, а потом сделал шаг назад, чтобы полюбоваться на свою работу. Шпала была примерно на дюйм выше прежнего положения, но если повезет, янки этого не заметят, кто-нибудь наступит на шпалу, и деревяшка ударит по капсюлю.

— Наслаждаетесь, сержант? — из леса, где ожидала большая часть Легиона, вышел майор Бёрд.

— Жаль было терять такой отличный снаряд, — ответил Траслоу, заметив нотку неодобрения в невинном вопросе Бёрда.

Бёрд не был уверен, что мины — это достаточно честный способ ведения войны, но также и знал, что честное ведение войны — смешная затея, развлечение для его зятя. Война — это убийства, а не следование тайному рыцарскому кодексу.

— Для вас только что прибыло письмо, — сказал он Траслоу.

— Для меня? — удивился тот.

— Вот, — Бёрд вытащил из кармана письмо и протянул его сержанту, а потом в половинку бинокля начал рассматривать, как продвигаются дела у инженеров. — Что там такое?

— Заряды отсырели, — объяснил Траслоу, вытерев руки о мундир перед тем как открыть изящный розовый конверт и вытащить из него единственный розовый листок, должно быть, еще из довоенных запасов позолоченной и красиво обрезанной бумаги. Сначала Траслоу уставился на подпись.

— Это от Салли! — в его голосе звучало удивление. Мимо его уха просвистела пуля, а над головой со зловещим завыванием кувыркнулся снаряд.

— О, неплохо, — произнес майор Бёрд, имея в виду не новости Траслоу, а инженеров,

которые наконец-то начали карабкаться обратно на южный берег.

— Прикройте их! — крикнул Траслоу, и винтовки снайперов сердито защелкали по берегу реки. — Я и не знал, что моя Салли умеет писать.

Бёрд подумал, судя по конверту, что она и не умеет. Было настоящим чудом, что письмо вообще дошло, но армия прилагала все усилия, чтобы такие чудеса стали возможными. Немногие вещи могли поднять боевой дух больше, чем письма из дома.

— Что она пишет? — спросил Бёрд.

— Не могу сказать точно, — буркнул Траслоу.

Бёрд бросил на сержанта пронизательный взгляд. Траслоу был, вне всяких сомнений, самым сильным человеком в Легионе, да и вообще самым сильным человеком из тех, кого знал Бёрд, но сейчас в его глазах было явно заметно смущение и стыд.

— Может, я помогу? — предложил Бёрд как бы мимоходом.

— Это девичий почерк, — сказал Траслоу. — Я могу разобрать ее имя, приблизительно, но больше ничего.

— Позвольте мне, — откликнулся Бёрд, который прекрасно знал, что Траслоу и сам-то не очень хорошо читает. Он взял письмо, а потом поднял глаза на пробежавших мимо инженеров. — Отходите назад! — крикнул Бёрд солдатам одиннадцатой роты и снова взглянул на письмо. — Бог ты мой, — воскликнул он. Почерк и впрямь был ужасным.

— С ней всё в порядке? — немедленно спросил Траслоу полным нетерпения голосом.

— Дело просто в ее почерке, сержант, не более. Давайте посмотрим. Она пишет, что вы удивитесь, когда получите от нее известия, но у нее действительно всё в порядке, и она считает, что должна была написать давным-давно, но она так же упряма, как и вы, вот почему не написала раньше, — пересказал содержание письма Бёрд.

Они с Траслоу остались на насыпи одни и неожиданно стали мишенью для шквалистого огня карабинов. Инженер кричал им, чтобы вернулись, пока не подождли запал, так что они медленно тронулись в сторону безопасного леса.

— Она пишет, что сожалеет о том, что случилось, — продолжал чтение Бёрд, пока вокруг них свистели пули кавалерии, — но не сожалеет о том, что сделала. Это имеет какой-то смысл?

— В том, что говорит эта девица, ни капли смысла не найдешь, — мрачно прокомментировал Траслоу.

На самом деле он скучал по Салли. Она была упрямой маленькой сучкой, но его единственной родней. Бёрд поспешил продолжить, чтобы не смущать Траслоу тем, что заметил его слезы.

— Она пишет, что виделась с Натом Старбаком! Это интересно. Он приходил к ней, когда его выпустили из тюрьмы, попросил написать вам и обещал, что вернется в Легион. Вот почему она пишет. Должен признаться, — заявил Бёрд, — что Старбак выбрал весьма любопытный путь, чтобы объявить о своем возвращении.

— Ну и где же он? — спросил Траслоу.

— Она не пишет, — Бёрд перевернул письмо.

Инженеры подождли запал, и мимо Траслоу с Бёрдом незаметно прошипел искрящийся след. Бёрд нахмурился, пытаясь расшифровать вторую страницу.

— Она говорит, что написала по просьбе Ната, но рада, что он попросил, потому что пришло время, чтобы вы с ней снова стали друзьями. И еще она пишет, что у нее новая работа, которую вы бы одобрили, но не говорит какая. Вот и всё, — Бёрд протянул письмо

обратно Траслоу.

— Уверен, что теперь вы и сами справитесь, когда я описал его содержание.

— Думаю, что да, — согласился Траслоу и снова шмыгнул носом. — Так мистер Старбак возвращается!

— Да, по словам вашей дочери, — с сомнением произнес Бёрд.

— Значит, вам не нужно будет назначать офицера одиннадцатый роты?

— Я и не собирался.

— Хорошо, — сказал Траслоу. — И вообще, мы ведь выбрали Старбака, так?

— Боюсь, что так.

И причем против воли генерала Фалконера, весело подумал Бёрд. Больше семисот солдат приняли участие в выборах полковых офицеров, и имя Старбака было вписано на пятистах бюллетенях.

— А если выборы что-нибудь значат, — сказал Траслоу, — то Старбак должен находиться здесь, разве не так?

— Полагаю, что так, — согласился Бёрд, — но признаюсь, что не думаю, что генерал Фалконер это допустит. Или полковник Свинерд.

В последние дни Свинерд почти не показывался. Насколько мог понять Бёрд, заместитель командующего погрузился в ступор в результате непрерывного поглощения дрянного виски по четыре доллара за галлон.

— Ставлю доллар, что Старбак обставит генерала, — заявил Траслоу. — Он хорошо соображает, этот Старбак.

— Доллар? Принимаю.

Бёрд пожал грязную руку Траслоу как раз в тот момент, когда за их спиной взорвался мост. Триста фунтов пороха разнесли сваи, и остатки бревен завертелись в воздухе.

Грохот и дым разнесся над болотом, и сотни птиц вылетели из зарослей тростника. Воды реки словно бы отступили от взрыва, а потом с огромной скоростью пришла обратная волна, вспененная барашками.

На месте моста теперь протянулась линия гнилых чернеющих обрубков среди пенящейся воды, а вверх и вниз по течению Чикахомини плескались обломки, некоторые из которых шлепнулись в стоячие болотные озерца, откуда расползались в стороны водяные змеи.

Одна деревяшка взмыла высоко в воздух, а потом рухнула точно на ту самую шпалу, которую Траслоу с такой тщательностью водрузил на камень. От удара шпала стукнула по капсулю, и снаряд под ней разорвался, проделав в промокшей от дождя насыпи небольшой кратер.

— Вот сукин сын, — ругнулся Траслоу, явно имея в виду напрасные усилия, потраченные на установку мины, но майор Бёрд заметил, что сержант всё равно улыбается. Подобная радость, решил он, была весьма ценной вещью в военное время.

Сегодняшний день может быть наполнен смехом, но завтрашний принесет то, что священники называют вечным покоем. И мысль о могилах внезапно вселила в Бёрда ужас. Может быть, Траслоу не доживет до новой встречи с Салли? Или, возможно, овдовеет и его любимая Присцилла?

Эта мысль наполнила Таддеуса Бёрда опасением, что он не достаточно силен, чтобы быть военным. Потому что война для Бёрда была игрой, несмотря на все его язвительные заверения в обратном.

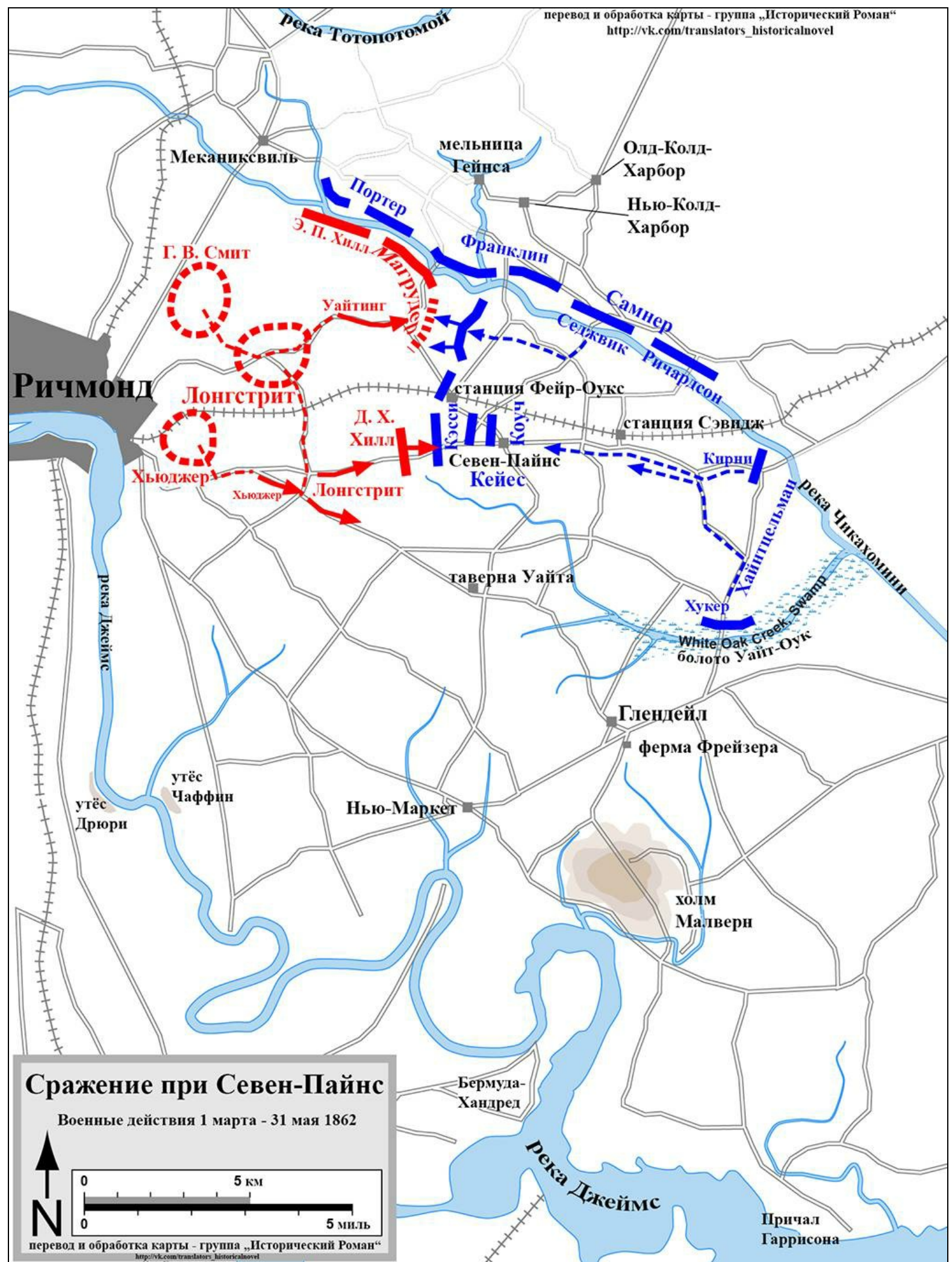
Война для Бёрда была игрой интеллекта, в которой незаметный школьный учитель мог доказать, что он умнее, сообразительнее, быстрее и лучше остальных. Но когда мертвецы с восковой кожей лежали вдоль могил, а их засыпанные грязью и израненные глаза вопрошали умного Бёрда, почему они погибли, у него не было ответа.

Две пушки северян впустую сделали последний залп, и снаряды шлепнулись в болото. Водовороты в реке утихли, и ее серые воды вновь потекли спокойно мимо почерневших останков моста, неся к морю груз мертвой рыбы, плавающей брюхом кверху.

Над топиями опустился туман, смешавшись с пороховым дымом. Лес наполнился криками козодоя, а Майор Бёрд, который не верил в Бога, внезапно пожелал, чтобы всемогущий Господь прекратил эту проклятую войну.

Часть третья

Глава девятая

Армии остановились у излучины реки, огибавшей северо-восточную часть Ричмонда. Генерал Джонстон теперь отступил так далеко, что солдаты северян могли слышать, как колокола Ричмондской церкви отбивают часы, а когда ветер дул с запада, вдыхали городской смрад табака и угольного смога.

Ричмондские газеты жаловались, что северянам позволили подойти слишком близко к городу, а доктора обеих армий сетовали на то, что много солдат было расквартировано в полных заразы болотах реки Чикахомини.

Госпиталя заполнились солдатами, умиравшими от лихорадки; болезни, которая, даже несмотря на то, что дни стали теплее с приближением удушливой летней жары, заставляла своих жертв сотрясаться в неуправляемых приступах дрожи.

Доктора объясняли, что лихорадка была естественным следствием невидимых ядовитых испарений, исходящих от реки вместе с мрачным туманом, который покрывал болота белым облаком на рассвете и закате, и если бы армии могли перейти на возвышенность, то лихорадка исчезла бы, но генерал Джонстон настоял на том, что судьба Ричмонда зависела от реки, и значит, его солдаты должны вынести приносимые туманом ядовитые испарения.

Это стратегия, настаивал Джонстон, и перед лицом этого военного термина доктора не могли поделать ничего, кроме как отказаться от своих аргументов и смотреть, как умирают их пациенты.

К концу мая, в душное и безветренное утро пятницы, Джонстон созвал своих адъютантов и разъяснил им суть этой стратегии. Он прикрепил карту к стене в гостиной дома, который служил его штабом, а в качестве указки использовал длинную вилку для тостов с ручкой из орехового дерева.

— Видите, джентльмены, как я принудил Макклелана занять оба берега Чикахомини? Армия северян разделена, джентльмены, разделена, — он подчеркнул это замечание, постукивая вилкой по карте к северу и югу от реки.

— Одно из главных правил войны — никогда не разделять свое войско перед лицом врага, но именно это и сделал Макклелан! — Джонстон говорил назидательным тоном, обращаясь к своим адъютантам так, словно они были группой зеленых кадетов в Вест-Пойнте. — А почему генерал не должен делить свое войско? — спросил он, выжидающе посмотрев на адъютантов.

— Потому что ее можно разбить по частям, сэр, — живо ответил один из них.

— Совершенно верно. И завтра утром, джентльмены, на рассвете, мы уничтожим эту часть армии северян, — Джонстон постучал вилкой по карте. — Уничтожим, джентльмены, сотрем с лица земли.

Он указал на часть карты к востоку от Ричмонда и к югу от реки Чикахомини.

Истоки реки находились к северо-западу от города, а потом, резко расширяясь, река бежала наискосок через северные окраины города и вниз в долины, лежащие к востоку от Ричмонда, прежде чем влить свои воды в реку Джеймс.

Вся армия конфедератов Джонстона стояла к югу от реки, но превосходящее по численности войско Макклелана было разделено — половина армии находилась на севере от малярийных болот Чикахомини, а другая на юге.

Джонстон намеревался вырваться из рассветного тумана и разнести эту южную часть в кровавые клочья, прежде чем войска янки к северу от реки смогут прийти по понтонным

мостам на выручку своим окруженным собратьям.

— И мы должны сделать это завтра утром, джентльмены, на рассвете, — сказал Джонстон и не смог удержаться от улыбки удовлетворения, увидев изумление на лицах.

Он был доволен, потому что их удивление было именно той реакцией, какую он и ожидал. Джонстон никому не сообщал о своих планах; ни своему заместителю, генералу Смигу, ни даже президенту Джефферсону Дэвису.

Слишком много шпионов было в Ричмонде, и слишком многие могли прельститься идеей перейти на сторону врага вместе с этими вестями, и чтобы предотвратить предательство, Джонстон тайно вынашивал свои планы и скрывал их до этого времени — утра накануне битвы, когда его адъютанты должны будут отвезти приказы командирам дивизий.

Возглавит атаку дивизия Дэниела Хилла, ударив в самый центр вражеских рядов.

— Ему придется некоторое время сражаться одному, — пояснил Джонстон своим адъютантам, — потому что мы хотим втянуть янки в сражение, а затем ударим им во фланги, вот здесь и здесь. — Вилка застучала по карте, каждый раз протыкая ее и показывая, как подобно краям трезубца двойная атака обрушится на противника, который к этому времени уже очень удобно насадит себя на главный зубец.

— Лонгстрит ударит по их северному флангу, — продолжал Джонстон, — в то время как дивизия генерала Хьюджера — по южному, и к полудню, джентльмены, янки будут мертвы, захвачены в плен или побегут по болоту Уайт-Оук. — Джонстон уже почувствовал запах победы, уже слышал приветственные возгласы при въезде на ричмондскую площадь Капитолия и видел зависть на лицах соперничающих с ним генералов Борегарда и Ли.

Его план был блестящ, и он это знал. От этой минуты славы его отделяла лишь битва, которая начнется, когда его облаченные в серые мундиры войска вылетят из предрассветного тумана, и если на его стороне будет эффект неожиданности, то победа ему обеспечена, считал Джексон.

К трем генералам были отправлены адъютанты с запечатанными приказами. Адама Фалконера направили к генералу Хьюджеру, чей штаб располагался на самой окраине Ричмонда.

— Вот приказы, — Мортон, начальник штаба Джонстона, передал запечатанный конверт Адаму, — и подпишитесь здесь, Адам, — полковник протянул расписку, удостоверяющую получение Адамом конверта.

— Проследите, чтобы Хьюджер подписал расписку, вот здесь, хорошо? Старик Хьюджер, возможно, пригласит вас на ужин, но вы должны вернуться к полуночи. Да, и еще, Адам, ради Бога, уточните, понял ли он, что от него завтра потребуется.

Именно поэтому Джонстон внимательно следил, чтобы его помощники были в курсе стратегии — дабы они могли, в свою очередь, ответить на вопросы генералов.

Джонстон знал, что, вызови он генералов в свой штаб, вся армия непременно зашевелится, почуяв перемены, и какой-нибудь подонок среди ночи наверняка ускользнет к врагу и предупредит их о надвигающейся угрозе.

Адам подписал расписку, подтверждая, что взял ответственность за один пакет приказов, и убрал бумагу в кожаную сумку на поясе.

— На вашем месте я бы тронулся, пока не начался дождь, — посоветовал полковник Мортон. — Да, и убедитесь, что он таки подписал эту бумажку, Адам! Или его начальник штаба, и только эти двое.

Пока седлали лошадь, Адам стоял на веранде. Неподвижный и застоялый воздух, тяжелый и мрачный, был под стать унылой задумчивости Фалконера.

Он коснулся бесценных приказов, размышляя, не хранит ли запечатанный конверт крушение всех его надежд. Возможно, думал он, в этом конверте — ключ к победе южан. Ему представилась картина разбегающейся армии Севера, точно так же, как при Булл-Ран. В его кошмарах с трудом передвигающиеся люди застревали в болотных топях Уайт-Оук, падали, подстреленные злорадствующими мятежниками, гогочущими, как те изверги, стреляющие с вершины Бэллс-Блафф.

Он видел бурые от крови воды Чикахомини, впадающие в Джеймс. Содрогнувшись от реалистичности представшей перед ним картины, на секунду он испытал безумный соблазн оседлать лошадь и, пришпорив коня до кровавых боков, проскакать через линию фронта, мимо изумленных застав конфедератов — напрямик к армии северян.

Но затем ему представился отец, его горе, вызванное подобным предательством. Ему представилась Джулия в Ричмонде, и Адама захлестнуло прежнее смятение. Эта война не принесла ничего хорошего, и тем не менее он был Фалконером — наследником семьи, чьи предки следовали в битву под знаменами Джорджа Вашингтона. Фалконеры не посрамляют свой род переходом во вражеский стан.

Вот только... как можно считать страну, основанную Вашингтоном, вражеской?

Пальцы Адама, нырнув в поясную сумку, снова коснулись приказов. В тысячный раз он задумался, почему же новый Наполеон снова колеблется.

Адам, рассказав о слабостях обороны южан на полуострове, ожидал, что в результате Макклелан, словно ангел мщения, устроит прорыв из Форта Монро. Но командир северян взамен избрал неторопливый и осторожный подход, давший южанам прорыв времени на укрепление обороны Ричмонда.

Теперь же, когда расстояние от северян до Ричмонда равнялось неспешной утренней прогулке, мятежники планировали нападение, способное вырвать у армии северян сердце. Адам, стоя на веранде и наблюдая за черными, как ночь, облаками, зловеще собравшимися над неподвижным лесом, знал, что остановить катастрофу он был не в силах. Для дезертирства ему не хватало мужества.

— Адам, юноша! Стойте там! — полковник Мортон высунул голову из окна на дальнем конце веранды.

— Для вас тут еще одно письмо!

— Прекрасно, сэр, — откликнулся Адам. Ординарец только что привел к дому лошадь Адама, и тот велел солдату привязать ее к балюстраде. Лошадь опустила голову, щипая густую траву у крыльца веранды.

Принадлежащий хозяину реквизированного дома раб копался в остатках вытоптанного копытами огорода. Он устал и часто останавливался, но потом вспоминал о присутствии на веранде Адама, смахивал пот со лба и снова сгибался за работой.

Наблюдая за ним, Адам ощутил приступ нерационального и несправедливого гнева на всю чернокожую расу. Кому, именем Господа, пришлось в голову привезти их в Америку, без них страна наверняка была бы счастливей, была бы самой мирной страной на земле. Он устыдился этой непрошеной мысли.

Вина лежала не на рабах, а на рабовладельцах. Это не черные, а люди одного с ним цвета кожи нарушили мир и перевернули в стране всё вверх тормашками.

— Не слишком ли жарко для работы? — окликнул он раба, пытаясь вслух заглядеть

свои потаенные мысли.

— Жарковато, масса, точно жарковато.

— На твоём месте я бы передохнул, — сказал Адам.

— Отдохну ещё на небесах, хвала Господу, масса, — ответил раб и снова воткнул широкое лезвие лопаты в красноватую тусклую почву.

— Вот вы где, Адам, — полковник Мортон шагнул на веранду, его шпоры зазвенели при ходьбе. — Мы на время отдаём Питу Лонгстриту часть людей Хьюджера. Хьюджеру это не понравится, но Лонгстрит выдвинется ближе к янки, так что ему понадобятся дополнительные шпыки. Бога ради, ведите себя с Хьюджером потактичней.

— Конечно, сэр, — Адам взял протянутый конверт. — Вам понадобится..., - он хотел спросить, нужна ли полковнику Мортону подпись генерала Хьюджера о получении второй партии приказов, но остановился. — Очень хорошо, сэр.

— Возвращайтесь к полуночи, молодой человек, сегодня нам всем нужно хорошенько выспаться. И будьте поласковой со стариком Хьюджером. Он чертовски обидчив.

Адам поскакал на запад. Там, где дорога шла по лесу, воздух казался даже ещё более тяжёлым. Листья застыли без движения, и это спокойствие выглядело как-то странно угрожающе.

День казался столь же ненастоящим, как и многое в окружающем Адама мире в последние дни, даже Джулия, и мысль о ней напомнила ему, что ему нужно постараться побыстрее с ней увидеться.

Она написала загадочный призыв, и несмотря на её заверения в том, что это сообщение не касается личных отношений, Адам не мог отделаться от подозрения, что Джулия хочет положить конец их помолвке.

В последнее время Адаму стало казаться, что он на самом деле не понимает Джулию, и начал опасаться, как бы её желания не оказались сложнее, чем он предполагал.

Внешне она была всё той же приличной, благочестивой и смиренной юной леди, но Адам подсознательно замечал за ней живость, которую Джулия старательно скрывала. И именно эта черта заставляла Адама чувствовать себя недостойным её. Он подозревал, что его мать обладала подобным характером, который выбил из неё его же отец.

Адам остановил коня у лесополосы. В поле зрения не было ни одного военного лагеря. Проскакав мимо нескольких полков, разбивших палаточные лагеря, сейчас он внезапно обнаружил, что стоит в одиночестве среди деревьев темного и неподвижного леса. Мысль, притаившаяся в уголке его подсознания, снова обнаружила себя. Адам открыл подсумок и извлек переданные ему сообщения.

Оба послания хранились в одинаковых светло-коричневых конвертах, запечатанных одинаковыми сургучными печатями и подписанные одним и тем же заостренным почерком. Конверт с приказами на ощупь был толще конверта с дополнительными инструкциями, но в остальном никаких отличий конверты не имели.

Он извлек расписку. В ней упоминался лишь один комплект приказов. Адам перевёл взгляд на конверты. Ему пришла в голову мысль... допустим, он просто-напросто "забыл" доставить приказы? Допустим, Хьюджер не выступит завтра утром?

Допустим, северяне одержат победу и возьмут Ричмонд — кому какое будет дело до одного пропавшего сообщения? А если по некоему капризу судьбы южане всё-таки победят, но без войск Хьюджера — опять же, кому какое будет дело?

И даже если подобный промах со стороны Адама обнаружат — а он был не настолько

наивен, чтобы предполагать обратное — его действия будут рассматриваться не как акт измены, а всего лишь как результат забывчивости или, в худшем случае, безответственности.

Безусловно, ценой станет отстранение его от работы в штабе Джонстона, но грозить ему будет лишь репутация ненадежного человека, не бесчестье.

И возможно, сказал он себе, ему стоит провести остаток войны под крылом отца. Может быть, он станет счастливее в качестве начальника штаба Фалконера, где он хотя бы попытается удержать арендаторов и соседей отца от худших проявлений войны.

— Господи Боже, — пробормотал он вслух. И это действительно была молитва, молитва на удачу, не о наставлении на путь истинный, ибо он уже знал, как поступит.

Медленно, целенаправленно, с приличествующей моменту церемонностью он разорвал приказы к битве. Сначала пополам, затем еще раз пополам, и наконец разодрал бумаги так, словно эти клочки были самой историей. Адам разбросал мелкие обрывки, в которые превратилось письмо, по поверхности воды, заполнившей придорожную канаву.

Совершив этот акт измены, он внезапно почувствовал, что его распирает от счастья. Он помешал победе южан! В этот черный день он совершил деяние, угодное Господу, и выматывающий груз вины и нерешительности словно бы свалился с его плеч.

Пришпорив коня, он поскакал на запад.

Полчаса спустя Адам остановился у небольшого домика, приютившего штаб Хьюджера. С настойчивостью, граничащей с неподчинением, он добился подписи генерала и передал один конверт. Пока Хьюджер открывал и читал письмо, Адам уважительно держался рядом.

Генерал, гордившийся своими французскими корнями, суетливый, но осторожный человек, построивший успешную карьеру в старой Армии США, ныне смаковал не самые приятные сравнения старого начальства с новым.

— Не понимаю! — возмутился он, дважды прочтя сообщение.

— Прошу прощения, сэр? — Адам вместе с помощниками генерала стоял на веранде, выходящей в сторону Гиллис-Крик. Штабное здание располагалось так близко к Ричмонду, что Адам видел дымоходы и крыши городских домов позади пристани Рокетт, где в вечернем мраке возвышались мачты десятка судов, запертых баррикадой у утеса Дрюри.

За зданием, в конце длинного луга, заставленного то тут, то там повозками и орудиями, составлявшими артиллерийский парк Хьюджера, пролегла железная дорога Ричмонд-Йорк, проходившая за ручьем. По этой дороге, освещаемый угасающим солнцем на фоне сгущающихся темных облаков, неспешно тащился, выплывая клубы дыма, поезд.

Состав представлял собой странное собрание платформ с обслуживающим воздушный шар армии Конфедерации подразделением. Сам воздушный шар был изготовлен из лучшего шелка, пожертвованного ричмондскими дамами. Он поднимался и опускался лебедкой, установленной на платформе.

Другие же платформы перевозили химические установки для подачи водорода. Воздушный шар, использовавшийся для наблюдения за позициями врага у станции Фэйр-Оук, по-прежнему удерживался лебедкой на месте, пока поезд со стуком, грохотом и пытением тащился мимо штаба генерала Хьюджера.

— Правильно ли я понял? — убеленный сединами Хьюджер уставился на Адама поверх очков: — Часть моих людей отдана под командование генерала Лонгстрита?

— Полагаю, что так, сэр, — ответил Адам. Хьюджер выдал серию коротких гнусавых смешков, которые, по-видимому, должны были изображать саркастический смех.

— И я полагаю, — заметил Хьюджер, — генерал Джонстон в курсе, хотя бы

приблизительно, что я старше генерала Лонгстрита по званию?

— Уверен, он в курсе, сэр.

Хьюджер старательно изобразил обиду, демонстрируя задетое тщеславие:

— Генерал Лонгстрит, если мне не изменяет память, заведовал казной в прежней армии, будучи простым майором. Я думаю, ему не доверяли ничего, кроме выплаты жалования солдатам. А теперь он будет раздавать моим людям приказы?

— Лишь некоторым из них, сэр, — тактично поправил генерала Адам.

— И с какой стати? — возмущился Хьюджер. — У Джонстона есть на то причины? Возможно, он озвучил эти причины вам, юноша?

Джонстон и впрямь их озвучил, но объяснять их Хьюджеру означало поставить под удар все намерения Адама, так что он удовлетворился весьма неубедительной отговоркой, мол, дивизия Лонгстрита расположена ближе к врагу, поэтому решено было усилить его бригады.

— Я уверен, это всё лишь временно, сэр, — заверил генерала Адам. Он посмотрел мимс раздосадованного Хьюджера на остановившийся поезд и платформу с воздушным шаром, неспешно прокатившуюся еще несколько футов. Дым из трубы локомотива казался неестественно белым и ярким на фоне темных облаков.

— Я не жалуясь, — возмущенно ответил Хьюджер. — Я выше подобной мелочности, и, конечно, в армии, настолько остро терпящей нужду, такие выпады неизбежны. Но разве банальная вежливость не требует от Джонстона поинтересоваться у меня, не возражаю ли я против перевода моих солдат под командование какого-то казначея? Этого требует вежливость, разве нет? — обратился он к двум своим помощникам. Те, в свою очередь, с энтузиазмом закивали головой в знак горячего одобрения.

— Уверю вас, сэр, у генерала Джонстона и в мыслях не было вас обидеть, — сказал Адам.

— Уверяйте меня, юноша, сколько хотите, но у меня в этих делах опыта побольше, — Хьюджер, считавший себя кем-то вроде настоящего аристократа, выпрямился, что позволило ему взглянуть на Адама сверху вниз.

— Вероятно, генерал Джонстон приставит моих людей охранять армейскую казну, а? — сопроводившие шутку гнусавые смешки заставили адъютантов генерала с готовностью улыбнуться.

— Были времена в Северной Америке, — сказал Хьюджер, сворачивая бумагу в плотный квадратик, — когда военные вопросы решались должным образом. Такие вещи делали правильно, как подобает солдатам хорошо организованной армии, — он швырнул сложенную бумагу на качели, подвешенные на свисающих с перекладин веранды цепях.

— Ладно, юноша, передайте Джонстону: приказы его я получил, пусть и не доходит до меня их смысл. Уверен, вы хотите вернуться к своему начальству, пока дождь не пошел, так что желаю вам хорошего дня, — короткое резкое прощание, даже без предложения выпить воды, представляло собой намеренную колкость, но Адаму было всё равно.

Он пошел на огромный риск, но всё же сумел грамотно разыграть свои карты. Но это не значило, что он может до бесконечности отвечать на вопросы генерала. На Адама внезапно накатила ужас. Господи Боже, подумал он, какой же ад развернется, когда Джонстон поймет, что произошло. Но затем он снова успокоил себя, ведь его вина заключалась исключительно в забывчивости.

Он убрал подписанную расписку в сумку и зашагал обратно к лошади. Стоял вечер пятницы. Джулию он сможет найти в госпитале Чимборасо. Его мучила вина из-за ее

письма, так что, имея весь вечер в своем распоряжении, он решил посетить невесту.

Путь его пролегал мимо одного из новых "звездчатых" фортов генерала Ли, кольцом окружавших город. Земляное основание сверху венчали мешки, лишь недавно наполненные песком — подарок от швейных кругов Ричмонда.

Дамы использовали любой клочок имеющейся в наличии ткани, и потому только что сооруженный вал выглядел как яркое лоскутное одеяло, сшитое из темного бархата и веселого ситчика, а зловещий предгрозовый закатный свет делал этот эффект на удивление ободряющим, придавая домашний вид воинственному ландшафту.

В воздухе, которые весь день был неподвижен и пах серой, вдруг задул ветерок, поднявший края военного флага Конфедерации над раскрашенными в веселые цвета бастионами.

Вся местность к югу от реки была залита последними косыми лучами солнца, проникавшими сквозь тучи, и земля казалась более яркой, чем небеса. Адам, только что свершивший акт измены, попытался разглядеть в этом далеком всполохе золотого сияния предзнаменование радости и успеха.

Ему пришлось предъявить свой штабной пропуск одному из часовых на посту при въезде в город. Далекий раскат грома звучал, как доносившаяся из зажатой между реками местности канонада. Часовой скроил гримасу.

— Похоже, ночью будет гроза, майор. И немаленькая.

— Выглядит зловеще, — согласился Адам.

— Никогда не видывал весну вроде этой, — заявил часовой, а потом замолк, когда по небу прогрохотал второй угрожающий раскат грома. — Может, пара янки в ней утонут. Так нам не придется убивать сучьих детей.

Адам не ответил, а просто забрал пропуск и пришпорил коня. На севере мелькнула молния. Он пустил лошадь рысью, убегая от первых огромных капель дождя, упавших как раз когда он повернул на территорию госпиталя.

Ординарец объяснил Адаму, в какой палате проводит службу миссионер, и он направил коня на всем скаку сквозь внезапный порыв ветра, принесший дым, выходящий из тонких металлических дымоходов, возвышающихся над каждым баракком.

Дождь усилился, барабана по оловянным крышам и туго натянутому полотну шатров, воздвигнутых в качестве дополнительных палат.

Адам нашел нужное строение, привязал лошадь у крыльца и нырнул внутрь в тот самый момент, когда раскат грома, казалось, расколол небеса и вызвал настоящий дождевой поток, так громко заколотивший по крыше палаты, что практически заглушил голос преподобного Джона Гордона.

Джулия, сидящая за небольшой и поскрипывающей фисгармонией, довольно улыбнулась неожиданному появлению Адама и закрыла за ним дверь, поскольку это была одна из тех пятниц, когда мать Джулии решила не приходить в госпиталь.

Там находились лишь Джулия, ее отец и неизбежный мистер Сэмуорт, который нервно посматривал в сторону крыши при очередном раскате грома, ревушем в небе. Служба постоянно спотыкалась, прерываемая громом и приглушенная шумом дождя.

Стоя у окна, Адам смотрел, как на Ричмонд опускается ночь, и темноту пронзают молнии, демонически озаря городские шпили.

Гроза, похоже, всё усиливалась, подобно эху войны на небесах, а дождь стучал по крышам с такой зловещей силой, что преподобному Гордону приходилось прилагать

чудовищные усилия, произнося слова гимна. Джулия нажимала на педали маленького инструмента, наполняя палату мелодией "Хвала Господу от всех, кого он благословил".

Как только пение закончилось, миссионер едва слышно пробормотал благословение, и на том прерванная грозой служба была завершена.

— Это скоро должно закончиться! — преподобному Гордону приходилось кричать, чтобы Адам его расслышал, но яростно бушующая гроза, похоже, застряла над городом.

Во многих местах крыша палаты протекала, и Адам помог передвинуть койки в сторону от холодных струй. Джулия хотела своими глазами посмотреть на грозу и, завернувшись в пальто, вышла на небольшую веранду сзади палаты, где под крытой дранкой крышей вместе с Адамом наблюдала, как буря сотрясает небеса над Виргинией.

Всё новые и новые молнии до земли разрывали небо, а гром гремел эхом в облаках. Наступила ночь, но ее разрезал огонь и взрывы в небе. Где-то в госпитале завывала собака, а потоки воды журчали и лились в черные глубины Кровавого ручья.

— У мамы головная боль. Она всегда может предсказать грозу по своим головным болям, — объяснила Джулия Адаму не соответствующим моменту бодрым тоном, но Джулии всегда нравились грозы.

Она чувствовала нечто особенное в этой природной ярости и полагала, что является свидетельницей лишь слабого эха того хаоса, в котором Бог сотворил землю. Джулия плотнее завернулась в пальто, и когда сверкнула молния, Адам увидел, как ее глаза блестят от возбуждения.

— Ты хотела меня видеть? — спросил ее Адам.

— Надеюсь, что и ты хотел меня видеть! — поддразнила его Джулия, хотя внутренне желала, чтобы он сделал страстное признание, что проскакал бы и через дюжину таких бурь, лишь бы быть с ней рядом.

— Конечно же хотел, — ответил Адам. Он стоял на благопристойном расстоянии от Джулии, хотя, как и она, прижимался к стене веранды, чтобы попасть под защиту ее маленькой крыши. Вода лилась сверху, образуя занавес, отсвечивающий серебром всякий раз, когда в облаках мелькала молния.

— Но ты мне написала, — напомнил ей Адам.

Джулия почти уже забыла о том письме с намеком на важное сообщение и теперь, когда прошло так много времени, подозревала, что наверняка оно потеряло срочность.

— Дело в твоём друге Нате Старбаке, — объяснила она.

— В Нате? — Адам, почти ожидавший, что она разорвет помолвку, не мог скрыть удивления.

— Он приходил к тебе, как только его выпустили из тюрьмы, — сказала Джулия.

— Я как раз была в доме твоего отца. Знаю, я не должна была его впускать, но шел почти такой же сильный дождь, как сейчас, а он казался таким одиноким, что я над ним сжалась. Ты ведь не возражаешь? — Джулия подняла глаза и пристально посмотрела на Адама.

Адам уже почти позабыл тот импульс, что заставил его приказать слугам отца не впускать Старбака в дом. В то время, сразу после того, как Старбак совершил возмутительный поступок, введя падшую женщину в дом миссионера, этот запрет казался лишь мерой предосторожности, но гнев Адама с того ужасного вечера значительно поутих.

— И чего он хотел? — спросил он.

Джулия помедлила, пока над городом прогремел и затих раскат грома. Молния осветила

тучи, мелькнув по закрытому ими небу, как затуманенная река небесного серебра.

Где-то в Манчестере, городе на противоположном берегу реки Джеймс, в результате удара молнии начался пожар, там задрожало тусклое красное сияние, продлившееся несколько секунд, а потом дождь его погасил.

— Он оставил тебе сообщение, — ответила Джулия.

— Оно показалось мне весьма загадочным, но он ничего не объяснил. Просто сказал, что ты поймешь. Он просил тебя прекратить переписку с его семьей.

Адам ощутил, как его охватил внезапный холод. Он молчал, лишь всматривался в темную долину реки, где дождь барабанил по угрюмым водам.

— Адам? — обратилась к нему Джулия.

В голове Адама внезапно возник образ свисающей с высокой перекладины петли.

— Что он сказал? — выдавил он.

— Он сказал, чтобы ты прекратил переписку с его семьей. Это не кажется тебе странным? Мне — очень. И вообще, семья Старбака в Бостоне, так как же ты можешь с ней переписываться? Мне говорили, что люди как-то переправляют на Север письма, но уверена, что не могу представить, как ты ввязываешься в подобные проблемы, просто чтобы написать преподобному Элиялу Старбаку. И Нат еще сказал, что всё объяснит, как только сможет, но о том, когда это может произойти, он тоже говорил загадками.

— Боже ты мой, — Адам содрогнулся от захлестнувшего его ужаса.

Он представил стыд своего отца, когда тот узнает, что сын предал Виргинию. Но как это выяснил Старбак? Это Джеймс ему написал? Другого объяснения быть не могло. Как еще он мог узнать? И если знал Старбак, то кто еще?

— Где Нат? — спросил он Джулию.

— Не знаю. Откуда мне знать? — по правде говоря, почему-то Джулия вбила себе в голову странную мысль, что Старбак пересек линию фронта, но поскольку источником этой идеи была Салли Траслоу, она полагала, что не стоит об этом упоминать.

Джулия в конце концов набралась мужества и навестила Салли, подойдя к ее дому, вооружившись библией и полным саквояжем трактатов, живописующих жуткие ужасы ада, ожидающие грешников, но этот визит неожиданно превратился в наполненное смехом и радостью утро, когда вместо того, чтобы попытаться обратить девушку к Господу, Джулия получила удовольствие, рассматривая принадлежащую Салли коллекцию платьев и шалей.

Они болтали о батисте и шамбре, и можно ли заменить тарлатаном тюль для вуали, и Джулия пощупала шелковые и сатиновые платья Салли, а после охватившего город липкого страха подобные разговоры об оборках и безделушках принесли облегчение.

Религиозные убеждения Джулии были оскорблены лишь энергичными планами Салли устроить святыню спиритуализма в задних помещениях дома, но явный цинизм Салли и ее честное описание того, как она планирует обманывать клиентов, вызвали в результате у Джулии скорее веселье, чем неодобрение.

Джулия была тронута и заботой, которую Салли проявляла по отношению ко Старбаку, она разволновалась, когда Салли упомянула, как Старбаку нравится Джулия. Всё это было странно, слишком странно, чтобы объяснить Адаму, который наверняка разразился бы праведным гневом даже только при мысли о том, что его невеста посещает одну из ричмондских куртизанок, хотя на самом деле дом Салли внешне выглядел столь же респектабельно, как и любой другой в Ричмонде, и гораздо чище большинства остальных.

Но Джулия не могла рассказать Адаму об этом визите, так же как не могла бы

рассказать и матери.

— А имеет значение, где находится Нат? — спросила она Адама.

— Полагаю, что нет, — Адам неловко дернулся, его шпоры и ножны тихо клацнули на фоне грохота дождя и завывания ветра.

— Так что же означает это сообщение? — со всей прямоотой спросила Джулия. Ее любопытство только выросло из-за реакции Адама, который, по ее мнению, повел себя как-то странно виновато.

Адам покачал головой, но потом нерешительно высказал объяснение.

— Я писал туда, — медленно и не совсем внятно произнес он. — Откуда приехал Нат. Я пытался. Отец несмотря ни на что пробовал восстановить связь Ната с семьей. Это казалось важным.

Адаму плохо удавалось лгать, и чтобы прикрыть смущение, он отодвинулся от стены барака и положил руки на балюстраду.

— Думаю, Нату не нравятся наши усилия, — кое-как закончил он.

— Так выходит, что всё это не так уж и загадочно? — сказала Джулия, не веря ни единому слову Адама.

— Да, — подтвердил он, — совсем не загадочно.

Джулия прислушалась к собачьему вою, ржанию лошадей и хлопающей на ветру парусине.

— Что сделал Нат? — спросила она после длительной паузы.

— О чем ты?

— Что сделал Нат, чтобы потерять любовь своей семьи?

Долгое время Адам не отвечал, а потом пожал плечами.

— Сбежал.

— И это всё?

Адам уж точно не собирался рассказывать Джулии, что в этом была замешана женщина, приманившая Старбака, а потом бросившая его в Ричмонде.

— Он очень дурно поступил, — напыщенно произнес Адам, зная, что это неадекватное объяснение, а также несправедливое.

— Нат — неплохой человек, — добавил он, не зная, как закончить эту характеристику.

— Просто слишком страстный? — предположила Джулия.

— Да, — согласился Адам, — просто слишком страстный, — а потом замолчал, когда жуткий раскат грома расколол небеса. На дальнем берегу реки мелькнула молния, озарив верфь суровым мертвенно-бледным светом, подчеркнувшим черноту теней.

— Когда придут янки, — он сменил тему, — тебе следует остаться дома.

— Ты полагаешь, я собираюсь поприветствовать их появление в Ричмонде? — язвительно спросила Джулия.

— У тебя есть флаг? В смысле флаг Соединенных Штатов? — поинтересовался Адам.

— Нет.

— Уверен, в моей комнате на Клэй-стрит один найдется. Попроси его у Полли. Вывеси дома из окна.

Этот совет показался Джулии слишком капитулянтским.

— Ты так уверен, что они войдут в Ричмонд.

— Войдут, — с пылом заявил Адам. — Это воля Господа.

— Правда? — удивилась Джулия. — Тогда почему же, интересно, Господь позволил

этой войне случиться?

— Мы ее объявили, — ответил Адам.

— Это сделали люди, а не Господь, и именно Юг объявил войну, — он ненадолго замолчал, заглянув в глубину своей совести и обнаружив в ней какую-то дыру.

— Я верил в то, что как-то сказал мне отец. Что Америке нужно небольшое кровопускание, как лечат болезни доктора, прикладывая пиявки. Одно яростное сражение, и мы научимся мудрости мирных переговоров. А теперь взгляни на это! — он махнул рукой в сторону бури, и Джулия послушно всмотрелась в долину, где вспышка бело-голубой молнии выхватила из мрака силуэты корабельных снастей на реке, отразившись на воде серебристым огнем.

Дождь барабанил по земле, отскакивал от крыши палаты, выливался в сточные канавы и запрудил дорожку перед госпиталем.

— Мы будем наказаны, — сказал Адам. Джулия вспомнила браваду Старбака, процитировавшего высказывание Джона Пола Джонса [\[24\]](#).

— Я думала, мы еще и не начали сражаться? — она повторила слова Старбака, удивившись своей воинственности.

Она никогда не считала себя сторонницей партии войны, но была слишком поглощена дискуссией, чтобы осознать, что использует приверженность определенным политическим силам в качестве аргумента в споре, касающемся личных отношений.

— Мы просто не можем позволить себе сдать без борьбы! — настаивала она.

— Мы будем наказаны, — повторил Адам. — Понимаешь, мы выпустили зло, сегодня я это видел, — он замолчал, и Джулия, решив, что он стал свидетелем какого-то ужасного ранения, не стала пытаться это выяснить. Однако потом Адам предложил совершенно другое объяснение, заявив, что обнаружил, что винит в войне рабов.

— Разве ты не видишь, что война будит в нас самое худшее? — спросил он ее. — Все пути, которые удерживали нас в рамках приличия и в почитании Господа, разрезаны, и мы плывем на волне мерзкого гнева.

Джулия нахмурилась.

— Ты считаешь, что Юг заслуживает поражения, потому что ты не был ласков к рабу?

— Я считаю, что Америка — единая страна.

— Звучит так, — произнесла Джулия, всеми силами пытаясь сдержать нарастающий гнев, — словно ты сражаешься за другую сторону.

— Может, и так, — согласился Адам, но так тихо, что Джулия не смогла расслышать его слова сквозь шум дождя.

— В таком случае тебе нужно ехать на Север, — холодно заявила Джулия.

— Нужно ехать? — спросил Адам странно кротким тоном, будто и правда хотел получить ее совет.

— Ты должен сражаться за то, во что веришь, — без обиняков ответила Джулия. Адам кивнул:

— А ты?

Джулия вспомнила кое-какие слова Салли, которые ее удивили: что мужчины, за всем своим хвастовством и показухой, на самом деле слабы, как новорожденные котятки.

— Я? — удивилась Джулия, словно не сразу поняла, что имеет в виду Адам.

— Ты покинешь Юг?

— А ты бы этого хотел? — спросила Джулия, и по правде говоря, это было приглашение

для Адама сделать ей предложение и объявить, что большая любовь требует сумасбродных жестов.

Джулия не хотела заурядной любви, она жаждала ощутить такую же, как и религия, переворачивающую всю жизнь тайну, чтобы она была необузданной, как гроза, которая сейчас изливала свой гнев на полуостров.

— Я хочу, чтобы ты делала то, что велят тебе сердце и душа, — сухо отозвался Адам.

— Значит, мое сердце велит мне остаться в Виргинии, — так же холодно произнесла Джулия. — Оно говорит мне, что я должна работать здесь, в госпитале. Мама этого не одобряет, но я должна настоять. Ты будешь возражать, если я стану сестрой милосердия?

— Нет, — ответил Адам, но без малейшей доли убеждения в голосе. Он выглядел опустошенным, как странник, заблудившийся в неизведанных землях, а потом он был избавлен от необходимости продолжать разговор, потому что дверь палаты отворилась, и преподобный Гордон тревожно высунулся на веранду.

— Я боялся, что вас смыло, — произнес отец Джулии со всем возможным неодобрением, на которое только был способен.

Его жена посчитала бы то, что Джулия с Адамом находятся одни в темноте, неподобающим, но преподобный Гордон не обнаружил в их поведении никакого греха.

— Мы совершенно не промокли, отец, — возразила Джулия, сделав вид, что поняла мягкое замечание отца буквально. — Мы просто смотрим на грозу.

— И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне, — радостно процитировал преподобный Евангелие от Матфея.

— Не мир пришел я принести, — процитировала Джулия тот же источник, — но меч.

Произнося эти слова, она смотрела на Адама, но тот не замечал ее взгляда. Он уставился в темную пустоту, которую рассекали молнии, вспоминая клочки белой бумаги, выкинутые в черную канаву.

Это был след предательства, что принесет северянам победу, а эта победа — благословенный мир. И конечно, сказал себе Адам, во время мира всё вернется на свои места. Завтра.

Когда взошло солнце, от напитанной дождем земли шел пар. Атака должна уже была два часа как начаться, прорвать ядро обороны янки и гнать их обратно, в сторону болота Уайт-Оук. Но на трех дорогах, что вели от позиций мятежников в сторону янки, не было ни малейшего движения.

Генерал Джонстон планировал использовать эти три дороги, как трезубец. Сначала по центру выдвинется дивизия Хилла, атакуя по дороге на Уильямсберг войска северян, скопившиеся за станцией Фейр-Оукс.

Джонстон надеялся, что пехота янки прижмется к продвигающимся войскам Хилла, как рой пчел, и их разобьет подошедшая с севера дивизия Лонгстрита, а с юга — дивизия Хьюджера.

Дивизия Хилла должна была начать атаку, получив сообщение о том, что войска Лонгстрита и Хьюджера вышли из своих лагерей и приблизились к Ричмонду. Люди Лонгстрита должны были наступать по девятимильной дороге, рядом со Старой таверной, а дивизия Хьюджера — по дороге на Чарльз-Сити, рядом с таверной Уайта. Но обе дороги были пусты.

После бурного ночного дождя дороги покрывали лужи, но на них никого не было.

Утренний туман разошелся, обнажив залитые водой поля, по которым гнал рябь настолько сильный ветер, что двум воздушным шарам янки пришлось сесть, а дым из полевых кухонь, где пытались разжечь промокшие дрова, улетал прочь.

— Где они, черт возьми? — недоумевал Джонстон, отправивший двух адъютантов, пошлепавших по затопленным лугам по зловеще пустынным дорогам в поисках пропавших дивизий.

— Найдите их, просто найдите их! — крикнул он.

К этому моменту, согласно его расписанию, атака должна была уже прорваться через строй янки и гнать массу паникующих беглецов в сторону предательского болота Уайт-Оук.

Но янки и не подозревали об уготованной им судьбе, а на восточном горизонте поднимался дымок от их полевых кухонь. Адъютант вернулся из штаба генерала Хьюджера и сообщил, что обнаружил генерала спящим в постели.

— Что? — воскликнул Джонстон.

— Он спит, сэр. И весь его штаб тоже.

— После восхода солнца?

Адъютант кивнул.

— Беспробудным сном, сэр.

— Боже всемогущий! — Джонстон непонимающе уставился на адъютанта.

— Они не получили приказов?

Адъютант, друг Адама, поколебался, пытаюсь найти способ спасти своего друга.

— Так что? — зло спросил Джонстон.

— Начальник его штаба утверждает, что нет, — ответил адъютант, извиняюще пожав плечами в сторону Адама.

— Черт возьми! — рявкнул Джонстон. — Мортон!

— Сэр!

— Кто отвозил Хьюджеру приказы?

— Майор Фалконер, сэр, но могу заверить вас, что приказы были доставлены. У меня есть расписка с подписью генерала. Вот, сэр, — полковник Мортон вытащил расписку и протянул ее генералу.

Джонстон оглядел бумагу.

— Он получил приказы! Это что, выходит, он просто проспал?

— Похоже на то, сэр, — согласился адъютант, разбудивший Хьюджера.

Джонстон, похоже, задрожал от сдерживаемой ярости, так что был даже не в состоянии подобрать слова.

— И где, черт возьми, Лонгстрит?

— Мы пытаемся его найти, сэр, — отрапортовал полковник Мортон. Он послал адъютанта на девятимильную дорогу, но тот исчез, как и дивизия Лонгстрита.

— Во имя Господа! — рявкнул Джонстон. — Найдите же мою чертову армию!

Конечно, Адам, порвав в клочки приказы Хьюджеру, надеялся вызвать смятение и беспорядок. Но даже в самых дерзких мечтах не снился ему тот бардак, который, к тому же, умудрился усугубить Лонгстрит. Генерал решил, что ему не хочется наступать по девятимильной дороге, и выбрал дорогу на Чарльз-Сити.

В результате дивизии пришлось маршировать напрямик сквозь лагерь Хьюджера. Генерал, которого бесцеремонно разбудили приказом наступать на восток по Чарльз-Сити-роуд, обнаружил, что она забита войсками Лонгстрита.

— Да чтоб его, этого казначея... — ругнулся Хьюджер и приказал подать ему завтрак.

Через полчаса штаб генерала почтил своим присутствием и сам казначей.

— Надеюсь, вы не против, если мы прогуляемся по вашей дороге, — сказал Лонгстрит. — По моей передвигаться невозможно — там грязи по колено.

— Может быть, кофейку? — предложил Хьюджер.

— Для человека, которого ждет сражение, вы чертовски спокойны, Хьюджер, — заметил Лонгстрит, покосившись на поданную товарищу по званию тарелку с щедрой порцией ветчины и яичницы.

Хьюджер о надвигающемся сражении услышал впервые, но продемонстрировать свою неосведомленность перед каким-то выскочкой-казначеем отнюдь не собирался.

— Какие у вас приказы на сегодня? — под этим вопросом он прятал тревогу. Неужели он пропустил что-то важное?

— Такие же, как и у вас, надо полагать. Марш-бросок на восток, пока не найдем янки. Как найдем — атаковать. Хлеб у вас свежий?

— Угощайтесь, — ответил Хьюджер, раздумывая, не слетел ли с катушек окончательно этот безумный мир. — Но я не могу наступать, пока вы у меня на дороге.

— Мы отойдем в сторонку, — великодушно ответил Лонгстрит. — Мои ребята перейдут ручей и отдохнут, пока вы проходите мимо. Вас это устроит?

— Почему бы вам не отведать и ветчины с яичницей? — предложил Хьюджер. — Я не сильно голоден, — он встал и вызвал начальника штаба. Он был занят дивизией, которую нужно было привести в движение, и битвой, которую нужно было выиграть. Господи, подумал он, в старой армии подобными вещами занимались с большим умом. Гораздо большим.

В штабе армии генерал Джонстон в сотый раз щелкнул крышкой часов. Битва должна была быть в самом разгаре вот уже четвертый час, но до сих пор не прозвучало ни одного выстрела. Ветер вызывал рябь на поверхности луж, но разогнать сырость этого дня ему было не под силу.

Многие ружья сегодня дадут осечку, подумал Джонстон. В сухой день оружейный порох сгорал целиком и полностью, но влажная погода гарантировала проблемы с зарядением и грязные от нагара ружейные стволы.

— Да где же они, Господи? — воскликнул он.

Дивизия генерала Хилла была готова уже на рассвете. Его солдаты, укрывшись в лесу, чьи могучие деревья были расколоты пополам ночными молниями, сжимали в руках винтовки, ожидая сигнала к атаке. Передние ряды видели дозоры янки на дальней стороне мокрой поляны.

Дозорные пункты представляли собой импровизированные укрепления, возведенные из поваленных деревьев и веток. За ними северяне укрывались, кто как мог, в ненастную погоду. Некоторые развесили рубахи и кители на просушку.

Один из янки, даже не подозревая о готовых к атаке врагах, спрятавшись в лесу на другом конце поляны, шагал вдоль опушки, прихватив с собой лопату. Увидев мятежников, он приветственно махнул им рукой, решив, что это всего лишь дозор южан, тот самый, у которого он только вчера выменял кофе на табак и северную газету на южную.

Генерал Хилл открыл крышку часов:

— Новости есть?

— Никак нет, сэр, — адъютанты генерала проскакали до таверны Уайта и Старой

таверны, но безрезультатно.

— От Джонстона что-нибудь слышно?

— Тишина, сэр.

— Черт подери. Войну такими методами не выиграть, — Хилл швырнул часы в карман мундира. — Сигнал к атаке! — крикнул он артиллерийскому расчету, чьей задачей было подать сигнал — выстрелить с коротким промежутком три раза.

— Вы атакуете без прикрытия? — воскликнул адъютант, в ужасе от одной только мысли о дивизии, наступающей без всякой фланговой поддержки на половину армии северян.

— Это всего лишь чертовы янки. Посмотрим, как они умеют бегать. Сигнал к атаке!

Глухие, бездушные выстрелы разорвали полуденную тишину. Первый снаряд разнесся над далекими лесами, стряхивая капли влаги и хвойные иглы с деревьев. Второе ядро, подскочив на сыром лугу, впечаталось в ствол дерева. Третье, последнее, послужило началом сражения.

— Джонстон не станет атаковать, — уверил брата Джеймс Старбак.

— Откуда нам знать?

— Макклелан знал его до войны. И весьма неплохо, так что знает, как работает его мозг, — объяснил Джеймс, не принимая во внимание тот факт, что Секретная служба Соединенных Штатов могла бы найти хоть чуть-чуть более надежный способ определить намерения врага, чем телепатический гений главнокомандующего.

Джеймс потянулся к тарелке с беконом. Он никогда не страдал от нехватки аппетита, и, несмотря на то, что было время ланча и повара обеспечили его щедрой порцией жареной курицы, Джеймс настоял, чтобы бекон, оставшийся после завтрака, так же был подан.

— Угощайся беконом, — предложил он брату.

— Я хорошо поел, — Старбак поочередно пролистывал газеты из огромной стопки, которые доставляли в расположение полевого штаба Секретной службы.

В стопке были такие издания, как "Луисвилл Джорнел", "Чарльстоунский Меркурий", "Кэйп Кодмэн", "Нью-Йорк Таймс", "Миссисипец", "Национальная эра", "Еженедельник Харперс", "Газета Цинциннати", "Республиканец Джексонавиля", "Североамериканская Филадельфия" и "Чикагский журнал".

— И кто только читает все эти газеты? — спросил Старбак.

— Я читаю. Когда время есть, но времени всегда не хватает. А еще нам не хватает штабистов, вот в чем беда. Ты только посмотри на это! — Джеймс, оторвавшись от чтения газеты, жестом указал на телеграфные сообщения, требовавшие дешифровки, но валявшиеся без дела в силу неэффективной работы клерков.

— Может, ты присоединишься, Нат? — предложил Джеймс. — Начальству ты по душе.

— В смысле, когда вернусь из Ричмонда?

— А почему нет? — Джеймсу идея понравилась. — Слушай, ты точно не хочешь бекон?

— Точно.

— Весь в отца, — заметил Джеймс, отрезая ломоть свежего хлеба и намазывая его солидным слоем масла. — А я всегда ел в охотку, как мама, — он перелистнул страницы газеты, но вновь оторвался от нее, когда вошел Пинкертон. — Как генерал? — спросил Джеймс.

— Болеет, — ответил Пинкертон, утягивая с тарелки Джеймса ломтик бекона. — Нс жить будет. Медики завернули его во фланель и пичкают хинином.

Генерал Макклелан, слегший от лихорадки Чикагомини и уложенный в постель, попеременно то впадал в жар, то тряся от озноба.

Секретная служба Пинкертона облюбовала соседнее здание, ибо генерал предпочитал находиться рядом со своим лучшим источником информации.

— Но ум у генерала ясный, — добавил Пинкертон, — и он согласен с тем, что вам пора отправляться обратно, — ломоть бекона в его руке указал на Старбака.

— О Господи Боже, — пробормотал Джеймс, в ужасе косясь на младшего брата.

— Ты можешь отказаться, Нат, — заметил Пинкертон, — если считаешь, что это слишком опасно, — он проводил остатки бекона в последний путь и, усевшись у окна, поглядел на небо. — Слишком ветрено для воздушных шаров, чтоб его. Ни разу не видел такой бури, как вчера ночью. Выспаться удалось?

— Да, — ответил Старбак, пряча распирающий его изнутри азарт. Он уже было стал подозревать, что так никогда и не получит список вопросов, не вернется на юг и не увидит Салли или ее отца. По правде говоря, он скучал. И если уж быть совсем откровенным, больше всего он скучал в обществе своего брата.

Нет, Джеймс был хорошим человеком, настолько хорошим, насколько вообще может быть живущая на земле душа. Но темы его разговоров ограничивались едой, семьей, Богом и Макклеланом.

Попав к янки, Нат сперва опасался, что его лояльность Югу будет подвергнута проверке, а трепет перед звездно-полосатым флагом заставит забыть о сотрудничестве с мятежниками. Но вместо этого тоска, которую он испытывал, общаясь с Джеймсом, лишь мешала этой волне патриотизма его захлестнуть.

Кроме того, ему нравился собственный образ — изгоя в армии мятежников Старбак имел репутацию безрассудного отступника, и в самом деле мятежника. В этой же огромной армии с ее жесткой организацией он был всего лишь еще одним молодым человеком из Массачусетса, навеки связанным с ожиданиями своей семьи.

На Юге, подумалось Старбаку, он был волен определять, кем будет. Лишь он сам был волен ограничивать собственные амбиции. Но на Севере он всегда будет сыном Элияла Старбака.

— Когда? — со слегка неуместным энтузиазмом поинтересовался он.

— Сегодня, Нат? — предложил Пинкертон.

— Скажешь, что путешествовал, — Пинкертон и Джеймс состряпали легенду, объясняющую отсутствие Старбака в Ричмонде.

По легенде, Старбак восстанавливал силы после тюремного заключения, путешествуя по южным штатам Конфедерации, где его задержали плохая погода и опаздывающие поезда.

Пинкертон, как и Джеймс, разумеется, понятия не имел, что легенда эта никому была не нужна, а самому Нату требовалась лишь бумага Пинкертона, которую он доставит Ги Беллю, его могущественному заступнику в Ричмонде.

— Лихорадка, уложившая генерала в постель, хоть заставила его сфокусироваться на наших делах, — заметил чрезвычайно довольный Пинкертон. — Так что можешь передать эти вопросы своему другу.

Вопросы Макклелана, как и ложное донесение, данное Старбаку Ги Беллем, были защиты в пакет из промасленной ткани. Старбак засунул пакет в карман. На нем был поношенный китель брата — объемный двубортный форменный китель синего цвета, который на стройном Старбаке висел мешком.

— Нам требуется многое узнать об обороне Ричмонда, — объяснил Пинкертон.

— Будет осада, Нат. Наши орудия против их земляных укреплений. Твой друг должен рассказать нам о самых слабых местах в их обороне, — Пинкертон обернулся к Джеймсу. — Джимми, хлеб свежий?

— Боже ты мой... — Джеймс, пропустив мимо ушей вопрос начальника, неверяще уставился на недавно полученный разворот "Ричмондского наблюдателя", лежавший у его тарелки. — Ну и дела, — добавил он.

— Джимми, хлеб?.. — предпринял еще одну попытку Пинкертон.

— Анри Ги Белль мертв, — произнес Джеймс, не обращая внимания на голодного шефа. — Ну и дела.

— Кто? — переспросил Пинкертон.

— Восемьдесят лет! Хороший возраст для нехорошего человека. Ну и дела.

— О ком ты говоришь, черт тебя подери? — возмутился Пинкертон.

— Анри Ги Белль, — ответил Джеймс. — Целая эпоха с ним ушла, не меньше, — он вчитался в смазанные газетные строки. — Пишут, что умер во сне. Но каков был мерзавец, каков мерзавец!

Старбак мысленно содрогнулся, но не смел показать свое волнение. Может быть, этот Анри Ги Белль просто однофамилец человека, пославшего Старбака по эту сторону фронта?

— Что за мерзавец? — спросил он.

— Принципы у него были шакальи, — объяснил Джеймс не без нотки восхищения.

Как христианин, он должен был осуждать Ги Белля за его репутацию, но как юрист он даже завидовал профессионализму покойного.

— Единственный, с кем отказался драться на дуэли Эндрю Джексон ^[25], — продолжил он. — Вероятно, потому что Ги Белль успел убить шестерых, а то и больше. Он был невероятно опасен с пистолетом или саблей. И в зале суда тоже, кстати. Помню, судья Шоу как-то сказал мне, мол, Ги Белль хвастался ему тем, что осознанно отправил по крайней мере десятков невиновных на эшафот. Шоу, естественно, был против, но Ги Белль утверждал, что древо Свободы питается кровью, и неважно, кровь ли это виновных или невиновных, — Джеймс покачал головой в знак осуждения подобного злодейства.

— Он утверждал, что наполовину француз, но Шоу уверен, что Ги Белль наверняка потомок Томаса Джефферсона, — Джеймс покраснел, пересказывая подобные адвокатские слухи.

— Я уверен, это неправда, — добавил он поспешно, — но подобные преувеличения всегда его окружали. Теперь же он отправился на свой последний суд. Джефф Дэвис будет скучать.

— Почему? — спросил Пинкертон.

— Они тесно дружили, сэр, — ответил Джеймс. — Ги Белль был серым кардиналом и, наверное, одним из ближайших советников Дэвиса.

— Ну, значит, поблагодарим Господа за то, что ублюдок почил в бозе, — жизнерадостно заметил Пинкертон. — Так, теперь ответь мне наконец: хлеб свежий?

— Да, шеф, — ответил Джеймс, — свежайший.

— Отрежь мне кусок, будь любезен. И за куриную ножку я был бы очень благодарен. Я тут подумал, как мы поступим, — пообедав, Пинкертон повернулся к Старбаку, — мы пошлем тебя через реку Джеймс этой ночью. Два или три часа прогулки от Петерсберга, а оттуда на север тебе придется добираться самому. Справишься, как думаешь?

— Уверен, что справлюсь, сэр, — ответил Нат, удивляясь тому, как спокойно и обыденно звучит его собственный голос. Ибо живот его скручивало от самого настоящего ужаса.

Ги Белль мертв? Тогда кто вступится за Старбака? Кто во всей Конфедерации докажет, что Старбак не дезертир? Нат встряхнулся.

Нельзя ему возвращаться! Понимание этого словно обдало его ледяной водой. Только Ги Белль мог поручиться за него, и без него друзей в Ричмонде у Ната не было. Без Ги Белля он был дважды изменником, презираемым вдвое сильнее прежнего, без Ги Белля путь на Юг, не говоря уже о Легионе, ему был заказан.

— Ты нервничаешь, Нат! — немного грубовато заметил Пинкертон. — Волнуешься о возвращении, верно?

— Я справлюсь, сэр, — ответил Старбак.

— Уверен, что справишься. Все мои лучшие агенты нервничают. Только дураки даже ухом не ведут при мысли об отправке на юг, — шотландец повернулся в недоумении, услышав гул артиллерии где-то вдалеке: — Это пушечные залпы? Или снова гром?

Он широко распахнул окно. Безошибочно узнаваемый звук артиллерийской канонады прокатился по окрестностям, угас и снова загрохотал, когда слово взяла еще одна артбатарея.

Пинкертон прислушался и пожал плечами:

— Может быть, канониры тренируются?

— Я могу одолжить лошадь и съездить поглядеть? — спросил Старбак.

Ему хотелось побыть в одиночестве и подумать о будущем. Его покровитель мертв. Нату представился Ги Белль, умерший с сардонической улыбкой на губах. Оставил ли старик бумагу, удостоверяющую невиновность Старбака? Почему-то Нат в этом был совсем не уверен, и он снова задрожал, несмотря на жару.

— Возьми мою лошадь, — предложил Джеймс.

— Но вернись до шести! — предупредил Старбака Пинкертон. — За тобой в шесть придет человек, который отведет тебя к реке!

— В шесть часов, — пообещал Старбак и, мучаясь от неопределенности и страха, отправился к конюшне.

Пинкертон уселся на стул Ната и вплотную занялся курицей.

— Славный парень твой брат. Но нервный, Джимми, очень нервный.

— Он всегда этим страдал, — заметил Джеймс. — И алкоголем и табаком он лучше себе не сделает.

Пинкертон улыбнулся:

— Я когда-то тоже употреблял алкоголь и табак, Джимми.

— Но вы человек плотного сложения, а мой брат хилый, — объяснил Джеймс. — Люди вроде нас с вами, майор, страдают от желудочно-кишечных заболеваний, а такие как мой брат — всегда от нервов. В этом он пошел в отца.

— Должно быть, образование — великая вещь, — промолвил Пинкертон, усаживаясь перед тарелкой. Звук канонады усилился, но он не обращал на него внимания.

— Моя любимая бабушка, упокой Господь ее душу, всегда заявляла, что нет такой болезни в Божьем мире, которую нельзя было бы излечить глотком виски. Сомневаюсь, что я с ней согласен, Джимми, но она прожила долгую жизнь и ни дня не болела.

— Но она рекомендовала только глоток, — возразил Джеймс, который рад был польстить Пинкертону, — а не надираться как свинья, майор, ни один благоразумный

человек не станет оспаривать целительную силу виски, но к прискорбию, оно обычно используется не в качестве лекарства.

— Твой брат наслаждается своим падением, — с озорством заметил Пинкертон.

— Нат — сплошное разочарование, — признал Джеймс. — Но я смотрю на это так, майор: он отрекся от своих политических заблуждений и встал на тяжкий путь исправления. Он стоял на дороге порока, но с Божьей благодатью вернется на праведный путь к полному спасению.

— Смею сказать, что ты прав, — проворчал Пинкертон. Он никогда не чувствовал себя комфортно в обществе собственного заместителя, когда тот начинал нечто вроде проповеди, но признавал твердые добродетели Джеймса и знал, что стоило потерпеть эту странную проповедь ради того порядка, который внес Джеймс в дела Секретной службы.

— И возможно, мы поможем Нату встать на путь к спасению, — настаивал Джеймс, — предложив ему место в бюро? Нам прискорбно не хватает персонала, шеф. Только посмотрите на это! — он махнул рукой в сторону кипы телеграмм и протоколов допросов.

— Когда он вернется из Ричмонда, — ответил Пинкертон, — мы об этом подумаем, обещаю.

Он обернулся в сторону окна и нахмурился.

— Весьма оживленная канонада. Как думаешь, мятежники нас атакуют?

— К нам не поступало никаких сообщений об атаке противника, — сказал Джеймс, имея в виду, что нападение вряд ли может произойти. Когда готовилась атака, небольшой поток дезертиров всегда приносил новости о приготовлениях врага, но в последние дни на линии фронта между двумя армиями было на удивление тихо.

— Ты прав, Джимми, ты прав, — Пинкертон вернулся к столу.

— Наверняка просто канонерка проводит учения с командой. И без сомнений, если происходит нечто серьезное, мы скоро об этом услышим, — он выбрал недельной давности экземпляр "Республиканца Джексонвиля" и начал читать хвастливую статью о том, как прорывающие блокаду контрабандисты сбежали от кораблей северян у побережья Южной Каролины.

Корабль вез груз парусины из Генуи, французских ботинок, британских капсулей, гуттаперчи из Малайи и одеколону.

— Зачем им нужен одеколон? — удивился Пинкертон. — Зачем, во имя Господа, он им нужен?

Джеймс не ответил. Он был занят ланчем, накладывая очередную порцию цыпленка, когда дверь в гостиную резко отворилась и в комнату вошел высокий и сухопарый полковник.

Полковник был в сапогах для верховой езды и с хлыстом в руках, а его форма была забрызгана красной грязью, что свидетельствовало о том, что он только что прискакал.

— Кто вы такой, черт возьми? — Пинкертон поднял глаза от газеты.

— Меня зовут Торн. Подполковник Торн, Департамент генеральной инспекции, из Вашингтона. А вы-то кто такой?

— Пинкертон.

— Так, Пинкертон, где Старбак?

— Сэр? Я Старбак, сэр, — ответил Джеймс, сдергивая с шеи салфетку и поднимаясь из-за стола.

— Вы Натаниэль Старбак? — мрачно переспросил полковник Торн.

Джеймс покачал головой:

— Я его брат, сэр.

— Тогда где, мать его, Натаниэль Старбак? Вы уже арестовали его?

— Арестовали? — переспросил Пинкертон.

— Я телеграфировал вам вчера. Кто-нибудь тут вообще своим делом занимается? — с горечью спросил Торн, прекрасно зная, что разоблачающее Старбака письмо Дилейни пролежало запечатанным на его собственном столе слишком долго. — Где же он, черт его подери?

Джеймс слабо махнул рукой в сторону заднего двора:

— На конюшне, надо полагать.

— Отведите меня туда! — Торн извлек из поясной кобуры револьвер и вставил в брандтрубку одной из камор капсуль.

— А я могу поинтересоваться... — нервно начал Джеймс.

— Не можете, чёрт возьми! Ведите меня в конюшню! — заорал Торн. — Я сюда из Вашингтона приперся не для того, чтобы вы передо мной тряслись, как девственница на брачном ложе! Шевелитесь!

Джеймс побежал на конюшню.

Дверца стойла, где держали его лошадь, поскрипывала на ветру. Само стойло пустовало.

— Он поехал разузнать, что там была за стрельба, — слабо оправдывался испуганный свирепостью Торна Джеймс.

— Вернется к шести, — уверил полковника Пинкертон.

— Тогда молитесь, чтобы так и было, — ответил Торн. — Где Макклелан? Он должен дать мне кавалеристов, и мы догоним этого ублюдочного изменника.

— Но почему? — спросил Джеймс. — Почему? Что он натворил?

Но полковник уже ушел. Где-то на горизонте трещали пушки, и над лесом поднялась бледная пелена белого дыма. Нат уехал на запад, в воздухе дрейфовало что-то недоброе, и у Джеймса зануло сердце. Он помолился, чтобы его страхи оказались ложными, а потом направился искать лошадь.

Пехота Конфедерации то бежала, то переходила на шаг по местности, которая местами была твердой, а местами превращалась в болото. Дозоры янки заметили, как из леса показались серые и коричневые мундиры, и быстро помчались предупредить командиров, что мятежники наступают.

В лагерях федералистов горны протрубили тревогу, и этот звук разнесся по фермам к югу от станции Фейр-Оукс. Генерал Макклелан хорошо вымуштровал своих солдат и гордился тем, как они вставали под ружье.

Целые полки побросали писать письма и хлебать кофе, бросили бейсбольные мячи и игральные карты, схватили винтовки, сложенные вигвамом, и побежали вставать в строй за завалом из веток высотой по пояс, который прикрывал их лагерь.

Застрельщики выбежали из строя, направившись к, вырытым в сотне шагов перед завалом окопам, где небольшой бугор предохранял их от затопления, но ночная гроза всё равно залила окопы, так что застрельщики встали на колени у заполненных водой ям и вытащили из дул винтовок затычки, предохраняющие оружие от дождя и ржавчины.

Остальная часть поднявшихся по тревоге полков сформировала две длинные шеренги, которые теперь стояли на теплом и сильном ветру, осматривая лес, откуда только что прибыли дозорные. Солдаты зарядили оружие и вставили на место капсули.

Завал перед ожидающей пехотой представлял собой барьер из поваленных деревьев. В нем были проделаны проемы, через которые могли бы проходить застрельщики, а в некоторых местах — земляные валы для размещения артиллерии.

Пушки, главным образом двенадцатифунтовые орудия Наполеона, но также и несколько десятифунтовых орудий Паррота, уже были заряжены. Канониры стянули парусину с ящика с боеприпасами, всунули фрикционные запалы и приказали подготовить заряды с картечью для второго и третьего залпа.

Из леса вылетали птицы, побеспокоенные продвигающимися мятежниками, оттуда выскочила пара оленей и помчалась по направлению к только что сформированному батальону еще не нюхавших пороха ньюйоркцев.

— Не стрелять! — рявкнул сержант солдату, взявшему оленя на мушку.

— Целиться низко, когда они появятся, высматривать офицеров! А теперь спокойно! — сержант расхаживал вдоль шеренги нервничающих солдат.

— Это просто горстка деревенских оборванцев, не особо отличаются от вас, жалкие ублюдки. Ничего таинственного в них нет. Их можно убить, как любого другого. Цельтесь низко, когда их увидите.

Один мальчишка снова и снова бормотал слова молитвы. Его руки тряслись. Некоторые солдаты воткнули шомполы в сырой дерн, чтобы они были под рукой, когда понадобится перезарядить винтовку.

— Ждите ребята, ждите, — повторял сержант, видя беспокойство на юных лицах. Полковник галопом промчался позади шеренги, копыта его лошади обдали их струей воды с грязью.

— Где они? — спросил один из солдат.

— Скоро увидишь, — ответил другой. В центре шеренги на фоне тусклого неба ярко сияли знамена.

Где-то в ночи затрещала оружейная стрельба, словно горел сухой тростник. Грохот пушки заставил солдат подскочить. С того фланга доносились дьявольские крики, а дым плыл над мокрой землей, но перед ньюйоркцами по-прежнему не было видно врага.

Выстрелила еще одна пушка, выплюнув на тридцать ярдов облако дыма. За спинами нью-йоркского полка в воздухе разорвался снаряд, свидетельство того, что батарея мятежников находилась где-то поблизости.

Один из ждущих солдат из Нью-Йорка внезапно согнулся и выблевал все содержимое желудка — галеты и кофе — на траву.

— Полегчает, когда их увидите, — рявкнул сержант. Из леса выпрыгнул еще один олень, помчавшись на север, в дым и грохот, а потом резко развернулся и поскакал вдоль шеренги северян.

Между деревьев замелькали тени, тусклый свет отражался от оружия, а среди сосен показался яркий флаг мятежников.

— Готовьсь! Цельсь! — выкрикнул полковник нью-йоркского полка, и семьсот винтовок прижались к семистам плечам. Застрельщики уже открыли огонь, стоя у затопленных окопов, и выщербленная земля покрылась дымками, дрейфующими с ветром на север.

— Ждать! Ждать! — приказал сержант. Лейтенант срезал саблей траву. Он пытался сглотнуть, но у него в глотке пересохло. Уже много дней он страдал запором, но внезапно ощутил, что в кишках забулькало.

— Не стрелять! Дождитесь их! — сержант сделал шаг назад из первой шеренги.

А потом внезапно они появились, те самые враги, о которых они все читали и слышали, над которыми смеялись, и они имели плачевный вид — все в обносках, неровная линия ободранных людей в грязно-коричневой и мышино-серой форме, выступившая из тени дальнего леса.

— Пли! — полковник вытащил саблю и взмахнул ей. Первая шеренга нью-йоркского полка скрылась в дымовой завесе.

— Пли! — крикнул капитан артиллерии, и в край леса со свистом полетели снаряды, разорвавшись с необычно маленькими облачками дыма. Солдаты прочищали дула орудий и заталкивали картечь поверх пороховых зарядов.

— Вы их остановите, ребята! Удержите их! — капеллан ньюйоркцев расхаживал туда-сюда за спинами рот, с библией в одной руке и револьвером в другой. — Пошлите их души к Господу, ребята, отправьте мерзавцев к славе. Отлично! Хвала Господу, цельтесь низко!

— Пли! — из ствола пушки вылетел заряд картечи и словно огромный веер взъерошил неровную поверхность земли.

Мятежники были отброшены, их кровь разрисовала причудливыми узорами оставленные ночным ливнем лужи. Стальные шомполы застучали по дулам винтовок, когда ньюйоркцы начали перезаряжать оружие.

Дым от их залпа поредел, и они смогли рассмотреть, что враг по-прежнему продвигается, хотя теперь маленькими группами, которые останавливались, становились на колени, стреляли, а потом снова шли вперед и время от времени издавали странное улюлюканье, знаменитый боевой клич мятежников.

Их новое боевое знамя, выглядывающее из-за деревьев, выглядело кровавым.

— Пли! — скомандовал сержант, наблюдая, как одна из групп мятежников остановилась. Два человека в серых мундирах упали. В дыму кувыркался случайно оставленный в дуле шомпол.

Пули мятежников вонзились в бревна и ветки завала, а другие просвистели над головами. Застрельщики северян побежали назад, оставив бесполезные окопы снайперам южан.

Дым начал накрывать поле битвы рваной пеленой, за которой мятежники превратились просто в силуэты, обозначенные вырывающимся из винтовок пламенем.

Пушка откатилась на лафете, оставив глубокие следы во влажном дерне. Не было времени делать амбразуры как следует, с твердым основанием, удалось лишь воздвигнуть грубую стену перед пушками, которые теперь выплевывали смертоносную картечь.

Каждая двенадцатифунтовая пушка уже дважды выстрелила картечью, которую заталкивали в дуло поверх двух с половиной фунтов пороха, так что каждый снаряд выпускал в воздух пятьдесят четыре ружейные пули полтора дюйма диаметром каждая. Содержащие картечь снаряды были сделаны из разрывающегося при выстреле олова, а пули находились внутри в смеси опилок, исчезающих в пламени еще в дуле пушки.

Пули вонзались в стволы деревьев позади атакующих мятежников, шлепались в мокрую землю или разрывали тела конфедератов. С каждым выстрелом пушки откатывались всё дальше, следы от их колес в мягкой земле становились всё глубже, а у канониров не было ни сил, ни времени, чтобы вытащить тяжелые орудия из засасывающей их грязи.

Приходилось опускать стволы пушек, чтобы компенсировать их углубление в почву, но они по-прежнему выполняли свою работу, сдерживая атаку мятежников. Неприятные вопли

мятежников прекратились, их сменил свист картечи, врывающейся в дальний лес.

— Вы их побеждаете! Побеждаете! — полковник ньюйоркцев привстал на стременах, чтобы крикнуть эти слова своим солдатам. — Вы их напугали, — сказал он, а потом приглушенно выдохнул, когда пуля вошла ему в глотку.

Полковник начал мотать головой, как будто ему жал воротник. Попытался заговорить, но вместо слов изо рта появилась лишь кровь и слюна. Он завалился в седле с выражением удивления на бородатом лице, а сабля выпала из руки и задрожала, воткнувшись в землю.

— Ребята молодцы, сэр, просто молодцы! — за полковником скакал майор, который потрясенно наблюдал, как его командир медленно вывалился из седла. Лошадь полковника заржала и рысью помчалась вперед, потащив седока за собой за запутавшуюся в стремях левую ногу.

— Боже ты мой, — произнес майор. — Доктора! Доктора!

Еще одна пушка издала глухой звук, выпустив заряд картечи, только на сей раз пули вонзились в ряды ньюйоркцев, защелкав по завалу из веток и свалив четырех человек, покотившихся кувырком в обратном направлении. Грохнула еще одна пушка, и майор увидел, что мятежники поставили два орудия на его левом фланге и снимают с передков еще два.

Он развернул лошадь, чтобы подъехать к оказавшемуся под угрозой флангу, но стоявшая там рота уже отступала. На том фланге были и другие войска северян, но они находились слишком далеко, чтобы прийти на помощь, а кроме того, те солдаты отражали атаки другой группы мятежников.

— Сдерживать их! Сдерживать! — крикнул майор, но появление у южан артиллерии подняло мятежникам дух, и теперь фигуры в сером приближались к завалу из веток, а огонь их ружей стал более смертоносным.

Раненые хромали и ползли подальше от рядов ньюйоркцев в поисках помощи от музыкантов, служивших также санитарями.

Убитых вынесли из шеренги северян, а оставшиеся в живых в центре строя сомкнули ряды. Во рту у них пересохло от соленого пороха, который они лизали, разрывая обертку патрона, а лица почернели. Пот прочертил светлые полосы на черных лицах.

Они заряжали и стреляли, заряжали и стреляли, зажмуриваясь, когда тяжелые винтовки ударялись о покрытые синяками плечи при отдаче, а потом снова заряжали и стреляли.

Земля позади мятежников была усеяна убитыми и ранеными, основные потери пришлось на те места, где заряды картечи ворвались в продвигающиеся шеренги.

Новое знамя южан с усеянным звездами голубым крестом на ярком красном поле разорвала картечь, но какой-то солдат подобрал древко и побежал вперед, пока пуля янки не раздробила ему ногу, и флаг снова упал. Его подобрал другой человек, и дюжина солдат из Нью-Йорка начала по нему палить.

Сержант янки наблюдал за тем, как мальчишка установил на место пулю, но шомпол вошел в дуло лишь на двадцать дюймов, а потом остановился. Сержант протолкнулся через строй и схватил его винтовку.

— Нужно стрелять, черт тебя дери, а потом уже запикивать следующую пулю, — сержант полагал, что мальчишка установил в винтовку уже четыре или пять зарядов и каждый раз забывал взвести курок с капсюлем. Сержант отбросил винтовку и подобрал оружие погибшего солдата.

— Вот зачем Господь дал тебе капсюли, парень, чтобы убивать мятежников. Так что

давай, за работу.

Майор нью-йоркского полка развернулся и промчался галопом мимо тела полковника к ближайшей батарее янки, где его лошадь подскользнулась в грязной жиже и остановилась.

— Разве вы не можете смести те пушки? — спросил он, указывая саблей на артиллерию мятежников, накачивающую поле боя дымом.

— Мы не можем передвинуть пушки! — отозвался лейтенант-артиллерист.

Орудия северян так глубоко погрузились в грязь, что даже общими усилиями людей и лошадей их невозможно выло вытащить. Над головами просвистел снаряд и разорвался прямо позади палаток ньюйоркцев.

Две пушки северян выстрелили, но они уже завязли так глубоко, что картечь лишь со зловещим воем пролетела над головами мятежников.

А потом снова раздался этот странный вопль, жуткий и леденящий кровь, одновременно означавший и безумие, и противоестественную радость от убийства, и скорее именно этот звук, а не звуки ружейной или артиллерийской пальбы, убедил ньюйоркцев, что они выполнили свой долг.

Они отошли от завала из веток, по-прежнему стреляя во время отступления, но стремясь ускользнуть от ужасов картечи и винтовок, которые рвали баррикаду в клочья и выбивали из рядов янки всё новых людей.

— Спокойно, ребята, спокойно! — призвал майор, увидев отступление своих войск.

Раненые умоляли отступающий батальон забрать их с собой, но каждый здоровый солдат, бросивший винтовку, чтобы помочь раненому, означал, что станет одной винтовкой меньше для сдерживания атаки. Стрельба мятежников усиливалась, а ньюйоркцев — затихала, но всё равно еще не нюхавшие пороха ньюйоркцы храбро себя показали. Они стреляли при отступлении и не ударились в панику.

— Горжусь вами, ребята! Горжусь! — крикнул сухим ртом майор, а потом завопил, когда его левую руку словно ударили кувалдой. Он недоверчиво уставился на кровь, которая внезапно густым потоком хлынула из рукава.

Он попытался двинуть рукой, из которой сочилась кровь, но мог пошевелить только мизинцем, и потому поднял руку, и кровь прекратила капать. Он почувствовал какую-то странную слабость, но отбросил это чувство, как не имеющее значения.

— Вы молодцы, ребята, и правда молодцы! — его голосу не доставало убежденности, а пятно крови расплывалось на локте рукава.

Теперь мятежники находились уже у завала, используя его, как опору для винтовок. Некоторые начали оттаскивать куски баррикады, а другие обнаружили в ней проемы, оставленные для дозоров, и устремились в них. Над рядами мятежников появились дымки, которые унесло ветром.

Ньюйоркцы теперь отходили быстрее, запаниковав при виде канониров, бросивших свои увязшие в грязи пушки и бегущих назад, к лошадям. Один офицер-артиллерист остался и пытался привести орудие в негодность, вколачивая мягкие металлические гвозди в запальные отверстия, но сначала его подстрелили, а потом мятежник заколол штыком и быстро обчистил карманы своей жертвы.

Майору наконец-то удалось наложить жгут выше левого локтя. Его лошадь, оставшись без седока, скакала между полковыми палатками, которые после утреннего смотра так и остались безукоризненно чистыми.

Все входные пологи палаток были должным образом приподняты и прикреплены, пол

подметен, а постели аккуратно сложены. Костры полевых кухонь по-прежнему горели. На одном из них кипятился оставленный без присмотра котелок с кофе.

Игральные карты разметало ветром. Мятеежники теперь приближались быстрее, и ньюйоркцы побежали под укрытие леса позади лагеря.

Где-то за этим лесом, около перекрестка, где одиноко стояли семь высоких сосен, были другие силы северян, более крупные, а также более крупные артиллерийские батареи и более стойкие завалы.

Там находилось спасение, и янки побежали, а конфедераты заняли их лагерь со всеми сокровищами в виде еды и кофе и уютом, созданным посылками любящих семей солдатам, участвующим в великом и священном деле по объединению страны.

В четырех милях от этого места, на покрытой вязкой грязью дороге, протянувшейся между мрачными лесами, дивизия генерала Хьюджера ожидала, пока старший офицер попытается определить, где им следует находиться.

Некоторые его солдаты смешались с арьергардом дивизии генерала Лонгстрита и были в еще большем смятении, потому что Лонгстрит только что приказал своим бригадам развернуться и маршировать в том направлении, откуда они только что прибыли.

Сырой и теплый воздух производил странное действие на звуки, то заглушая их, так что казалось, что сражение проходит во многих милях от этого места, то, наоборот, становилось похоже, что битва передвинулась дальше на восток.

Две дивизии, которые должны были сомкнуться на армии янки, как стальные челюсти, раздраженно топтались в сумятице, а генерал Джонстон, будучи не в курсе, что два его фланга смешались, и не имея представления о том, что центр начал атаку без них, ожидал у Старой таверны прибытия войск Лонгстрита.

— Есть какие-нибудь новости от Лонгстрита? — спросил генерал уже в двадцатый раз за последний час.

— Никаких, сэр, — с несчастным видом ответил Мортон. Дивизия Лонгстрита испарилась. — Но люди Хьюджера продвигаются, — сказал Мортон, хотя и не захотел прибавить, что продвигаются так медленно, что он сомневается, доберутся ли они до поля боя к ночи.

— Нужно будет провести полное расследование этого инцидента, Мортон, — угрожающе заявил Джонстон. — Я хочу знать, кто не подчинился приказам. Вы этим займетесь.

— Кончено, сэр, — отозвался Мортон, хотя начальника штаба больше волновал грохот пушек, раздававшийся со стороны дивизии Хилла. Он не был громким, потому что очередной раз поток теплого и душного воздуха приглушил звук, так что шум проходившего неподалеку сражения стал похож на раскаты далекого грома.

Джонстон отмёл опасения начальника своего штаба относительно приглушенных звуков.

— Это дуэль артиллерии на реке, — предположил он. — Хилл не станет атаковать без поддержки. Он не идиот.

В шести милях, в Ричмонде, звуки орудий были более различимы, прокатываясь эхом по улицам, начисто вымытым ночным ливнем.

Люди забрались на крыши и церковные колокольни, чтобы посмотреть, как над восточным лесом поднимается дым от стрельбы. Президента не проинформировали, что надвигается сражение, и он посылал командующему армией жалобные сообщения с

требованием объяснить, что происходит.

Это атакуют янки? Следует ли погрузить золотой запас государства на ожидающий поезд и отвезти его на юг, в Петербург?

Генерал Роберт Ли, в той же степени, что и президент Дэвис, не имеющий представления о действиях Джонстона, посоветовал президенту соблюдать осторожность. Лучше дождаться новостей, сказал он, прежде чем вызвать в столице очередную панику с эвакуацией.

Не все беспокойно ожидали новостей. Джулия Гордон распространяла Новый Завет в госпитале Чимборасо, а в городе, на Франклин-стрит, Салли Траслоу воспользовалась отсутствием клиентов, чтобы организовать генеральную уборку во всём доме.

Простыни отстирали и развесили сушиться в саду, занавеси и ковры выбили от пыли, тонкие стеклянные абажуры светильников дочиста отмыли от нагара, деревянные полы натерли воском, а окна отполировали замоченными в уксусе газетами.

Ближе к вечеру возница втащил в дом большой круглый стол из красного дерева, которые должен был занять центральное место в комнате для спиритических сеансов, и его тоже нужно было отполировать.

На кухне дымились чаны с кипятком и стоял запах щёлока и соды. Руки Салли покраснели, волосы она заколола в пучок на макушке, а ее лицо блестело от пота. Во время работы она пела. Отец гордился бы ей, но Томас Траслоу спал беспробудным сном.

Бригада Фалконера осталась в резерве, охраняя мост через Чикагомини к северу от города, солдаты прислушивались к шуму далекого сражения, играли в карты, подковывали лошадей и возносили молитвы, чтобы в этот день их присутствие на поле боя не потребовалось.

Старбак скакал на юго-запад по дороге, ведущей к ближайшему мосту через Чикагомини. Он с трудом понимал, куда направляется или что будет делать.

Ги Белль был его покровителем и защитником, а теперь Старбак снова стал сам по себе. Много дней Старбак страшился, что Джеймс может получить настоящее послание от Адама, и его предательство таким образом откроется, но не представлял опасность того, что может оказаться без дружеской поддержки на стороне противника.

Он ощущал себя как зверь, которого охотники гонят из берлоги, а потом вспомнил документ, которые только что дал ему Пинкертон, гадая, обладает ли этот клочок бумаги достаточной силой, чтобы безопасно доставить его домой, в Легион.

Он был уверен, что именно туда хочет направиться, но как теперь, без помощи Ги Белля, ему удастся проникнуть обратно в ряды Легиона? И эта перспектива снова погрузила его в состояние, близкое к отчаянию.

Возможно, думал он, ему следует отправиться добровольцем в какой-нибудь полк северной пехоты. Поменять имя, взять в руки винтовку и раствориться в синих рядах крупнейшей в Америке армии.

Лошадь Старбака неспешно скакала по обочине, пока всадник пытался найти клочок надежды в водовороте охвативших его страхов и фантазий. Дорога оборвалась, превратившись в глубокую трясину из красной грязи, а оставленная колесами фургонов и пушек колея наполнилась дождем после грозы и ветер гнал по ней рябь.

Местность здесь представляла собой плоские поля, прерываемые рошицами и полосками болот, где между тростником струились медленные ручейки, хотя немного впереди виднелись низкие холмы, обещающие более твердую поверхность для копыт его

взятой взаймы лошади.

Теперь канонада не прекращалась, и это значило, что та или другая сторона решительно пытается вытеснить противника, но несмотря на это в неуютно расположенных на мокрых лугах палаточных лагерях не было заметно особой спешки.

Солдаты весь день слонялись без дела, словно сражение за рекой вела какая-то чужая армия или даже чужая страна. Солдаты выстроились в очередь к магазинчику маркитанта, где торговец продавал всякие безделушки, а еще более длинная очередь стояла в палатку, где предлагались сушеные устрицы.

Один из солдат подмигнул Старбаку и похлопал по фляжке, давая понять, что продавец устриц на самом деле торгует запрещенным виски. Старбак покачал головой и поехал дальше. Может, ему просто сбежать? Отправиться в бесплодные земли на западе? Потому он вспомнил презрение Салли и понял, что не может просто бросить всё и сбежать. Он должен бороться за то, что ему дорого!

Он миновал баптистскую церковь, превращенную в госпиталь. Рядом с ней расположился фургон гробовщика с нарисованной на покрывающем его полотне неровными кроваво-красными буквами вывеской, гласившей: "Итан Корнетт и сыновья, Ньюарк, Нью-Джерси. Бальзамирование дешево и качественно, гарантия от запаха и инфекции". Второй фургон был нагружен сосновыми гробами, на каждом был ярлык с адресом доставки.

Забальзамированные тела отправят домой, в Филадельфию и Бостон, Ньюпорт и Чикаго, Буффало и Сент-Пол, а там их похоронят в сопровождении рыдающих родственников и высокопарной риторики жаждущих крови священников.

Большую часть тел хоронили на месте гибели, но некоторые солдаты перед смертью в госпитале оплачивали доставку своих тел домой. Как раз перед глазами Старбака из церкви вынесли тело и положили на стол рядом с фургоном бальзамировщика.

Кончики носков трупа были склоты вместе, а к одной его лодыжке привязан ярлык. Человек в рубашке и заляпанном полотняном фартуке с широким ножом в руке вышел из фургона, чтобы осмотреть тело.

Старбак пришпорил лошадь, проскакав сквозь ряды вонючих химикатов для бальзамирования, а потом дорога слегка пошла вверх, через густой пояс леса, позади которого находилась маленькая небогатая ферма, окруженная полями, когда-то огороженными зигзагообразными изгородями, хотя теперь от них остались лишь следы на траве, а дерево стащили для костров полевых кухонь.

У дороги стояла бревенчатая хижина со свисающим с карниза крыши самодельным звездно-полосатым флагом. Полосы были сделаны из темной и светлой мешковины, а звезды представляли собой тридцать пять кусочков известки, намазанных на выцветший клочок бледно-голубого полотна.

Бревенчатая хижина, очевидно, служила домом для освобожденных чернокожих, потому что когда Старбак проезжал мимо, из нее выглянул старый седой негр. Он направился к своему огороду с вилами в руке, которые поднял в знак приветствия.

— Задайте им жару, хозяин! — крикнул он. — Сделайте Божью работу, сэр, слышите меня, сэр?

Старбак поднял руку в молчаливом согласии. Теперь впереди он видел блестящую поверхность реки, а за ней, очень далеко за ней, большую полосу дыма, как будто обширная часть леса горела.

Это был признак проходящего там сражения, и это вид заставил Старбака придержать

лошадь и вспомнить об одиннадцатой роте. Он гадал, находился ли в этом дыму Траслоу, дерутся ли там Декер, близнецы Коббы, Джозеф Мей, Иса Уошбрук и Джордж Финни.

Боже, подумал он, но если они сражаются там, он хочет быть с ними. Он мысленно обругал Ги Белля за то, что тот умер, а потом заглянул за полосу дыма, очень далеко за нее, туда, где более темное дымовое пятно выдавало присутствие литейных и металлургических цехов Ричмонда, наполняющих своими ядовитыми парами ветер, и это свидетельство далекого города вызвало у него приступ тоски по Салли.

Он вытащил из кармана черуту, чиркнул спичкой и жадно вдохнул дым. Положив спички обратно в карман, он нащупал там пакет из промасленной ткани в форме сигары, который остался его единственным оружием.

Бумага внутри должна была послужить пропуском в Легион, но если бы список чертовых вопросов нашел полицейский патруль, он привел бы его в петлю. И снова Старбак ощутил дрожь страха и искушение сбежать из обеих армий.

— А теперь сделайте Божью работу, хозяин, задайте им жару, сэр, — сказал чернокожий старик, и Старбак обернулся, думая, что тот снова говорит с ним, но увидел еще одного всадника, скачущего к нему во весь опор.

В четверти мили позади этого всадника группа северян-кавалеристов пробиралась по вязкой красной грязи — первый признак спешки, который Старбак заметил на этом берегу реки Чикахомини.

Он снова посмотрел на дым сражения, потому что похожая на барабанную дробь канонада наполнила местность жутким грохотом. Потом его окликнул слегка знакомый голос, и Старбак обернулся, начиная панически осознавать, что у него возникли новые неприятности.

Глава Десятая

Атака мятежников захлебнулась посреди брошенных палаток нью-йоркского полка. Продвижение задержало не сопротивление северян, а богатые трофеи, потому что в палатках, сделанных из прочной белой парусины такого качества, о котором и позабыли южане, находились ящики с провизией, забитые отличными рубашками ранцы, запасные штаны и отличные кожаные ботинки, которые шли как на правую, так и на левую ногу. Выпускаемые Конфедерацией грубые башмаки с квадратными носами, представлявшие собой просто грубый каркас из негнущейся кожи, тоже подходили на обе ноги, но обещали им и одинаковые увечья.

Здесь были свертки с провизией, присланные с Севера любящими семьями: упаковки с каштанами, банки с маринованным зеленым перцем и яблочным повидлом, куски имбирного кекса в бумажных обертках, коробки с фруктовыми пирогами, жестянки с леденцами, обернутые тканью сыры и самое главное, кофе.

Настоящий кофе. Не разбавленный молотым жареным арахисом или сделанный из измельченной в порошок сушеной кукурузы или из сухих листьев одуванчика, смешанных с порошком из сушеных яблок, а настоящие ароматные темные зерна кофе.

Сначала офицеры мятежников пытались заставить свои войска двигаться дальше, минуя этот капкан богатств врага, но затем и сами офицеры соблазнились легкой поживой в брошенных палатках.

Там была превосходная ветчина, сушеные устрицы, свежее масло и свежее испеченный хлеб. Были теплые одеяла, а в некоторых палатках — лоскутные одеяла, сшитые женщинами для своих героев, мужей и сыновей. На одном из таких одеял был изображен флаг Союза, на котором золотым шелком была вышита надпись: "Отомстите за Эллсворта!".

— Что еще за чертов Эллсворт? — спросил солдат-южанин офицера.

— Один парень из Нью-Йорка, который дал себя убить.

— Ну это ведь в последнее время вошло у янки в привычку?

— Его убили первым. Застрелили выстрелом из дробовика, когда он пытался снять один из наших флагов на крыше отеля в Виргинии.

— В таком случае мерзавцу стоило остаться в Нью-Йорке, правда?

В офицерских палатках нашли прекрасные немецкие полевые бинокли, семейные фотографии в серебряных рамках на дубовых столах, изящные дорожные бьювары с гравированной бумагой, книги в кожаных переплетах, отполированные черепаховые гребни, прекрасные железные бритвы в кожаных несессерах, банки с кремом для бритья Рассела, замусоленные дагерротипы интимного характера с обнаженными леди, кувшины с отличным виски и бутылки превосходного вина в заполненных опилками ящиках.

Майор Конфедерации, наткнувшись на одну из таких складов бутылок, разрядил свой револьвер в ящик, чтобы его солдаты не соблазнились спиртным.

Опилки в ящиках приняли цвет вина, когда тяжелые пули разбили бутылки.

— Заставьте людей двигаться дальше! — заорал майор на своих офицеров, но те уподобились солдатам, а солдаты стали похожи на детей в магазине игрушек и не собирались возвращаться к своим прямым обязанностям.

На стоянке фургонов, позади штабных палаток, сержант обнаружил сотню новеньких винтовок Энфилда, упакованных в перевязанные веревкой ящики с выбитым на них именем производителя, "Уорд и Сыновья, Бирмингем, Англия."

Винтовки Энфилда были знаменитым оружием, намного более точным и надежным чем те, которые использовал полк южан, и вскоре толпа солдат толкалась у фургона, чтобы завладеть одной из этих прекрасных винтовок. Постепенно этот хаос унялся.

Некоторые из офицеров и сержантов рубили удерживающие палатки веревки, обрушивая брезент на их содержимое, чтобы убедить своих людей прекратить грабеж и продолжить преследование разбитых частей янки.

На обоих флангах, где палаточные лагеря не послужили помехой для атаки, шеренги мятежников уже прошли через широкую полосу леса с цветущими анемонами, сангвинарией и фиалками, и вышли на открытый участок заливного луга; ветер поднимал рябь на поверхности луж и приподнимал тяжелые флаги северян, укрепившихся к западу от перекрестка, где сходились все три дороги, по которым предполагалось наступление южан.

Перекресток был отмечен семью высокими соснами и двумя унылыми фермами, являвшимися ориентирами того поля боя, где Джонстон запланировал уничтожить стоящих к югу от реки янки.

Перекресток был также защищен сложной формы земляным фортом с торчащими из него пушками, а над ним на сделанном из очищенного соснового бревна флагштоке развевалось знамя Соединенный Штатов.

Подступы к форту были преграждены завалами из веток и окопами для застрельщиков. Именно здесь Джонстон планировал окружить янки, сперва ударив по центру, а потом, прорвавшись с севера и юга, обратить их в бегство к кишасим змеями болотам Уайт-Оук, но вместо этого из леса появилась всего одна дивизия мятежников.

Эта дивизия уже прорвала одну линию обороны северян, и теперь, на другой стороне дрожащего от ветра болота, увидев вторую линию, поджидавшую их под своими яркими знаменами, солдаты в серых и ореховых мундирах издали свой вопль, леденящий кровь боевой клич.

— Пли! — прокричал офицер северян, стоящий на вале форта. Пушка северян окатилась назад по колее. Высоко в воздухе разорвался заряд шрапнели, на ряды мятежников обрушился белый дым, несущий осколки раскаленного добела металла.

Пули минье свистели над болотом, входя в цель в кровавом тумане. Знамена падали и снова поднимались, пока мятежники пробирались через болотистую местность.

Генерал Хьюджер услышал звуки возобновившейся канонады, но отказался воспринять их как призыв к незамедлительным действиям.

— Хилл знает свое дело, — заявил он, — а если бы он нуждался помощи, то бы послал за нами.

Тем временем он осторожно передвинул бригаду вдоль по пустынной дороге, назвав это разведкой крупными силами.

Бригада никого не обнаружила. Тем временем Лонгстрит, озадаченно метавшийся то в одном, то в другом направлении, приказал своим войскам отойти на исходные позиции. Оба генерала проклинали отсутствие карт и опустившийся дневной туман, достаточно густой, чтобы скрыть выдающиеся место битвы клубы порохового дыма, которые могли указать, откуда доносились загадочные и приглушенные звуки канонады.

Президент Дэвис, разочарованный молчанием своих военачальников, приехал на поле

боя из Ричмонда. Он спрашивал новости у каждого встречного офицера, но никто не знал, что произошло в заболоченных полях к югу от реки. Даже военный советник президента не мог докопаться до истины.

Роберт Э. Ли, не разбиравшийся в военном деле, мог только предположить, что атаку предприняли конфедераты, хотя не мог ни сказать, ни предположить, с какой целью и с каких успехов она прошла.

Президент поинтересовался, знает ли кто-нибудь о местонахождении ставки Джонстона, но и этого никто не знал наверняка, так что президент решил, что в любом случае должен разыскать Джонстона, поэтому его отряд продвигался на восток, в поисках новостей о сражении, которое разгорелось с новой силой, когда никем не поддержанные колонны Хилла обрушились на массивные укрепления у семи сосен.

Где нагрелись стволы пушек, резня продолжилась, усиленная неразберихой и поддерживаемая гордостью.

Окликнувшим Старбака человеком оказался французский военный наблюдатель, полковник Лассан, который, галопом промчавшись по склону холма, схватил поводья лошади Старбака и потащил его вниз по дороге, вне поля зрения кавалерии янки.

— Вы знаете, что у вас неприятности? — спросил француз.

Старбак пытался высвободить голову своей лошади из хватки француза.

— Не будьте таким безнадежным идиотом! — выпалил Лассан на своем прекрасном английском.

— И следуйте за мной! — он отпустил поводья и вонзил шпоры в бока своей лошади, и в его голосе была такая уверенность, что Старбак инстинктивно последовал за французом, резко свернув с дороги на болотистый участок земли, под прикрытием густой листвы деревьев.

Всадники прокладывали себе путь через густой подлесок и нависающие мокрые ветки, достигнув, наконец, поляны, где француз повернул лошадь и поднял руку, призвав Старбака к молчанию.

Оба прислушались. Старбак мог расслышать сильный, режущий ухо грохот тяжелый орудий на другой стороне реки, более резкий треск оружейной стрельбы и шелест и завывание ветра в высоких деревьях, но ничего более.

Француз продолжал прислушиваться, и Старбак с новым любопытством разглядывал своего спасителя. Лассан был высоким мужчиной, с темными усами и худым лицом, иссеченным полученными в сражениях шрамами.

Старбак видел рубцы там, где русская сабля разрешила правую щеку француза, казацкая пуля выбила ему правый глаз, пуля из австрийской винтовки изувечила левую сторону челюсти, но всё же, несмотря на все эти ранения, на лице полковника было выражение такой радостной уверенности, что сложно было назвать это ужасно исполосованное шрамами лицо некрасивым.

Скорее это было потрепанное жизнью лицо, на котором остался рассказ о приключении, встреченном со своеобразным щегольством. Лассан скакал на высоком вороном жеребце с тем же врожденным изяществом, что и Вашингтон Фалконер, его мундир, который когда-то был украшен тесьмой и золотой цепью с позолоченными шнурами, теперь выцвел на солнце и поблек, а прекрасный металлический декор частично потускнел, а частично отсутствовал.

Должно быть, в свое время он обладал великолепным кивером, возможно, с сияющим

мехом или ослепительной медной бляхой и увенчанный плюмажом или пурпурным гребнем, но теперь он носил широкополую фермерскую шляпу, выглядевшую так, словно ее сняли с пугала.

— Всё в порядке, — прервал молчание Лассан. — Они нас не преследуют.

— Кто это они?

— Предводитель этой группы — человек по имени Торн. Приехал из Вашингтона, — Лассан сделал паузу, похлопав коня по шее.

— Утверждает, что у него есть доказательства, что вас перебросили через линию фронта, чтобы ввести в заблуждение янки. Более того, вас послали выявить личность лучшего разведчика северян в Ричмонде.

Лассан извлек из кармана компас и дождался, пока игла примет нужное направление, прежде чем указать на северо-запад.

— Нам туда, — он повернул лошадь и пустил ее шагом между деревьев.

— И всё дело сводится к тому, друг мой, что они хотят примерить вам пеньковый галстук. Я оказался вовлечен в это, потому что энергичный Торн пришел к Макклелану, требуя кавалерию. Я нечаянно подслушал, и вот я здесь. К вашим услугам, мсье, — Лассан лихо ухмыльнулся Старбаку.

— Почему? — неучтиво осведомился Старбак.

— Почему бы и нет? — весело отозвался Лассан и замолчал, пока его лошадь спускалась по берегу ручья и взбиралась на противоположный. — Ладно, я скажу вам почему. Всё так, как я и раньше объяснял.

Мне нужно попасть и на сторону мятежников, только и всего, и желательно до того, как эта кампания завершится, а это означает, что я не могу провести много недель, совершив чуть ли не кругосветное путешествие чтобы добраться из Йорктауна до Ричмонда. Я предпочел просто перейти линию фронта, и посчитал, что вы будете делать то же самое, так что подумал, почему бы и нет?

Две головы лучше, чем одна, а когда мы достигнем другой стороны, вы за меня поручитесь, и вместо того, чтобы меня арестовывать и расстрелять как шпиона, они довольствуются вашим словом, что я в действительности Патрик Лассан, полковник стрелков императорской гвардии, — он ухмыльнулся Старбаку. — Теперь вам понятно?

— Патрик? — переспросил Старбак, его любопытство возбудило имя, которое совсем не казалось французским

— Мой отец был англичанином, а его лучший друг — ирландцем, отсюда и имя. Моя мать — француженка, и я взял ее фамилию, потому что она так и не нашла времени, чтобы выйти замуж за своего англичанина, и всё это, *mon ami*, превращает меня в незаконнорожденного полукровка, — Лассан говорил это с нескрываемым чувством привязанности к своим родителям, привязанности, которой позавидовал Старбак.

— Это также делает меня скучающим незаконнорожденным полукровкой, — продолжил Лассан.

— Янки — прекрасные, гостеприимные люди, но они склонны к тевтонской дисциплине. Хотят ограничить меня предписаниями и правилами. Хотят, чтобы я оставался на приличном расстоянии от схваток, как и подобает наблюдателю, а не участнику, но мне необходим запах боя, в противном случае я не смогу сказать, как это война будет проиграна или выиграна.

— У нас тоже есть свои правила и предписания, — ответил Старбак.

— Ахаа! — Лассан обернулся в седле. — Так вы мятежник!?

На мгновение закоренелая привычка последних недель побудила Старбака это отрицать, но потом он пожал плечами.

— Да.

— Тем лучше для вас. Может, ваши правила и предписания столь же плохи, как и у янки, мне следует самому убедиться. Но это будет приключением, да? Прекрасным приключением. Поторопитесь! — он повел Старбака из леса через долину, использующуюся под парк артиллерии.

Впереди шла еще одна дорога, и вдоль обочины расположилась отдыхающая пехота янки. Лассан предложил, что если кто-нибудь попробует их задержать, он заявит, что является официальным наблюдателем, направляющимся к месту сражения, а Старбак — его ординарец.

— Но самое для нас сложное — это пересечь реку. Ваши преследователи останутся на дороге сзади, но есть шанс, что они телеграфировали на все мосты, предупредив часовых, чтобы вас не пропустили.

Старбак почувствовал, как в животе запульсировал страх. Если янки его схватят, то повесят, а если офицеры военной полиции южан обнаружат бумагу Пинкертонна, они сделают то же самое.

— Вы рискуете, не так ли? — спросил он Лассана.

— Вовсе нет. Если они задержат нас, я буду отрицать знакомство с преступной стороной вашей души. Скажу, что вы меня провели и ввели в заблуждение, а потом раскурю сигару, пока вас будут вешать. Хотя не беспокойтесь, я помолюсь за упокой вашей души.

Мысль о его проклятой душе заставила Старбака вспомнить все растроченные попусту молитвы его брата.

— Вы виделись с моим братом? — спросил Старбак, пока они с полковником прокладывали путь к отдохавшей пехоте между расставленными пушками.

— Он заявил, что вы невиновны. Полагаю, ваш брат не прирожденный солдат, — он выразился поделикатней. — Я провел большую часть сражения при Булл-Ран в обществе вашего брата. Он человек, которому нравится рамки правил и предписаний. Думаю, он не мерзавец. Армия не может обойтись без таких осмотрительных людей, но больше нуждается в мерзавцах.

— Джеймс — хороший адвокат, — заступился за брата Старбак.

— Почему все американцы так гордятся своими адвокатами?

Адвокаты — обычный признак задиристого общества, и каждый отданный адвокату цент — это меньше шампанского, не завоеванная женщина или не выкуренная сигара. Черт бы побрал всех этих кровопийц, хотя уверен, что ваш брат — сущий ангел по сравнению с остальными. Сержант! — обратился Лассан к одному из пехотинцев, — вы из какой части?

Сержант, убежденный очевидным старшинством Лассана, ответил, что он из Первого миннесотского полка в бригаде генерала Гормана.

— Вы в курсе, что происходит, сэр? — спросил сержант.

— Чертовым мятежникам не сидится на месте. Вы скоро отправитесь, чтобы наподдать им как следует. Удачи! — Лассан продолжил путь, пустив лошадь рысью рядом с заполненной грязью колеёй и стоящей в ожидании пехотой. — Корпус генерала Самнера, — сказал он Старбаку.

— Самнер должен находиться у моста, а значит, ждет приказа атаковать, но

сомневаюсь, что он получит его в ближайшее время. Нашего нового Наполеона, похоже, не вполне захватила сегодняшняя спешка. Он еще болен, но даже и в этом случае ему бы следовало быть чуток поживее.

— Вам не нравится Макклелан? — спросил Старбак.

— Нравится? — француз некоторое время размышлял над вопросом.

— Нет, не особо. Он годится в сержанты для строевой подготовки, а не в генералы. Просто напыщенный коротышка и слишком высокого мнения о себе. Это не имело бы значения, будь он в состоянии выигрывать сражения, но похоже, он и сражаться-то не в состоянии, не то чтобы побеждать. До сего момента в этой кампании он лишь давил на мятежников, пользуясь мощью своей армии, чтобы заставить их отступать, но не сражался с ними. Он их боится! Верит, что у вас двести тысяч солдат! — Лассан коротко хихикнул, а потом указал на блестящий телеграфный провод, протянутый на самодельных столбах вдоль дороги.

— Вот в чем ваша проблема, Старбак. Представьте себе, что наш приятель Торн телеграфировал, а? Они могут ждать вас у моста. Могут и вздернуть вас на виселице в Форте Монро. Последняя чашка кофе, сигара, быстрое чтение двадцать третьего псалма, а потом вас поставят на помост и скинут вниз через люк. Быстрый способ уйти из жизни, как говорится. Намного лучше расстрела. Вам когда-нибудь доводилось видеть расстрельную команду?

— Нет.

— Еще увидите. Меня всегда поражает, как часто промахивается расстрельная команда. Ставишь этих тупиц в десяти шагах, цепляешь на грудь бедолаги лист бумаги, и все равно они прошивают ему кишки, локти и мочевого пузырь; в сущности, это не избавляет несчастного ублюдка от страданий, и офицеру приходится делать выстрел милосердия в голову дрожащего ублюдка. Я никогда не забуду свой первый раз. У меня рука дрожала, как осиновый лист, а бедолага дергался, как пойманная рыба. Мне понадобилось три выстрела из револьвера и целых две недели, чтобы отскрести его кровь от сапог. Грязное дело, эти расстрельные команды. С вами все в порядке?

— Я в порядке, — пробормотал Старбак, хотя в действительности рассказ Лассана отвлек его от беспокойства по поводу смерти Ги Белля.

Лассан рассмеялся над уверенностью Старбака. Дорога шла по жутковатом влажному участку леса. где пестрые дятлы перелетали с дерева на дерево, а под ветками простирались мрачные лужи.

Дорога была вымощена деревом, что так сильно затрудняло движение лошадей, что спустя некоторое время Лассан предложил спешиться и повести лошадей в поводу.

Он рассказывал о Крымской войне и идиотизме генералов, потом о тех временах, когда он в 1832 году поступил кадетом во французскую армию.

— Отец хотел, чтобы я вступил в британскую армию. Стань стрелком, сказал он, лучшим из лучших, а мать хотела, чтобы я стал кавалеристом во французской армии. Я выбрал Францию.

— Почему?

— Потому что влюбился в девушку, чьи родители жили в Париже, и подумал, что если поступлю в Сен-Сир ^[26], то смогу соблазнить ее, а переехав в Англию, больше никогда бы с ней не увиделся.

Старбак вспомнил мадемуазель Доминик Демарест из Нью-Орлеана, дешевую актриску

и еще более дешевую шляпу, которая соблазнила его, заставив покинуть Йель и убежать с труппой бродячих актеров.

Он гадал, где же она теперь, и встретятся ли они вновь, чтобы он мог поквитаться. Потом он довольно неожиданно осознал, что не испытывает неприязни к Доминик. Она всего лишь заставила его сделать то, чего он и сам желал — вырваться из наводящих скуку семейных уз.

— Что случилось с девушкой? — спросил Старбак.

— Вышла замуж за торговца мануфактурой в Суассоне, — ответил Лассан. — И теперь я уже почти и не помню, как она выглядела.

— Ваш отец разозлился?

— Только из-за моего выбора женщин. Он сказал, что видал и коров покрасивее, — вновь рассмеялся Лассан. — Но я сделал свой выбор в пользу любви, видите ли, и не сожалею об этом. И может, если бы я выбрал другой путь, то тоже не жалел бы об этом. В жизни не найти золотой середины, есть только чертовски сложная, но прекрасная, ждущая тех, у кого хватит смелости принять ее. А храбрость нам сейчас понадобится, *mon ami*, — Лассан махнул рукой на показавшийся мост. — Пересечем этот мост, и останется только избежать пуль и снарядов обеих армий, чтобы остаться в живых.

Мостом оказалось какое-то жалко выглядящее хитроумное сооружение. Покрытая грязью бревенчатая дорога шла прямо через стоячее болото, затем поднималась ввысь на всего лишь пару футов над зловонной рекой, прежде чем плавно опуститься на другой малоприятный участок болота на ее южном берегу.

Это небольшое возвышение обеспечивали четыре понтона, обитые жестью деревянные плоскодонки, которые несли бревенчатую дорогу через реку.

Понтоны удерживались неимоверно длинными канатами, которые оттащили к лесу и привязали к стволам деревьев, но было очевидно существование проблем в сложной взаимосвязи канатов, понтонов, блоков и проезжей части дороги.

Вчерашняя гроза подняла уровень воды в реке и принесла массу плавающего мусора, который, застряв у моста, натянул швартовы, так что теперь дорога опасно сместилась вниз по течению.

Существовала явная опасность, что давление воды и плавающего мусора могли сорвать канаты и разрушить мост. Для предотвращения этой катастрофы пара десятков недовольных инженеров стояли по грудь в бурлящей, грязной воде, пытаясь расчистить мост и протянуть новые канаты.

— Вы не сможете переправиться! — обратился к Лассану и Старбаку инженер с засученными рукавами, когда эти двое вывели лошадей из под покрова леса. Инженер был мужчиной средних лет, его панталоны были в грязи, а по усатому лицу стекал пот, от которого белая рубашка потемнела.

— Я полковник Эллис, инженерные войска, — представился он Лассану. — Мост небезопасен. Гроза изрядно его потрепала. — Эллис мельком взглянул на Старбака, не проявив к нему интереса. — В миле отсюда вверх по течению есть другой мост.

Лассан поморщился.

— Как нам добраться до того моста?

— Возвращайтесь той же дорогой, что и пришли. Через полмили поверните налево. Спустя еще полмили на перекрестке опять поверните налево.

Эллис прихлопнул комара. Выйдя из реки, группа солдат тащила трос, и Старбак

заметил, как хрупкий мост погрузился в воду и закачался, когда длинный трос натянулся.

Трос вышел из воды, покрытый водорослями с капающей с них водой, а потом один из находящихся в реке увидел зацепившуюся за натянутый трос змею и закричал. Он отпустил трос, а паника перекинулась и на близстоящих солдат, они бросили трос и поплыли к берегу. Мост заскрипел, опять выгнувшись вниз по течению.

Сержант ревел на солдат, обзывая их трусливыми уродами.

— Это всего лишь медноголовик! Он вас не убьет! А теперь держать! Тяните, ублюдки, тяните!

— Вы знаете, где находятся войска, ожидающие переправы через этот мост? — грозно спросил Лассан полковника Эллиса, словно полковник инженерных войск был лично ответственен за задержку продвижения войск.

— Они ждут у дальней кромки леса.

— И не переправятся, пока не починят мост, — раздраженно выпалил Эллис.

— Думаю, нам самим стоит выяснить, безопасен ли мост, — беспечно заявил Лассан. — От этого может зависеть будущее Союза. На войне, полковник, есть случаи, когда необходимо пойти на невысказанный для мирного времени риск, и если этот хрупкий мост — единственная дорога к победе, то необходимо рискнуть.

Он произносил эту речь, решительно направляясь к мосту, который раскачивался под воздействием напора воды.

Старбак видел, как бушующая вода сдвинула два понтона из ряда, и в результате бревенчатая дорога теперь разошлась, зияя зазорами шириной с лодыжку в верхнем слое бревен.

— А кто вы такие? — перепачканный грязью полковник-инженер поспешил за французом. Лассан не обратил на него внимания, взглянув на маленькую палатку, небрежно установленную рядом с оставленным без присмотра стучащим телеграфом. — Я требую, чтобы вы назвали себя! — побагровев, настаивал на своем полковник.

— Я генерал Лассан, виконт де Селеглиз герцогства Нормандии из кавалерии императорской гвардии его величества, в данный момент прикомандированный к штабу генерал-майора Макклелана.

Лассан продолжил шагать вперед, а Старбак последовал за ним.

— Мне плевать, даже если вы сам король Сиама, — упорствовал Эллис. — Вы все равно не сможете перейти через мост.

— Может, и не смогу, тогда я умру, пытаюсь, — величественно ответил Лассан.

— Если мое тело выловят из воды, прошу перевезти его в Нормандию. Зато мой спутник из Бостона, так что можете оставить его тело гнить в любом грязном болоте, где оно обретет покой. Вперед, мальчик! — этот призыв был обращен к лошади, которая нервно переступала по ненадежной опоре у начала моста.

Бревенчатый настил моста под весом лошадей ушел под воду, и пузырящаяся смесь ила и тины просачивалась между копытами.

— Возвращайтесь назад, черт побери! — прокричал Лассану и Старбаку сержант, стоящий по пояс в воде, держа коренной конец каната.

— Я иду дальше. Рискую я, а не вы! — ответил Лассан сержанту и озорно ухмыльнулся Старбаку. — Вперед, только вперед!

— Полковник! Пожалуйста! — в последний раз взмолился полковник Эллис, но Лассан просто не обращал внимания на инженеров и решительно шагал по бревенчатому настилу

туда, где поврежденный мост едва выступал из бурлящих водоворотов быстрых потоков реки. Мост заскрипел и опустился в воду, когда они осмелились ступить на аппарель понтонного моста.

Старбак, проходя первый понтон, заметил, что он наполовину заполнен дождевой водой, но затем столкнулся с неожиданным изгибом моста, и его лошадь попыталась уклониться от водоворота, бурлящего у понтонов и прибившихся к ним веток. Старбак заставил лошадь идти, но ужасно медленно, потому что животному требовалось время, чтобы поставить копыта на раскачивающиеся бревна.

— Идите по противоположной течению стороне, — посоветовал Лассан. — Там бревна плотней прижаты друг к другу.

Второй понтон был почти полностью залит водой, и под весом лошади Лассана настил моста угрожающе скрылся в мутном водовороте реки.

— Полковник Эллис! — окрикнул Лассан инженерную бригаду.

— В чем дело?

— Вы облегчите себе работу, выкачав воду из понтонов.

— Почему бы вам не заняться своим чертовым делом!

— Хороший вопрос, — весело заключил Лассан. Они со Старбаком еж наполовину перешли реку, под их весом тяжелое сооружение прогнулось, едва выступая над водой.

— В этой стране очень хорошие инженеры, — сказал француз Старбаку.

— Лучше наших. Французам нравится кавалерия, в худшем случае они соглашаются стать легкими пехотинцами, но другие занятия считаются унижительными. И все же меня терзают страшные подозрения, что в будущем войны будут решаться артиллеристами и инженерами, математическими винтиками войны, тогда как нас, прекрасных кавалеристов, низвергнут до роли мальчишек на побегушках. Но я не могу себе представить хорошенькую женщину, влюбившуюся в инженера, а вы? Есть своя прелесть в жизни кавалериста, она облегчает вам наиболее важные в жизни завоевания.

Старбак рассмеялся, но затем охнул, когда его нога поехала по скользкому участку бревна.

Он ухитрился удержать равновесие, хотя неосторожное движение натянуло тросы ближнего понтона, и весь мост качнулся под напором бурлящей среди щелей в бревнах воды.

Старбак с лошадью неподвижно застыли, пока не прекратилось покачивание моста, и осторожно продолжили путь.

— Вы и правда виконт? — спросил Старбак француза, вспомнив о том, что и Ги Белль был обладателем французского титула, хотя если рассказанные Джеймсом слухи верны, то происхождение Ги Белля гораздо более выдающееся.

— Никогда не был в этом уверен, — беспечно бросил Лассан.

— Это старинный титул, официально упраздненный во время революции, но мой дед не отказался от него, а я его прямой потомок. Полагаю, я лишился всех прав принадлежать к знати, когда мои мать и отец предались греховной любви, но время от времени я прибегаю к нему, чтобы произвести впечатление на местных крестьян.

— И вы называли себя генералом!

— Я им был весьма короткое время. Когда войны с Австрией закончились, я опять стал обычным скромным полковником.

— И ваше правительство прислало вас, чтобы наблюдать, как мы сражаемся? — Старбака удивило, что такого человека могли послать в Америку.

— О нет. Меня хотели поставить во главе рекрутингового центра, а это не более чем сборище неповоротливых землепашцев, охромевших запасных лошадей и пьяных сержантов. В качестве наблюдателей они прислали зануд из академии и пару тупых пехотинцев, но мне самому захотелось глянуть, так что я взял бессрочный отпуск, и правительство неохотно наделило меня полномочиями наблюдателя, как только сообразило, что меня не остановить. Так что для меня всё это вроде отпуска, Старбак, — Лассан пришпорил свою лошадь. — Почти добрались. Не понимаю, чем недовольны эти пустоголовые придурки. Я бы и с завязанными глазами смог провальсировать по этому мосту с целой дивизией скачущих шлюшек.

Старбак улыбнулся этому возмутительному заявлению и обернулся на окликнувший их с северного берега реки грубый голос. Это был полковник Эллис, кричавший из телеграфной палатки. — Стоять! — заорал Эллис. — Не двигаться!

Старбак помахал ему, словно не разобрал приказов, и продолжал идти. Он почти прошел мост и приближался к топкому ненадежному грунту подъездной дороги. Старбак прибавил шаг, таща за собой лошадь.

— Стой! — прокричал Эллис, и на этот раз подкрепил свой приказ, выхватив револьвер и выстрелив высоко над головой Старбака. Пуля прошла листья находившихся теперь всего лишь в пятидесяти ярдах деревьев.

— Поверните к нему лошадь, — тихо посоветовал Лассан, — пусть думает, что вы подчинились. И одновременно с этим взберитесь в седло, заставьте лошадь повернуться на месте, а потом скачите во весь опор. Поняли?

— Понял, — проговорил Старбак и опять помахал рукой полковнику инженерных войск, повернул лошадь, чтобы показать, что не собирается сбегать, но в то же время вдел в стремя свой грязный сапог.

Он ухватился за луку седла левой рукой и быстрым движением подтянулся в принадлежащее брату седло. Лассан тоже взобрался в седло.

Полковник Эллис спешил к мосту, махая рукой двум беглецам.

— Возвращайтесь!

— Прощайте, полковник — спокойно сказал Лассан и развернул лошадь.

— Теперь езжайте за мной! — крикнул француз, Старбак вонзил шпоры, и лошадь сорвалась с места вслед за французом.

Бревенчатая дорога предательски скользила, но каким-то образом обе лошади остались на ногах.

— Быстрее! — подгонял Лассан Старбака, а полковник Эллис простимулировал его, выстрелив из револьвера, только на этот раз целясь не поверх голов беглецов, а в их лошадей.

Но всадники уже отъехали на сто ярдов, а из револьвера трудно было попасть в цель уже с сорока-пятидесяти ярдов. Полковник сделал первые два выстрела слишком поспешно, и пули прошли очень далеко от цели.

Тогда он заставил себя целиться поаккуратней, но Лассан уже находился в тени деревьев, где повернул своего вороного жеребца, выхватил револьвер и выстрелил в ответ, мимо Старбака.

Выстрелы Лассана подняли брызги в болоте и расщепили бревна на дороге. Француз стрелял не на поражение, а чтобы сбить прицел инженера, и Старбак пролетел мимо и исчез из поля зрения инженера.

Лассан нагнал Старбака, и всадники въехали в лес, такой же сырой и заросший, как и на

северном берегу реки.

— Теперь они знают, где мы, — сказал Лассан.

— Эллис им телеграфирует.

Он перезаряжал револьвер, проталкивая пули к пороху рычажком, прикрепленным к нижней стороне ствола.

Звуки сражения стали громче, наполнив знойную землю впереди угрозой смерти. Лассан заметил лесную тропу и свернул с дороги, скача во весь опор по тропе, которая расширилась и вышла на в поле позади дома-развалюшки. Старбак последовал за ним, напрягшись, когда француз перепрыгнул через изгородь. Старбак крепко сжал поводья и закрыл глаза, позволив лошади перенести его через ограду.

Каким-то чудом он удержался на спине животного, а когда вновь открыл глаза, то увидел, что они скачут по дороге между полем и еще одним лесом.

У обочины лежала брошенная борона, напоминание о мирных временах, а на дальнем конце поля расположился артиллерийский парк, где лошади, передки и снаряды батареи северян ожидали приказов.

— Лучше не показывать, что мы слишком торопимся, — посоветовал Старбаку Лассан.

— Ничто не вызывает таких подозрений на поле битвы, как спешащий человек. Вы это замечали? Солдаты почти всё делают не спеша. Спешат только штабные офицеры и беглецы.

Он развернул лошадь к западу, направляясь к открытому пространству, и неспешно проскакал позади стоявших в ожидании пушек. Спустя полмили слева от них показался еще один лесок, позади которого лежала целая цепь низких лесистых холмов, окружавших поле битвы.

Из-за этих холмов в небо вздымались огромные клубы дыма, и Лассан направился в сторону дымовой завесы.

— Нет необходимости лезть в самое пекло, Старбак. Зайдем с фланга.

— Вы ведь этим наслаждаетесь, правда? — спросил Старбак, довольный тем, что его ведет более опытный француз.

— Это лучше просиживания штанов в штабе Макклелана и перечитывания "Мира Нью-Йорка" в восемьдесят девятый раз.

— Ну а как же ваши вещи? — поинтересовался Старбак, неожиданно осознав, что француз собирался перейти со стороны федералистов на сторону Конфедерации без какого-либо багажа.

— Всё мое имущество во Франции. Здесь, в Америке, при мне лишь плащ.

Лассан похлопал по свернутой на задней луке седла одежде.

— И немного денег, — он похлопал по седельной сумке.

— Достаточно, чтобы вы обогатились, убив меня, но не советую вам пытаться, — весело улыбнулся Лассан.

— Сменная рубашка, немного табака, патроны для револьвера, белье, сборник эссе Монтеня ^[27], зубная щетка, три записных книжки, два карандаша, две бритвы, лезвие, компас, полевой бинокль, расческа, часы, флейта, аккредитивы и мои документы, — он похлопал по карманам и сумке, содержащим все эти предметы.

— Как только окажусь вне опасности у мятежников, куплю запасную лошадь, и у меня опять будет всё необходимое. Военный не должен владеть большим, а если я отращу бороду, то даже не буду нуждаться в бритвах.

— А как насчет флейты?

— Человек должен обладать каким-то облагораживающим его даром, топ аті, в противном случае он просто животное. Господи, не хотелось бы мне сражаться в этой стране, — он высказал это мнение, когда всадники преодолели небольшую возвышенность, с которой им открылся вид на вереницу полей и лесов. — Здесь нет места для кавалерии, — добавил Лассан.

— Почему?

— Потому что кавалерия ненавидит леса. В лесах могут затаиться пушки и ружья, а нам, кавалеристам, нравятся длинные долины. Сперва ты рассеиваешь ряды пехоты артиллерией, а потом спускаешь на них кавалерию, ну а после можешь спокойно предать их земле. Вот рецепт сражений Старого Света, но это можно проделать только на открытой местности. И вот что я вам скажу, друг мой, Господь не может даровать более захватывающего приключения, чем когда ты топчешь дрогнувшего врага копытами. Дробный перестук копыт, звуки горнов, солнце над головой, а враг внизу. Боже мой, война — это дьявольское удовольствие.

Они поскакали дальше, проезжая мимо первых свидетельств сегодняшней битвы.

В поле был устроен госпиталь, куда санитары привозили раненых, а медсестры в состоящей из длинных юбок и мужских рубашках форме помогали перенести окровавленные тела из фургонов в палатки.

Позади госпиталя расположилась небольшая группа угрюмых людей с черными от пороха лицами — сбежавшие от первой атаки повстанцев солдаты, которых теперь окружали офицеры военной полиции. По дороге в сторону дымовой завесы вели мулов, груженных коробками с винтовочными патронами.

Лассан и Старбак проехали мимо мулов к следующей цепи лесов, где в тени деревьев стояла в ожидании пехота северян. Лица солдат не были перепачканы порохом, это означало, что сегодня им еще не довелось сражаться.

Рядом с лесом дорога плавно уходила вниз, туда, где через заболоченные равнины бежала по насыпи железная дорога Ричмонд-Йорк.

Мятежники разобрали рельсы и взорвали мост через Чикахомини, но расторопные инженеры северян восстановили и дорогу, и мост, и паровоз с воздушным шаром остановился там, где дорога пересекала рельсы.

Локомотив выбрасывал в воздух клубы дыма, а экипаж воздушного шара поднимал свой громоздкий аппарат с вагона-платформы. Перед грозой ветер стих, но всё равно команда воздушного шара едва справлялась с раздувающейся газовой оболочкой шара.

— Проблема, — буркнул Лассан.

Старбак глазел на воздушный шар, но теперь посмотрел в другую сторону и увидел, что вдоль железнодорожной насыпи продвигается конный патруль.

— Может, они просто разыскивают дезертиров, — предположил Лассан. — Мы должны рискнуть. Как только доберемся до дальнего леса, будем в безопасности, — он указал на густую полосу леса, протянувшуюся на противоположной стороне железной дороги.

— Просто пустим лошадей шагом.

Лассан и Старбак медленно поехали по дороге. Француз прикурил сигару для Старбака и взял другую себе.

Патруль еще находился на почтительном расстоянии, и Старбак почувствовал, как крепнет его уверенность, когда он всё ближе приближался к рельсам. Дорога плавно поднималась до уровня насыпи, края которой отмечала выжженная трава в тех местах, где от

искр локомотива занялись небольшие пожары.

Двое солдат тащили катушку, надетую на палку, с которой они разматывали телеграфный провод, соединяющий корзину воздушного шара с недавно проведенным вдоль железнодорожной насыпи кабелем. Один из солдат раскачивал палку, держа в зубах кусачки.

— Ненавижу современную войну, — сказал Лассан Старбаку, когда они добрались до железнодорожного переезда. — На войне должны греметь барабаны и трубить горны, а не бегать всякие электрики и паровые машины.

Две санитарные телеги спешили по дороге на север, и Лассан отвел лошадь в сторону, чтобы дать им проехать.

Колеса белых фургонов загрохотали по доскам, поднимавшим дорогу до уровня насыпи. После фургонов на дороге остался яркий кровавый след.

Лассан поморщился при виде стонущих, бледных, мучающихся и истекающих кровью пассажиров санитарных фургонов, а затем достал свой полевой бинокль, чтобы исследовать местность к югу от железной дороги.

Слева от них находились ряды палаток и земляные укрепления с размещенной на них батареей, хотя, по-видимому, сражение проходило примерно в миле, за дальним лесом.

Два сигнальщика со своими похожими на движущиеся кляксы флагами, стояли на парапете редута, передавая сообщение на юг. Неподалеку от них конный патруль свернул с насыпи и направился в долину.

— Они нас заметили, — предупредил Старбак француза, который, посмотрев налево, увидел, что всадники северян пересекали луг, явно с целью отрезать дорогу двум беглецам.

Лассан некоторое время рассматривал их в бинокль.

— Там ваш брат. И Пинкертон. Полагаю, нам следует опять спастись бегством, а? — он ухмыльнулся Старбаку и поскакал во весь опор по дороге, ведущей к южной стороне железнодорожной насыпи.

У подножия склона он оглянулся на преследователей и, очевидно, увиденное ему не понравилось, потому что полковник схватил свои тяжелые металлические ножны с большим устрашающего вида палашом и прижал их между левым бедром и седлом, чтобы они не подпрыгивали при езде, натирая ногу.

— Скачите! — велел он Старбаку.

Всадники вонзили шпоры, и лошади, вскинув головы, с глухим звуком застучали копытами по красной грязи дороги.

Кавалерийский горн протрубил атаку, и Старбак неуклюже обернулся, разглядев всадников в синих мундирах, рассеявшихся по всему полю. Ближайшие всадники еще находились в трехстах ярдах позади, их лошади устали, но неожиданно раздался звук выстрела то ли из карабина, то ли из револьвера, и Старбак увидел поднявшееся за спинами всадников облако дыма.

Он не был уверен, но ему показалось, что он заметил Джеймса, а потом последовал очередной выстрел, и Старбак просто пригнул голову и поскакал во весь опор за Лассаном.

Лошадь француза влетела в лес, где Лассан свернул с дороги в спутанные дебри. Старбак следовал за ним, отчаянно продираясь сквозь густые заросли и нагибаясь под нависающими ветками, пока наконец Лассан не замедлил бег, оглянувшись, чтобы убедиться, что они оторвались от преследователей.

Старбак с бешено стучащим сердцем пытался успокоить взмыленную лошадь.

— Ненавижу верховую езду, — признался он.

Лассан приложил палец к губам и указал направление, куда намеревался направиться. Он позволил лошадям перейти на шаг. Старбак ощущал сладкое зловоние порохового дыма, а канонада раздавалась так близко, что каждый выстрел барабанной дробью отдавался в ушах, и всё же лес скрывал само сражение. Лассан опять остановился.

Лицо француза радостно светилось. Для него всё это было замечательным приключением, развлечением в новом для него мире.

— Вперед, — сказал он, — только вперед.

Всадники выбрались из леса на небольшой неровный луг, где расположился батальон пехоты северян. Возглавляющий знаменосцев офицер, завидев Лассана, в нетерпении повернул лошадь.

— Приказы? — спросил он.

— Не от нас, но всё равно удачи, — прокричал в ответ Лассан, проехав мимо группы знаменосцев. На открытой местности слева от Старбака виднелись стоящие на перекрестке фургоны и передки орудий, а дыма выдавали место, откуда стреляли пушки. Сразу за пеленой дыма возвышалась группа сосен и стояли два мрачных дома.

В дыму развевался флаг Союза с красно-белыми полосами, но Старбак потерял перекресток из вида, поскольку последовал за Лассаном в очередную полосу леса. Лассан вел его через заросли шиповника, поеденные грибами стволы поваленных деревьев, и когда они вышли к следующему открытому участку, Старбак увидел справа от себя железнодорожную насыпь. Но солдат нигде не было.

— Мы оторвались от кавалерии, — сказал Старбак французу.

— Они не так уж и далеко, — предупредил его француз. — Мы на мгновение сбросили их с хвоста, но они вернутся. Туда.

Их путь опять проходил через лес, еще одну долину, которая оказалось такой топкой, что пришлось спешиться и вести лошадей по вязкому засасывающему дерну.

За болотом начинался участок с низкорослыми дубами, а за дубами — небольшой сосновый бор. Шум сражения не затихал, но почему-то, как ни странно, исчезли какие-либо признаки присутствия солдат; и в самом деле, леса выглядели такими девственными, что Лассан вдруг махнул рукой вправо, и Старбак заметил на маленькой прогалине трех диких индеек.

— Вкусные? — поинтересовался Лассан.

— Очень.

— Но не сегодня, — сказал Лассан и развернулся, посмотрев вперед, когда влажный воздух разрезал залп винтовочного огня. За ним, перекрывая звуки стрельбы, последовал необычный и леденящий кровь боевой клич мятежников, и звуки этого дикого воя наполнили Старбака волной возбуждения.

— На вашем месте я бы снял этот синий мундир, — заметил Лассан.

На Старбаке все еще был мундир брата. Теперь он торопливо шарил по карманам, извлекая оставленную ему Джеймсом в Ричмонде библию, пачку дешевых сигар, коробок спичек, перочинный ножик и промасленный пакет с бумагами.

Он запихнул всё это в седельную сумку, снял мундир брата и бросил его на землю. Теперь на нем были его старые серые панталоны южан, красные подтяжки, новые сапоги, купленные братом у сапожника из Пенсильванского полка, и широкополая шляпа, такая же потрепанная и засаленная, как и странный головной убор Лассана.

Француз вел его вперед через лес. Время от времени Старбак замечал блеск рельсов на

железнодорожной насыпи справа от себя, но по-прежнему не видел издававших боевой крик солдат.

Каждые несколько секунд шальная пуля прошивала листья над их головами, но было сложно определить, откуда велся огонь. Лассан выбирал путь с осторожностью охотника, подкрадывающегося к попавшей в ловушку дичи.

— Возможно, нам придется снова перейти железную дорогу, — сказал француз, но спустя мгновение у них уже не осталось времени на раздумья, лишь на бегство, потому что раздавшийся сзади крик оповестил о том, что их вновь настигла кавалерия. Всадники инстинктивно бросили лошадей в галоп.

Пуля просвистела над головой, другая щелкнула по стволу дерева. Лассан гикнул и пригнулся под веткой. Старбак не отставал, вцепившись в лук седла, его лошадь скакала по дороге, проходившей по гребню небольшого холма и спускавшейся к дороге, где стояла пехота янки, построившись в две колонны.

— С дороги! Посторонитесь! — властно крикнул Лассан, и пехота волшебным образом раздвинула ряды, позволив всадникам проскочить.

Они перепрыгнули через невысокую живую изгородь, пересекли вспаханное поле, и в них снова полетели пули. Старбак испугался, что весь пехотный батальон откроет огонь, но они уже въехали в лес, и слева он увидел солдат, только эти солдаты сражались, убегая от противника, что вселило в него новые надежды.

Беглецами оказались северяне, значит неподалеку находились и мятежники. Лассан заметил бегущих солдат и свернул в другую сторону. Но теперь Старбак слышал за спиной стук копыт, и бросив взгляд назад, увидел всего в двадцати шагах бородатого всадника.

Тот обнажил саблю, клинок зловеще сверкнул в облачном сумраке дня. Впереди послышались звуки стрельбы, крики мятежников, и появились новые бегущие северяне. Лассан оглянулся и увидел приближающегося к Старбаку кавалериста.

Француз развернул лошадь влево, замедлил темп и выхватил палаш из ножен. Он пропустил Старбака вперед, а потом, перерезав дорогу северянину, с силой обрушил палаш на голову лошади кавалериста.

Клинок глубоко вошел в череп лошади, она жалобно заржала и завалилась на колени. Она упала, мотая головой и разбрызгивая кровь, а седок полетел вниз, изрыгая проклятия и заваливаясь в колючие кусты у обочины. Лассан тем временем уже свернул влево и помчался догонять Старбака.

— Всегда нападай на лошадь, а не на всадника, — прокричал он, поравнявшись со Старбаком.

Француз вложил палаш в ножны, когда они выехали на широкую равнину. Справа железнодорожная насыпь была усеяна небольшими группами янки, которые беспомощно наблюдали, как всего лишь одна пехотная бригада мятежников бесстрашно продвигалась вперед по открытому участку.

Бригада состояла из четырех батальонов, над тремя из которых развевалось новое боевое знамя Конфедерации, а над четвертым — старый флаг с тремя полосами.

Бригада шла двумя шеренгами без какой-либо поддержки со стороны артиллерии или кавалерии, и казалось, никакая сила не могла остановить их продвижение. Перед ними находилась всего лишь беспорядочно отступающая масса беглецов, а за спиной они оставили горы трупов и умирающих. Других подразделений мятежников в поле зрения не было, словно одна лишь эта бригада нащупала брешь в линии обороны янки и решила выиграть

сражение в одиночку.

Старбак резко свернул в сторону бригады южан.

— Виргиния! — выкрикнул он боевой клич. — Виргиния! — он махал руками, чтобы показать, что безоружен. Лассан следовал за ним, а в шестидесяти ярдах позади француза из леса вырвалась кавалерия северян.

Бригада мятежников оказалась первым подразделением генерала Лонгстрита, достигшим поля битвы, а командовал ей двадцатилетний полковник Мика Дженкинс. Под его командованием находились три батальона из Южной Каролины и один из Джорджии, и все четыре батальона уже прорвали три позиции янки.

Дженкинсу приказали атаковать, и никто не приказывал ему останавливаться, так что он продолжил свой бросок в глубокий тыл янки. С удачей прирожденных солдат его бригада ударила в самое уязвимое место обороны, где северяне оставили лишь небольшую батарею и редкие подразделения пехоты, и южане захватывали позиции янки одну за другой, обратив тех в паническое бегство.

Теперь этим солдатам угрожал большой кавалерийский отряд синемундирников, появившийся на левом фланге. Капитан южнокаролинцев развернул свою роту на пол-оборота влево.

— Убедитесь, что зарядили ружья! — прокричал он. — Цельтесь в лошадей!

Некоторые из янки, зная, что их ожидает, придержали поводья. Одна лошадь, развернувшись слишком быстро, потеряла равновесие на скользкой земле. Другая, встав на дыбы и заржав, сбросила всадника. Но большая часть всадников разразилась криками и продолжила скакать, охваченная исступлением кавалерийской атаки.

У тридцати всадников имелись сабли, у остальных — револьверы. Бородатый сержант держал пику с небольшим треугольным флажком, и теперь опустил острое как бритва острие пики, нацелив его прямо в грудь капитану южнокаролинцев.

Тот подождал, пока два странных беглеца безопасно проскочат мимо винтовок, и отдал команду стрелять. Раздался треск пятидесяти винтовок.

Лошади заржали и повалились в грязь. Пика с флажком воткнулась острием в землю и застряла в ней, раскачиваясь, а как сержант, вскинув руки, свалился с лошади; кровь хлынула из его раскрытого рта.

Около дюжины лошадей лежало в грязи, другая дюжина влетела в хаос копыт и выкарабкивающихся из-под них людей. Лошади заржали от боли. Выжившие животные не поскакали в мешанину крови и бьющих в судороге копыт, а свернули в сторону. Несколько всадников разрядили револьверы в облако порохового дыма и умчались прочь, прежде чем пехота перезарядила ружья.

Среди упавших был и полковник Торн, зажатый в грязи раненой лошадью. Левая нога полковника была сломана, а его прекрасная мечта — скакать по затянутому пороховым дымом полю, спасая свою страну, уменьшилась до зловония крови, ржания раненых животных и отдалявшегося стука копыт удиравших кавалеристов, которым удалось уцелеть..

Капитан южнокаролинцев построил свою роту в колонну и продолжил наступление. Полковник Дженкинс подъехал к новоприбывшим.

— Кто вы, черт вас дерит?

— Капитан Старбак, Легион Фалконера, Виргиния, — тяжело дыша, выпалил Старбак.

— Лассан, полковник французской армии, прибыл в качестве военного наблюдателя, — представился Лассан.

— Вы попали прямо в нужное место, полковник. Что там впереди?

— Моя официальная позиция наблюдателя запрещает мне говорить вам об этом, — ответил Лассан, — но мой спутник, как только сможет отдышаться, расскажет, что там отдельно друг от друга стоят два полка пехоты янки, один в долине рядом со следующим лесом, а другой в четверти мили дальше. После этого вы столкнетесь с их главными укреплениями на перекрестке.

— Тогда нам лучше продолжить наступление, — сказал Мика Дженкинс, — еще немного всыпать сволочам. — Он посмотрел на Старбака. — Вы были в плену?

— В некотором роде да.

— Тогда добро пожаловать домой, капитан, с возвращением, — он повернул лошадь и повысил голос. — Вперед ребята, вперед! Загоним засранцев обратно в утробы их матерей! Вперед ребята, вперед!

Старбак обернулся, чтобы посмотреть на левый фланг. Там появился взвод снайперов-южан, чтобы избавить от страданий раненых лошадей, выстрелы глухо и монотонно прозвучали в сумраке дня.

Остатки кавалерии янки собрались у дальнего леса, в бессилии наблюдая, как пехота обчищает седельные сумки и карманы павших всадников.

Южане оттащили лошадь Торна от полковника, отобрали саблю и пистолет, предоставив ему осыпаться проклятиями всю их родню. Из лесного массива показались новые всадники, и среди них Старбак различил Джеймса. Бедный Джеймс, подумал он, и чувство вины ужалило его, словно пуля.

— В чем дело? — спросил Лассан, заметив несчастное выражение лица Старбака.

— В моем брате.

— Это игра, — бросил Лассан. — Вы выиграли, он проиграл, и вы оба остались живых. Сегодня тысячам людей станет гораздо хуже.

— Я не хочу, чтобы он пострадал.

— И как же он пострадает? — спросил Лассан.

— В худшем случае он вернется к юридической практике, проведя остаток своих дней в рассказах о непутевом брате, и как вы думаете, разве он не будет втайне вами восхищаться? Вы совершаете поступки, на которые он никогда не осмелится, но втайне хотел бы совершить. Подобные ему люди нуждаются в таких братьях, в противном случае в их жизни не произойдет ничего занимательного. Моя мать без устали повторяла нам с сестрой одну и ту же поговорку. Гуси, говорила она, собираются в стаи, орел же летает один, — Лассан озорно улыбнулся.

— Возможно, это окажется неправдой, *mon ami*, но если эта точка зрения успокоит вашу совесть, я приникну к ней так крепко, как к теплу женщины на широкой постели в холодной ночи. А теперь перестаньте чувствовать себя виноватым и подыщите оружие. Нам предстоит сражение.

Старбак отправился искать оружие. С возвращением под выбранные им знамена ему предстояло сразиться в битве, избежать петли и предать друга. Он поднял винтовку павшего солдата, нашел горсть патронов и присматривал цель.

Подкрепления северян наконец-таки начали переправу через вздувшуюся от ливней реку. Под тяжестью тяжелых орудий сломался поврежденный мост, но чудесным образом ни люди ни орудие не пострадали. Зато пристяжные лошади стерли в кровь лямки, пока вытащили тяжелую пушку из воды и протащили ее по бревенчатой дороге на южной берег.

Макклеллан оставался в постели, пичкая себя хинином, медом и бренди. Он принял столько лекарств, что у него начались головокружение и головные боли, а его врач заверял штабных офицеров, что залихорадивший генерал в курсе того, что сражение набирало обороты, но утверждал, что пациент не в состоянии принять на себя командование армией.

Возможно завтра Новый Наполеон будет в состоянии проявить свою железную волю в сражении, но до этого ему необходимо отдохнуть, а армия должна обойтись без его руководящего гения.

Окружение генерала на цыпочках удалилось дабы не помешать выздоровлению этого великого человека. Генерал Джонстон ожидавший вестей в своей ставке у Олд Таверн к северу от железной дороги, наконец-таки узнал, что приглушенные звуки канонады означали вовсе не артиллерийскую дуэль, а саму битву, которая разгорелась без его ведома и директив.

Генерал Лонгстрит прибыл в Олд Таверн, чтобы доложить, что авангард его войск атаковал к югу от железной дороги

— Я потерял Мику Дженкинса, — сказал он Джонстону. — Господь знает, где носит его бригаду, ну а что до остальных, Джонстон, то они совсем как девственницы.

Джонстон мог поклясться, что Лонгстрит обозвал своих людей девственницами. — Они как вирджинцы?

— Как девственницы, Джонстон, девственницы! Боятся за свои бока. — Ухмыльнулся Лонгстрит. Он бы весь полон бьющей через край кипучей энергии. — Нам нужно атаковать здесь, — он постучал грязным ногтем по карте Джонстона — к северу от железной дороги.

Насколько помнил Джонстон, он отдал детальные приказы Лонгстриту произвести подобную атаку к северу от железной дороги, и что эти приказы требовали проведения атаки на рассвете, а не на закате дня.

Один господь знал, что пошло не так в этой тщательно продуманной атаке-трезубце, но нечто сумело опасно пустить все наперекосяк и завтра, поклялся Джонстон, он точно выяснит почему все прошло вкривь и вкось, и кто за это ответственен.

Но с этим вопросом придется повременить до победы, поэтому он прикусил свой по обыкновению острый язык, и отдал приказ одной из резервных дивизий атаковать северную сторону железнодорожной насыпи.

Новая часть атакующих проходила мимо Олд Таверн, и Джонстон, волнуясь за развитие событий на поле битвы, присоединился к наступавшим войскам. На пути к передовой он размышлял почему в этой армии все так бесполезно усложнено. Подобное уже случалось в Манассасе, отметил он.

В том сражении ставка повстанцев бесцельно стояла в ожидании на правом фланге, тогда как битва разгорелась на левом, пока он ждал на левом, битва разгорелась на правом. И все же он может вырвать победу в этом хаосе, если только янки не переправили слишком много подкреплений через реку Чикахомини.

Прибывший в Олд Таверн президент Дэвис обнаружил, что генерал Джонстон ушел на запад. Заместитель Джонстона, Густавус Смит, до войны бывший уличным коммивояжером, открыто признался в некой неопределенности насчет сегодняшних событий, но вынес ясное суждение, что насколько он мог понять, все было "первый сорт", хотя и признался, что его познания простираются не слишком далеко.

Генерал Ли, сопровождавший президента, ужаснулся подобному ответу от сослуживца и беспокойно заерзал в седле. Владелец таверны принес президенту стакан сладкого

лимонада, который Дэвис выпил не сходя с лошади.

В отдалении Дэвис мог видеть два желтых аэростата воздушных сил федералистов, сомнительно раскачивавшихся в налетавшем порывами ветре. — Мы ничего не можем сделать с этими шарами? — Раздраженно бросил Дэвис.

На мгновение воцарилась тишина, и затем Ли тихо предложил, что у пушек нет достаточного угла возвышения, и возможно лучшим решением будет мощные снайперские винтовки. — Но даже так, мистер президент, боюсь, что у винтовок будет недостаточная дальность полета.

— Что-то необходимо предпринять, — раздраженно сказал Дэвис.

— Орлы? — Осенило генерала Смита. Ли и Дэвис с недоумением на него уставились, и Смит сжал пальцы, показав хватку когтей птицы. — Обученные орлы, мистер президент, их можно заставить проколоть оболочку шара.

— Да, несомненно, — сказал потрясенный Дэвис. — Совершенно верно. — Он взглянул на своего военного советника, но Ли уставился в лужу, словно ответ на все проблемы Конфедерации находился на самом дне мутной лужи.

Тем временем в долине продолжали гроыхать орудия.

— Вперед! Вперед! Вперед! — Казалось Мика Дженкинс только и знал, что бросать своих людей в атаку. Он не обращал внимания на раненных, оставляя их лежать в поле, вместо этого подгонял и подбадривал своих парней продолжать наступление.

Они были в самом сердце вражеской территории, без поддержки каких либо сил южан, но молодого выходца из Южной Каролины это не заботило.

— Вперед! Вперед! — Ревел он.

— Не останавливаемся! Устроим засранцам преисподнюю! Барабанщики бейте в свой барабаны! Я вас не слышу! Продолжаем шагать! — Пуля прожужжала всего в дюйме от щеки Дженкинса; воздух от пролетевшей пули отдался маленькой теплой пощечиной.

Он увидел облачко дыма, расплывшееся от ветвистой кроны сосны и подбежал к одной из шагавших рот.

— Видите дым? Сосновое дерево, вон там! Слева от боярышника. Там в ветвях засел снайпер; я хочу, чтобы его жена без промедления стала вдовой!

С дюжину бойцов упали на колени, прицелились и выстрелили. Дерево задрожало, затем скользнув, показалось тело, удерживаемое веревкой, которой был привязан к дереву снайпер северян.

— Отличная работа! — Прокричал Дженкинс, — отличная работа! Не отстаем!

Старбак подобрал винтовку Пальметто, сумку с патронами и серый мундир одного из мертвых южнокаролинцев. В мундире было небольшое пулевое отверстие в левой стороне груди и большая кровавая прореха на спине, но все же это было лучшей формой нежели его грязная рубашка.

Теперь он сражался как драгун, перезаряжая и стреляя с лошади. Он ехал позади первой линии Дженкинса, охваченный безумной отвагой этого броска, разделявавшего тыл янки подобному кровавому серпу.

Повстанцы цепью пересекли дорогу, отбросив в сторону проволочное ограждение, прежде чем войти в лесную полосу.

Мертвый снайпер янки, истекал кровью в своей петле на верхушке сосны. Его винтовка, дорогая прицельная модель с тяжелым стволом и телескопическим прицелом, свалилась с верхушки застряв на одной из низких ветвей, откуда ее с ликованием достал Джорджиец,

нагнавший батальон со своими приятелями в момент, когда они выйдя из лесной полосы, столкнулись с очередным батальоном пехоты северян.

Северяне только начали строиться в цепь, когда из деревьев высыпали повстанцы. Мика Дженкинс проревел своим ребятам поберечь выстрел и просто идти в атаку.

— Вопите ребята! — Прокричал он.

— Орите! — Вновь раздалось улюлюканье повстанцев. Линии янки скрылись в облаке порохового дыма. Мимо Старбака просвистели пули. На землю повалились конфедераты, задыхаясь и колотя ногами по траве, но несмотря на это тонкая серая линия рванулась вперед, безжалостно подгоняемая Дженкинсом.

— Бросьте раненных! Оставьте их! — Орал он.

— Вперед ублюдки! Вперед! — Янки начали перезаряжать, их шомполы оцетинились над ними двойным рядом, но предвещающие смерть, вопли атакующих, блеск лезвий их штыков в дыму убедил северян, что сегодня не их день. Батальон расстроил ряды и обратился в бегство.

— Следуйте за ними! За ними! — Закричал Дженкинс и уставшие за день повстанцы влетели в лес, где открыли стрельбу по беглецам. Некоторые из янки пытались сдаться, но у Дженкинса не было времени на пленников. У северян отбирали винтовки и предлагали убраться с глаз долой.

Очередной батальон янки поджидал их у дальней кромки леса и он, как другие подразделения северян, противостоявшие сегодня бригаде Дженкинса не был поддержан другим пехотным подразделением.

Они узнали о нападении повстанцев, когда отступающие янки показались среди деревьев, но прежде чем полковник сумел организовать оборону, в поле зрения появились повстанцы, улюлюкая, крича и жаждающая их крови.

Янки отступили, хлынув толпой через пшеничное поле к перекрестку, где основная часть их армии сдержала сильный лобовой удар главной атаки повстанцев.

Теперь перед лицом главного сражения, Мика Дженкинс сдержал своих людей. Бригада зашла глубоко в тыл янки, но дальнейшее продвижение вперед привело бы к их полному уничтожению.

Перед ними открылся вид на обширную долину, усеянную палатками, фургонами, передками орудий и зарядными ящиками, справа от них находился перекресток перед двумя, продырявленными снарядами, домами и семью соснами, изрешеченными пулями. Именно там, у стрелковых ячеек и большого редута развернулось главное сражение сегодняшнего дня.

Главная атака северян захлебнулась перед редутом, где янки крепко держали оборону. Пушечные залпы подожгли пшеницу и заставили мятежников залечь. Именно в этом месте Джонстон планировал взять упрямую оборону янки в клещи прорывами с флангов, но этих фланговых атак так и не случилось, а главное направление наступления захлебнулось в крови и было безжалостно скошено залпами канониров северян.

Хотя, по странному стечению обстоятельств, в тылу у янки появились тысяча двести солдат Мики Дженкинса. Бригада вступила в сражение с тысячью девятистами солдатами, но оставила около семиста из них мертвыми и ранеными на охваченном хаосом пути, который южнокаролинцы прорубили по полю битвы. Теперь у Дженкинса появилась возможность внести еще больший хаос и беспорядок.

— Встать в шеренгу! — прокричал Дженкинс и подождал, пока вторая шеренга солдат

не поравнялась с первой. — Заряжай!

Тысяча двести повстанцев в двух нестройных рядах забили пули минье поверх пороховых зарядов, установили тысячу двести капсюлей на брандтрубки и взвели тысячу двести курков.

— Цельсь!

Хотя никакой определенной цели не было в поле зрения.

Непосредственно бригаде Дженкинса никто не противостоял; вместо врага перед ними простиралось огромное поле с расположившимся на нем лагерем янки и небо с подгоняемыми ветром облаками.

Знамена мятежников реяли в вышине позади рядов, здесь находились знамена Южной Каролины с изображением пальмы и герб Джорджии с тремя колоннами, а над ними развевалось боевое знамя Конфедерации со звездами на скрещенных полосах.

Шесть вражеских знамен лежало у ног лошади Дженкинса, они были захвачены во время атаки и оставлены в качестве трофеев, которые он отошлет на плантацию родителей на острове Эдисто. Дженкинс высоко поднял саблю, на мгновение замер и опустил изогнутый клинок.

— Пли!

Тысяча двести пуль просвистели над вечерними заболоченными полями. Залп почти не нанес урона, но его громкий раскалывающийся треск оповестил северян, что в их глубоком тылу появились южане, и это открытие послужило сигналом к отступлению от перекрестка Севен-Пайнс.

Одну за другой янки вытаскивали из редута пушки, потом начали отступление и пехотные батальоны. В сумраке раздался боевой клич мятежников, и Старбак увидел как серая шеренга солдат устремилась через покрытое длинными тенями поле к земляному форту.

Пушка северян выстрелила в последний раз, отбросив покрывшуюся кровавыми брызгами группу атаковавших, но затем через парапет из набитых песком мешков хлынула лавина штыков, и внезапно пшеничное поле перед бригадой Мики Дженкинса потемнело от запаниковавших людей, устремившихся на запад.

Янки побросали свои палатки, орудия, раненых. Мимо беглецов во весь опор мчались всадники, а те бежали в сторону наступающей ночи, оставив мятежникам два дома, расщепленные сосны и залитый кровью редут.

— Боже мой, — Мика Дженкинс выпустил струю табачной слюны на одно из захваченных знамен. — А янки неплохо бегают.

Было еще достаточно светло, чтобы победители могли поживиться в покинутом лагере, но недостаточно для того, чтобы превратить эту победу в полный триумф.

Северян не загонят в болота. Офицеры прекратили беспорядочное бегство в полутора милях от перекрестка и приказали остановленным батальонам рыть новые стрелковые окопы и валить деревья для новых баррикад.

Из тыла к янки подошли орудия, чтобы укрепить новую линию обороны, но в убывающем свете дня ни один мятежник не выступил против развернутых на новых позициях батарей противника.

К северу от железной дороги Джонстон, устремился на прорыв во фланг по грудь в болотной жиже, и атаковал размещенную там батарею, которую охраняла пехота, незадолго до этого переправившаяся через реку.

Янки открыли огонь, их пушки извергали снаряды, шрапнель и картечь, заставив шеренги в серых мундирах отступить, потрепанные и окровавленные. Шеренги синих мундиров ликующе закричали, увидев как их пронзительно вопившие враги вначале умолкли, а потом умылись кровью и отступили. Раненые тонули в болоте, их кровь смешалась с вонючей грязью.

Генерал Джонстон наблюдал, как его люди откатывались от неожиданно возникшей линии обороны янки. Он сидел верхом на лошади на вершине небольшого холма, с которого открывался вид на всё поле битвы, которое окрасили в багрянец последние лучи закатного солнца, выглядывающего из-за завесы облаков и порохового дыма.

На головой со свистом проносились пули, прошивая листья маленькой ирги. Один из его адъютантов беспрестанно ерзал в седле, как только рядом раздавался свист пули, и генерала раздражала трусость адъютанта.

— Нельзя кланяться пулям, — рявкнул он на адъютанта.

— Когда вы их слышите, они уже пролетели мимо.

Сам генерал получил пять ранений на службе в старой армии США и не понаслышке знал, каково находиться под огнем.

Он также знал, что тщательно спланированное сражение, которое должно было принести ему славу и признание, пошло чудовищно не так. Ей-богу, мстительно подумал он, кой-кому придется за это заплатить.

— Кто-нибудь знает, где находится генерал Хьюджер? — спросил он, но никто не знал.

Казалось, генерал бесследно исчез, совсем как и прежде Лонгстрит, но в конце концов Лонгстрит достиг поля битвы. А Хьюджер как сквозь землю провалился.

— Кто относил Хьюджеру приказы? — продолжил расспросы Джонстон.

— Я докладывал вам, сэр, — почтительно ответил полковник Мортон. — Молодой Фалконер.

Джонстон повернулся к Адаму.

— Он понял их?

— Думаю да, сэр.

— Что вы имеете ввиду? Как понимать, ваше "думаю, да"? У возникли вопросы?

— Да, сэр. — Адам почувствовал, как залился краской.

— Что за вопросы? — рявкнул Джонстон.

Адам пытался не выдать своего волнения.

— По поводу частей, которые вы отдали под командование генерала Лонгстрита, сэр.

Джонстон нахмурился.

— У него не возникло вопросов насчет наступления?

— Нет, сэр.

— Что ж, завтра мы всех соберем в одной комнате. Генерала Хьюджера, генерала Лонгстрита, и разберемся, что за чертовщина сегодня произошла, и обещаю, что тот, кто внес путаницу в сегодняшние действия, горько пожалеет о том, что появился на свет. Так ведь, Мортон?

— Абсолютно с вами согласен, сэр.

— И чтобы все адъютанты, которые отнесли приказы, тоже там собрались, — потребовал Джонстон.

— Конечно, сэр. — поддакнул Мортон.

Адам не отрываясь смотрел на клубы дыма. Перед лицом ярости Джонстона его

лихорадочная идея прошлого вечера уже не выглядела такой уж блестящей. Он хотел свалить всё на забывчивость или беспечность, но похоже, что теперь эти оправдания будут выглядеть весьма слабо.

— Я расстреляю виновного! — гневно продолжал генерал, еще находившийся под впечатлением провала тщательно спланированного замысла, и вдруг неожиданно сделал высокопарное движение левой рукой, которые выглядело странным и не к месту, и Адам, пришедший в ужас при мысли, что могло принести ему завтрашнее расследование, на мгновение подумал, что генерал пытается ударить его, но затем заметил, что генерала ранило в правое плечо, и он всего лишь размахивал левой рукой в отчаянной попытке удержаться в седле.

Генерал часто моргал, сглатывал и осторожно коснулся кончиками пальцев правого плеча.

— Черт побери. В меня попали, — сказал он Мортону. — Пуля, черт ее дери.

Его дыхание перешло в судорожные вздохи.

— Сэр! — Мортон пришпорил лошадь, чтобы помочь Джонстону.

— Всё в порядке, Мортон. Жизненно важные органы не задеты. Всего лишь пуля.

Джонстон неуклюже достал платок и начал складывать его в подобие тампона, когда снаряд шрапнели разорвался на вершине холма, и кусок его оболочки попал генералу в грудь, сбросив его с лошади.

Он вскрикнул, скорее от удивления, чем от боли, его окружили адъютанты, сняв перевязь с саблей, пистолеты и китель. Кровь заливала мундир Джонстона.

— С вами всё будет в порядке, сэр, — сказал один из адъютантов, но генерал уже был без сознания, кровь пола у него горлом.

— Оттащите его! — полковник Мортон взял командование на себя.

— Носилки сюда, быстро!

Поблизости разорвался очередной снаряд янки, шрапнель прошипела над головой, срезав еще больше листьев с ирги.

Адам смотрел, как солдаты из ближайшего пехотного батальона принесли носилки для главнокомандующего.

С завтрашним расследованием покончено, подумал Адам, и вновь преисполнился надеждами. Ему все сойдет с рук! Он подстроил этот провал, но никто этого никогда не узнает.

Орудия продолжали простреливать долину. Солнце опять спряталось за облаками, на заболоченную долину опустилась темнота, раненые истошно кричали, а живые вскрывали зубами патроны, не прекращая стрелять.

С наступлением темноты вспышки орудий стали еще ярче. На закате появились светлячки, а орудия постепенно смолкали, пока над болотами Уайт-Оук не раздавались только стоны умирающих.

В темноте вспыхивали огни. На небе не было ни звезд, ни луны, горели лишь фонари и небольшие походные костры. Солдаты молились. Они знали, что с наступлением утра битва разгорится вновь, подобно тлеющим поленьям под воздействием легкого дуновения, но теперь, в непроглядной тьме, откуда раненые издавали крики о помощи, обе армии отдыхали.

Воскресным утром сражение закончилось. Мятежники, теперь под предводительством генерала Смита, давили на центр, но янки стянули подкрепления с севера Чикахомины, и

теперь их было не сдвинуть с новых позиций.

Затем янки контратаковали, а мятежники отступили, пока к полудню армии не прекратили сражаться, в равной мере измотанные боями.

Мятежники, не преуспев в удержании отвоеванного клочка земли, отошли к изначальным позициям, таким образом позволив янки вновь занять перекресток у семи потрепанных огнем сосен. Рабочие партии рубили лес и складывали погребальные костры, на которых жгли туши мертвых лошадей.

Под воздействием пламени лошадиные сухожилия стянулись, и мертвые животные, казалось, пустились в фантастический галоп в ореоле шипящих языков пламени. Раненых отнесли в полевые госпитали, а мятежники погрузили их в фургоны и телеги, направляющиеся в Ричмонд.

Северяне похоронили своих мертвецов в неглубоких могилах, у них просто не осталось сил выкопать ямы поглубже, а конфедераты сложили тела мертвецов в повозки, чтобы захоронить на кладбищах Ричмонда.

В самом городе женщины и дети с ужасом смотрели на ничем не прикрытые тела умирающих и мертвых, которые на скрипящих фургонах и повозках везли по улицам.

Янки торжествовали. Одним из их трофеев оказался двухэтажный омнибус, который когда-то использовала ричмондская гостиница "Иксчейнж" для перевозки своих гостей на городские железнодорожные станции.

Омнибус использовали на поле битвы в качестве санитарного транспорта, но он увяз в грязи и был брошен, так что теперь солдаты Союза притащили его в свой лагерь, предлагая проехать по Бродвею за два цента.

— Посадка закончена, пункт назначения Баттери [\[28\]](#), - кричали они.

Северяне объявили о победе. Разве они не отбили атаку превосходящих сил хвастунов-конфедератов? И когда больной, дрожащий от лихорадки и слабый Макклелан появился верхом на коне посреди остатков опаленных бревен, разорванных пушек, окровавленной травы и сломанных винтовок, они приветствовали его восторженными криками, словно героя-завоевателя.

Нью-Йоркский военный оркестр исполнил ему серенаду "Слава Вождю" [\[29\]](#). Генерал галантно пытался произнести речь, но настолько слабым голосом, что только немногие смогли расслышать, как он заявил, что они лицезрели последний отчаянный натиск армии мятежников, и что скоро, очень скоро, он поведет их в самое сердце отступников, где полностью их разгромит.

По обе стороны полки выстроились в каре для воскресной службы. Группы католиков устроили мессу, протестанты слушали Священное Писание, и все благодарили Бога за спасение. Сильные мужские голоса выводили гимны, звук траурным эхом раскатывался по всему полю битвы, от которого исходили запахи смерти и дыма.

Старбак и Лассан заночевали с бригадой Дженкинса, но в полдень, после того как сражение затихло, проложили себе путь мимо воронок от снарядов и ряды выкошенных картечью солдат, пока не разыскали штаб армии, расположившийся в небольшом крытом черепицей фермерском доме к северу от железной дороги.

Там Старбак расспросил о том, куда двигаться, а потом, выйдя к дороге, расстался с Лассаном, но сначала настоял на том, чтобы француз забрал лошадь его брата.

— Вы должны продать лошадь! — возразил Лассан.

Старбак покачал головой:

— Я в долгу перед вами.

— За что, mon ami?

— За свою жизнь, — ответил Старбак.

— Ох, чепуха! Такие долги на поле битвы приходят и уходят, подобно детским капризам.

— Но я в долгу перед вами.

Лассан рассмеялся.

— В глубине души вы пуританин. Вы позволяете страху согрешить оседлать вас, как жокею. Ладно, я возьму вашу лошадь в качестве наказания за ваши воображаемые грехи. Надеюсь, мы вскоре встретимся?

— Я тоже на это надеюсь, — ответил Старбак, но только если выгорит авантюра, которую он затеял. В противном случае, подумал он, одним холодным утром висеть ему на высоком столбу, и он почувствовал искушение выбросить бумагу Пинкертонна. — Надеюсь на это, — повторил он, переборов искушение.

— И помните, чему я вас учил, — сказал Лассан.

— Цельте ниже в случае мужчин, и метьте высоко в случае женщин.

Он пожал Старбаку руку.

— Удачи вам, мой друг.

Француз отправился представляться ставке конфедератов, а Старбак медленно направился на север, тяжело нагруженный трофеями с поля битвы.

Они включали прекрасную произведенную на Севере бритву с ручкой из слоновой кости, небольшой театральный бинокль и кувшин с холодным кофе. Он на ходу выпил кофе, отбросив в сторону кувшин, когда добрался до поля, где разбила лагерь бригада Фалконера.

Настало время сделать то, что так давно велела ему сделать Салли — настало время сражаться.

Он зашел в лагерь как раз когда солдат отпустили с воскресной службы. Он нарочно обошел стороной ряды легиона, пройдя напрямик к штабным палаткам, установленным возле двух сосен, нижние ветки которых пошли на флагштоки.

На дереве повыше развевался боевой флаг Конфедерации, на низком же висело знамя Фалконера с семейным девизом "Вечно пылающий". Нельсон, слуга генерала Вашингтона Фалконера, заметил Старбака первым.

— Вам нужно уходить, мистер Старбак. Если хозяин вас увидит, то арестует!

— Все в порядке, Нельсон. Я слышал, что твой господин Адам здесь?

— Да, сэр. Он расположился в палатке капитана Мокси, пока ему не предоставили свою. Хозяин очень рад, что он вернулся.

— Мокси стал капитаном? — усмехнулся Старбак.

— Он адъютант генерала, сэр. И вам не следует находиться здесь, не следует. Генерал вас терпеть не может, сэр.

— Покажи мне палатку Мокси, Нельсон.

Это оказался большой шатер, служащий не только местом для ночлега, но и в качестве штаба бригады. В ней на полу из деревянных досок стояли две походные кровати, два длинных стола и два кресла. Кровать Мокси была завалена грязной одеждой и снятым снаряжением, а вещи Адама аккуратно лежали в ногах застеленной одеялами постели.

На столах лежали стопки бумаг, которые обычно порождает воинская служба, стопки были придавлены камнями, чтобы убереечь бланки от легкого ветерка, прорывающегося

сквозь открытый полог шатра.

Старбак присел на один из парусиновых складных стульев. Полуденное солнце, в лучшем случае бесцветное, через парусину шатра выглядело болезненно желтым. Он заметил среди разбросанных вещей на кровати Мокси флотский револьвер Сэвиджа и взял его в тот самый момент, когда в штаб начали возвращаться офицеры. Лошади цокали копытами, слуги и рабы бежали подхватить поводья, а офицерские повара несли вечернюю трапезу к общим столам. Старбак отметил, что Сэвидж был разряжен, но в характерной для Мокси беспечной манере, то есть в брандтрубке остался один не разряженный капсюль.

Он повертел барабан, пока капсюль не остановился в одной камере от бойка, и оглянулся, когда капитан Мокси нагнулся над входом в палатку. Старбак безмолвно ему улыбнулся.

Мокси уставился на него с открытым ртом.

— Тебя здесь быть не должно, Старбак.

— Люди не перестают твердить мне об этом. Я определенно начинаю чувствовать себя здесь лишним Мокси. Но тем не менее я здесь, так что катись отсюда и подыщи другое место для своих забав.

— Это моя палатка, Старбак, так что, — Мокси внезапно умолк, когда Старбак поднял тяжелый револьвер. Он поднял руки. — Да ладно, Старбак. Пожалуйста! Будь благоразумен!

— Пафф, — сказал Старбак, взведя нижний курок револьвера. Тот щелкнул, барабан повернулся. — Катись отсюда, — повторил он.

— Ну ладно, Старбак, пожалуйста! — Мокси запнулся и взвизгнул, когда Старбак нажал на верхний спусковой крючок, капсюль сердито рывкнул. Мокси вскрикнул и умчался, Старбак же спокойно принялся счищать рычажком опаленные остатки меди с брандтрубки. Палатку затянуло клубами горьковатого дыма.

Через несколько секунд появился Адам. Он замер, увидев Старбака, его лицо побелело, хотя, возможно, это был лишь эффект освещения палатки.

— Нат, — проговорил Адам голосом, в котором не чувствовалось ни приветствия, ни пренебрежения, лишь немного настороженности.

— Привет, Адам, — радостно ответил Старбак.

— Моему отцу...

— ... не понравится, что я здесь, — закончил предложение своего друга Старбак. — Как и полковнику Свинерду. Мокси тоже не одобряет моего присутствия, что довольно странно, хотя какого хрена мы должны беспокоиться о том, что думает Мокси, мне не понятно. Хочу с тобой поговорить.

Адам посмотрел на револьвер в руке Старбака.

— Я размышлял, где ты можешь быть.

— Со своим братом Джеймсом. Помнишь Джеймса? Я был с ним и с его шефом всклокоченным коротышкой по имени Пинкертон. О, и еще с Макклеланом. Не нужно забывать про генерал-майора Макклелана, нового Наполеона, — Старбак уставился в дуло Сэвиджа.

— До чего же у Мокси грязное оружие. Если он его не почистит, то однажды ему выстрелом руку оторвет, — Старбак снова перевел взгляд на Адама. — Джеймс шлет тебе наилучшие пожелания.

Шатер неожиданно затрясся, когда через входной полог согнувшись вошел мужчина. Это был Вашингтон Фалконер, его привлекательное лицо горело от гнева. Полковник

Свинерд стоял за его спиной, но оставшись снаружи, под слабым солнечным светом, а Фалконер столкнулся с врагом лицом к лицу.

— Какого чёрта ты здесь делаешь, Старбак? — рявкнул генерал Фалконер.

— Разговариваю с Адамом, — спокойно ответил Старбак, подавив свою нервозность. Может, он и не любил Вашингтона Фалконера, но тот по-прежнему был могущественным противником и к тому же генералом.

— Встань, когда говоришь со мной, — велел Фалконер. — И положи оружие, — добавил он, когда Старбак послушно поднялся. Фалконер ошибочно принял это послушание за раболепие.

Генерал вошел в шатер, положив правую руку на рукоятку собственного револьвера, но теперь расслабился.

— Я приказал тебе покинуть ряды моего Легиона, Старбак, — сказал он, — а когда я отдал этот приказ, то имел в виду, чтобы ты находился подальше от моих людей. Всех моих людей, и особенно подальше от моей семьи. Тебе здесь не рады, даже в качестве гостя. Убирайся немедленно.

Генерал говорил с достоинством, не повышая голоса, чтобы любопытствующие зеваки не услышали стычку внутри палатки.

— А что если я не уйду? — спросил Старбак так же тихо.

На лице Фалконера дернулся один мускул, обозначив, что генерал на самом деле нервничает гораздо больше, чем пытается показать. Последний раз эти двое столкнулись лицом к лицу вечером после сражения при Манассасе, и той ночью унижен был Фалконер, а Старбак одержал триумф. Фалконер был настроен отомстить.

— Ты уйдешь, — уверенно произнес генерал.

— Здесь для тебя ничего нет. Ты не нужен нам, а мы не хотим видеть тебя, так что можешь прокрасться обратно к своей семейке или к той шлюхе в Ричмонде. Можешь сделать это сам или под арестом. Но ты уйдешь. Здесь я командую, а я приказываю тебе убираться, — Фалконер отошел к краю шатра и указал на вход.

— Просто уходи.

Старбак открыл верхний карман изношенного кителя, снятого с мертвого южнокаролинца, и вытащил оттуда библию, которую дал ему Джеймс. Он взглянул на Адама и понял, что тот узнал книгу.

— Отец, — мягко вмешался Адам.

— Нет, Адам, — твердо ответил генерал. — Я тебя знаю, знаю, что ты будешь просить за друга, но это бесполезно, — Фалконер презрительно оглядел Старбака. — Положи библию и уходи. Иначе я вызову военную полицию.

— Адам? — обратился Старбак к другу.

Адам знал, что имеет в виду Старбак. Библия символизировала Джеймса, а Джеймс являлся партнером Адама по шпионажу, и угрызения совести Адамы были достаточно сильны, чтобы связать библию со своим предательством дела отца.

— Отец, — повторил Адам.

— Нет, Адам, — настаивал Фалконер.

— Да! — неожиданно громко рявкнул Адам, поразив своего отца.

— Мне нужно поговорить с Натом, — заявил Адам, — а потом я поговорю с тобой, — в его голосе отчетливо слышалась мука.

Вашингтон Фалконер почувствовал, что его уверенность съёжилась, как воинский

строй, искромсанный артиллерийским огнем. Он облизал губы.

— О чем тебе нужно поговорить? — спросил он сына.

— Пожалуйста, отец!

— Что происходит? — потребовал ответа Фалконер.

Свинерд скрючился у входа в палатку, пытаясь прислушаться.

— Что происходит? — воззвал к сыну Фалконер. — Скажи мне, Адам!

Адам с болезненно-бледным лицом лишь покачал головой.

— Пожалуйста, отец.

Но Вашингтон Фалконер еще не был готов принять поражение. Он снова положил руку на рукоятку револьвера и взглянул на Старбака.

— С меня хватит, — сказал он. — Я не собираюсь стоять здесь, пока ты опять превратишь нашу жизнь в бедствие, так что просто убирайся к чёрту. Сейчас же!

— Генерал? — произнес Старбак так мягко и уважительно, что Вашингтон Фалконер моментально отступил.

— Что такое? — подозрительно поинтересовался он.

Старбак одарил своего противника слабой улыбкой.

— Всё, чего я прошу, это лишь разрешения присоединиться к Легиону. Ничего больше, сэр, это всё, что мне нужно.

— Я вызываю военную полицию, — без всякого выражения буркнул генерал Фалконер, повернувшись в сторону выхода.

— Для кого? — спросил Старбак со стальными нотками в голосе, которых не мог не заметить Вашингтон Фалконер.

— Если я не поговорю сейчас с Адамом, — безжалостно продолжал Старбак, — обещаю, что фамилия Фалконеров войдет в историю Виргинии наряду с Бенедиктом Арнольдом ^[30]. Я макну вашу семью так глубоко в грязь, что в вашу постель даже свиньи не лягут. Я уничтожу ваше имя, генерал, и весь народ будет плевать на его останки.

— Нат! — взмолился Адам.

— Фалконер и Арнольд, — Старбак наконец-то послал угрозу в самую цель и, назвав имя предателя, ощутил экстаз игрока, то самое чувство, которое охватило его, когда он обошел янки с фланга на Бэллс-Блафф.

Он пришел сюда один, вооруженный лишь бесполезным клочком бумаги, и победил генерала в окружении его бригады. Старбак мог бы высокомерно расхохотаться от этого успеха. Он был солдатом, разговаривающим с могущественным врагом, и он побеждал.

— Пойдем поговорим, — сказал Старбаку Адам, развернувшись к выходу из шатра.

— Адам? — окликнул его отец.

— Потом, отец, потом. Сначала мы с Натом должны поговорить! — произнес Адам, выходя на солнечный свет.

Старбак улыбнулся.

— Приятно снова быть в рядах Легиона, генерал.

На секунду Старбак подумал, что Вашингтон Фалконер собирается расстегнуть кобуру и вытащить револьвер, но потом тот повернулся и неровной походкой вышел из палатки.

Старбак последовал за ним. Генерал и Свинерд удалялись, а с ними рассеялась и кучка любопытных, собравшихся подслушать разговор внутри шатра. Адам схватил Старбака за руку.

— Пошли, — сказал он.

— Ты не хочешь разговаривать здесь?

— Мы прогуляемся, — настаивал Адам, потащив Старбака через кружок озадаченных и молчаливых офицеров.

Они пересекли поле и взобрались на вершину лесистого холма, где росли церцисы и грабы. Церцисы были в цвету и покрыты великолепным розовым облаком. Адам остановился у поваленного дерева и повернулся, чтобы взглянуть поверх лагеря на далекий город.

— И что тебе известно? — спросил он Старбака.

— Думаю, практически всё, — ответил тот. Он закурил сигару и сел на поваленное дерево, наблюдая за далеким следом от паровозного дыма. Он решил, что поезд везет раненых в Ричмонд, новые тела для палат госпиталя на холме Чимборасо или покрытых цветами могил на кладбище Голливуд.

— Понимаешь, я хочу, чтобы война закончилась, — нарушил тишину Адам.

— Я ошибался, Нат, всё время ошибался. Мне не следовало надевать военную форму, никогда. Это была моя ошибка, — он был растерян, чувствовал себя неуверенно и нервничал из-за молчания Старбака.

— Я не верю в войну, — с вызовом продолжал Адам. — Я считаю ее грехом.

— Но не грехом, в котором одинаково повинны обе стороны?

— Нет, — ответил Адам. — Север морально прав. А мы неправы. Разве ты этого не видишь? Уверен, что ты это понимаешь.

Вместо ответа Старбак вытащил из кармана промасленный пакет и развернул его. Пока он возился с плотно стянутой вощёной хлопчатобумажной тканью, он рассказал Адаму, что одно из его писем перехватили при аресте Уэбстера, и как власти подозревали, что автором письма является Старбак, и как после того, как он вытерпел жестокие пытки, его послали через линию фронта, чтобы загнать в мышеловку настоящего предателя.

— Меня послал один очень страшный человек из Ричмонда, Адам. Он хотел выяснить, кто написал это письмо, но я-то знал, что это ты. Или догадался, — Старбак вытащил плотно сложенный листок бумаги из промасленного пакета.

— Я должен был отнести это обратно в Ричмонд. Это то доказательство, которое им необходимо. В нем тебя называют шпионом.

В письме не содержалось ничего подобного, это был просто список вопросов, который состряпали Пинкертон с Макклеланом до того, как генерал слёг с лихорадкой Чикахомини, но внизу письма имелся круглый чернильный отпечаток штампа, гласивший: "Запечатано по приказу главы Секретной службы Потомакской армии", — Старбак позволил Адаму разглядеть печать, прежде чем сложил письмо в аккуратный квадратик.

Адам был слишком напуган наглым утверждением Старбака, что бумага содержала доказательство его вины. Он заметил печать и тщательные меры предосторожности, предпринятые, чтобы защитить письмо от влаги, и всё это послужило для него достаточным доказательством.

Он и понятия не имел, что всё это было блефом, что бумага никак не могла бы его обвинить, а тот страшный человек из Ричмонда, которого упомянул Старбак, лежал с белым лицом в гробу. Старбак, по правде говоря, имел на руках дрянные карты, но Адам чувствовал себя слишком виновным, чтобы раскусить блеф своего друга.

— И как ты поступишь? — спросил Адам.

— Чего я точно не буду делать, — ответил Старбак, — так это не пойду к тому страшному человеку в Ричмонде и не отдам ему письмо.

Он поместил сложенную бумагу в нагрудный карман рядом с библией.

— А ты, — предложил Старбак Адаму, — можешь прямо сейчас меня пристрелить. Тогда ты возьмешь письмо, и никто не узнает, что ты предатель.

— Я не предатель! — возмутился Адам. — Боже мой, Нат, всего год назад это была единая страна! Мы с тобой снимали шляпы перед одним флагом, вместе отмечали Четвертое июля, и слезы выступали у нас на глазах при звуках "Знамени, усыпанного звездами" [\[31\]](#). Как же я могу быть предателем, если я лишь борюсь за то, что меня приучили любить?

— Потому что если бы тебе удалось сделать то, что ты хотел, — ответил Старбак, — погибли бы твои же друзья.

— Но лишь немногие! — протестующе воскликнул Адам. В его глазах стояли слезы, и он отвернулся, осматривая зеленые поля перед шпильями и темными крышами Ричмонда. — Разве ты не понимаешь, Нат? Чем дольше длится война, тем больше будет смертей?

— Так ты собирался покончить с ней собственноручно?

Адам расслышал презрение.

— Я собирался поступить правильно, Нат. Ты помнишь, как ты сам пытался понять, как поступить правильно? Когда молился вместе со мной? Когда читал библию? Когда исполнять Господню волю было гораздо важнее, чем что-либо еще на земле? Что с тобой случилось, Бога ради?

Старбак поднял глаза на своего разгневанного друга.

— Я нашел дело своей жизни, — ответил он.

— Дело твоей жизни! — фыркнул Адам. — Юг? Дикси? Ты даже не знаешь Юг! Ты за всю жизнь не забирался южнее причала Рокетт! Ты видел рисовые поля Южной Каролины? Плантации в дельте?

Гнев Адама был яростным и красноречивым.

— Если хочешь узнать, как выглядит ад на земле, Нат, то отправься в путешествие, чтобы посмотреть на то, что ты защищаешь. Поезжай вниз по реке, Нат, послушай звуки хлыста и посмотри на кровь, понаблюдай за детьми, которых насилуют! Вот тогда вернешься и расскажешь мне про дело своей жизни.

— Так вот в чем твои моральные побуждения? — Старбак попытался вновь получить преимущество в споре. — Ты думаешь, что выиграв эту войну, Север осчастливит рабов? Думаешь, что с ними будут лучше обращаться, чем с бедняками на северных фабриках? Ты бывал в Массачусетсе, Адам, видел фабрики в Лоуэлле. Это твой новый Иерусалим?

Адам устало покачал головой.

— Америка спорила на эту тему тысячу раз, Нат, а потом у нас были выборы, и мы решили спор в ящиках для голосования, и именно Юг не принял этого решения, — он вытянул руки, словно желая показать, что не хочет больше выслушивать этот старый и бесцельный спор. — Дело моей жизни — это поступать правильно, вот и всё.

— И обманывать отца? — спросил Старбак. — Ты помнишь прошлое лето? В округе Фалконер? Ты спросил меня, как я могу бояться собственного отца и не бояться сражения. Так почему же ты не расскажешь отцу о том, во что веришь?

— Потому что это разобьет ему сердце, — просто признался Адам. Он замолчал, вглядываясь на север, где в зелени пейзажа поблескивала излучина реки Чикахомини.

— Понимаешь, я думал, что смогу оседлать обеих лошадей, смогу служить и своей стране, и штату, и что если война закончится быстро, отец никогда не узнает, что я предал одну из сторон ради другой, — он сделал паузу. — И это по-прежнему возможно.

Макклелану нужно просто посильнее надавить.

— Макклелан не может надавить. Он просто напыщенный индюк. Может только надуваться от гордости, но в драку не полезет. А кроме того, он считает, что у нас численное преимущество. Я сам был тому свидетелем.

Адам моргнул, услышав тон Старбака, но долго не отвечал, а потом вздохнул.

— Джеймс меня выдал?

— Никто тебя не выдавал. Я сам всё понял.

— Умница Нат, — печально произнес Адам. — Голова набекрень, но умница.

— Как поступит твой отец, узнав, что ты предал дело Юга? — поинтересовался Старбак.

Адам взглянул на него.

— Ты собираешься ему рассказать? Ты уже почти это сделал и теперь скажешь всё остальное, да?

Старбак покачал головой.

— Что я собираюсь сделать, так это спуститься к тем палаткам, найти Дятла Бёрда и сказать ему, что я вернулся, чтобы служить капитаном одиннадцатой роты. Вот и всё, что я собираюсь сделать, если только кто-нибудь снова не выпихнет меня из Легиона, а в таком случае я отправлюсь в Ричмонд и найду малоприятного, но умного старика и предоставлю ему заниматься всем этим.

Адам нахмурился в ответ на эту угрозу.

— Почему? — спросил он после паузы.

— Потому что это то, что у меня хорошо получается. Я понял, что хочу быть военным.

— В бригаде моего отца? Он тебя ненавидит! Почему бы тебе не вступить в другой полк?

Старбак пару секунд молчал. По правде говоря, он не обладал никакими рычагами, чтобы вступить в какой-нибудь другой полк, по крайней мере, не капитаном, потому что его клочок бумаги был пригоден только в качестве оружия против семьи Фалконеров.

Но была еще и другая, более глубокая правда. Старбак начал понимать, что войну нельзя вести, не вкладывая душу. Человек не может убивать походя, как христианин, заигрывающий с грехом.

Война должна быть всепоглощающей, прославляющей и пьянящей, и лишь немногие могут пережить этот процесс, но эти немногие войдут в историю героями. Вашингтон Фалконер был не из таких.

Он наслаждался соблазнами высокого воинского поста, но не имел вкуса к войне, а Старбак внезапно очень четко понял, что если он выживет под пулями и снарядами, то сможет однажды повести на сражение эту не слишком наполненную энтузиазмом бригаду. Тогда она станет бригадой Старбака, и да поможет Бог врагу, когда настанет этот день.

— Потому что нельзя сбегать от врагов, — наконец-то ответил он на вопрос друга.

Адам с жалостью покачал головой.

— Нат Старбак, — с горечью произнес он, — влюблен в войну и военное дело. Это потому что ты потерпел провал во всем остальном?

— Здесь мое место, — Старбак проигнорировал язвительный вопрос Адама.

— Но не твое. Так что тебе нужно переубедить отца, Адам, чтобы позволил мне остаться капитаном одиннадцатой роты Легиона. Как ты это сделаешь — дело твое. Тебе нет нужды рассказывать ему правду.

— А что еще я могу ему сказать? — в отчаянии спросил Адам. — Ты уже сделал достаточно намеков.

— У тебя с твоим отцом есть выбор, — отозвался Старбак, — оставить всё это в тайне или вытащить на свет Божий. Мне кажется, я знаю, что предпочтет твой отец, — он помедлил, а потом приукрасил свой блеф еще одной ложью.

— А я напишу тому старику в Ричмонд, что шпион мертв, скажу, что он был убит во вчерашнем сражении. К тому же, ты ведь закончил свою карьеру шпиона, разве нет?

Адам услышал сарказм и вздрогнул, а потом пристально посмотрел на Старбака.

— У меня есть и другой вариант, помни об этом.

— Да?

Адам расстегнул кобуру и вытащил револьвер. Это был дорогой револьвер Уитни с пластинами из слоновой кости на рукоятке и гравировкой на барабане. Он вынул маленький капсюль и вставил его в одну из заряженных ячеек.

— Бога ради, только не застрелись! — встревожился Старбак.

Адам повернул барабан, чтобы заряженная ячейка оказалась готовой к выстрелу.

— Иногда я подумывал о самоубийстве, Нат, — тихо сказал Адам.

— Вообще-то я часто думал, какое это счастье — не беспокоиться о том, чтобы поступать правильно, не беспокоиться об отце, не беспокоиться о том, любит ли меня Джулия или люблю ли я ее. Тебе не кажется, что в жизни всё слишком запутанно? Боже ты мой, мне она кажется просто спутанным клубком, но во всех своих молитвах, Нат, во всех мыслях в последние несколько недель я был уверен только в одном, — он взмахнул заряженным револьвером, очерчивая им весь горизонт.

— Это Божья страна, Нат, и Господь поместил нас сюда с какой-то целью, а эта цель не в том, чтобы убивать друг друга. Я верю в Соединенные Штаты Америки, а не в Конфедеративные Штаты, и я верю, что Господь сотворил Соединенные Штаты как пример и благодать для всего мира. Так что нет, я не собираюсь кончать жизнь самоубийством, потому что это не сделает Америку ни на день ближе к тысячелетнему царствию Христа, как и не сделают этого смерти на поле боя, — он вытянул руку и опустил дуло револьвера, так что оно нацелилось прямо Старбаку в лоб.

— Но как ты сказал, Нат, я могу просто убить тебя, и никто ничего не заметит.

Старбак уставился на оружие. Он мог разглядеть острые кончики пуль в нижних ячейках и знал, что одна такая пуля направлена на него в темном дуле. Револьвер слегка дрожал в руке Адама, и Старбак поднял глаза на бледное и серьезное лицо друга.

Адам взвел револьвер. Звук щелкнувшего курка показался очень громким.

— Помнишь наши былые беседы в Йеле? — спросил Адам. — Как мы гордились тем, что Господь сделал добродетель такой труднодостижимой? Грешником быть легко, но трудно быть христианином. Но ты бросил попытки стать христианином, правда ведь, Нат?

Револьвер по-прежнему дрожал, его дуло раскачивалось в последних лучах солнца.

— Я помню, как с тобой познакомился, Нат, — продолжил Адам. — Я часто беспокоился о жизненных трудностях, о том, как сложно познать волю Господа, а потом появился ты, и я подумал, что ничто уже не будет таким сложным. Я думал, что мы с тобой разделим эту ношу. Думал, что вместе пройдем по пути к Господу. Ведь я ошибался, да?

Старбак ничего не ответил.

— Ты просишь меня о том, — сказал Адам, — чего не в силах сделать сам. Просишь поспорить с отцом и разбить ему сердце. Я всегда считал, что из нас двоих ты самый

сильный, но я ошибся, — похоже, Адам был готов разрыдаться.

— Если бы у тебя хватило храбрости, — произнес Старбак, — ты бы не меня застрелил, а отправился сражаться на стороне янки.

— Я больше не нуждаюсь в твоих советах, — заявил Адам. — Мне хватит твоих дрянных советов до конца жизни, Нат.

А потом он спустил курок.

Оружие громко выстрелило, но в самый последний момент Адам поднял револьвер вверх, разрядив его в дерево над головой Старбака. Пуля пролетела сквозь распутившиеся цветки церциса, осыпав Старбака лепестками.

Старбак встал.

— Я иду к Легиону. Ты знаешь, где меня найти.

— Ты знаешь, как называют это дерево? — спросил Адам уходящего Старбака.

Старбак остановился и на мгновение задумался, пытаясь понять, в чем же подвох. Но не смог найти объяснения.

— Церцис, а что?

— Иудино дерево, вот как его называют, Нат. Иудино дерево.

Старбак посмотрел в лицо своему другу.

— Прощай Адам, — сказал он. Ответа не последовало, и он в одиночестве направился к Легиону.

— Ты слышал новости? — спросил Таддеус Бёрд Старбака, когда тот появился в его палатке.

— Я вернулся.

— Вернулся, значит, — отозвался Бёрд, словно неожиданное объявление Старбака было обычным делом. — Мой зять знает, что ты вновь под его командованием?

— Сейчас он об этом узнает. — Старбак смотрел, как Адам шел к палатке своего отца.

— И ты думаешь, генерал одобрит твое возвращение? — засомневался Бёрд. Он писал письмо, и теперь отложил ручку на край ящика с крупами, служившего ему столом.

— Не думаю, что он вышвырнет меня из Легиона.

— Он полон загадок, наш юный Старбак. Что ж, уверен, мистер Траслоу будет рад тебя видеть. По непонятным мне причинам, он, похоже, по тебе скучал в твое отсутствие. — Бёрд взял ручку и макнул перо в чернильницу. — Полагаю, ты слышал новости?

— Какие новости?

— У нас новый главнокомандующий.

— Да? — переспросил Старбак.

— Роберт Ли, — Бёрд пожал плечами, как бы намекая, что вряд ли эта новость заслуживала упоминания.

— Ах вот как.

— Вот именно. Ах вот как. Кажется президент не доверяет Смиту в достаточной мере, чтобы заменить им Джонстона, так что Бубуля Ли, наш пиковый король, снова при деле. Хотя даже пиковый король не может быть хуже Джонстона, а?

— Кто знает. Нам стоит надеяться, что Ли чуть лучше сложившегося о нем мнения.

— Макклелан считает, что Ли недостает моральной силы, — заметил Старбак.

— Ты слышал это из первых уст, не так ли, юный Старбак?

— Да, сэр, так и есть. Макклелан сказал мне об этом на прошлой неделе.

— Отлично, просто прекрасно, а теперь уходи, — Бёрд властно махнул ему рукой.

Старбак остановился. — Приятно вернуться назад, сэр.

— Ложись пораньше Старбак, в полночь тебе заступать в дозор. Получишь распоряжения у майора Хинтона.

— Да, сэр.

— И отдай сержанту Траслоу доллар.

— Доллар, сэр?

— Дай ему доллар! Это приказ! — Бёрд сделал паузу. — Рад, что ты вернулся, Нат. А теперь проваливай.

— Да, сэр.

Старбак прошелся вдоль рядов солдат, прислушиваясь к далеким печальным звукам скрипки. Но грустные звуки не трогали его, потому что теперь он снова вернулся в родную ему стихию. Перебежчик был дома.

Эпилог

Десятая рота открыла сезон смертей тремя неделями позже. Джозеф Мей стал первым. Он набирал воду, когда у ручья разорвалась шрапнель. Его новые очки сорвало с лица, одна линза разбилась, другая так густо окрасилась кровью, что стала похожа на алое стекло.

Весь тот день Легион провел в ожидании, пока битва гремела к северу от них. Орудия громыхали от рассвета до заката, но пороховой дым не перемещался, это доказывало, что атака мятежников повстанцев не принудила янки к отступлению.

Но всё же той же ночью, когда битва стихла, армия северян отступила вглубь, к новым позициям на запад. На рассвете было слышно, как они окапываются, и мятежники знали, что им предстоит тяжелая работа, если они хотят отбросить синегрухих подальше от Ричмонда. В то утро умер Джеймс Блисдейл.

Он вскарабкался на дерево, чтобы достать яиц из гнезда, и снайпер янки прострелил ему затылок. Он умер еще до того, как свалился на землю. Старбак писал его матери, вдове, пытаясь подобрать слова и дать ей понять, что смерть сына была не напрасна.

"Нам всем его будет очень не хватать", — писал Старбак, но это было неправдой. Никто особенно не любил Блисдейла, но и не испытывал к нему неприязни. Град выстрелов оповестил его, что вылазка сержанта Траслоу наткнулась на вражеского снайпера, но Траслоу вернулся расстроенным.

— Сукин сын удрал, — сказал сержант и обернулся в сторону майора Бёрда.

— Совсем слетел с катушек.

Майор Бёрд и правда вел себя намного странней обычного. Он двигался по лагерю странными зигзагообразными движениями, то переступая вперед, то останавливаясь, сомкнув вместе ноги и вытянув вперед руку, прежде чем сделать полный поворот и по новой начать эту странную последовательность движений.

Каждый раз он прерывал свой странный танец, чтобы объявить той или иной группе солдат, чтобы были готовы выступить через полчаса.

— Рехнулся, — повторил Траслоу, после продолжительного наблюдения за странной походкой майора.

— Учусь танцевать, — объявил Старбаку Бёрд, сделав очередной поворот со своей воображаемой партнершей в ободранных руках.

— Зачем? — удивился Старбак.

— Потому что умение танцевать — признак хороших манер в высшем обществе. Мой зять повысил меня до подполковника.

— Отличные новости, Дятел! — от души поздравил его Старбак.

— Я бы сказал, что у него не осталось выбора после того, как Адам отказался в этом участвовать, — Дятел Бёрд, несмотря на свое знаменитое пренебрежение военной иерархией, не скрывал удовольствия.

— Выбора у него не оставалось после того, как все проголосовали за вас, — проворчал Траслоу.

— Проголосовали! Вы полагаете, я обязан своему высокому статусу какой-то там демократии? Более того, охлократии? Я гений, сержант, гений, что кометой взметнулся

ввысь сквозь скопление заурядностей! И метафоры я тоже замешиваю хорошо, — Бёрд воззрился на лежащую на коленях Старбака бумагу. — Пишешь метафоры магушке Блисдейл, Нат?

— Всякую чепуху, Дятел, как обычно.

— Напиши что-нибудь новенькое. Например, что ее сынуля окутан славой, что он освободился от цепей земных и теперь музицирует в небесном хоре, что он счастлив в лоне Авраамовом.

Саре Блисдейл нравится подобная чушь, дура дурой. Полчаса, Старбак. Потом мы выступаем, — Бёрд, пританцовывая, удалился, вертясь с невидимым партнером по усеянному коровьим навозом полю, где по звездным небом ночевал Легион.

Генерал Ли, выпрямившись, сидел верхом на серой лошади у дороги, по которой маршировал Легион. Окруженный своими штабистами, он касался шляпы, приветствуя каждую проходящую мимо роту.

— Мы должны отбросить их, — доверительным тоном обращался он к каждой роте. Периодически он заговаривал с Вашингтоном Фалконером, но беседы выходили короткими и натянутыми.

— Гоните их, ребята, гоните! — повторил Ли, на этот раз обращаясь к роте, маршировавшей прямо перед подразделением Старбака. Когда же генерал снова обернулся к Фалконеру, он с недоумением обнаружил, что бригадный генерал исчез.

— Надавите на них, Фалконер! — крикнул Ли ему вслед, удивленный неожиданным отбытием генерала.

Кого не удивило внезапное исчезновение Фалконера, так это легионеров. Они уже заметили, с какой старательностью их генерал избегает одиннадцатую роту. Он обедал с офицерами всех остальных полков своей бригады, но упорно игнорировал Легион, опасаясь, что таким образом признает присутствие Старбака.

Фалконер объяснил свое поведение Свинерду тем, что не желал проявлять фаворитизм по отношению к полку, что нес его имя, и, утверждал он, по этой же причине он отказался от назначения командиром Легиона своего сына. Но этой сказке уже никто не верил.

Поговаривали, что приболевший Адам находился в доме отца, хотя некоторые, вроде Бёрда и Траслоу, подозревали, что источником "болезни" является возвращение Старбака. Сам же Нат отказывался обсуждать этот вопрос.

— Гоните их, ребята, гоните, — обратился Ли к роте легкой пехоты и снова коснулся своей шляпы. За спиной генерала простиралась земля с обгорелыми и расщепленными деревьями — следы вчерашнего сражения.

Несколько негров собирали трупы и сваливали их в свежевыкопанную яму. Сразу за поворотом с дерева свисал еще один черный. На груди висела табличка с неграмотной надписью:

"Этот ниггер был проводником янки".

Ли, следовавший за одиннадцатой ротой по дороге, с раздражением приказал убрать тело.

Ли отстал от Легиона на перекрестке, у которого располагалась таверна, предлагавшая ночлег за пять центов. На крыльце таверны сидели унылые пленники-янки под охраной двух солдат из Джорджии, которым можно было дать лет четырнадцать лишь с большим натягом.

В полумиле в полете разорвался снаряд. Сначала появился лишь дымок — внезапный и тихий, мгновением позже раздался взрыв. Следом тут же разнесся треск ружейной стрельбы,

распугавший стайку птиц, усевшихся на деревьях. Артиллерийская батарея Конфедерации развернула свои орудия в поле по правую сторону дороги.

Пока одни канониры отводили лошадей подальше от пушек, другие наполняли ведра грязной водой. Артиллеристы производили впечатление знающих свое дело людей, занимавшихся привычными приготовлениями.

— Полковник Бёрд, полковник Бёрд! — вдоль марширующей колонны Легиона скакал капитан Мокси. — Где полковник Бёрд?

— В лесу, — ответил сержант Хаттон.

— Что он делает в лесу?

— Ну а вы как думаете?

Мокси развернул коня:

— Ему приказано прибыть к генералу Фалконеру. Вон там мельница, — он махнул рукой в сторону проселочной дороги. — Ему приказано прибыть туда, это мельница Гейнса.

— Передадим, — пообещал Траслоу.

Мокси, ненароком поймав взгляд Старбака, тут же пришпорил коня и ускакал.

— Вряд ли мы увидим его в сегодняшнем бою, — сухо заметил Траслоу.

Легионеры стояли у дороги, пока Бёрд узнавал, какая же судьба им уготована. Янки определенно были поблизости, ибо снаряды орудий мятежников разрывались над ближайшим лесом.

Выстрелы из винтовок раздавались неожиданно, залпами, словно бы разведчики обеих сторон медленно продвигались вперед, прощупывая врага. Легион ждал, а солнце тем временем поднималось всё выше и выше.

Где-то впереди показалось огромное облако пыли, означавшее, что по дороге кто-то передвигается. Были ли это отступающие янки или наступающие мятежники, не знал никто. Прошло утро. Легионеры организовали себе холодный обед из сухарей, сырого риса и воды.

Бёрд вернулся в расположение Легиона после полудня и немедленно собрал всех офицеров. В полумиле от Легиона, объяснил он, располагается лесополоса. Деревья скрывали долину с крутыми спусками, сквозь которую бежал ручей, по болотистой местности в сторону Чикахомини.

Янки окопались на дальнем берегу ручья. И именно этих сукиных детей предстояло выкурить Легиону.

— Мы будем передовым отрядом, — объяснял ротным Бёрд. — Ребята из Арканзаса — на нашем левом фланге. Остальная бригада будет позади нас.

— А бригадир будет позади бригады, — заметил со своим мягким ирландским акцентом капитан Мерфи.

Бёрд притворился, что не услышал ехидного замечания.

— Река находится недалеко от янки, за их спиной, — продолжил он, — и Джексон уже выступил, чтобы отрезать им путь. Так что, возможно, сегодня мы с ними и покончим.

"Каменная стена" Джексон привел свою армию на полуостров после того, как вытеснил янки из долины Шенандоа.

Войска северян в Шенандоа численно превосходили Джексона, но он марш-броском сначала окружил их, затем преподал жестокий, кровавый урок. И теперь его войска находились под командованием Ли. Противостояла же им неуклюжая и нерешительная армия Макклелана.

Эта армия после сражения у перекрестка не наступала и не отступала. Вместо этого она

была занята организацией новой базы снабжения у реки Джеймс.

Джеб Стюарт прошелся с тысячей двухстами кавалеристами-южанами по всей армии северян, с презрением насмехаясь над беспомощностью Макклелана. Патриоты Юга получили нового героя.

Полковник Лассан участвовал в рейде Стюарта и теперь рассказывал об этом Старбаку: — Это просто великолепно! — с восторгом отзывался он. — В лучших традициях французской кавалерии!

Он приволок три бутылки бренди, украденного у янки, и разделил их с офицерами Легиона. Вечер был наполнен его рассказами о далеких и давних битвах.

И все же Макклелана не победить кавалерией, какой бы блистательной она ни была. Северян разобьет пехота — вроде той, что вел сейчас к лесам у ручья Бёрд. Стоял изнуряющий, знойный день.

Весна перетекла в лето, от цветов не осталось и следа, и грязные дороги полуострова высохли, превратившись в потрескавшуюся корку, от которой поднимались клубы пыли всякий раз, когда по ней проходили люди или лошади.

Бёрд развернул восемь рот Легиона в две шеренги. Небольшой батальон из Арканзаса занял позицию на левом фланге, за ротой Старбака. Они подняли свои знамена. Одно из них представляло собой старомодный флаг Конфедерации с тремя полосами. На другом же знамени черного цвета располагалось грубоватое изображение змеи, свернувшейся в кольцо.

— Не наш флаг, вообще-то, — признался арканзаский майор Старбаку, — но он, собственно, пришелся нам по душе, так что мы его забрали. Раньше он принадлежал каким-то ребятам из Нью-Джерси.

Пустив густую струю табачной слюны, он рассказал Старбаку о том, как он и его солдаты прибыли добровольцами в Ричмонд в самом начале войны.

— Кое-кто из ребят хотел вернуться домой в Арканзас после Манассаса, и я мог их понять, но не переставал твердить, что живых янки легче найти здесь, чем дома, так что, думаю, мы продолжим сеять смерть.

Его звали Хаксалл, а его батальон насчитывал немногим более двухсот солдат, таких же худых и косматых, как и сам Хаксалл.

— Удачи вам капитан, — сказал он Старбаку, и, ссутулившись, поспешил к своему небольшому батальону, когда полковник Свинерд отдал приказ выдвигаться.

Перевалило за полдень, и Свинерд едва держался в седле, к вечеру его уже развезет, а к полуночи он будет в бессознательном состоянии.

— Вперед! — прокричал Свинерд, и Легион двинулся к тенистому лесу.

— Кто-нибудь знает, где мы находимся? — поинтересовался у одиннадцатой роты сержант Хаттон.

Никто не знал. Это был очередной участок заболоченного леса, над которым начали рваться снаряды. Старбак слышал, как они свистели в деревьях, а сыпавшиеся время от времени листья указывали место, где снаряд прошивал кроны.

Некоторые снаряды разрывались в лесу, другие с воем пролетали над Легионом, к батарее конфедератов в поле за их спиной. Пушки мятежников отвечали, наполнив небо грозвыми раскатами артиллерийской дуэли.

— Застрельщики! — закричал майор Хинтон.

— Вперед, Нат! — мимоходом бросил он, и рота Старбака послушно вышла из строя, побежала вперед и рассыпалась цепью в пятидесяти шагах перед остальными ротами.

Рота разбилась на отряды из четырех солдат, но Старбак, будучи офицером, остался в одиночестве и внезапно почувствовал себя очень уязвимым. На нем не было знаков отличия, которые могли бы выдать врагу, что он офицер — ни сабли, ни аксельбантов, ни металлических планок на воротнике, а его одиночество, похоже, делало его легкой мишенью.

Он всматривался в край леса, гадая, ожидают ли их там застрельщики северян, или что еще хуже, зеленые тени скрывают смертоносных снайперов с их телескопическими прицелами и смертоносными винтовками.

Он чувствовал, как колотится сердце, и каждый шаг требовал настоящего усилия. Он инстинктивно прижал деревянный приклад винтовки к животу в готовности открыть огонь. Снаряд разорвался всего в нескольких ярдах впереди, и шрапнель со свистом пролетела мимо плеча.

— Рады возвращению, да? — ухмыльнулся ему Траслоу.

— Просто мечтал подобным образом провести вечер пятницы, — ответил Старбак, удивившись своему пренебрежению к опасности.

Он оглянулся, чтобы убедиться, что солдаты не отстают, и был поражен, увидев, что Легион был всего лишь небольшим звеном в серомундирной цепи пехоты, которая простиралась слева от него более чем на полмили.

На мгновение он даже забыл свой страх, глаза на тысячи людей в колышущейся цепи атакующих, идущих вперед под своими яркими знаменами.

Снаряд разорвался перед Старбаком, снова приковав его внимание к лесу. Он поспешил пройти мимо опаленного участка болота, где в грязи дымился осколок снаряда.

Раздался звук очередного взрыва, на этот раз позади Старбака и такой силы, что по всей местности пронеслась волна горячего воздуха. Обернувшись, Старбак увидел, что снаряд северян попал в оружейный передок, загруженный боеприпасами. Из разбитого транспорта повалил дым, и оставшаяся без седока лошадь похромала прочь от пламени.

Выстрелило ближайшее оружие, выбросив облако дыма на двадцать ярдов вслед за своим снарядом. Вырвавшаяся из жерла пушки ударная волна пригнула к земле траву. Развертывалась вторая шеренга бригады Фалконера, а где-то оркестр играл популярную в Ричмонде песню "Господь защитит правое дело".

Старбаку хотелось бы, чтобы оркестр заиграл что-нибудь более мелодичное, но войдя в лес, где зеленая листва не пропускала палящие лучи солнца, он забыл о музыке. Впереди по ковру из листьев пробежала белка.

— Когда мы в последний раз ели белку? — спросил он Траслоу.

— Мы отъедались ими до отвала в ваше отсутствие, — ответил сержант.

— С удовольствием съел бы сейчас жаренную белку, — сказал Старбак. Всего год назад его бы стошнило при мысли о поедании белки, но теперь он разделял солдатское пристрастие к молодым жареным белкам. Мясо старых животных было намного жестче, и его тушили.

— Сегодня мы полакомимся пайками янки, — облизнулся Траслоу.

— Верно, — ответил Старбак.

Так куда же запропастились вражеские стрелки? Где их снайперы? Снаряд пролетел сквозь кроны деревьев, вспугнув голубей. Где же, черт его дери, ручей и болота?

И вдруг он увидел кромку долины, а за ней высокий лес у дальнего склона, под деревьями виднелась свежеврытая земля, и он понял, что янки окопались у того холма,

используя его как огромный земляной форт.

— Вперед! — крикнул он.

— Вперед! — он интуитивно понял, что сейчас должно произойти.

— В атаку! — заорал он, и весь мир взорвался.

Всю дальняя стороны долины неожиданно затянуло полосой словно появившегося из-под земли тумана. За секунду до этого там были лишь листва и ветки, а теперь всё покрылось пеленой белого дыма.

Звук последовал мгновением спустя, принесся с собой шквал пуль, которые прошивали и расщепляли зеленые деревья. Солдаты с противоположной стороны долины стреляли и вопили, а солдаты на стороне Старбака умирали.

Кто-то крикнул:

— Сержанта Картера ранило!

— Не останавливаться! — заревел Старбак.

Было бессмысленным оставаться на опушке леса, чтобы стать легкой добычей янки. Пороховой дым рассеялся, и он разглядел скопление синих мундиров у дальнего леса, а на вершине склона над ними, выстроились в линию пушки за свежесрубленным валом.

Из рядов синемундирников вырывались вспышки выстрелов, а потом вступила пушка, окутав деревья сероватым дымом. Какой-то солдат заорал, когда его выпотрошила картечь, другой, истекая кровью, полз к основной части Легиона, которая зашла вслед за застрельщиками в лес.

Деревья над головой Старбака издавали такой звук, словно их настиг неожиданный шторм. Всё новые пушки присоединялись к канонаде, наполнив лес воем и визгом картечи.

Винтовочные пули сухо щелкали и со свистом пролетали мимо. Страх комком застрял в гортле у Старбака, но спасение лежало в продвижении вперед и спуске в зеленую долину.

Он перепрыгнул через кочку и скользя помчался вниз по крутому склону. Арканзасцы завопили боевой клич мятежников. Один из них покатился вниз по склону, окрашивая кровью опавшие листья.

Ружейный огонь янки перешел в постоянный грохот, непрерывную громкую трескотню, когда сотни винтовок простреливали долину.

Амоса Паркса ранило в живот, откинув назад, словно его лягнул мул. Над головой пронесся очередной залп картечи, обрушив вниз дождь из сорванных листьев и сломанных веток. Единственная надежда на спасение Легиона состояла в непрерывном беге вперед, чтобы таким образом опередить врага.

— Примкнуть штыки! — закричал Хаксалл слева от Старбака.

— Не останавливаться! — крикнул своим солдатам Старбак.

Он не хотел, чтобы солдаты замедлили продвижение, прикрепляя неуклюжие штыки. Лучше дойти до болота внизу долины, где полоска черной стоячей воды прерывалась сломанными и поваленными деревьями и топкими берегами.

Вне всякого сомнения, где-то посередине болота тек ручей, но Старбак его не видел. Он достиг подножия холма и перепрыгнул через лежащее бревно, а потом еще раз, на поросший густой травой берег.

Впереди пуля оставила рябь на воде, а другая расщепила гнилое бревно. Он прошлепал по полоске воды, а потом поскользнулся, пытаясь взобраться на небольшой участок твердой почвы, покрытый скользкой глиной. Он упал лицом на траву, от янки его защищал огромный наполовину сгнивший ствол.

Старбак почувствовал искушение так и остаться лежать, укрывшись за этим бревном, но он знал, что его задача — заставить солдат продолжать движение.

— Вперед! — заорал он, гадая, почему никто не выкрикивает боевой клич мятежников, но когда попытался встать, чья-то рука хлопнула его по спине, заставив опять пригнуться.

Это был сержант Траслоу.

— Забудьте об этом! — сказал Траслоу.

Вся рота припала к земле. И не только его рота, но и весь Легион. Да и все атакующие мятежники нашли укрытие, потому что по долине свистели пули янки, наполняя ее визгом и завыванием картечи и густым пороховым дымом.

Старбак поднял голову и увидел, что противоположный край долины окутан дымом, над которым развевались красно-белые полосы флага янки. Пуля врезалась в бревно всего в нескольких дюймах от его лица, и щепка отскочила ему в щеку.

— Пригните голову, — буркнул Траслоу. Старбак развернулся.

Все, кого он мог рассмотреть, были мертвы. Остальные скорчились за деревьями или спрятались в подлеске. Основная часть Легиона еще находилась на вершине холма и залегла на землю в лесу.

Лишь застрельщики добрались до дна долины, и не всем удалось это сделать без повреждений.

— Картер Хаттон погиб, — сообщил Траслоу, — так что Бог знает, как теперь будет справляться его жена.

— У него есть дети? — спросил Старбак и обругал себя за то, что пришлось это выяснять. Офицер должен знать такие вещи.

— Мальчик и девочка. Мальчишка — идиот, пускающий слюни. Лучше бы док Билли задушил его при рождении, как обычно делает, — Траслоу поднял винтовку над бревном, быстро прицелился, выстрелил и снова пригнулся.

— А девчонка глуха, как пробка. Не стоило Картеру жениться на этой чертовой бабе, — он надкусил патрон.

— Женщины из этой семье всегда рожали слабое потомство. Нет ничего хорошего в том, чтоб жениться из-за смазливового личика. Жениться нужно на сильных.

— А вы ради чего женились? — спросил Старбак.

— Из-за смазливового личика, конечно.

— Я просил Салли выйти за меня, — неуклюже признался Старбак.

— И?

Старбак встал на колени, нацелил винтовку на вершину холма и нажал на спусковой крючок, опустившись обратно за секунду до того, как пчелиный рой пуль вонзился в дерево.

— Она меня отвергла, — признался он.

— Так у девчонки еще остался кой-какой здравый смысл? — осклабился Траслоу. Он перезарядил винтовку в лежачем положении.

Янки радостно кричали, потому что так запросто остановили атаку конфедератов, но потом вопль мятежников провозгласил прибытие второй шеренги бригады Фалконера, и янки, казалось, удвоили силу огня, стреляя в новоприбывших между деревьями.

Некоторые солдаты из первой шеренги смогли перебраться через вершину холма и спуститься вниз по склону в поисках укрытия.

Пушки стреляли прямой наводкой, выбивая людей из серой шеренги. Старбак испытывал искушение попытаться продвинуться еще на несколько ярдов, но вторая линия

атакующих припала к земле еще быстрее, чем первая, а янки простреливали долину из винтовок, вода и грязь бурлили от пуль.

— Эти сволочи сегодня не на шутку разозлились, — проворчал Траслоу.

— Думаю, мы здесь до ночи застрянем, — сказал Старбак, достав из патрона пулю. Он высыпал порох в дуло и выплюнул туда пулю. — Выберемся только в темноте.

— Если только ублюдки не побегут, — заметил Траслоу, хотя и без оптимизма. — Вот что я вам скажу. Фалконера мы здесь не увидим. Он не хочет в штаны наложить.

Траслоу нашел в упавшем дереве нишу, из которой искоса мог рассмотреть склон, занятый противником. Большая часть врагов лежала на земле, в ямах и окопах, но Траслоу нашел мишень на вершине и тщательно прицелился.

— Есть, — произнес он, спустив курок.

— Она и правда вас отвергла?

— Устроила мне настоящую головомойку, — признался Старбак, утрамбовывая шомполом очередную пулю.

— Да, она жесткая, — отозвался Траслоу со сдержанным восхищением.

Заряд картечи срезал верхние ветви, вызвав дождь из листьев и щепок.

— Вся в отца.

Старбак встал на колени, выстрелил и снова пригнулся. Когда в бревно вонзились ответные пули, он гадал, как у Салли идут дела с ее новым занятием.

Возможности посетить Ричмонд не было, да и не будет, пока они не отгонят янки подальше от города, но когда это случится, и Старбак, и Траслоу собирались посетить Салли.

У Старбака были в городе и другие дела. Он хотел по-соседски навестить лейтенанта Гиллеспи. Он наслаждался этим предвкушением мести, как и предвкушением новой встречи с Джулией Гордон.

Если она и правда готова его принять, потому что он подозревал, что ее верность Адаму, скорее всего, вынудит ее закрыть перед ним двери.

Северяне начали издеваться над застрявшими мятежниками.

— Что, растеряли весь кураж? Где же твой боевой клич, Джонни? Теперь рабы тебе не помогут!

Эти крики резко прекратились, когда наконец-то к вершине дальнего холма подошла артиллерия южан и начала закидывать врага снарядами. Траслоу рискнул высунуться и оглядеть склон.

— Они хорошо окопались, — сказал он.

Слишком хорошо, чтобы их можно было легко сдвинуть с места, посчитал Старбак, а это значило, что роте предстоит долгое и жаркое ожидание. Он снял серый китель и бросил его у поваленного дерева, а потом сел, оперевшись о гнилое бревно спиной, чтобы попытаться определить, где именно залегли его люди.

В поле зрения находились лишь мертвецы.

— Кто это? — спросил он, указывая на распластанное тело, лежащее лицом вниз в луже, примерно в тридцати ярдах. В сером кителе зияла огромная дыра, в которой виднелась смесь крови, мух и кусочек белого ребра.

— Феликс Ваггонер, — ответил Траслоу, бросив беглый взгляд.

— Откуда вам знать, что это не Питер? — удивился Старбак. Питер и Феликс были близнецами.

— Сегодня была очередь Феликса надевать хорошие башмаки, — объяснил Траслоу. Где-то застонал раненый, но никто не сдвинулся с места, чтобы ему помочь. Долина превратилась в смертельную мышеловку. Пушки северян не могли опустить дула настолько, чтобы простреливать дно долины картечью, но стрелки-янки прекрасно видели всех, кто пытался двигаться по болоту, так что раненому придется и дальше страдать.

— Старбак! — окликнул его полковник Бёрд откуда-то с края долины. — Ты можешь двигаться?

— Давай, Старбак! Только двинься! — крикнул янки, и внезапно целая группа врагов начала с издевкой повторять его имя, вызывая поставить на кон свою жизнь против их винтовок.

— Нет, Дятел! — прокричал в ответ Старбак.

В лесу снова стало тихо, то есть настолько тихо, насколько это возможно во время сражения. В небе над головами по-прежнему гремела артиллерийская дуэль, и примерно каждые полчаса крещендо винтовочных выстрелов и криков отмечало очередную попытку мятежников направить через болото бригаду или батальон, но здесь ситуацией владели янки, и они не собирались сдаваться.

Это был арьергард, размещенный к северу от Чикахомини для защиты мостов, в то время как остальная часть армии пересекла реку, встав в южной части полуострова, который, как объявил Макклелан, станет новым опорным пунктом его операций.

До сего момента пароходы разгружались в Форте Монро или Вест-Пойнте на реке Йорк, но теперь им придется плыть до причала Гаррисона на реке Джеймс.

Макклелан назвал передислокацию на юг изменением опорного пункта и объявил, что подобного не было в военных анналах, но большей части солдат эта передислокация показалась скорее похожей на отступление, вот почему они получали такое удовольствие, заставив мятежников залечь на дне этой болотистой и порождающей лихорадку долины, которая тянулась на милю к северу от реки Чикахомини.

И каждый час, который им удавалось удерживать мятежников, был тем часом, когда армия северян могла переправиться по ненадежным мостам через реку на относительно безопасный южный берег.

Старбак вытащил из кармана библию своего брата, открыл ее на пустых страницах в конце и огрызком карандаша записал имена погибших на сей момент солдат. Он уже знал про сержанта Картера Хаттона, Феликса Ваггонера и Амоса Паркса, но теперь выяснил еще шесть имен, окликнув находившихся поблизости солдат.

— Мы терпим поражение, — сказал Старбак, положив библию поверх ненужного кителя.

— Ага.

Траслоу выстрелил через дыру в бревне, и дымка от его винтовки оказалось достаточно, чтобы вызвать сердитый ответ от пары десятков северян.

Пули вгрызались в гнилую древесину, посылая в воздух щепки. Выстрелил солдат из Арканзаса, а за ним другой из одиннадцатой роты, но теперь стрельба стала несистематической.

В этой части долины не было запасов провизии, а генерал Фалконер не делал никаких попыток вытащить своих людей из их укрытий в грязи.

Чуть дальше вдоль долины, вне поля зрения Старбака, более продолжительная атака вызвала ураганную стрельбу из винтовок и пушек, которая постепенно затихла, когда

наступление провалилось.

По тому клочку глинистого берега, где нашли пристанище Старбак и Траслоу, проскользнула черная змея. На ее голове был белый рисунок.

— Медноголовая змея? — спросил Старбак.

— Вы кой-чему научились, — одобрительно отозвался Траслоу. Медноголовая змея остановилась у края воды, пробуя воздух языком, а потом поплыла вверх по течению и исчезла в клубке спутанных веток.

На противоположном конце долины занялся пожар, горела палая листва под поваленным деревом. Старбак почесал живот, обнаружив дюжину клещей, присосавшихся к коже. Он попытался их снять, но головы отломались и остались в теле.

Послеполуденная жара была густой и влажной, а вода в болоте — застойной. Вода из фляжки была теплой и солоноватой на вкус. Он прихлопнул комара. Где-то вверх по течению, за поворотом реки и вне поля зрения, должно быть, только что началась очередная атака, потому что донеслись крики и треск стрельбы. Атака длилась пару минут, а потом всё стихло.

— Бедняги, — сказал Траслоу.

— Давайте, мятежники! Не стесняйтесь! У нас и на вас хватит пуль! — крикнул янки, расхохотавшись, когда не дождался ответа. День становился всё жарче. У Старбака не было часов, и он пытался по теням понять, прошел ли уже полдень, но казалось, будто солнце не двигается.

— Может, сегодня вечером нам не удастся поужинать пайком янки.

— А я хотел кофейку выпить, — с тоской произнес Траслоу.

— Нынче в Ричмонде настоящий кофе по тридцать баксов за фунт, — сказал Старбак.

— Не может такого быть.

— Абсолютно точно, — ответил Старбак, а потом развернулся, подняв голову, и нацелил винтовку на окоп, который словно шрам прочерчивал противоположный склон. Он выстрелил и опустил в ожидании привычной ответной пальбы по дрожащему гнилому стволу, но вместо этого янки стали кричать друг другу, чтобы не стреляли.

Пара пуль вонзилась в бревно, но в тот же момент властный голос потребовал от северян прекратить стрельбу. Кто-то с грустью поинтересовался, что случилось, а потом пара десятков голосов прокричала, что теперь безопасно. Траслоу в недоумении уставился на занятую мятежниками сторону долины.

— Вот сукин сын, — поражено буркнул он.

Старбак обернулся.

— Боже мой, — произнес он. Северяне прекратили стрельбу, и Старбак крикнул своим, чтобы сделали то же самое.

— Не стрелять! — заорал он. Полковник Бёрд отдавал такой же приказ на вершине холма.

Потому что на поле боя появился Адам.

Он не пытался укрыться, а просто вышагивал, словно наслаждаясь послеобеденной прогулкой. Он был одет в гражданскую одежду и безоружен, хотя не это убедило янки прекратить стрельбу, а флаг, который он нес.

Адам держал звездно-полосатый флаг и размахивал им, медленно продвигаясь вниз по склону. Как только стрельба прекратилась, он остановился и обернул флаг через плечо, как накидку.

— У него совсем мозги расплавились, — заявил Траслоу.

— Я так не думаю.

Старбак сложил руки у рта:

— Адам!

Адам сменил направление, спускаясь наискосок в сторону Старбака.

— Я искал тебя, Нат! — радостно прокричал он.

— Пригни голову!

— Зачем? Никто не стреляет, — Адам посмотрел на вражеский склон, и некоторые янки приветствовали его криками. Другие спрашивали, что ему нужно, но в ответ он лишь помахал им.

— Что ты делаешь, чёрт возьми? — Старбак пытался держать голову ниже импровизированного укрытия из изрешеченного пулями гнилого бревна.

— То, что ты мне велел, конечно же, — Адам скривился, потому что ему пришлось переходить через участок вонючего болота, а на нем были лучшие ботинки. — Здравствуйте, Траслоу. Как ваши дела?

— Думаю, бывали и лучше, — подозрительно отозвался Траслоу.

— Я виделся с вашей дочерью в Ричмонде. Боюсь, что я не был с ней любезен. Вы извинитесь перед ней за меня? — Адам прихрамывая перебрался через грязь и воду и достиг более сухого клочка, где укрывались Траслоу и Старбак.

Он беспечно стоял во весь рост, будто бы и не было никакого сражения. Но в этот момент действительно в этой части долины настало затишье. Солдаты с обеих сторон высунулись из укрытий, чтобы поглазеть на Адама, недоумевая, что за придурок так нахально лезет в самую гущу стрельбы.

Офицер-янки крикнул, спрашивая, что ему нужно, но Адам просто снова махнул рукой, предполагая этим жестом, что скоро всё прояснится.

— Ты был прав, Нат, — сказал он Старбаку.

— Адам, Бога ради, пригнись!

Адам улыбнулся.

— Бога ради, Нат, я распрямился.

Он махнул в сторону вражеского склона.

— Я делаю то же, что и ты — меняю стороны. Собираюсь драться за Север. Можешь сказать, что я дезертировал. Хочешь пойти со мной?

— Просто пригнись, Адам.

Но вместо того, чтобы найти укрытие, Адам осмотрел зеленую и влажную долину, словно ни один мертвец не гнил в застывшем воздухе.

— Я не убоюсь зла [\[32\]](#), Нат. Больше нет.

Он вытащил из кармана кителя связку писем, перевязанных зеленой лентой.

— Ты проследишь, чтобы их получила Джулия?

— Адам! — взмолился сидящий в грязи Старбак.

— Это ее письма. Они должны вернуться к ней. Видишь ли, она не пойдет за мной. Я просил ее, и она отказала, а потом всё стало еще хуже, короче говоря, мы не поженимся.

Он бросил пачку писем на сложенный китель Старбака и заметил там библию. Адам нагнулся, поднял ее и пролистал.

— Ты еще читаешь библию, Нат? Похоже, это больше не та книга, которая тебе нужна. Я думал, тебе больше по душе придется руководство по разделке свиных туш.

Он посмотрел Старбаку в глаза.

— Почему бы тебе сейчас не встать и не пойти со мной, Нат? Спаси свою душу, друг мой.

— Пригнись!

Адам рассмеялся в ответ на опасения Старбака.

— Я делаю Божье дело, Нат, так что Господь за мной присмотрит. Но ты? Ты лошадка другой масти, разве нет? — он вытащил из кармана карандаш и что-то написал в библии Старбака, а потом бросил ее рядом с письмами.

— Несколько мгновений назад я рассказал отцу о том, что собираюсь сделать. Сказал, что исполняю волю Господа, но отец считает, что это всё твоя работа, а не Господа, ну и пусть так думает, правда? — Адам кинул последний взгляд на склон мятежников, а потом повернулся в сторону янки.

— Прощай, Нат, — сказал он, взмахнув ярким флагом в теплом воздухе, и перебравшись через черное бревно побрел по колону в воде на другую сторону долины. Он потерял свои ботинки в глинистом дне ручья посередине болота, и шел в одних носках. Легкая хромота, вызванная пулей янки, которая попала в него при Манассасе, стала заметней, когда Адам начал взбираться на холм по ту сторону трясины.

— Он рехнулся! — заявил Траслоу.

— Просто чертов идиот, — ответил Старбак. — Адам! — крикнул он, но тот лишь взмахнул ярким флагом и продолжал идти вперед. Старбак встал на колону и выпрямился. — Адам! Вернись! — выкрикнул он из-за поваленного дерева.

— Бога ради, Адам! Вернись!

Но Адам даже не обернулся, он просто взбирался вверх по поросшему лесом противоположному склону долины и исчез в том месте, где вывороченная земля обозначала окопы янки на вершине холма.

Исчезновение Адама разрушило чары, которые держали противников в напряжении. Кто-то выкрикнул приказ открыть огонь, и Старбак пригнулся за бревном ровно за секунду до того, как по всей долине засвистели и защелкали пули.

Дым потянулся среди листвы и над темной водой, между поваленными деревьями и над мертвыми солдатами.

Старбак подобрал библию. Адам отметил страницу где-то посередине книги, и Старбак листал ее, чтобы найти послание друга.

Пули хлестали долину, пока он переходил от Псалтиря к Притчам и Песне Песней. А потом он нашел это, обведенный в кружок двенадцатый стих шестьдесят пятой главы книги Исаяи [\[33\]](#). Старбак прочитал его и внезапно ощутил холод, несмотря на стоящую в долине удушающую жару. Он быстро закрыл библию.

— Что там говорится? — спросил Траслоу. Он заметил, как Старбак побледнел.

— Ничего, — отрезал тот и положил библию обратно в карман старого поношенного кителя, а потом надел его на себя.

Он опустил письма в карман и натянул через голову скатку с одеялом.

— Абсолютно ничего, — повторил он, подобрав винтовку и проверив, на месте ли капсюль.

— Давайте-ка приедем нескольких чертовых янки, — сказал Старбак и зажмурился, потому что вся долина вдруг наполнилась грохотом убийств.

Грохотала артиллерия, трещали винтовки. Демонический крик мятежников разнесся

над деревьями, и новый штурм погнал по долине серую массу. Еще одна пехотная бригада, прибывшая поддержать наступление, заняла левый фланг арканзасцев майора Хаксалла. Новоприбывшие во всю глотку завопили свой боевой клич, несясь вниз по склону.

Янки открыли ответный огонь, пламя от ружейных выстрелов клинками прорезало удлинившиеся тени. На дальней стороне долины грохотали пушки, выплевывая клубы едкого дыма.

Шрапнель орудий северян пробивала огромные бреши в рядах конфедератов, оставляя кровавые разводы на лесной подстилке. И все же люди в сером и коричневом продолжали идти. Они выбегали из леса, неслись по залитому кровью склону, и наконец вся долина оказалась заполнена вопящими солдатами, пробивающимися вперед, сквозь грязь и утонувших мертвецов.

Старбак встал:

— Легкая пехота! В атаку! За мной, бегом!

Ему было на всё плевать. Господь проклял его, предоставив потерянной душе скитаться во мраке. Перед ним висела дымовая завеса, озарявшаяся вспышками выстрелов.

Старбак закричал. Это был не боевой клич мятежников, а просто крик человека, знавшего, что душа его навеки проклята. Он забежал в ручей, с усилием пробиваясь сквозь вязкую грязь.

Он увидел, как янки, укрывшийся в окопе, взял кого-то на прицел. И тут же стрелка отбросило назад выстрелом со стороны мятежников.

Еще один северянин выкарабкался из ямы и начал подниматься вверх. Старбак посмотрел мимо удирающего солдата и подумал, что, наверное, именно так выглядел Бэллс-Блафф для умирающих янки в тот день, когда он сам и другие мятежники выстроились на хребте и обрушивали смертоносный огонь на их беспомощные ряды.

— Вперед! — закричал он. — Убивайте ублюдков, вперед! — и Старбак сам рванулся вперед по склону, карабкаясь по корням и через кустарник. Он пробежал мимо двух опустевших стрелковых окопов, и вдруг Нат уловил движение справа от себя. Бросив туда взгляд, он увидел еще один окоп, наполовину скрытый кустарником.

В него целился янки. Старбак бросил свое тело вперед, и солдат выстрелил. Едкий дым обжег Старбака. Он снова закричал, на этот раз с вызовом, желая убить этого человека. Перекатившись на спину, он нажал на спусковой крючок, выстрелив от бедра.

Винтовка плюнула дымом, но пуля ушла в сторону. Янки выбрался из траншеи и начал карабкаться в сторону, но Старбак с криками погнался за ним.

Северянин обернулся, объятый внезапным ужасом. Он пытался отмахнуться от Старбака незаряженной винтовкой, но Нат неуклюже отбросил оружие и ударил собственной винтовкой по ногам солдата.

Янки упал, заголосив от страха. Он пытался дотянуться но вложенного в ножны штыка, но Старбак уже стоял над ним, занеся приклад винтовки с тяжелой медной пластинкой в основании, и тот дико завопил, когда Старбак нанес удар.

Удар отдался в руках Старбака, кровь забрызгала его сапоги, и теперь он увидел, что по всем склону вокруг него двигались серые фигуры, по всей долине эхом раздавался убийственный клич повстанцев. Флаги со звездами на кресте ползли вперед, а флаги янки подались назад.

Старбак оставил свою жертву истекать кровью и помчался вперед, желая первым достичь вершины холма, но рядом с ним наперегонки мчались другие мятежники,

подстегиваемые звуками горна, который гнал их к окутанному дымом плато. Кучка канониров янки пыталась спасти свои пушки, но они опоздали.

Волна солдат в сером вырвалась из леса, а клочок земли между болотом и рекой внезапно наполнился хаосом бегущих в панике янки. Отряд кавалерии северян попытался отбросить мятежников.

Двести пятьдесят всадников поджидали пехоту южан, внезапно выскочив из леса, и теперь, выстроившись в три ряда с саблями наголо, кавалерия устремила в атаку на неровные ряды повстанцев.

Вершина холма задрожала от глухих ударов копыт по высохшему дерну. Лошади перешли в галоп, оскалив зубы и закатывая глаза, когда в дыму прозвучал горн, и пики с флажками опустились в смертоносном наклоне.

— В атаку! — этот крик командира кавалеристов перешел в продолжительный, громкий боевой клич, когда он указал саблей на войска мятежников в сорока ярдах впереди.

— Пли! — отдал команду офицер алабамцев, и пехота мятежников произвела залп, который выпотрошил и сбил всю спесь с кавалерии янки. Лошади, дико заржав, завалились, судорожно забив копытами в кровавом тумане. Всадников смяло, бросив на их же сабли, изрешетив пулями. Вторая волна атаки кавалерии попыталась обойти кровавые останки первого отряда..

— Пли! — второй залп изверг дым и свинец, его произвели с левого фланга, попав уцелевшим кавалеристам в бок. Лошади бросались друг на друга, всадники падали из седел, запутавшись в стремях, и их тащило по земле. Другие заваливались прямо под копыта взбесившихся лошадей.

— Пли! — последний залп послали вдогонку улепетывавшей группе всадников, которые оставили позади кровавое месиво из умирающих лошадей и вопящих людей. Мятежники ворвались в этот кошмар, пристреливая лошадей и обчищая карманы седоков.

Тем временем на плато мятежники захватили пушки северян, еще не остывшие после стрельбы. Пленные, некоторые в летних соломенных шляпах, сбились в кучи. Захваченное знамя северян переходило из рук в руки по рядам победителей, а в болоте раненые, истекая кровью, извергали проклятия и звали на помощь.

Старбак взобрался на теплый ствол двенадцатифунтовки северян. Жерло ствола было черным от пороховой гари, таким же черным, как и протянувшиеся по широкой вершине тени.

Улепетывающие северяне в убывавшем свете дня выглядели темной массой. Старбак искал глазами Адама, но знал, что ему ни за что не разглядеть его в такой толпе. Серебристая полоска выдавала то место, где река струилась между темнеющими болотами, за которыми заходящее солнце осветило воздушный шар северян, медленно опускающийся на лебедке.

Старбак долго всматривался вдаль, потом вскинул на плечо винтовку с окровавленным липким прикладом и спрыгнул на землю. Этой ночью Легион угощался провизией янки у их же костров.

Они пили кофе янки и слушали, как Изард Кобб наигрывает мелодию на скрипке янки. Легион понес тяжелые потери. Капитан Карстерз и четверо офицеров были мертвы, погиб и старшина Проктор. Более восьмидесяти солдат были убиты или пропали без вести, и по меньшей мере столько же ранены.

— У нас осталось восемь рот вместо прежних десяти, — мрачно выговорил Бёрд. Он

схлопотал пулю в левую реку, но не придавал ранению большого значения, лишь перевязав ее.

— Каковы наши планы на завтрашний день? — Майор Хаксалл из батальона арканзасцев присоединился к кружку офицеров Легиона у костра.

— Господь их знает, — ответил Бёрд. Он потягивал виски из трофейной фляги.

— Кто-нибудь видел Фалконера? — спросил Хаксалл. — Или Свинерда.

— Свинерд пьян в стельку, — ответил Бёрд, — а Фалконер уже почти пьян, а если и трезв, то всё равно ни с кем не будет разговаривать.

— Это он из-за Адама? — предположил капитан Мерфи.

— Да, — ответил Бёрд. — Полагаю, что так.

— Что за чертовщина у них там произошла? — спросил Мерфи.

Долгое время все молчали. Некоторые посматривали на Старбака, ожидая от него объяснений поведения Адама, но тот молчал. Он надеялся, что его бывшему другу хватит силы и мужества жить чужаком в чужих краях.

— Адам слишком много размышляет, — наконец прервал молчание Бёрд. Свет костра придавал лицу полковника еще более суровый вид.

— Размышления не приносят человеку пользы. Они только усложняют простые вещи. Мы должны объявить мыслителей вне закона в нашей новой и славной стране. Мы обретем счастье, упразднив образование и наложив запрет на все идеи, которые слишком сложны для восприятия этих мошенников-баптистов. За повальное скудоумие, в котором лежит истинное счастье нашей нации.

Он насмешливо поднял флягу.

— Давайте выпьем за мою гениальную идею: официально провозгласим скудоумие.

— Так уж вышло полковник, что я баптист, — мягко заметил майор Хаксалл.

— Мой дорогой майор, мне очень жаль, — Бёрд тут же пожалел о своих словах. Возможно, он упивался звуками собственной речи, но не мог перенести мысли, что причинил боль дорогим ему людям. — Вы простите меня, майор?

— Я прощаю вас, полковник, и даже более того, я обязан постараться направить вас к принятию Господа нашего Иисуса Христа, спасителя нашего.

Прежде чем Бёрд смог подобрать подходящий ответ, неожиданная красная вспышка огня озарило небо на юге. Заполыхал громадный пожар, осветив большой участок сельской местности и отбрасывая огненную тень почти до самых окраин Ричмонда.

Мгновением спустя по земле прокатился звук взрыва. За этим оглушительным грохотом последовали и другие разрывы, и всё больше огненных шаров появлялось, раздуваясь, а потом угасая, на противоположном берегу реки.

Тысячи сигнальных ракет прорезали ночное небо, оставляя за собой огненные полосы. Огоньки пламени плясали в гигантских кострах, и горящие реки змеились по темной земле.

— Они уничтожают склады, — с оттенком изумления вымолвил Бёрд. Он, как и все находящиеся на плато мятежники, вскочил на ноги, наблюдая за гигантскими кострами вдалеке. По земле прокатилось эхо очередных взрывов, и новые пожары озарили ночь. — Янки сжигают свои запасы! — ликующе воскликнул Бёрд.

Северяне предавали огню запасы продовольствия и боеприпасы всей летней кампании. Целые составы, состоящие из пригнанных на полуостров с северных станций вагонов, теперь поджигали.

Все огромные снаряды, двухсотфунтовые и двухсотдвадцатифунтовые, предназначенные для разнесения в клочья похожих на лоскутные одеяла укреплений Ричмонда, теперь

подрывали.

Железнодорожный мост через Чикахомини, сперва разрушенный мятежниками, а затем восстановленный, опять взлетел на воздух, и когда янки убедились, что пролет моста рухнул в темные воды реки, то пустили в зияющую дыру на полной скорости подоженный состав с боеприпасами.

Паровоз нырнул в грязь, а за ним сорвались с моста взрывающиеся на ходу вагоны, которые продолжали гореть и взрываться на заболоченных берегах реки.

Огни горели всю ночь; всю ночь боеприпасы с треском разбрасывали искры по ночному небу; всю ночь продолжалось уничтожение запасов, и к первым лучам рассвета на станции Сэвидж не осталось ни одного солдата янки и ни единого ящика с боеприпасами, лишь огромные столбы густого дыма, подобные тем, что оставили мятежники на станции в Манассасе три с половиной месяца назад.

Макклелан, по-прежнему убежденный, что подавили превосходящие силы противника, бежал на юг, к реке Джеймс.

Ричмонд был спасен.

Легион предал земле павших, забрал их винтовки и последовал за янки через болота Чикахомини. Где-то впереди раздавался гром орудий и треск винтовок.

— Пошевеливайтесь! — рычал Старбак на свою новую роту, составленную из выживших солдат десятой и одиннадцатой.

— Живее! — кричал он.

— Живее!

Потому что где-то там перед уставшими солдатами опять поднимались столбы дыма, верный признак вышедшей на охоту в этот летний день смерти, и эти погребальные костры манили их за собой.

Потому что они солдаты.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Историческая справка

Сражение при Бэллс-Блафф стало катастрофой для Севера, не из-за потерь, которые были незначительными по сравнению с кровавыми событиями, последовавшими после него, и не из-за стратегических последствий этой битвы, которые были минимальны, а скорее по причине того, что Конгресс США под влиянием этой катастрофы создал Объединенный Комитет по ведению войны и все, кому знакомы методы работы Конгресса США, не удивятся тому, что комитет стал одним из самых мешающих делу, плохо осведомленных и неэффективных институтов северного правительства.

Оливер Уэнделл Холмс, который выжил и стал одним из самых известных судей Верховного Суда США, в сражении при Бэллс-Блафф был тяжело ранен. Он успел вернуться и принять вместе со своим подразделением участие в Кампании на полуострове во главе с Макклеланом.

Он был ещё дважды ранен во время войны.

Мог бы Макклелан завершить войну удачной атакой на Ричмонд в начале 1862 года, конечно же, вопрос спорный.

Тем не менее, не вызывает сомнения тот факт, что в те месяцы Север потерял свой самый лучший шанс в начале войны нанести серьёзный удар по восстанию, и потерял его из-за трусости Макклелана.

Его собственные солдаты, напротив, преклонялись перед ним, считая его, по словам одного из них, "величайшим генералом в истории". С этим мнением Макклелан несомненно бы согласился, хотя всю старался не подвергать свою репутацию проверке, если только его к этому не вынуждали, а когда вынуждали, то он, как правило, ухитрялся находиться за многие мили от места сражения.

Его армия остановилась в шести милях от Ричмонда, но отошла, как только ему был брошен серьёзный вызов. Роберт Ли перехватил инициативу настолько успешно, что через два месяца о великом вторжении северян остались лишь воспоминания.

Мнение Макклелана о Ли, цитируемое в "Перебежчике", настоящее; Макклелан написал о Ли так: "ему недостаёт моральной стойкости, когда он находится под давлением большой ответственности и, вероятно, он будет действовать робко и нерешительно".

Место сражения под Бэллс-Блафф можно найти севернее Лисберга в Виргинии, недалеко от 15-го шоссе. Там находится самое маленькое государственное кладбище США, рядом с тем местом, где был убит несчастный сенатор Бейкер.

Каменные знаки отмечают его расположение. Место всё ещё не освящено, и согласно местным легендам, в сумерках здесь можно увидеть призрак конфедерата.

Места больших сражений возле Ричмонда в большинстве своём неплохо сохранились (хотя, увы, не поле боя у Севен-Пайнс, это сражение северяне называют битвой при Феир-Оакс) и лучше всего осмотреть их, пройдя по местам боевой славы, маршрут начинается из Исторического Центра в ричмондском парке Чимборасо.

Стоит посетить и форт на утесах Друри. Сражение, описанное в эпилоге "Перебежчика" — это битва при Гейнс-Милл, и действительно имело место уничтожение припасов северян на станции Сэвидж.

Я не смог бы написать "Перебежчика" без замечательного отчёта Стефана В. Сирса о Кампании на полуострове "К воротам Ричмонда", и читателям, желающим узнать, где события из книги действительно совпадают с историческими, стоит прочесть работу Сирса.

Много персонажей "Перебежчика" являются историческими, включая всех старших офицеров, за исключением, конечно же, Вашингтона Фалконера.

Генерал Хьюджер действительно спал в то утро у Севен-Пайнс, не имея ни малейшего представления о том, что сражение вот-вот начнётся, до тех пор пока Лонгстрит, перепутав дорогу, не сообщил ему о планах Джонстона. Бригада Мики Дженкинса действительно проделала большую брешь в армии северян.

Джон Дэниелс, издатель "Ричмондского наблюдателя" и автор самого известного памфлета южан о рабстве, на самом деле существовал, как и Тимоти Уэбстер, который умер именно так, как и описывается в книге.

Англичанину Прайсу Льюису и ирландцу Джону Скалли посчастливилось не разделить участи Уэбстера. Существует неподтвержденная история о том, что признание Скалли в шпионаже было получено обманом, его заставили поверить, что он исповедается священнику.

Пинкертон существовал, конечно же, скармливая Макклелану свои фантазии о мощи повстанцев, оправдывая тем самым врожденную трусость генерала.

Так что благодаря этой боязливости война ещё не окончена. На Севере будут вновь открыты рекрутинговые центры, потому что в лице Бабули Ли Юг нашел одного из величайших военных деятелей всех времен.

Мятеж вот-вот станет легендарным, а казавшееся близким поражение обернется чередой ослепительных побед и ошеломляющих контратак. Юг, по правде говоря, только начал драться, а это означает, что Старбак и Траслоу снова выступят в поход.

notes

Собачьими днями называют наиболее знойные дни лета. В Северном полушарии собачьи дни обычно приходятся на июль и август, в Южном — на январь и февраль.

Уильям Шекспир, "Гамлет, принц датский" (пер. М.Лозинский), акт V, сцена 2.

Из-за отсутствия на Юге собственной текстильной промышленности многие солдаты одевались в трофейные мундиры северян. Чтобы изменить ее синий цвет, они красили ткань самодельной краской из грецкого ореха, в результате чего форма приобретала желто-бурый оттенок. Янки прозвали конфедератов "серыми орехами".

Гофер — дерево, из которого был сделан Ноев Ковчег, точная порода неизвестна. "Сделай себе ковчег из дерева гофер; отделения сделай в ковчеге и осмоли его смолою внутри и снаружи" (Бытие, 6:14).

Это выражение восходит к легенде о Елене Прекрасной, чья красота послужила поводом для Троянской войны, и тысячи кораблей были посланы к берегам Трои.

Куш — блюдо из южных американских штатов на основе кукурузной крупы, мяса и других ингредиентов.

Вальтер Скотт, "Дева Озера", Песнь шестая, Битва При Бил-Ан-Дуайне, строфа 18
(перевод. Игн. Ивановского).

Семинольские войны — три вооружённых конфликта на территории штата Флорида между семинолами (группами различных индейских народов, а также беглыми чернокожими рабами, сражавшихся на их стороне) и армией Соединённых Штатов Америки. Первая Семинольская война шла с 1814 по 1819 годы, вторая — с 1835 по 1842 годы, третья — с 1855 по 1858 годы.

Целик — часть прицела, в которой находится прорезь, при прицеливании огнестрельного оружия совмещаемая с мушкой. Имеет разное строение в разных моделях. Иногда ошибочно называется собственно прицелом.

Такова участь тиранов (лат.)

Ключ Фи-бета-каппа — знак принадлежности к старейшему и одному из самых влиятельных (и по сей день) студенческому братству, которое было основано в колледже Вильгельма и Марии в 1776 году.

Гюйс — носовой флаг судна, который наряду с государственным, гражданским или торговым флагом или военно-морским флагом обозначает государственную принадлежность кораблей и судов.

Сэмюэл Пиквик — литературный персонаж, созданный Чарльзом Диккенсом. Мистер Пиквик — богатый старый джентльмен, эсквайр, основатель и бессменный президент Пиквикского клуба. Диккенс вырисовывает мистера Пиквика, как добродушного, честного, бескорыстного английского джентльмена, перевоплотившегося по ходу романа из суетливого обаятельного бездельника в героически-комического благодетеля, существующего для того, чтобы помогать ближним своим в обустройстве их счастья.

Штерншанц (от нем. Stern — звезда и schanze — вал, шанец) — бастионная система укреплений, представляющая собой земляной вал (куртину) с бастионами и рavelинами, часто дополняющийся рвом (с водой или сухим). При взгляде сверху бастионная система имеет звездообразную форму.

Контр-апроши — (от франц. *approche* — сближение) Апроши — глубокие зигзагообразные продолговатые рвы (траншеи) с внешней насыпью, служащие для безопасного приближения к атакованному фронту крепости. Чтобы лишить наступающие войска преимуществ, которые им давали апроши, обороняющиеся стали использовать так называемые «контр-апроши». Они вели встречные земляные работы с целью выдвинуть свои войска вперёд.

Кротоновое масло делается из зерен растения *croton tiglium*, это сильное слабительное средство. Оно вызывает рвоту и катар желудочно-кишечного тракта. В больших количествах смертельно.

Фамилия "Ройял" (Royall) созвучна с "royal" (англ. королевский, величественный).

ЮХА (YMCA, от англ. Young Men's Christian Association — Юношеская христианская ассоциация) — молодёжная волонтерская организация. Стала известна благодаря организации детских лагерей. Основана в Лондоне в 1844 году Джорджем Вильямсом (1821–1905), насчитывает около 45 млн участников в более чем 130 странах мира.

Лафайет, Мари Жозеф Поль Ив Рош Жильбер дю Мотье, маркиз де Ла Файет (фр. Marie-Joseph Paul Yves Roch Gilbert du Motier, marquis de La Fayette; 6 сентября 1757, замок Шаваньяк — 20 мая 1834, Париж) — французский политический деятель. Участник трёх революций: американской Войны за независимость, Великой французской революции и июльской революции 1830 года. Узнав о принятии декларации независимости США, вступил добровольцем в американскую армию. Принимал участие в нескольких сражениях, в том числе в битве при Йорктауне, получив широкую известность.

Герой древнегреческой мифологии Тесей посеял зубы дракона, и из них возшли посевы — воины.

Уильям Шекспир, "Гамлет", акт 1, сцена 3. (Пер. Б.Пастернака).

Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем. (Евангелие от Иоанна, 18:38).

Барбет (фр. barbette) — насыпная площадка под артиллерийское орудие на внутренней стороне бруствера.

Джон Пол Джонс (6 июля 1747, Керкубри, Шотландия — 18 июля 1792, Париж, Франция) — шотландский моряк, служивший в Великобритании, США и России. Наиболее известен участием в Войне за независимость США. Во время захвата корабля "Серapis" на предложение британского капитана сдаться ответил знаменитой фразой: "Я еще даже не начал сражаться".

Эндрю Джексон (1767–1845) — 7-й Президент США (1829–1837).

Особая военная школа Сен-Сир (École spéciale militaire de Saint-Cyr) высшее учебное заведение, занимающееся подготовкой кадров для французского офицерства и жандармерии. Училище основано в 1802 году Наполеоном Бонапартом в Фонтенбло взамен королевской военной школы, распущенной во время революции.

Мишель де Монтень (1533–1592) — французский писатель и философ эпохи Возрождения, автор книги «Опыты».

Бэттери — исторический район в южной оконечности острова Манхэттен. Со времен основания поселения на юге острова Манхэттен располагалась артиллерия, призванная защитить жителей. С течением времени название "Бэттери" (Battery — "батарея") стало означать не только непосредственно артиллерийскую батарею, но и всю южную часть острова. Сейчас на территории Бэттери располагается Бэттери-парк.

"Слава Вождю" — президентский гимн, исполняется при его официальных появлениях на публике военным оркестром. Написан в виде марша в 1812 году Дж. Сэндерсоном на поэтический текст Вальтера Скотта из произведения "Дева Озера".

Бенедикт Арнольд (14 января 1741, Норидж, Коннектикут — 14 июня 1801, Лондон) — генерал-майор, участник войны за независимость США, прославился в боях на стороне американских повстанцев, но позже перешёл на сторону Великобритании. В США Бенедикт Арнольд — противоречивая фигура; рассматривается одновременно как герой, который спас США от уничтожения, и как предатель, продавший свою страну за деньги.

"Знамя, усыпанное звездами" — национальный гимн США.

Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня. (Псалтирь 22:4)

вас обрекаю Я мечу, и все вы преклонитесь на заклятие: потому что Я звал, и вы не отвечали; говорил, и вы не слушали, но делали злое в очах Моих и избирали то, что было негодно Мне. (Исаия 65:12)